

КОЧЕВНИКИ
НА ГРАНИЦАХ
ХОРЕЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ
Н.Н.МИКЛУХО~МАКЛАЯ

ТРУДЫ
ХОРЕЗМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

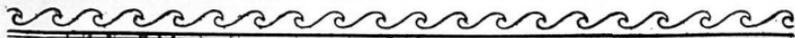

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
С. П. ТОЛСТОВА

XI

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

КОЧЕВНИКИ
НА ГРАНИЦАХ
ХОРЕЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Сборник посвящен результатам раскопок памятников скотоводческого поселения на окраинах древней Присарыкамьшской дельты Амударьи. В нем исследуются поселения и могильники недавно открытой куюсайской культуры VII—IV вв. до н. э., подобно-катакомбные захоронения первых веков нашей эры, дается историческая интерпретация полученных материалов.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. А. ИТИНА

ОТ РЕДАКТОРА

Одной из кардинальных проблем в истории народов Средней Азии является проблема взаимодействия населения земледельческих оазисов и кочевой или полукочевой степи на разных исторических этапах. Разработку этой темы Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция ведет давно и на обширной территории. В свете этой проблематики исследовались низовья Сырдарьи, ее древняя дельта, где были открыты великолепные памятники эпохи поздней бронзы, сакские, памятники джетысарской культуры, огузские, которые все в той или иной мере, помимо своей яркой самобытной культуры, продемонстрировали связи с земледельческими оазисами, и в первую очередь с Хорезмским. С другой стороны, работы на Сырдарье дали примеры и обратной связи, подкрепив высказанное ранее предположение о том, что раннесредневековая афригидская культура Хорезма возникла на основе синтеза культуры пришлых полукочевых племен из низовий Сырдарьи и культуры земледельцев и скотоводов оазиса.

В последние годы объектом исследований подобного рода стала территория древней Присарыкамьшской дельты Амударьи, западной окраины древнего Хорезмского оазиса. Такой выбор определился тем, что изучение памятников на узко локализованной территории, принадлежащих, с одной стороны, населению оазиса, с другой — полупустыльному населению его окраин, представлялось весьма перспективным не только в общенациональном и этногенетическом плане, но и с точки зрения возможностей изучения экономики того и другого общества, ее зависимости от наличия плодотворных контактов между оазисом и кочевой степью, возможности перехода отдельных групп кочевого населения к оседлости под влиянием контактов с населением оазиса.

Исследования предшествующих лет были сосредоточены главным образом на изучении древних и средневековых памятников оазиса,

его ирригационной сети. Работы последних лет, первые результаты которых публикуются в этой книге, ставили своей задачей изучение памятников полупустынного скотоводческого населения окраин Присарыкамьшской дельты I тысячелетия до н. э. — начала н. э., представленных в основном курганными могильниками. Эти исследования велись Хорезмской археолого-этнографической экспедицией Института этнографии АН СССР и Институтом истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР. Одним из важных результатов работ на территории Присарыкамьшской дельты явилось открытие Хорезмской экспедицией новой культуры полупустыльных скотоводов — куюсайской, ранние поселения и погребения которой датируются VII—VI вв. до н. э., а поздние доживают до IV в. до н. э. Открывая и исследовавшая эту культуру Б. И. Вайнберг в предварительной публикации усматривала наличие в куюсайской культуре местной, сакской в широком смысле этого слова, основы при бесспорном присутствии в ней явного южного компонента¹. В статье, публикуемой в настоящем сборнике, она от этой точки зрения откасалась, постулируя идею о приходе в VII в. до н. э. хорезмийцев — носителей куюсайской культуры — из северных районов Ирана. Мы не разделяем новую точку зрения Б. И. Вайнберга. На наш взгляд, куюсайская культура на раннем этапе демонстрирует черты, сближающие ее с земледельческими культурами юго-западных районов Средней Азии, причем речь может идти, по-видимому, о возможной инфильтрации и каких-то этнических групп из этих районов. С другой стороны, погребальный обряд, каркасная конструкция жилищ, некоторые формы лепной посуды, наличие в могилах только лепной посуды свидетельствуют о ее

¹ Вайнберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи. — УСА, 1975, вып. 3, с. 48.

местной и, по ряду признаков, действительно сакской основе. Именно конгломерат этих двух начал и дал то, что мы называем куюсайской культурой. Это взаимодействие двух различных в культурно-хозяйственном отношении этнических массивов произошло в каркасных жилищах и землянках, содержащих в то же время в культурном слое гончарную керамику, в отсутствии в погребениях оружия, столь характерного для степных культур сакского круга, наконец, в скотоводческом, полуседлом типе хозяйства куюсайцев. Что же касается северопранского происхождения носителей куюсайской культуры и отождествления их с хорезмийцами, то оно пока недоказуемо, так как на неходной территории, по заключению самой Б. И. Вайнберг, ключевые памятники до сих пор не открыты.

Для обоснования своей гипотезы Б. И. Вайнберг стремится использовать данные Гекатея и Геродота о южных контактах хорезмийцев. По мнению многих ученых, эти данные отнюдь не вынуждают искать родину последних вне Хорезмского оазиса. Заметим к тому же, что Гекатей упоминает хорезмийцев к востоку от парфия, а не к югу от них, где, согласно Б. И. Вайнберг, обитали «куюсайцы» до переселения к Амударье. Достаточно гипотетично выглядит и отождествление легендарной р. Акес с р. Колее-Мура в Северном Иране. В то же время единственное конкретное сообщение об этнической принадлежности хорезмийцев к сакам и массагетам² Б. И. Вайнберг, на наш взгляд, явно недооценивает, относя их (с рядом оговорок) лишь к населению правобережья Амударьи.

Куюсайская культура, как нам представляется, и на раннем и на позднем этапах демонстрирует то самое взаимопроникновение культур оазиса и степи, которое наблюдается на территории Средней Азии по крайней мере с эпохи поздней бронзы и в основе которого лежит прежде всего взаимная экономическая заинтересованность степных скотоводов и земледельцев оазиса. Для позднего этапа куюсайской культуры Б. И. Вайнберг очень убедительно раскрывает механизм этих связей; показывает она его и при попытке исторической интерпре-

тации материалов, полученных при раскопках курганов Присарыкамышской дельты.

На материалах раскопок курганных групп IV—III вв. до н. э. могильника Тарым-кая очень четко прослеживается растущее влияние хорезмийской зороастрийской обрядности на местную, что проявляется в курганных погребениях с захоронениями оссуарного типа, как в оссуариях, так и в типичных кангюйских хумчах с красной росписью. Подойбно-катакомбные захоронения могильников Тумек-кичдик и Туз-гыр дают огромный и уже явно степной комплекс сарматоидного облика, датирующийся I—III вв. н. э. Наконец, уникален погребальный комплекс первой половины I тысячелетия н. э. Чаш-тепе. Широкий хронологический охват памятников степной периферии Присарыкамышской дельтовой равнины, наблюдаемые различия в погребальном обряде, рассмотренные во времени, анализ материальной культуры населения, оставившего эти могильники, наконец, анализ палеоантропологических материалов — все это позволяет наметить пути этнокультурной истории древних скотоводов, селившихся на западных окраинах Хорезмского оазиса. Эти материалы, с одной стороны, позволяют по-новому осветить историю взаимоотношений оседлого населения этих мест со скотоводческим, поскольку параллельно раскопкам курганов Хорезмская экспедиция ведет также раскопки городищ на территории оазиса. С другой стороны, представленные в сборнике материалы дадут много нового для исторического осмысления в широком территориальном и хронологическом масштабах судеб степняков-скотоводов середины — второй половины I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э.

Территориально, но не по смыслу, несколько выходит за рамки сборника статья Л. М. Левиной. В ней рассматриваются поселения и так называемые шлаковые курганы VI—V вв. до н. э. в низовьях Сырдарьи, принадлежające одному из сакских племен, составляющих вместе с другими скотоводческую северную периферию Хорезмского оазиса.

Иллюстрации к сборнику подготовлены в основном Г. М. Басвым, а также А. Н. Лехницкой, фотографией — В. А. Родькиным и Н. И. Игониным.

² Страбон, XI, VIII, 8.

ПАМЯТНИКИ КУЮСАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1970 г. совместный отряд археологов Института истории им. Ш. Батyroва АН Туркменской ССР и Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР обследовал окраинные районы Присарыкамьшской дельты Амударьи. Одной из основных задач отряда было выявить памятники кочевого и полукочевого населения на этой территории. Было обследовано открытое в 1953 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции (Б. В. Андрианов) поселение VII—VI вв. до н. э. с так называемой варварской керамикой вблизи возвышенности Куюсай-гыр (точка 82)¹. При осмотре поселения собрана интересная коллекция бронзовых наконечников стрел, украшенных из бирюзы, своеобразная местная посуда, фрагменты гончарных сосудов, характерных для культур Яз-III и архаического Дахистана в Южной Туркмении. На поверхности поселения обнаружены остатки меднолитейного, железодельтельного производства, следы обработки бирюзы. Шурф (1 м × 1 м), заложенный на месте одного из скоплений керамики, костей животных и других археологических находок, выявил размытый культурный слой, уходящий на глубину до полуметра. Учитывая важность полученных материалов, датированных VII—VI вв. до н. э., отряд Хорезмской экспедиции в августе-сентябре 1971 г. начал стационарное изучение этого поселения, получившего из-за соседства с возвышенностью Куюсай-гыр и крепостью Куюсай-кала название Куюсай 2. Всего вскрыто около 600 кв. м. В результате работ полностью расчищен один наземный дом, обнаружены еще два, раскопана половина землянки глубиной около 3 м (1,5 м культурного слоя), вскрыт большой хозяйственный комплекс. Исследования подтвердили датировку поселения и выявили своеобразие этого археологического комплекса, что дало возмож-

ность говорить о новой археологической культуре — куюсайской².

Еще в 1970 г. на возвышенности Тумек-кичиджик (Дашлы-бурун) на территории курганного могильника была найдена керамика, ставшая потом известной по материалам с поселения Куюсай 2. В связи с этим в конце полевого сезона 1971 г. были проведены разведочные работы на могильнике Тумек-кичиджик, расположенном в 25 км к юго-западу от поселения Куюсай 2 на одном и том же проточе древнего русла. Был снят план могильника и раскопано два кургана в его южной части³. Один из курганов содержал погребение на древнем горизонте в круге из столбовых ямок — тип погребения, хорошо известный по сакским могильникам Уйгарак и Тагскен в низовьях Сырдарьи⁴. У головы погребенного стоял сосуд куюсайского типа, по фрагментам известный нам в материалах с поселения Куюсай 2.

Дальнейшие работы на поселении Куюсай 2 были временно приостановлены, и мы обратились к курганным погребениям, рассчитывая не только получить более полную характеристику новой культуры, но и по ареалу курганных погребений этого типа выявить территорию распространения куюсайской культуры⁵.

В 1972 г. стационарные работы Присарыкамьшского отряда Хорезмской экспедиции были перенесены на курганный могильник Тумек-

² Вайнберг Б. И. Новая культура раннего железного века в Северной Туркмении. — АО 1971 г., М., 1972, с. 530—531.

³ Работы проводились под руководством В. А. Лохвица.

⁴ Вишневская О. А., Игита М. А. Ранние саки Приаралья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. — МИА, 1971, № 177; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. — ТХЭ, т. VIII, 1973, с. 60.

⁵ Курганный могильник, расположенные на возвышенностях, выявляются много легче, чем поселения, так как последние не были связаны с приритуальными сооружениями и в значительной степени разрушены в более позднее время.

¹ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1963, с. 151.

кичиджик⁶. Раскопана основная часть могильника (41 курган), открыто неолитическое кладбище. Среди раскопанных курганов восемнадцать относятся к кююсайской культуре. Эти материалы дополнили ее характеристику⁷.

В окрестности возвышенности Тумек-кичиджик велась тщательная погонка поселений, но, кроме отдельных незначительных скоплений фрагментов керамики кююсайского типа, ничего обнаружить не удалось.

Мы провели рекогносцировку в еще более отдаленном районе Присарыкамьшской дельты. В 1970 г. в 35 км от могильника Тумек-кичиджик, на юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая, был открыт курганный могильник. На его территории найдены бронзовый трехлопастный наконечник стрелы с башпевидной головкой и выступающей втулкой и мелкие фрагменты керамики ручной лепки с красной поверхностью. Возникло предположение о ранней дате этого могильника, полученного названием Тарым-кая I (на возвышенности были известны и другие курганные памятники). В 1972 г. был снят его план и раскопан один курган. В широкой, очень мелкой яме вытнуто на спине головкой на запад лежал погребенный; в головах стояли два сосуда (один в другом). Как обряд захоронения, так и характер керамики не оставляли сомнений в принадлежности этого погребения к кююсайской культуре.

Поскольку «кююсайская часть» могильника Тумек-кичиджик в полевом сезоне 1972 г. была исследована практически полностью, работы Присарыкамьшского отряда Хорезмской экспедиции были перенесены на могильник Тарым-кая I.

В полевой сезон 1974 г. раскопаны основная (более ранняя) часть могильника (31 курган) и ряд курганов в так называемой группе у тригонуника. Кроме того тщательно обследованы окрестности могильника. На нижней террасе мыса обнаружено поселение-убежище рубежа V—IV вв. до н. э., на котором были произведены раскопки. Одновременные ему поселения открыты на берегу древнего русла, проходящего непосредственно под обрывом возвышенности.

Памятники кююсайской культуры в настоящее время известны лишь в южной части Присарыкамьшской дельты Амударьи⁸. Посе-

ления располагались, как правило, непосредственно по берегам боковых протоков русла Южного Даудана, никаких следов пригитания обнаружено не было. Могильники находились в той же зоне на возвышенностях. Осушенная или заболоченная в эпоху бронзы Присарыкамьшская дельта Амударьи⁹ в начале I тысячелетия до н. э. становится более пригодной для освоения и заселения. Первыми поселенцами, появившимися здесь после периода запустения, надоевшего на эпоху бронзы в Южном Приаралье, были племена кююсайской культуры, переселившиеся сюда не ранее VII в. до н. э. Благоприятная природно-климатическая обстановка, сложившаяся к этому времени в Присарыкамьшской дельте Амударьи, и отсутствие населения в этом районе способствовали быстрому освоению новой территории. Данными о расселении племен кююсайской культуры в Акчадарьинской дельте (правобережье Амударьи) мы не располагаем. Там в это время жили потомки племен амирабадской культуры¹⁰.

Расселение «кююсайцев» в пределах живой дельты несомненно должно было найти отражение в специфике их хозяйственной деятельности и в быту. Большая увлажненность, подвысокость протоков и русел, густые тугайные заросли — такова должна была быть в общих чертах картина окружающей среды.

Исследователи Присарыкамьшской дельты отмечают, что «геоморфологическое строение русел протоков и расположение их устьев указывают на то, что осушение дельты началось с юга»¹¹. Может быть, именно по этой причине племена кююсайской культуры осваивают южные районы Присарыкамьшской дельты. Здесь близкое соседство обводненных протоков и коренных песков Заунгузских Каракумов создавало, кроме того, очень благоприятные условия для занятия скотоводством наряду с земледелием. Уже отмечалось, что никаких следов пригитационных сооружений близ поселений кююсайской культуры не обнаружено. Вместе с тем оседлый характер поселений и ряд находок свидетельствуют, несомненно, о занятии их жителей земледелием. В связи с этим небезынтересно отметить, что поселение Кююсай 2, как и разветвленные поселения этой культуры в районе между возвышенностями Шахсенем и Тумек-кичиджик и к северу от них, располагалось в зоне знаменитых и по сей день шахсенемских такыров, сильно увлажняющихся в весенний

⁶ Вайнберг Б. И. Могильник Тумек-кичиджик в Сельской Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973, с. 475—477.

⁷ Вайнберг Б. И. Кююсайская культура раннего железного века в Присарыкамьшской дельте Амударьи. — УСА, 1975, вып. 3, с. 42—48.

⁸ Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой. История формирования и заселения. — МХЭ, 1960, вып. 3, с. 147.

⁹ Итла М. А. История стених племен южного Приаралья. II—начало I тысячелетия до н. э. — ТХЭ, т. X, 1977, с. 31.

¹⁰ Итла М. А. История стених племен. . . с. 167—172.

¹¹ Низовья Амударьи. . . с. 180.

период. В ряде мест на них сохранились водосборы (сардобы, каки и т. п.), как средневековые, так и нового времени. В наши дни этот источник водоснабжения вновь начинает использоваться: в непосредственной близости от поселения Куюсай 2 созданы два больших водосбора с сардобами для обеспечения водой колхозных стад. Все эти обильно увлажняющиеся весной такыры еще в древности могли использоваться для богарных посевов. Может быть, именно поэтому все открытые нами памятники куюсайской культуры тяготеют к протокам Южного Даудана, соседствующим с зоной такыров и коренными песками Каракумов.

Поселения. В настоящее время круг известных поселений куюсайской культуры, сохранивших неразмытый культурный слой, невелик. Наиболее интересным из них является поселение Куюсай 2. Оно выделяется не только своими большими размерами и сохранностью, но и тем, что бесспорно относится к наиболее раннему времени — периоду освоения «куюсайцам» Присарыкамьшской дельты.

Поселение Куюсай 2 расположено в пределах древней Присарыкамьшской дельты Амударьи, в 13 км к северо-востоку от крепости Шахсенем. На местности поселение определяется по россыпям керамики, костей животных, фрагментов камней. Расположено оно на южном берегу древнего широтного участка протока Южного Даудана, различающегося в настоящее время в виде слегка возвышающейся такырной полосы (повышение местности к руслу около 20—30 см, на самом поселении перепадов рельефа практически нет). Интенсивные скопления керамики позволяют определить основную площадь поселения, вытянутого в широтном направлении, в пределах около 11—12 га (приблизительно 250—300 × 450 м), но западнее этого участка, примерно на такой же площади, встречаются те же археологические материалы, что и на поселении. На ряде участков можно бесспорно фиксировать наличие культурного слоя. На поверхности такыра не прослеживаются следы построек и на них не указывают ни скопления керамики и костей, ни растительность. Окончательно размеры поселения можно будет определить лишь после раскопок на широкой площади. На поселении и вблизи него никаких следов ирригации, кроме остатков бесспорно средневековых каналов, обнаружено не было.

В связи с тем, что шурф 1970 г., заложенный на месте одного из интенсивных скоплений керамики и костей, обнаружил только размытый культурный слой, первоначально решено было заложить на площади поселения ряд траншей, проходящих по разным участкам микрорельефа (чистые участки такыра, рос-

сыпи керамики, участки, покрытые мелкой растительностью, небольшие скопления песка). Были заложены три основные траншеи, затем расширенные в раскопы А, Б и В (табл. I). Траншеи проводились шириной в 1 м и разбивались на участки в 5 м; зачетка велась по слоям до материкового грунта. Траншеи А и Б идут в направлении восток—запад; траншея В — север—юг. Раскопки велись полойно, по квадратам 5 × 5 м, нумерация квадратов в каждом раскопе своя (А1, А2 и т. п.; В1, В2 и т. п.).

Раскоп А площадью 275 кв. м был заложен в восточной части поселения, ближе к его северной окраине. По существу 60-метровая траншея раскопа А прошла через первое в северо-восточной части крупное скопление керамики. К востоку от траншеи, на невысоком песчаном «бортике», местами ограничивающем поселение, был заложен шурф для выявления возможных остатков стены или вала, ограждающего поселение. Шурф обнаружил только материковые слои (супесь с легкими прослойками глины). В месте интенсивного выхода культурного слоя в траншею и был заложен раскоп. Десять квадратов его располагаются полосой длиной в 35 м к северу от траншеи.

Раскоп В площадью 300 кв. м был заложен в юго-восточной части поселения. Первоначально была проведена траншея длиной в 80 м по линии восток—запад, прорезавшая разные типы поверхности поселения. Культурный слой обнаружен повсюду, за исключением самого восточного края траншеи, где он размыт. Раскоп Б заложен на участке между 30 и 45 м траншеи (отсчет ведется с востока), где мощность культурных отложений была наибольшей. Этот участок соответствовал крупному ямцу чистого такыра, окруженному россыпью керамики. Раскопки обнаружили на этой территории большой овальный в плане дом (№ 1) наземной конструкции.

Раскоп В (площадь около 80 кв. м) был заложен в северо-западной части поселения. Здесь в рельефе выделялось возвышение, которое предположительно расматривалось нами как южный берег древнего протока, проходившего к северу от поселения Куюсай 2. Первоначально от этого возвышения на юг была пробита траншея с целью соединить русло с культурными комплексами поселения. Возвышение в разрезе оказалось северным берегом русла. В срезе траншеи хорошо видно планное надение дна от северного берега к югу. Над поверхностью дна врезка встречаются угольки, зола. Этот слой четко определяет нижнюю границу русла. Самая глубокая (средняя) часть русла нами не вскрывалась; максимальная глубина разреза 2—2,5 м. В траншее выявлен и южный

берег протока, а также участок с резким падением дна от него к северу. Общая ширина русла по линии разреза определяется в пределах 30 м. Общая длина траншеи 49 м. В 10 м к югу от берега русла, под намытым тақырным слоем мощностью около полуметра выявился довольно четко плотный серый культурный слой с включениями угольков, костей, керамики. Заметка этого слоя, спускающегося вниз в южном направлении, позволила выявить край землянки, раскопанной наполовину.

Для поисков стены, которая могла окружать поселение Куюсай 2, была заложена серия шурфов в восточной части памятника, так как здесь, возможно, под углом расходился два протока, в разветвлении которых находилось поселение, что и могло определять границы поселения. Никаких следов обводных стен не было обнаружено. Не зафиксированы они и в траншее раскопа В, где землянка находилась в непосредственной близости от русла. Западная и южная границы поселения довольно расплывчаты, поэтому поиски стен там явно бесперспективны. Судя по всему, поселение Куюсай 2 было неукрепленным и было довольно интенсивно застроено. О характере застройки без раскопок на широкой площади судить нельзя. Тем не менее уже сейчас можно сделать ряд выводов. На поселении, скорее всего, преобладали дома наземной конструкции. Никаких следов сырцового строительства или каменных построек обнаружено не было. Выскрит полностью один дом с каркасной конструкцией стен (дом 1 в раскопе Б), и обнаружен на краю раскопа Б дом со столбовой конструкцией степника частокла (дом 2), начаты раскопки еще одного наземного дома в раскопе Г. По соседству с домами, между ними и, возможно, изолировано от них располагались хозяйственные комплексы, состоявшие из ям, построек со столбовой конструкцией стен и, очевидно, дворов.

Вскрытая наполовину в раскопе В землянка была перекрыта полуметровым слоем тақыра. Насколько типична эта постройка для поселения, сказать трудно. Обычно в условиях Средней Азии и Хорезма особенно поиски землянок или других сильно размытых планировок облегчаются применением аэрофотосъемки. К сожалению, в исследовании поселения Куюсай 2 аэрофотосъемка не дала результатов. Поселение после своей гибели неоднократно затоплялось водой так, что все его остатки перекрыты довольно мощными суглинистыми отложениями. Культурные остатки выходят на поверхность лишь там, где культурные слои полностью размыты. Наземные дома, как показали раскопки, скрываются под «пятнами» чистого тақыра, окруженного по периферии вы-

ходами керамики, костей и т. д. Землянка никаких внешних (поверхностных) признаков не имеет. Следует напомнить, что ее перекрывает полуметровая толща тақыровидного суглинка. Поэтому только раскопки всей площади поселения смогут определить, является ли обнаруженная в раскопе В землянка единственной на поселении.

О типе наземного жилища можно судить по раскопанному дому 1 (табл. II).

Площадь дома немногим менее 100 кв. м. Границы его определялись по незначительному (от 5 до 15 см) подъему поверхности пола к столбовым ямкам от стен, располагавшимся у верхнего края этого подъема. Культурный слой также выклинивался к этому же месту. Здесь же кончались и зеленоватые (за счет подмешанной зеленой глины) обмазки пола, четко определявшие площадь дома.

Столбы от стен дома практически обнаружались при зачистке по нижнему полу и материковому слою. Это, как правило, ямки от тонких жердей (5—7 см), глубина их от 10 до 20—25 см. Судя по их расположению, — часто встречаются парные ямки на расстоянии 40—50 см — стена могла состоять из столбового каркаса, заплетенного ветками или камышом, и глиняного заполнения (в заполнении дома над верхним полом довольно много комков глины).

В результате раскопок удалось установить, что западная половина дома была поставлена на частично потревоженный слой материкового грунта (местами до 50 см, включающего культурные остатки (угли, известковые включения, фрагменты костей и керамики)¹². Не исключено, что легкое заглубление в 5—10 см, обнаруженное в восточной и северной частях дома, было вызвано необходимостью выравнивать грунт при постройке. Стратиграфически дому 1 в раскопе Б предшествовал какой-то период жизни поселения на этом участке, от которого сохранились забутованные и засыпанные ямы, вырытые в материке, все без исключения перекрытые полами дома 1.

Вход в дом 1, судя по остаткам культурного слоя, контурам легкого подъема материкового грунта и характеру столбовых ям, мог располагаться в юго-западной части дома. Южнее этого входа культурный слой отсутствует. К северу и северо-западу от дома обнаружены поверхности с остатками размытого культурного слоя, хозяйственными ямами. В 2 м к северо-востоку от дома 1, в квадрате Б 10, обнаружен край дома 2 с двумя прослойками зеленых обмазок пола и столбовой (типа частокла), судя по ямкам, конструкцией стены.

¹² Условно этот слой был назван нами «закутуренный материк».

В доме 1 обнаружены два пола с зелеными обмазками, разделенными тонкой прослойкой культурного слоя. В центре дома, с некоторым смещением в сторону предполагаемого в южной части входа, располагался очаг. Расчищено два слоя очага одинакового устройства — один над другим, соответствующие, очевидно, двум полам. Очажное пятно со следами интенсивного горения располагается в центре площадки прямоугольных очертаний размером $1,8 \times 1$ м, огороженной с западной и южной сторон, а возможно, и с северной, валиком шириной от 15 до 30 см, состоящим из кусков обмазки и комков глины; высота валика 5—7 см. Дно очага расположено на уровне пола. В северной части дома у стены расчищено углубление (10 см), заполненное легкой золой. В восточной части дома обнаружена неглубокая хозяйственная яма.

Никаких следов прерыва в жизни дома отметить нельзя. Периоду его разрушения соответствует верхний культурный слой с комками глины. Над ним идет подстилающий такырную корку глинистый слой, включающий культурные остатки. Общая толщина культурных отложений в центре дома достигает 60 см.

При раскопках была получена большая коллекция разнообразной посуды и изделий местного производства. Для определения хронологии дома важны следующие находки: бронзовый двухлопастной ромбический наконечник стрелы с выступающей втулкой (из обмазки нижнего пола, табл. XII, 4); фрагменты от семи гончарных сосудов (среди них два или три относятся к культуре «архангского Дахистана», один может быть отнесен к комплексам северо-восточного Ирана, остальные относятся к материалам типа Яз II, табл. IX, 2, 5, 12—16), а также свинцовая серга гвоздевидного типа (табл. XI, 8). Из других находок следует отметить: бирюзовую ромбическую подвеску с еще не просверленным отверстием (изделия этого типа широко представлены в подземном материале: среди них есть и полуфабрикаты, табл. XIa, 1), бирюзовую бусину, железный нож с прямой спинкой, железный пробойник, железное изделие типа маленького ножа, костяное долото, лошала из ребер животных, конические глиняные присилка, круглые каменные ядра, фрагменты зернотерок, куски бирюзы и др.

При раскопках дома 1 встречено большое количество костей животных.

Некоторые наблюдения удалось сделать в связи с расположением находок в пределах дома. Наименьшее количество находок обнаружено в северной, северо-западной части дома (она была наиболее «чистой»), но здесь был найден бронзовый наконечник стрелы. Прак-

тически все гончарные сосуды помещались в восточной части дома (см. табл. IX, 2, 5, 12—16), где были обнаружены и ювелирные изделия, а также костяные гробины. В районе очага, особенно к югу и юго-западу от него (в сторону предполагаемого входа), обнаружены скопления фрагментов жаровен (см. табл. VII, 13, 21), куски печины и фрагменты слабообожженных глиняных изделий типа песочных чашов. Последние имеют следы обжига, или копоти и несомненно связаны либо с освещением помещения, либо с каким-то ритуальным возжиганием огня (табл. VII, 14, 15, 17, 19). Здесь же встречены фрагменты зернотерок.

Наземные дома на поселении, судя по всему, преобладали. Уже упоминалось, что в раскопе Б был обнаружен край дома 2.

К югу от раскопа Б, на соседнем участке чистого такыра, окруженного выходом культурных остатков, был заложен раскоп Г с целью проверить методику нахождения остатков построек. Попытка наша увенчалась успехом: вскрытый квадрат Г1 (5×5 м) обнаружил часть наземного дома с серо-зеленой обмазкой пола (раскопки производились в пределах верхнего слоя) и очагом, вероятно, в центре дома. Закончить раскопки дома, выявить его стратиграфию и конструкцию стен нам не удалось. Наибольшей археологический материал, полученный при раскопках в квадрате Г1, аналогичен тому, что известен в раскопе Б.

Обнаруженная на поселении Куюсай 2 землянка (табл. III), судя по раскопанной ее части — овальная в плане; площадь ее должна достигать примерно 100 кв. м (раскопано 50 кв. м), глубина ее от древней дневной поверхности 3 м, общая глубина раскопа 3,5 м за счет слоя такыра, перекрывшего древнюю дневную поверхность. Наличие такого мощного слоя суглинков в этой части поселения объясняется, очевидно, соседством русла и периодическими сезонными подтоплениями. Это получило отражение и в легком (до 20—30 см) повышении уровня современной дневной поверхности к северу (в сторону древнего русла).

Вход в землянку, частично затронутый раскопками, был расположен в северной части и обращен к руслу. Это неширокий (не менее 1 м) коридор длиной около 1,5 м, с тремя высокими ступенями, вырубленными в материковом грунте.

Дно землянки было песчаным, поэтому песок искусственно перекрыт плотной «пробкой» коричневой глины и слоем зеленого грунта с рыжеватыми вкраплениями. Все эти слои, включая верх песчаного слоя, содержат культурные остатки, отпечатки сгнившего камыша (особенно частые вблизи стен). Стены зем-

лянки имеют значительный уклон. Так, по линии прохода (север—юг) землянка имеет длину 7 м по дну и около 12 м по верху стен. По линии запад—восток раскопанная часть землянки имеет соответственно ширину 4 и 6 м.

Такой большой уклон стен может быть объяснен тем, что в последний период жизни, когда культурный слой заполнил нижнюю часть землянки, она превратилась в полуземлянку и стены ее были подрезаны вновь. Резкое расширение их начинается именно с этого уровня. Следует сразу же оговорить, что при обработке материала никаких различий в комплексах из нижней части культурного слоя и уровня «полуземлянки» не обнаружено.

Заполнение в землянке не потревожено и перекрыто мощной липой намывом. Общая толщина культурного слоя достигает 1,5 м в центре, повышаясь к стене. Культурный слой довольно четко делится на ряд слоев, отличающихся по цвету. Культурный слой очень плотный, содержит большое количество фрагментов керамики и костей.

В юго-восточной части землянки, в стене, расчищены две ямы: верхняя, заполненная культурным слоем и натеками, и нижняя, частично открытая в сторону землянки, которые могли быть хозяйственными ямами с уровня «полуземлянки» или служили основанием для угловых столбов (некоторое сомнение внушает значительный диаметр их — 35 см и около 50 см).

Комплексе археологических находок в землянке тот же, что и в остальных раскопках. Наконечников стрел нет. Встречены фрагменты гончарных сосудов тех же типов — арханьчский Дахистан и типа Яз II. В верхней части культурного слоя найдены фрагменты бронзового браслета с шишечками-выступами и небольшой железный ножичек с прямой спинкой без выделенной рукоятки. В слое много зернозернок, терочников, кусков печины.

К северо-западу и северу от дома I в раскопе Б был вскрыт хозяйственный комплекс, скорее всего связанный с этим домом. Это прежде всего различных размеров ямы с четкими, иногда подмазанными глиной стенками (см. план раскопа на табл. II). Между этими ямами встречены ямки от столбов, возможно, каких-то построек или навесов. Интересно отметить, что в пределах самого дома I есть всего три ямы (ямы, отмеченные пунктиром на плане, относятся к подстилающему дом слою и перекрыты его низким полом), одна из них, расположенная в северной части, была заполнена золой. Создается впечатление, что, в отличие от домов эпохи бронзы в Хорезме¹³,

в доме хозяйственная деятельность была несколько ограничена (свидетельства ее — фрагменты зернозернок, подобрабатанные рога и кости животных, неперсверленная полвека из бирюзы), значительная же часть ее вместе с хранением основной части припасов вынесена за пределы жилого дома.

Небольшие хозяйственные ямы обнаружены и вблизи дома 2, за пределами его стен (квадрат Б 10 на табл. II).

В раскопе А (табл. I) не обнаружены остатки жилой постройки. Максимальная толщина культурных слоев (без ям) — 40—50 см. Перекрыты они очень тонкой (в 5—10 мм) таковой коркой, включающей в себя размытые культурные остатки. Культурный слой в большей части раскопа насыщен керамикой и костями животных, обнаружены вырытые в материке хозяйственные и мелкие столбовые ямы, но никакой четкой планировки выявить не удалось. Никаких обмазанных или уплотненных поверхностей, за исключением небольшого участка с зеленой поверхностью на стыке квадратов А9 и А10, не обнаружено. В восточной части раскопа выявлены зольные прослойки, небольшие скопления печины, несколько очажных пятен, небольшие кусочки медных шлаков и лития (аналогичные находки встречены в большом количестве на всей площади поселения). Стратиграфически в раскопе А выделяется по всей площади только один слой, лишь на границе квадратов А3 и А8 сохранилось небольшое пятно верхней зольной прослойки, уже смытой в остальной части раскопа.

Наслоения, вскрытые в раскопе А, не дают как будто бы оснований предполагать здесь наличие жилого комплекса; вместе с тем отсутствие среди них намывов и натеков не позволяет считать, что это были участки открытых дворов. Скорее всего, здесь располагались легкие постройки, от которых сохранились столбовые ямки. В восточной части раскопа по остаткам печины и шлакам можно даже предположить наличие производственного комплекса, связанного с плавкой меди (бронзы).

Очень может быть, что на поселении существовали и хозяйственные комплексы, располагавшиеся в стороне от жилых построек.

Для хронологии поселения и раскопа А важно отметить, что в культурном слое над материком найдены: два бронзовых наконечника стрел — двухлопастный ромбический втульчатый и трехгранный черешковый (табл. XII, 16, 22), цилиндрико-конический сосуд (банка) типа Яз II (табл. IX, 3) и фрагменты еще нескольких сосудов, характерных для периода Яз II и синхронных ему слоев в памятниках подгорной полосы Южной Туркмении

¹³ Игана М. А. История стених племен..., с. 195.

(табл. IX, 7). Из других находок следует отметить керамические усеченно-конической формы пряслица, каменные зернотерки и терочки, железный нож с прямой спинкой и невыделенной рукоятью, костяные гребни, предназначавшиеся, вероятно, для ткацкого производства, бусы из бирюзы, куски необработанной бирюзы. Раскоп А дал и богатый набор местной посуды разных форм.

В результате работ на поселении Куюсай 2 был получен комплекс керамики, состоявший из разнообразного набора сосудов (табл. IV—IX).

Вся керамика местного производства сделана без применения гончарного круга, техникой ленточного налета. Лишь на трех маленьких фрагментах отмечены следы возможного матерчатого шаблона. Керамика, как правило, имеет довольно легкий, пористый черенок в изломе темно-серого цвета. Тесто иногда комковатое; в качестве примесей употреблялась древесина разного помола; изредка встречаются в небольшом количестве выгоревшие растительные примеси. В нескольких случаях встречены хрупкие фрагменты сосудов с обильными примесями мелкого белого камня и, может быть, толченых раковин. Характерной чертой всей посуды местного производства является ее красная поверхность при сером или серо-коричневом цвете черенка. Если первоначально мы считали, что красная поверхность сосудов получалась за счет специфической технологии обжига¹⁴, то детальное изучение керамики куюсайской культуры из разных памятников позволяет уточнить это представление. На многих сосудах можно различить следы от подтеков ангобной краски, которой покрывались сосуды. Поверх нее часто производилось заглаживание поверхности, особенно у венчика, но горловине сосуда. Представляется теперь, что обжиг производился в два этапа. Первоначально производился обжиг сформованных, но неангобированных сосудов. Обжиг был, очевидно, окислительный, и поэтому цвет черенка становился серым. Затем обожженные сосуды покрывались ангобом из хорошо отмученной глины, который в результате восстановительного обжига получал красную окраску. Обжиг и в том и в другом случае был костровым, о чем свидетельствуют пятна различного качества обжига на поверхности сосудов. Цвет ангоба на сосудах тоже варьирует в зависимости от обжига, от светло-розового до красно-коричневого и лилового. Фрагменты сосудов, поднятые с поверхности поселения, практически не отличаются от найденных

в слое, в ряде случаев их поверхность за счет пустынного загара стала более интенсивно красной или красно-коричневой¹⁵.

Орнаментации, как правило, куюсайские сосуды не имеют.

Немного орнаментированные сосуды и фрагменты приведены на табл. VII, 7—12. Орнамент этот, прочерченный по сырому тесту, нанесен узким острым орудием. Орнаментировались, вероятно, только какие-то утилитарные сосуды, предназначенные для специальных целей, так как в тех случаях, когда видна форма, она не отличается от общепринятой.

Присутствие в комплексе некоторого количества гончарной посуды, характерной для оседло-земледельческих культур южных районов (табл. IX), указывает на то, что жители поселения могли быть знакомы с гончарным кругом, но в своем повседневном быту его не использовали. Вместе с тем наличие среди местной посуды крупные массивные сосуды с утолщенными и тщательно сформованными венчиками, на которых совсем нет следов ручной выделки (табл. IV, 3—7), заставляет предполагать, что эти сосуды целиком или в верхней части формировались с применением вращающейся подставки. В комплексе встречены отдельные круглодонные сосуды, причем многие из них формировались круглодонными, а затем к ним добавлялось плоское или уплощенное дно в виде «пенешки» — поддона. Поэтому встречаются невысокие дисковидные поддоны, иногда кольцевой поддон, который получался за счет глиняной полосы, наклеенной на круглодонный сосуд. Подавляющее же большинство сосудов имеет плоское дно, часто стенки у дна поджаты. Для ряда сосудов (например, цилиндрических) характерен очень плавный скругленный переход к плоскому дну.

Для керамики куюсайской культуры характерно полное отсутствие сколько-нибудь выделенных венчиков на всех формах, кроме крупных сосудов для хранения. Как правило, сосуды имеют прямо срезанный край, иногда при этом с внешней стороны образуется легкий наплыв.

Вся посуда ручной выделки с поселения Куюсай 2 функционально может быть подразделена на три группы: сосуды для хранения запасов, кухонная и столовая посуда.

Сосуды для хранения запасов (табл. IV, V). К ним относятся несколько типов *хумов* с толстыми стенками и, очевидно, как правило, с ци-

¹⁴ Во время работ на Узбюк в 1976 г. мы столкнулись со случаями разного плавления цвета ангоба за счет пустынного загара. Сосуды местного производства со светлым белым ангобом были зарыты в землю. Та их часть, которая находилась оказалась на поверхности, получила яркую оранжево-красную окраску.

¹⁴ Вайнберг В. И. Куюсайская культура раннего железного века. ... с. 44—45.

цилиндрическим туловом (табл. IV, 4—10). Можно отметить две основные разновидности хумов — с локатями плечиками и небольшим сужением диаметра сосуда у горловины и широкие открытые сосуды типа глубоких тазов. Край сосуда иногда слегка отогнут наружу (табл. IV, 4, 5, 7, 8).

К сосудам для хранения несомненно должны быть отнесены и *крупные шаровидные горшки*, которые чисто условно, учитывая их размеры, могут быть названы хумчами (табл. IV, 1, 2, II; V, 1—18). Отличительной особенностью сосудов этого типа является сильно раздутое шаровидное тулово. Установившихся пропорций сосудов отметить нельзя; может быть, это объясняется ручной выделкой, при которой трудно выдержать четкие пропорции столь крупных форм. Чаще всего наибольший диаметр приходится на середину высоты сосуда (табл. V); плечики сосуда довольно покатые, горловины прямые либо слегка расширяющиеся к краю, изредка край сосуда отогнут наружу (табл. IV, II; V, 17, 18). Соотношения диаметра дна и горла сосуда варьируют (табл. V). Дно всегда плоское, но техника его изготовления различна. Край дна бывает слегка поджат. Иногда сосуд формируется круглодонным, а затем на дно накладывается по кругу валик (табл. V, 4), за счет чего получается своеобразный кольцевой поддон. В тех же случаях, когда к круглодонному сосуду прилепляется плоский диск, поддон ставится дисковидным (табл. V, 6). Имеющиеся в коллекции варианты доньев демонстрируют разнообразие технических приемов их изготовления.

К этой же группе сосудов относятся и некоторые крупные открытые горшки, повторяющие форму кухонной посуды (табл. VI, 18), хотя в отдельных случаях они могли использоваться как и крупные кухонные котлы.

Вся посуда для хранения имеет снаружи *красный цвет разных оттенков, донья тоже часто ангобировались*. Внутри, как правило, ангоб покрывал лишь устье, горловину и легким затемном переходил на плечики. Верхняя часть сосуда как снаружи, так и внутри, заглаживалась более тщательно.

Как уже отмечалось, орнамент на кюсайской посуде отсутствует. Прочерченный орнамент встречен на единичных фрагментах. Лишь один сосуд типа шаровидного горшка из дома 1 был орнаментирован не очень четкими вертикальными полосами, состоявшими из прямых, косых линий, треугольников и т. д. Какой-либо закономерности в построении орнамента и его расположении обнаружить не удалось (табл. VII, 7). На одном из крупных горшков встречаются на плечике прочерченные изображения схематизированного животного и знака в виде

треугольника, рассеченного пополам (табл. IV, 1).

Кухонная посуда (табл. VI, VII). К этой группе могут быть отнесены сосуды нескольких типов.

Шаровидные горшки со слегка сужающейся горловиной и прямым краем. Высота горловины, как правило, невелика; плечики покаты (табл. VI, 1—10, 15, 16, 27—33). Другая разновидность горшков этого типа отличается отогнутым наружу краем (табл. VI, 12—14, 21—24).

Открытые горшки типа чаш с большим диаметром устья, всегда превышающим диаметр дна (табл. VI, 19—20, 26). Сосуды эти имеют довольно раздутое тулово, легкий «перехват» в шейке; край сосуда прямой или отогнут наружу. Этот тип сосудов несколько напоминает по общим пропорциям формы сосудов конца эпохи бронзы как в степных, так и в оседло-земледельческих районах¹⁶. В наших материалах этот тип посуды представлен довольно небольшим количеством сосудов.

К кухонной группе, вне всякого сомнения, относятся и *сосуды с цилиндрическим носиком*, так как все они сильно закончены (табл. VII, 1—5). Среди них можно выделить два типа — горшки и миски.

Горшки небольших размеров, обычной для кюсайской посуды шаровидной формы, со слегка отогнутым наружу краем. К верхней части плечика и к горлу прикреплен цилиндрический носик-слив (табл. VII, 2), который формировался отдельно. Обычно он имеет прямо срезанный край. В сосуде на месте его прикрепления делалось сквозное отверстие, в которое вставлялся носик, край последнего загибался на стенки сосуда и плотно к нему прижимался. Следы прикрепления носика всегда четко видны. Сосуды этого типа встречены в незначительном количестве на поселениях. Все реконструируемые экземпляры их приведены в табл. VII. Возможно, что некоторые горшки с цилиндрическим носиком имели ручки, по это не бесспорно. Круглодонный сосуд с носиком и ручкой (табл. VII, 1), найденный в раскопе А, оказался единственным. Он сильно закончен снаружи и дополнительно обожжен в ходе употребления. Первоначально его поверхность, как и у всех кюсайских сосудов, была красной. По тесту и технике выделки этот сосуд также не отличается от остальной посуды местного производства.

В комплексе кюсайской посуды были и *миски*, или открытые чаши с цилиндрическим носиком, прикрепленным тем же способом, что

¹⁶ *Игина М. А.* История степных племен... с. 153, рис. 76; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргарины. — МИА № 73, 1959, табл. XVII—XXI, комплекс Яз-депе I.

и у горшков. Если горшки и котелки с цилиндрическими носиками-сливами известны в сакских могильниках в Казахстане¹⁷ и в савроматских погребениях¹⁸, то миски с аналогичными носиками могут быть сопоставлены только с южными гончарными прототипами из оседло-земледельческих памятников конца эпохи бронзы и раннего железного века¹⁹.

Двуручный сосуд (табл. VII, 6) является уникальным для памятников куясайской культуры, выполнен он в обычной для местной посуды технике.

К группе кухонной посуды относятся и толстостенные жаровни различных размеров (табл. VII, 13, 21). Все они, как правило, имеют следы обжига только на внутренней поверхности (в середине). На дне видны следы песчаной подсыпки. Жаровни эти могли служить для переноски горячих углей и обогрева помещений, а может быть, и для выпечки лепешек.

Подобно жаровням сделан сосуд для процеживания (табл. VII, 22), стенки и дно которого имеют сквозные отверстия. Сосуд этот мог применяться при изготовлении творога.

Кухонная посуда (вся без исключения) снаружи была так же, как и остальная куясайская керамика, покрыта красным ангобом. Внутри красную поверхность имели только открытые сосуды, в остальных же ангобировалось только горло.

Столовая посуда (табл. VIII) представлена довольно разнообразным набором форм. Посуда этой группы широко представлена и в могильниках (табл. XXIII).

Очень своеобразны и вместе с тем типичны для куясайской культуры *цилиндрические сосуды* вытянутых пропорций (табл. VIII, 1—6). Столь же типичными для куясайских комплексов являются сосуды, условно называемые *кубками*, *яйцевидной* и *шаровидной форм* (табл. VIII, 9—11; ср. табл. XXIII — керамика из могильников).

Обе эти формы очень оригинальны и не имеют прямых аналогий в известных в настоящее время памятниках. На основании общих пропорций их можно сопоставить с лепными сосудами из катакомбных погребений раннего Тулхар-

ского могильника (поздняя бронза)²⁰. Следует при этом заметить, что на куясайских сосудах отсутствует орнамент, яйцевидные кубки никогда не имеют поддона, а у цилиндрических сосудов верхний край никогда не бывает отогнут наружу. Так что отмечаемое сопоставление может лишь указывать на возможные опосредствованные и весьма отдаленные связи куясайской и бишкентской (или вахской) культур.

Чаши представлены несколькими разновидностями: открытые (табл. VIII, 13—15, 20—23, 32, 34—37) и закрытые (табл. VIII, 17—19). Они широко варьируют по размерам и глубине.

Миски (табл. VIII, 27—31, 40, 41) широко представлены в комплексе. Некоторые из них явно изготовлялись круглодонными с последующим прикреплением плоского «поддончика» (табл. VIII, 28).

Кружки на поселении встречены в небольшом количестве (табл. VIII, 16, 26, 33). Большинство из них имеет одну нетельчатую ручку, прикрепленную к краю сосуда и тулову. Ручки имеют округлые или уплощенное сечение.

Кувшины на поселении практически не представлены ни одной целой формой. Кувшины крупных и даже средних размеров в памятниках куясайской культуры неизвестны.

По аналогии с небольшим кувшинчиком без ручки из могильника Тумек-кичидик к этому типу сосудов можно отнести фрагмент одного из сосудов с поселения (табл. VIII, 7).

Единично встречаются мелкие чашечки (табл. VIII, 24—25).

Вся столовая посуда ангобирована с обеих сторон, но, как правило, она не отличается особой тщательностью выделки от остальной куясайской керамики.

Вне всяких групп должны быть рассмотрены *сосуды «типа песочных часов»* (табл. VII, 14—20). Это очень грубые изделия из плохого обожженной глины. Тесто сосудов комковатое с крупными примесями древесины и соломы; фрагменты их очень хрупки. Создается впечатление, что сосуды эти не обжигались, а обгорали в процессе эксплуатации. Характерной их особенностью является наличие центрального сквозного отверстия (от широкого до самого узкого). Можно предположить, что они были своеобразными светильниками, вернее, служили подставкой для веток или лучинок, освещавших или окуривавших помещение. Несмотря на плохое качество теста этих сосудов и в связи с этим очень плохую сохранность их, они встречались во время раскопок повсеместно, особенно много фрагментов было в доме I раскопа В и в землянке (раскоп В).

²⁰ *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. — МИА, 1968, № 145, с. 69—70, табл. XV, 3—7.

¹⁷ *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 103, рис. 82; *Вишнева С. А.* Культура сакских племен..., табл. XXII, 9—11; XXIII, 1, 2.

¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 113, рис. 66, 1—8.

¹⁹ *Сарваншиди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. — В кн.: Материалы к археологической карте Северного Афганистана. М., 1972, вкл. 1, рис. 8, 7; 36, 3; *Массон В. М.* Памятники культуры архангелского Дахистана в Юго-Западной Турмении. — Труды ЮТАКБ, 1956, т. VII, рис. 9; 30; 33; 48.

Сосуды, сделанные на гончарном круге, встречены при раскопках на всех объектах и в подъемном материале. Количество их довольно значительно (например, из раскопа Б в пределах дома I — фрагменты от восьми сосудов) — это 16—17% всей посуды.

Все гончарная посуда принадлежит как к хорошо известным, так и неизвестным культурам бесспорно южного (по отношению к Хорезму) происхождения. В коллекции имеется в основном столовая посуда.

Наиболее полно представлены сосуды двух культур раннего железного века: Яз II (Маргиана и подгорные районы Туркмении вплоть до Баши на западе)²¹ и архаического Дахистана (Юго-Западная Туркмения до Кызылвата — на востоке и, вероятно, районы, прилегающие к р. Горган на территории Ирана)²². К первой относятся сосуды светло-розового или желтоватого теста, сделанные из отмученной глины с небольшой примесью песка. Светлый ангоб покрывает сосуды, как правило, лишь до ребра, находящегося в нижней части сосудов и являющегося характерной особенностью сосудов этой культуры (табл. IX, 1—8). Многие сосуды имеют следы ремонта. В раскопе А найден целый балочный сосуд (табл. IX, 3), внутри которого по устью прочерчены какие-то непонятные знаки.

К культуре архаического Дахистана должны быть отнесены в первую очередь все триподы и их фрагменты (табл. IX, 10, 11) и ряд других сероглиняных сосудов, иногда покрытых снаружи лощением (табл. IX, 9, 12).

Может быть, к этой же культуре следует отнести и красноглиняный лощеный кувшин (табл. IX, 16), по это не бесспорно²³.

Обыяком стоит биконический сосуд коричневого обжига со силовым зеркальным лощением по поверхности. Это был небольшой кувшинчик, горло которого не сохранилось (табл. IX, 13). Прямых аналогий ему мы не знаем. Можно лишь предполагать, что он принадлежит к культуре раннего железного века Северо-Восточного Ирана, неизвестной нам по археологическим раскопкам, но продолжающей традиции культуры эпохи бронзы, известной по материалам из Шах-тепе²⁴.

Еще сложнее атрибуция небольшого количе-

ства сосудов ручной выделки, но, как нам теперь представляется, не местного происхождения. Первоначально немногочисленные фрагменты этих сосудов, отличающихся бежевым цветом теста и пятнистым розоватым двусторонним ангобом, были выделены нами во вторую группу местной посуды²⁵, так как они отличаются от основной группы керамики и по обжигу.

Обработка керамической коллекции с поселенции позволила установить, что большая часть фрагментов этого типа принадлежит к ограниченному количеству сосудов (в доме I раскопа Б их оказалось только два — табл. IX, 14—15) столового типа. В других памятниках Куясайской культуры подобной керамики практически нет. Это дает основание отрицать местное производство подобной керамики, тем более ее резко отличает и характер ангобного покрытия, близкого к выродившейся примитивной росписи. Аналогичным сосудам этого типа мы указать не можем, но, вероятнее всего, она происходит из каких-то южных районов, связанных с культурой расписной керамики типа Яз I.

Кроме керамики, на поселении Куясай 2 была получена очень интересная коллекция разнообразных предметов быта, вооружения, украшений и т. п.

Орудия труда представлены четырьмя односторонними железными ножами (табл. Xa, 2, 4, 6, 7). Ножи различаются по размерам, но сходны по типу. Их отличает слегка округленная к концу спинка, отсутствие выделенной рукоятки (в подъемном материале есть экземпляр с выделенной рукояткой — табл. Xa, 3), все ножи имеют треугольное сечение лезвия. В раскопе Б встречен железный предмет типа пробойника (табл. Xa, 5). Вероятно, на поселении Куясай 2 употреблялись и бронзовые ножи, обломки которых встречены в подъемном материале, но определить форму ножей по ним нельзя. Судя по одному из наиболее крупных фрагментов, они принципиально могли не отличаться от железных ножей (табл. X16). В подъемном же материале встречено двустороннее бронзовое четырехгранное шило с обломанными концами (табл. X16). Изделия такого типа широко известны еще в памятниках позднего бронзового века в Средней Азии²⁶. Именно этот тип бинирамидальных шильев хорошо представлен на памятниках эпохи бронзы в Хорезме²⁷.

²⁵ Вайнберг В. И. Куясайская культура раннего железного века... с. 45.

²⁶ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. — САИ, вып. 41—3, 1966, с. 62—65, табл. XII.

²⁷ Иглия М. А. Раскопки стоянок тазабатгайской культуры в 1957 г. — МХЭ, 1960, вып. 4, рис. 15; I.

²¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 39—41, табл. XXXVII—XLII.

²² Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана...; Прищепко Л. В., Шапошников О. С. Новые материалы для изучения керамики архаического Дахистана. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1970, вып. III, с. 184.

²³ Ср.: Прищепко Л. В., Шапошников О. С. Новые материалы... с. 190, рис. 57, 8.

²⁴ Arne J. Excavations at Shah-tepe, Iran. Stockholm, 1945.

Только в памятниках конца эпохи бронзы можно указать и аналогии костяным двусторонним гребням, фрагменты или целые экземпляры которых найдены во всех раскопках поселения (табл. Хб, 1—3). Из тонкой костяной пластины, полученной путем расщепления вдоль широкого ребра или другой широкой кости (с одной стороны гребня всегда видны разрезанные и зашлифованные костные волокна), имеющей длину 7—10 см, делался гребень. Оба коротких конца его снабжались частыми зубьями. Принято считать, что подобные изделия употреблялись в ткацком производстве для уплотнения штей ткани (прибивания утка).

Аналогичные изделия, но более грубые по исполнению (они к тому же имеют меньше зубьев) известны в чустской культуре Ферганы из раскопок на Дальверзине²⁸. Изделия этого типа известны на памятниках позднего бронзового века и за пределами Средней Азии, например, по материалам Кировского поселения в Крыму²⁹.

На поселении Куюсай 2 встречен обломок гребня и несколько иного типа: зубья располагались на длинной стороне изделия (табл. Хб, 4).

Большой интерес представляет небольшое костяное «долото», найденное в доме 1 раскопа Б (табл. Хб, 6). Верхний конец его имеет круглое сечение, а рабочий — сильно уплощен, о назначении его судить трудно.

На поселении, как в раскопках, так и в подъемном материале, найдено довольно много керамических пряслиц. Все они сделаны из темно-серой глины, имеют хороший обжиг. Форма этих изделий всегда коническая с большим или меньшим скруглением.

Среди большого числа фрагментов обработанных камней, найденных при раскопках, четко выделяются фрагменты лавровидных зернотерок, курантов к ним, разнообразных терочников (иногда со следами красной краски) и лоуцл. В качестве лоуцл при обработке кожи использовались и ребра крупного рогаго скота. Фрагменты таких ребер были найдены в раскопе Б.

Украшения. Раскопки и подъемный материал дали довольно богатый набор ювелирных изделий своеобразного облика (табл. Х1а). На поселении собрано большое количество бирюзы. Кроме кусков необработанной породы, нам

встретились полуфабрикаты и бракованные изделия (недовершенные бусы, сломанные при сверлении подвески и т. п.). Бирюзовые украшения — наиболее массовые ювелирные изделия на поселении. Среди них встречены бусы боченковидной, близкой к цилиндрической и «лепешковидной» формы, мелкие рубленные типа бисера (табл. Х1а, 19—44). Уникальными являются многочисленные бирюзовые ромбические подвески (табл. Х1а, 1). Аналогичной формы подвески есть и из лазурита (табл. Х1а, 3). Есть лазуритовые боченковидные бусы (табл. Х1а, 14—15). В производстве ювелирных изделий использовался и белый камень. Из него делались боченковидные и «лепешковидные» бусы (табл. Х1а, 16—18), а также подвески в форме клыка (табл. Х1а, 2). Встречены бусы из сердолика (табл. Х1а, 45) и подвески из раковин (табл. Х1а, 9, 47).

В раскопе Б была найдена не крупная гвоздевидная, по-видимому, свищовая серьга (табл. Х1а, 8), восходящая к типам изделий конца бронзового века³⁰. Другая, золотая серьга — подвеска с перекрещивающимися утолщенными (в виде шиловидных конусов) концами — найдена на поверхности у того же раскопа (табл. Х1а, 7). Аналогичные серьги известны из разрушенного погребения в архайском Дахистане (неопубликованные материалы Г. Н. Лисицкой, с которыми она любезно познакомила автора).

К местному производству в связи с наличием бракованных экземпляров следует отнести и бирюзовые каплевидные серьги, закреплявшиеся в металлической обойме типа конуса. Сохранился один экземпляр серьги с золотой обоймой (табл. Х1а, 5). Серьги-подвески этого типа все происходят из подъемного материала; они различаются не только цветом камня, но и размерами и характером обработки поверхности (табл. Х1а, 4—6). Они могут иметь тщательно сглаженную округлую поверхность с легким заострением внизу либо с четким конусом в нижней части серьги, либо слегка граненую поверхность, завершенную внизу конусом (табл. Х1а, 6). Каплевидные бирюзовые серьги подобного типа известны из курганов S3 и 23 на Уйгараке (конец VII — начало VI в. до н. э. и V в. до н. э.)³¹. Вряд ли можно признать убедительными приводимые О. А. Вишневецкой сопоставления этих изделий с алтайскими и си-

она же. Поселение Якче-нарсан 2. (Раскопки 1958—1959 гг.). — МХЭ, 1963, вып. 6, рис. 43, 4, с. 126—127.

²⁸ Зайнуровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА, 1962, № 118, с. 35, табл. XXIII, 1—8, 12, 21—23.

²⁹ Лесков А. М. Кировское поселение. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 39, рис. 36, 23, 24.

³⁰ Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби. — МИА, 1956, № 48, табл. V, 21 (карауская эпоха); Ильинская В. А. Раннесицифские курганы бассейна р. Тисыни (VII—VI вв. до н. э.). Киев, 1975, с. 149—150, табл. III, 8; X, 12; XII, 12.

³¹ Вишневецкая О. А. Курганы саянских племен... с. 82 (табл. I, 13; XIX, 9).

бирюзи серьгами; последние продолжают развитие савроматских серег конусовидного типа, вставки в них практически не выступают из конца и к тому же они не бирюзовые.³²

С завершением обработкой каплевидная бирюзовая подвеска, возможно, от серги такого же типа, найдена в Дингильдинском оазисе.³³ Там же, как и на Уйгараке, встречены и бирюзовые бусы известных на поселении Куюсай 2 типов. Аналогичный набор бирюзовых бус характерен вообще для архаических памятников Хорезма (VI—V вв. до н. э.). Позднее в Хорезме, несмотря на залежи бирюзы в горах Султануздага, они неизвестны. Керамический материал, обнаруженный Ю. П. Маньковым на бирюзовых выработках Султануздага³⁴, по нашему мнению, должен датироваться рубежом V—IV вв. до н. э., так как там встречен характерный для этого времени набор гончарной керамики, тот же, что и на поздних памятниках куюсайской культуры.

В связи с обильными находками бирюзы и изделий из этого камня на поселении Куюсай 2 мы вынуждены вновь обратиться к вопросу о рудных месторождениях бирюзы. Обстоятельная статья А. В. Виноградова, С. В. Лопатина и Э. Д. Мамедова о кызылкумских месторождениях бирюзы³⁵ содержала и обзор всех известных в то время материалов из Хорезма. Новые материалы получены в результате работ на поселении Куюсай 2, где обнаружены следы обработки бирюзы: не только незавершенные и бракованные изделия, но и большое количество сырья — фрагментов бирюзы в чистом виде и с вкраплениями сопутствующих минералов. Обнаружен был и своеобразный небольшой «пуклеус» из бирюзы со следами сколов. По цветовой гамме изделия и фрагменты камня с поселения очень варьируют. Есть изделия и густого сочного голубого цвета, и зеленоватые, и бледно-голубые. По внешнему виду, согласно определению В. И. Степанова, камень мог принадлежать разным месторождениям.

Учитывая, что, во-первых, в кызылкумских месторождениях нет никаких свидетельств добычи бирюзы позже эпохи ранней бронзы, а в Хорезме в памятниках конца эпохи бронзы (амрабадская культура) и сменяющих ее па-

мятниках (типа стоянки Якке-парсай 14)³⁶ не встречено изделий из бирюзы и, во-вторых, что куюсайская культура (особенно на раннем ее этапе, в период существования поселения Куюсай 2) имела достаточно тесные связи с культурами Южной Туркмении и Северного Ирана (типа Яз-деш II и архаического Дахистана), можно предположить, что более вероятным является иппанурское происхождение бирюзы с поселения Куюсай 2. Косвенным свидетельством несреднеазиатского происхождения куюсайской бирюзы служит наличие в комплексе украшений большого числа своеобразных ромбических подвесок, неизвестных в памятниках Средней Азии. Присутствие одной такой же подвески из лазурита также указывает на происхождение этого комплекса украшений из южных районов. Далее мы подробно разбираем вопрос о возможном происхождении куюсайской культуры из районов, прилегающих к югу к Конет-Дагу и, скорее всего, соседствующих с Иппануром. Во всяком случае, судя по находкам гончарной керамики, связи с этим районом были весьма активными.

Позднее, в эпоху архаической (кюезлыгирской) культуры начали, очевидно, разрабатываться и местные руды. Традиция изготовления бирюзовых ювелирных украшений продолжается до конца V в. до н. э., хотя среди них отсутствуют уже ромбические подвески — наиболее яркий этнографический признак в ювелирных изделиях ранних куюсайцев.

Среди украшений, найденных на поселении Куюсай 2, выделяется серия каменных блях-пронизок (табл. XIa, 48—50). Наиболее крупное изделие этой группы сделано из матового белого камня, имеет усеченно-коническую форму с центральным сквозным отверстием (по форме сближается с пряслицами). На поверхности есть следы красной краски, на верхнем краю отверстия проработан желобок веревкой или ремнем. Возможно, что это была застежка или своеобразная пряжка (не исключено, что от конской упряжки). Два других изделия типа цуговки с центральным отверстием сделаны из белого камня (табл. XI, 48) и лазурита (табл. XIa, 50). Из белого же камня сделано круглое изделие с желобком по окружности (табл. XIa, 46), назначение которого из-за его фрагментарности неясно.

Известны на поселении и бронзовые бусы в виде пронизей разного диаметра и размера (табл. XIб).

Бронзовый браслет (фрагмент), найденный в землянке (раскол В), сделан из круглой в сечении проволоки и имеет шпички-вы-

³² Ср.: *Завитухина М. П.* Курганы у с. Быстрияково в Алтайском крае. (По раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.). — АСГЭ, 1966, вып. 8, с. 71, ирм. 30.

³³ *Воробьева М. Г.* Дингильдже — усадьба с середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. — МХЭ, 1973, вып. 9, с. 186, рис. 55, 17.

³⁴ *Маньков Ю. П.* Бирюзовые выработки VI—V вв. до н. э. в Хорезме. — Вестник КБФАНУЗССР, 1974, № 4, с. 53.

³⁵ *Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д.* Кызылкумская бирюза. (Из истории добычи и обработки). — СЭ, 1965, № 2, с. 114.

³⁶ *Игана М. А.* История степных племен... с. 137—139, 157.

ступы, расположенные в шахматном порядке на его поверхности (табл. ХІб).

Оружие. Наконечники стрел. При раскопках было найдено три бронзовых наконечника стрел: в северной части дома 1 раскопа Б на полу — втульчатый двухлопастной наконечник (табл. XII, 4), в культурном слое раскопа А — тоже втульчатый ромбический наконечник и черешковый трехлопастной (табл. XII, 16, 22). Кроме того, на поверхности поселения было собрано около полусотни наконечников стрел и их фрагментов, что составило очень интересный и уникальный для территории Хорезма комплекс (табл. XII).

Как и другие исследователи наконечников стрел из Средней Азии и Казахстана³⁷, автор будет придерживаться принятой К. Ф. Смирновым классификации этих предметов, выработанной для савроматских наконечников стрел³⁸.

Среди куяусайских материалов по способу насада выделяются две группы наконечников стрел — втульчатые и черешковые. Они включают четыре отдела втульчатых наконечников (двухлопастные, трехлопастные, четырехгранные и круглые)³⁹, два черешковых и целый ряд типов в каждом отделе (по форме головки и насада).

Преобладающими в комплексе являются втульчатые наконечники стрел, среди которых большая часть принадлежит к отряду *двулопастных* (I), последние делятся на шесть типов.

Тип I. Наконечники стрел с овальной лавролистной головкой и выступающей втулкой (табл. XII, 1—5). Этот тип соответствует типу 1 I отдела по классификации К. Ф. Смирнова⁴⁰. Этот тип стрел характерен для VIII—VI вв. до н. э. для всей территории Евразии; в небольшом количестве они найдены в погребениях конца VI и V вв. до н. э.⁴¹

Исследователи вооружения считают этот тип стрел одним из древнейших, появившихся в результате развития прототипов эпохи бронзы⁴². Следует отметить, что этот тип был широко известен и за пределами евразийских степей. Так, в Передней Азии подобные наконечники стрел найдены в предскифских памятниках (начиная с конца II тысячелетия до н. э.)⁴³, или смешан-

ных предахеменидских и ахеменидских слоев⁴⁴. Собственно на территории Хорезма и в районе верхнего Узбоя известны бронзовые втульчатые листовидные наконечники дротиков⁴⁵ и стрел⁴⁶ конца эпохи бронзы, которые могли послужить прототипами для упомянутого типа.

Одни из найденных на поверхности поселения наконечников (табл. XII, 1) имеет очень архаический облик и может быть сопоставлен с экземплярами эпохи поздней бронзы и раннего железного века⁴⁷, в частности, с наконечниками стрел из слоя Яз-депе I (X—VII вв. до н. э.)⁴⁸ и с Изаат-кули в Дажистане, где они встречены, так же как и на поселении Куяусай 2, в сочетании с бронзовыми трехлопастными черешковыми наконечниками стрел⁴⁹. Близок к 1-му типу стрел и наконечник из слоя Кобадан I (городище Калаи-мир) в южном Таджикистане, датируется он несколько позже — VII, скорее, VI вв. до н. э.⁵⁰ Аналогичные типы стрел есть в раннесакских могильниках Восточного Памира, в комплексах VII—начала VI вв. до н. э.⁵¹

Тип 2. Лавролистные стрелы базисного варианта, без выступающей втулки (табл. XII, 6—7). По мнению К. Ф. Смирнова (второй тип его классификации), эти стрелы тоже возникли еще в эпоху бронзы, позднее встречаются довольно редко и только в памятниках VII—VI вв. до н. э. в Скифии, на Северном Кавказе, в Средней Азии и Южной Сибири. К V вв. до н. э. этот тип стрел исчез повсеместно. На Передний Восток стрелы этого типа попали со скифами⁵². На территории Средней Азии находки стрел этого типа известны в Хорезме⁵³,

³⁷ Вишняковская О. А. Культура сакских племен... с. 88; Воробьева М. Г. Днигильде... с. 194.

³⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, № 101. 1961. с. 37.

³⁹ Трехгранные втульчатые наконечники стрел на поселении Куяусай 2 пока неизвестны.

⁴⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 38—40.

⁴¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 39.

⁴² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 38.

⁴³ Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триплетте. Тбилиси, 1941, с. 43; Petrie F. Gerar. London. 1928, p. 15—16.

⁴⁴ Schmidt E. Anatolia through the Ages. Discoveries at the Alishar mound 1927—1928. — Oriental Institute Communications, Chicago, 1931, N 41, p. 138.

⁴⁵ Итума М. А. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. — ТХЗ, 1958, т. II, с. 301, рис. 12.

⁴⁶ Итума М. А. Поселение Янке-парсан 2. (Раскопки 1958—1959 гг.). — МХЗ, 1963, вып. 6, с. 122—125.

⁴⁷ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия эпохи бронзы. — с. 32, 33.

⁴⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 200, табл. XXXIII, 3, 9, 10. Для слоя Яз-депе II, судя по обломкам, характерен тот же тип. (См.: Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 40, 46).

⁴⁹ Массон В. М. Памятники культуры архаического века Дахистана... с. 401, рис. 15.

⁵⁰ Дьячкова М. М. Сложение классового общества в Северной Вактрии. — СА, 1954, XIX, с. 133, рис. 4.

⁵¹ Литвицкий Б. А. Древние конюшники «крыши мира». М., 1972, с. 93, рис. 34, 4.

⁵² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 40; там же — ссылки на литературу.

⁵³ Воробьева М. Г. Днигильде... с. 195, табл. I; II, 5. Автор отмечает наличие подобных стрел в V вв. до н. э. и в Семиречье, в Южной Сибири.

на Уйгараке⁵⁴, в составе Бринмуллинского клада (рубеж II—I тысячелетий до н. э. — первые века I тысячелетия до н. э.)⁵⁵ и на Мадау-дене в Дакхестане⁵⁶.

Тип 3 представлен двумя экземплярами базисных (со срезающей втулкой) наконечников овално-ромбической формы (табл. XII, 8—9). Один из них более вытянутый, с жилкой, доходящей до самого острия стрелы; другой — имеет четырехгранное заточенное острие пера. Прямых аналогий этому типу наконечников как будто бы нет, отсутствуют они и в классификации К. Ф. Смирнова, хотя, несомненно, представляя разновидность типа 2 и могут быть сопоставлены с типом 6 классификации К. Ф. Смирнова, отличаясь от него отсутствием шипа⁵⁷.

К этому же типу, очевидно, могут быть отнесены два наконечника из кургана 5ж могильника Карамурун I в Центральном Казахстане, датируемого VII—VI вв. до н. э.⁵⁸

Тип 4 (табл. XII, 10—11). Соответствует типу 6 классификации К. Ф. Смирнова — с овальной или овално-ромбической головкой, короткой втулкой и шипом, закапчивающим одну из лопастей наконечника. К. Ф. Смирнов отмечает преобладание этого типа наконечников в восточных областях евразийских степей. На этом основании он предполагает, что именно здесь, еще в позднекарасукское время, и возник этот тип стрел. Датирует он его VII — первой половиной VI в. до н. э.⁵⁹ Один такой наконечник найден на Уйгараке и отнесен О. В. Вишневской к 1-му типу ее классификации⁶⁰.

В комплексе уже упомянувшегося кургана 5ж могильника Карамурун I наряду с ромбическими наконечниками с выступающей втулкой и шипом представлены и стрелы описываемого типа⁶¹.

Тип 5. Наконечник стрелы с банневидной головкой, закапчивающейся острыми шипами, и выступающей втулкой (аналогичный типу 7 по К. Ф. Смирнову). Нань экземпляр (табл. XII,

12) отличается от савроматских несколькими очертаниями — у него излом пера происходит в нижней трети высоты. В остальном же он ничем принципиально не отличается от савроматских экземпляров, известных в очень ограниченном количестве. К. Ф. Смирнов считает этот тип очень архаическим и датирует условно VII в. до н. э.⁶²

Наконечники этого типа и близкие им со сводчатой головкой (тип 8 по К. Ф. Смирнову) известны на Памире (Памирская I, курган 10 — VI в. до н. э.) и в Кайраккумах⁶³.

Тип 6 (табл. XII, 13). Наконечник стрелы со сводчатой головкой и выступающей втулкой (тип 9 по К. Ф. Смирнову). Лопастей очень узкие, срезаны под тупым углом. Эту особенность отмечает К. Ф. Смирнов и для стрел выделяемого им типа 10, отличающегося от описываемого лишь отсутствием втулки. Эти типы наконечников датируются К. Ф. Смирновым VI — началом V в. до н. э.⁶⁴ Известен аналогичный наконечник из Семиречья⁶⁵.

К отделу *трехлопастных* (II) могут быть отнесены лишь несколько экземпляров наконечников стрел. Почти полностью форму сохранили лишь два наконечника (табл. XII, 14, 15), около восьми представлены лишь фрагментами.

Тип 1 (табл. XII, 14). Наконечник со сводчатой головкой и выступающей втулкой, лопастей срезаны под тупым углом к ней. У савроматов этот тип стрел представлен большим количеством вариантов и известен в памятниках от конца VII до II в. до н. э. (К. Ф. Смирнов выделяет его в 6-й тип)⁶⁶. К. Ф. Смирнов отмечает, что стрелы подобного типа (массивные сводчатые экземпляры) появляются в конце VII в. в Скифии, Поволжье, на Кавказе и Персидском Востоке, но не занимают в наборах господствующего положения⁶⁷. Этот тип наконечников широко представлен и в савроматских комплексах VI—IV вв. до н. э.⁶⁸ Подобные стрелы известны и с территории Хорезма⁶⁹.

⁵⁴ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 89, немного отличный вариант.

⁵⁵ Литвинский Б. А. Древние ковчешники... с. 65, табл. 30, 1—7; 31.

⁵⁶ Массон В. М. Памятники культуры архаического Дакхестана... с. 421, рис. 36.

⁵⁷ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, табл. 1, тип VI.

⁵⁸ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаева М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 377—378, рис. 58, третий сверху ряд, четвертый и пятый наконечники.

⁵⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 42.

⁶⁰ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 88, табл. XXV, 19.

⁶¹ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаева М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура... с. 377, рис. 58.

⁶² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 46—48.

⁶³ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 46.

⁶⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 46—47.

⁶⁵ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 79, рис. 17; с. 88, рис. 26; с. 110, рис. 45; с. 121,

Второй из сохранившихся трехлопастных наконечников (табл. XII, 15) вряд ли может быть четко отнесен к определенному типу, так как втулка у него обломана. Головка у него сводчатая, массивная, лопасти широкие. Эти признаки указывают на его более раннюю дату.

Отдел *четыреугольных и ромбических в сечении наконечников* (III).

Тип 1 (табл. XII, 16). Ромбовидный наконечник с ромбической в сечении головкой, переходящей по бокам в лопасти. Этот наконечник является, на наш взгляд, переходным от ромбических двухлопастных к ромбовидным и ромбическим в сечении стрелам. Описываемый экземпляр происходит из культурного слоя раскопа А. Дата его, как и ромбических двухлопастных и четырехгранных наконечников, должна быть определена в пределах VII—VI вв. до н. э.

Тип 2 (табл. XII, 17—19). Ромбовидные с ромбическим сечением головки и скрытой втулкой. У двух экземпляров одна из граней лопасти переходит в небольшой шип (табл. XII, 17, 18). Экземпляр, представленный на табл. XII, 17, отличается массивной головкой и слегка выделенной в нижней половине наконечника втулкой. Наконечникам этого типа в связи с находками их в Центральном Казахстане⁷⁰, в низовьях Сырдарьи⁷¹ и на Памире⁷² были посвящены соответствующие экскурсии М. К. Кадырбаева, О. А. Вишневской и Б. А. Литвинского. Все авторы считают возможным датировать этот тип наконечников VII—VI вв. до н. э. и связывают их происхождение с территорией Казахстана. Б. А. Литвинский высказал предположение, что «Хорезм и восточная часть Средней Азии входили в ареал первоначального распространения этого типа наконечников»⁷³. Находки этого типа стрел на поселении Куюсай 2 подтверждают это предположение.

Тип 3 (табл. XII, 20). Наконечник со сводчатой ромбической в сечении головкой, переходящей по бокам в очень маленькие, слегка выделенные лопасти, и небольшой выступающей втулкой. От выделенных О. А. Вишневской на Уйгараке в аналогичный тип II отдела Г⁷⁴ от-

личается меньшими размерами и очень слабо выраженными лопастями.

К отделу *круглых* в сечении наконечников (IV) относится один экземпляр пулевидной стрелы (табл. XII, 21). Он относится ко 2-му типу наконечников отдела круглых в сечении стрел, выделенных К. Ф. Смирновым⁷⁵. Из трех найденных на савроматской территории наконечников этого типа два происходят из погребений начала V в. до н. э.⁷⁶ Едва заметные углубления типа гребней у основания нашего экземпляра, возможно, указывают на связь его с копиями прототипами⁷⁷ эпохи поздней бронзы, с которыми склонен связывать генезис этого типа и К. Ф. Смирнов⁷⁸.

Наконечник с поселения Куюсай 2 при круглом сечении имеет близкую к конусу форму, наибольший диаметр его приходится на основание. Среди всех учтенных К. Ф. Смирновым круглых в сечении стрел такие особенности конструкции отличают лишь ранние экземпляры конца эпохи бронзы и раннего железного века⁷⁹.

Черешковые наконечники стрел составляют приблизительно треть всех, найденных на поселении. Все они относятся к отделам трехлопастных (I) и трехгранных (II).

Трехлопастные черешковые наконечники стрел делятся на два типа.

Тип 1 (табл. XII, 22). Наконечник со сводчатой головкой и черешком, выделенным лишь в нижней части головки. Стрелы подобного типа известны на Уйгараке и выделены О. А. Вишневской в тип II отдела Б. Очень близкие экземпляры (по общим размерам, ширине лопастей и т. д.) представлены в инвентаре курганов 83 и 84⁸⁰, первый из которых автор датирует концом VII—началом VI в. до н. э., а второй — VI в. до н. э.⁸¹

Экземпляр наконечника с поселения Куюсай 2 отличается крупными размерами и аналогично подобным стрелам из кургана 83 могильника Уйгарак может быть сопоставлен с бегазинскими наконечниками, на основании которых определяется ранняя дата этого типа стрел⁸².

Насколько можно судить по рисунку, очень близкий экземпляр черешковой трехлопастной стрелы имеется и среди находок с Изаг-кули

рис. 63; с. 129, рис. 73; Воробьева М. Г. Дингильде... с. 197—198. Аналогичные стрелы известны и на Кюезлигяре. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность О. А. Вишневской, ознакомившей меня с неопубликованными материалами из Кюезлигяра.

⁷⁰ Маргулан А. Х., Акишева К. А., Кадырбаева М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура... с. 376.

⁷¹ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 91.

⁷² Литвинский Б. А. Древние ковчиги... с. 95—96.

⁷³ Литвинский Б. А. Древние ковчиги... с. 96.

⁷⁴ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 90—91.

⁷⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 61.

⁷⁶ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 61.

⁷⁷ Там же, Ср.: с. 141, рис. 39А, 18 и 39Б, 16.

⁷⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 61.

⁷⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 141, рис. 39Б.

⁸⁰ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 93, табл. XIX, 3; XX, 25.

⁸¹ Там же, с. 120—123.

⁸² Там же, с. 93, 122.

в Дахистане⁸³. Известны подобные стрелы на Кучук-тепе в Южном Узбекистане⁸⁴, в Центральном Казахстане⁸⁵, в Сибири и Монголии⁸⁶.

Тип 2. Наконечник с треугольной головкой и черешком, выделенным лишь в нижней части головки. Лопасты подрезаны под тупым углом к черешку. По типу этот наконечник (табл. XII, 23) близок к трехгранным, но может быть сопоставлен и с соответствующим типом наконечников из могильника Уйгарак⁸⁷.

Трехгранные черешковые наконечники стрел, согласно классификации О. А. Вишневской, делятся на два типа⁸⁸. Большая часть найденных на поселении Куясай 2 черешковых наконечников стрел относится к отряду трехгранных.

Тип 1. Сводчатые трехгранные наконечники с выемкой (табл. XII, 24—30). В куясайской коллекции представлены экземпляры с овальным вырезом разных размеров. Встречаются даже экземпляры, близкие к непрофилированным наконечникам (табл. XII, 29, 30). Во всех экземплярах трехгранное острие стрелы переходит в лопасти, образующие с черешком чаще всего тупой угол, реже — прямой. Черешок заканчивается, как правило, у основания головки. Несмотря на различия в деталях, выделяемый тип 1 может быть сопоставлен с одним из уйгарских вариантов, относимых О. А. Вишневской к VII—VI вв. до н. э.⁸⁹

Тип 2. Наконечник с треугольной головкой и прямоугольной выемкой (табл. XII, 31). Не-

большое трехгранное острие переходит в довольно широкие лопасти, заканчивающиеся небольшими шипами. Черешок прослеживается до трехгранного острия. Тип этот близок и к трехлопастным стрелам. Прямых аналогий куясайскому экземпляру указать нельзя. В некоторой степени сопоставим он с наконечником из кургана 7 у с. Сара, датируемым концом VI—V в. до н. э.⁹⁰ Учитывая, что черешковые стрелы у савроматов появляются только в это время, его дата для среднеазиатских районов может быть удвигнена.

Кроме приведенных в таблице и описанных в тексте наконечников стрел, на поселении Куясай 2 были собраны на поверхности фрагменты следующих типов бронзовых наконечников: двухлопастные втульчатые с жилой до конца головки — 5 экз.; двухлопастные втульчатые с выступающей втулкой и базисные — 5; двухлопастной втульчатый с малыми лопастями и выступающей втулкой — 1; крупная двухлопастная втульчатая, может быть, листовидная, стрела — 1; обломок верхней части головки двухлопастного наконечника — 1; трехлопастные втульчатые — 4; втулки разной величины — 4; черешковая трехлопастная стрела — 1; черешок — 1; верхняя часть головки трехлопастной стрелы — 2 экз.

К детальному анализу всего набора стрел с поселением мы вернемся в связи с вопросом о хронологии и культурных связях памятников куясайской культуры.

Каменные ядра. Вторую категорию предметов вооружения составляют каменные ядра круглой или слегка уплощенной формы. Некоторые из них, несомненно, использовались позднее как терочники.

Конское снаряжение. Представлено фрагментом бракованного бронзового стременидного удила (табл. XI 6). Изделие было забраковано в процессе производства: не пробито внутреннее отверстие в «стремечке» удила, не сняты напавы металла вдоль всего контура, образовавшиеся, скорее всего, на стыке литейных форм. По классификации О. А. Вишневской, представленный на поселении Куясай 2 экземпляр удила относится ко второму этапу развития этого типа и широко распространяется в Евразии в VI в. до н. э.⁹¹

Хозяйство. Несмотря на небольшой объем раскопок на поселении, некоторыми данными о занятиях жителей этого поселка мы располагаем. Благоприятные природные условия способствовали развитию земледелия. Сколь развитым оно было, судить трудно. Во всяком слу-

⁸³ Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана... с. 401, рис. 15, первый слева наконечник.

⁸⁴ Альбаум Л. П. К датировке верхнего слоя поселения Кучук-тепе. — ИМКУ. 1969, вып. 8, с. 74, рис. 3. Не убеждает предложенная автором поздняя дата наконечников стрел, практически она никак не обоснована (см.: Медведева П. П. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, 1972, № 3, с. 85).

⁸⁵ Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Орбаев А. М. Древняя культура... с. 377—378.

⁸⁶ Киселев С. В. Монголия в древности. — ИАН СССР. Сер. истории и философия, 1947, т. IV, № 4, с. 365, рис. 3к; Волков В. В. Бронзовые наконечники стрел из музея МИР. — В кн.: Монгольские археологические сборники. М., 1962, с. 22 (тип 20) и рис. 4, 4; Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, табл. XIX, 1; Чалюнов П. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 262, табл. 12, 5, 11.

⁸⁷ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 92—93, табл. XXV, 36, 37.

⁸⁸ Вишневская О. А. Там же, с. 93 и след.
⁸⁹ Вишневская О. А. Там же, с. 94, табл. XXV, 46. Там же приведены аналогии этому типу стрел из Центрального Казахстана, с Памира и Южной Сибири. См. также упоминавшиеся материалы с Иат-кули в Дахистане и из Хорезма.

⁹⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, рис. 40, 12.

⁹¹ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 103, табл. XXVI, 4, 5.

Таблица определения костных остатков из поселения Куусай 2

Вид животного	Раскоп А, квадраты						Раскоп Б			Раскоп В				Г-1
	1	2-3	4	5	6	8	дом 1	квадраты		слон вершин и пиланий	лозидный кузоль Р.	лозидный мый слон	миса слово	
								1-4	7					
Неопределенные	37	17	6	11	—	4	82	164	—	93	60	9	—	
Крупный рогатый скот	38/3	22/2	—	9/2	2/1	19/2	65/2	286/4	11/1	69/3	45/7	9/3	19/1	
Мелкий рогатый скот	42/4	6/1	11/1	11/2	24/4	13/2	76/6	149/15	—	31/3	2/1	4/2	18/2	
Лошадь	7/1	14/1	3/1	1/1	1/1	4/1	27/2	122/3	—	68/3	36/4	25/1	10/1	
Верблюд	—	—	—	—	—	1/1	—	18/1	—	30/2	35/3	9/1	—	
Осел	1/1	—	—	—	—	1/1	—	—	—	—	—	—	6/1	
Собака	—	—	—	—	—	—	2/2	—	—	1/1	—	1/1	—	
Свинья	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3/4	8/1	—	—	
Кабан	—	—	—	—	—	—	—	10/1	—	—	—	—	—	
Олень бухарский	—	—	—	—	—	—	—	1/1	—	—	—	—	—	
Всего	88/9	42/4	14/2	21/5	28/7	37/6	170/12	586/25	11/1	202/13	126/16	48/8	53/5	

чае, находки большого количества крупных сосудов для хранения, часть которых (хумы прежде всего) не могла использоваться для хранения жидкостей не только из-за своих размеров, но и в связи с тем, что имела очень широкие горловины, препятствовавшие плотной изоляции содержимого сосудов (кстати, на поселении керамических крышек не обнаружено совсем), очевидно, свидетельствуют о наличии некоторых запасов зерна.

Зернотерки, обнаруженные в значительном количестве, указывают на переработку зерна. Как уже отмечалось, земледелие могло быть богарным или капрным, никаких следов ирригации этого времени не обнаружено.

Вместе с тем в хозяйстве жителей поселения заметную роль играло скотоводство. Во всех раскопах найдено большое количество костей животных. К сожалению, большая часть из них очень плохой сохранности и не может быть использована для определения состава стада.

Весь остеологический материал был определен сотрудницей ИА АН СССР В. П. Данильченко. Предварительные результаты определения костных остатков из раскопок поселения Куусай 2 сведены ею в табл. 1. Всего определено 1426 костей животных от 113 особей (в таблице указывается количество костей в числе и количество особей в знаменателе), из них домашних животных — 111 особей, что как будто бы свидетельствует о слабом развитии охоты.

Несмотря на малое количество особей, можно все же предполагать, что в какой-то мере костные остатки отражают реальный состав стада. Поэтому представляет несомненный интерес сравнение данных с поселения Куусай 2 и других памятников Хорезма, опубликованных

В. И. Цалкиным⁹². Данные эти в процентах сведены нами в табл. 2. К сожалению, в нее не включены материалы с поселения Якке-парсан 2 (IX—VIII вв. до н. э.), но там определено очень мало особей. Можно отметить, что мелкий рогатый скот там вдвое или даже более превышает количество крупного рогатого скота, в каждом доме встречаются кости, по крайней мере, одной особи лошади⁹³.

Таблица 2

Сравнительная таблица состава стада по материалам различных памятников Хорезма

Вид животного	Памятник						
	Куусай 2	Кювезин-гяр	Хаседа Дингилд-ме	Кюй-прингил-пала	Сверный Хорезм, памятники IV в. н. э. до н. э.—IV в. н. э.	Сверный Хорезм, памятники XI—XIV вв. н. э.	Сверный Хорезм, памятники Караджани
Крупный рогатый скот	28,9	32,6	21,7	16,8	21,8	21,6	21,8
Мелкий рогатый скот	40,1	49,7	61,7	57,1	37,5	58,1	58,9
Лошадь	18,69	8,2	5,9	3,9	12,5	9,5	10,3
Верблюд	7,47	2,0	4,1	1,5	6,3	4,1	4,4
Осел	2,8	4,1	4,1	3,1	9,4	6,7	4,2
Свинья	1,86	3,4	2,5	17,4	12,5	—	0,4

Стоит привести здесь и данные о составе стада крупнейшего памятника джетыясарской

⁹² Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. — МИА, 1966, № 135, с. 108.

⁹³ Игина М. А. История степных племен..., с. 185.

культуры в низовых Сырдары Алтын-асара (I в. до н. э.—VIII в. н. э.)⁹⁴.

Крупный рогатый скот	— 21,2%
Мелкий рогатый скот	— 65,8%
Лошадь	— 8,2%
Верблюды	— 1,3%
Осел	— 0,7%
Свины	—

На основании этих данных и сравнения их с полученными по другим памятникам в Хорезме С. П. Толстов сделал вывод, что для джетысарской культуры можно говорить о скотоводстве, и прежде всего о разведении крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов, как о ведущей отрасли хозяйства⁹⁵. Близкий состав стада с преобладанием в нем крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов в архангелской культуре Хорезма (по материалам городища Кюзели-гыр, см. табл. 2) позволил С. П. Толстому сделать вывод о «сохранении древнего, восходящего еще к бронзовому веку типа подюкочевского скотоводства»⁹⁶. С. П. Толстов отмечает, что аналогичный состав стада фиксируется и текстами Авесты⁹⁷.

По имеющимся материалам состав стада на поселении Куясай 2 ближе всего к кюзелигырскому (немного меньше крупного и мелкого рогатого скота, но значительно больше лошадей и верблюдов). Крупный рогатый скот, лошади и верблюды вместе на поселении Куясай 2 составляют 55%, а на Кюзели-гыре — 42,8%. Таким образом, с еще большим основанием мы можем отнести вывод С. П. Толстова о преобладании подюкочевского скотоводства, и прежде всего разведения крупного рогатого скота в хозяйстве, и к куясайцам. Судя по всем данным, на поселении Куясай 2, как и на Кюзели-гыре (и даже в большей степени) животноводство играло ведущую роль в хозяйстве. Интересно отметить наблюдение В. И. Цалкина об особенностях состава стада в памятниках Северного Хорезма. Здесь в дельтовых районах устойчиво на протяжении тысячелетий сохраняется преобладающая роль крупного скота в стаде, в то время как в памятниках Южного Хорезма с IV в. до н. э. господствующее место занимают кости мелкого рогатого скота⁹⁸. В. И. Цалкин приходит к выводу, что «основные формы животноводства Каракалпакии (имеется в виду се-

верная часть республики. — *Б. В.*), выражающиеся в составе стада сельскохозяйственных животных, сложились уже в очень древнее время, видимо, не позднее первой половины II тысячелетия н. э.»⁹⁹. Таким образом, устойчивость состава стада в дельтовых областях Амударьи может быть зафиксирована и до 30-х годов нашего века.

Возникает предположение, что естественные условия обводненной Присарыкамьшской дельты в период существования поселения Куясай 2 и городища Кюзели-гыр способствовали сохранению доминирующей роли скотоводства в хозяйстве и разведению преимущественно крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов.

Находятся всевозможных костяных и каменных лоули, предметов, связанных с прядением и ткачеством (пряслица, костяные гребни), свидетельствуют о переработке продуктов скотоводства в домашних условиях.

При исследовании поселения Куясай 2 получены данные и о развитии ряда ремесленных производств. Повсеместно на поселении встречаются слитки меди, фрагменты изделий (в том числе и бракованных), кусочки металла. Следы медного литья найдены в восточной части раскопа А. Какие изделия производились на месте, трудно сказать, но находка бракованного удила как будто бы указывает на возможность широкого ассортимента изделий местных мастеров.

Достаточно широко представлены на поселении фрагменты железных криц и куски ошлакованного металла. Тем не менее, судя по количеству находок, этот вид ремесленного производства был менее распространен на поселении.

Уже отмечалось, что обработка бирюзы и изготовление ювелирных изделий из нее и ряда других полудрагоценных камней широко практиковались на поселении.

Вне всякого сомнения, вся посуда ручной выделки изготовлялась и обжигалась на месте. Обжиг был еще костровый, судя по качеству посуды.

Вопросы хронологии поселения Куясай 2 будут рассмотрены в конце статьи в их взаимосвязи с хронологией остальных памятников куясайской культуры.

В окрестностях могильника Тумек-кичиджик самые тщательные разведки вдоль русел не выявили поселений. Нами были найдены лишь одиночные фрагменты посуды куясайского и кюзелигырского типов, вероятно, последние остатки небольших поселений, некогда существовавших в этом районе.

Несколько больше лам повезло в районе

⁹⁴ Определения В. И. Цалкина приведены в работе: Толстов С. П., Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). — ТХЗ, 1952, т. I, с. 49, прим. 1.

⁹⁵ Толстов С. П., Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция..., с. 49.

⁹⁶ Толстов С. П., По древним дельтам Ока и Янгарта. М., 1962, с. 104.

⁹⁷ Толстов С. П., По древним дельтам..., с. 104.

⁹⁸ Цалкин В. И., Древнее животноводство..., с. 153—154. См. также нашу табл. 2.

⁹⁹ Цалкин В. И., Древнее животноводство..., с. 154.

между возвышенностями Тарым-кая и Кангагыр. Здесь во время работ на могильнике Тарым-кая I была обнаружена целая серия поселений.

Поселение на юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая. Поселение на мысу южной террасы представляет собой типичное убежище с использованном естественных преград («скалы» — античных авторов, крепости-убежища — эпохи средневековья). Одна стена отсекает небольшой мыс (табл. XIIIa, б), имевший, очевидно, в древности обрывистые склоны, вторая стена, перпендикулярная ей, делит поселение на две неравные части. Восточная — площадь застроена, прослеживаются следы стен, сложенных из сырцового кирпича и камня. Культурный слой очень рыхлый, местами толщина его достигает полуметра. Западная, большая часть поселения следов регулярной застройки не имеет. Здесь культурный слой сохранился вблизи стен, на поверхности обильные следы навоза. Остатки размытого культурного слоя есть и за пределами поселения, непосредственно у стены. Подъемного материала много: преобладает керамика куясайского типа; есть немного и хорезмийской античной посуды. В подъемном материале встречено более десятка бронзовых наконечников стрел и фрагментов от них. Все они трехгранные и трехлопастные втульчатые (табл. XVa). Все типы наконечников известны по комплексам V—IV и IV—II вв. до н. э.

На поселении раскопан участок площадью около 120 кв. м, в восточной его части. Раскрыты четыре помещения, выделенные по верхнему стратиграфическому уровню. Всего на поселении зафиксированы два стратиграфических горизонта и хозяйственная яма, прорубленная в первом из них.

В первый период была построена внешняя отсечная стена, края которой у обрывов в настоящее время смыты; вход в сохранившейся части без раскопок не прослеживается. Вся площадка под поселение, имевшая естественный уклон с севера на юг, очевидно, была подготовлена к строительству в виде нескольких горизонтальных террас. У края одной из них и была поставлена внешняя стена. Она заглублена на 10—15 см с северного края по отношению к материковой поверхности за пределами поселения. С южной стороны из помещения стена имеет обычный вид и стоит на горизонтальной материковой поверхности. В большой своей части внешняя стена сложена из сырцовых кирпичей очень плохого качества: глина плохо промешана, есть примесь самана, костей животных, навоза. Размеры кирпичей различны плохо; возможно, что они квадратные и крупные. Раствор в кладке рыхлый, в нем много

мусора. Восточный конец стены у обрыва сложен из слегка подгесанных плит белого известняка. Кладка вперевязку. Может быть, в этом районе и был вход на поселение. Во внутренних стенах (в помещениях) изредка каменные плиты встречены в основании стен.

Одновременно с внешней стеной, перпендикулярно ей, были возведены длинные стены, образующие на раскопанном участке два ряда помещений. Поперечная им стена, разделявшая помещения 3 и 4, как и внешняя стена, была поставлена возле уступа материковой террасы, вплотную к нему. Таким образом, в первый период жизни поселения помещения были большими. Позднее они были разгорожены дополнительными стенами; так появилось небольшое по размерам помещение 2.

Нижние полы во всех помещениях лежат на материке, местами прослеживаются следы обмазки с известковыми вкраплениями. Все помещения жилые или хозяйственные. Яма, относящаяся к раннему периоду в помещении 2, служила маленькой пекарней. В северо-восточном углу ее был поставлен горлом вниз позднекузнецкий хум. Его обмазали глиной и сделали из него тандыр. Обмазка внутри значительно обожжена. Внутри этого тандыра и около него культурный слой содержит большое количество золы; много здесь фрагментов кухонной посуды, есть кости животных и рыб. Помещение 4 отличалось от остальных наиболее зеленым культурным слоем. На полу горелые пятна от очагов и попадаются куски печины. В обмазке верхнего пола этого помещения много навоза. Помещение 2 — явно жилого характера.

При раскопках крепости-убежища на мысу Тарым-кая было получено, к сожалению, недостаточное количество керамики для того, чтобы полно охарактеризовать весь комплекс. К тому же большая часть полученной керамики сильно фрагментирована и разлагается от солей и других примесей, содержащихся в естественном грунте возвышенности.

Процент гончарной посуды не столь велик в комплексе, как может это показаться по таблицам. Она гораздо лучше сохраняется, чем керамика ручной лепки. Преобладает посуда ручной выделки с красной поверхностью, обычной для куясайской керамики. Среди нее встречена практически только кухонная посуда (табл. XIVa). Выделяются следующие типы: горшки разных размеров с шаровидным туловом, покатыми плечиками, прямой горловиной без венчика или слегка отогнутым наружу краем (табл. XIVa, 1—8). Фрагменты доньев дают представление о том, что техника изготовления керамики несколько иная, чем на поселении Куясай 2. Чаще всего край плоского дна поднят

(табл. XIVa, 9—13). Аналогичные края и у дниц жаровен, довольно широко представленных в раскопках (табл. XIVa, 19—23).

К серии *столовой посуды* относятся фрагменты мисок (табл. XIVb, 17, 18) и сужающихся к устью чащ, или кубков (табл. XIVb, 15, 16).

Гончарная посуда принадлежит к хорошо известным типам собственно хорезмийской керамики.

Хумы встречаются двух типов. Они последовательно использовались в качестве тандыров. К первому относится слегка сужающийся к устью толстостенный хум позднеархаического облика. Венчик маяжетовидный, отделен от тулова желобком и валиком. Сосуд сильно обожжен в процессе эксплуатации, поэтому о цвете теста и ангоба говорить нельзя. Аналогичные хумы известны на поселении Дингильдже и характерны для самого конца архаической культуры Хорезма¹⁰⁰. Ко второму типу относится более тонкостенный хум со слегка покатыми плечиками, округлым валикообразным венчиком и широким желобком под ним (практически заменяющим шейку сосуда). Нижний край желобка оформлен в виде уступа. Сосуд поверх розового ангоба украшен крупными спиралями росписи темно-красной краской. Хум этот принадлежит к образцам раннекангуйской культуры Хорезма¹⁰¹. Наиболее ранние хумы с росписью спиралями в Хорезме известны по комплексу из Хазараспа, переходящему от Дингильдже к раннекангуйской культуре (Кой-Крылган-кала, Калалы-гыр 1 и 2)¹⁰².

Хумка представлена одной формой, реконструируемой полностью (табл. XIVe, 3). Это светлоангобированный сосуд желтовато-бежевого теста сохраняет характерный для посуды архаической культуры Хорезма подкос в придонной части, отделенный от тулова массивным ребром, и вместе с тем имеет уже узкое горло и четко выделенные плечики. Тулова сосуда округлое, ко дну сужается. Венчик округлый, мягких очертаний. Подобный тип посуды известен также по комплексам, переходным от конца архаики к раннекангуйской культуре.

В усадьбе Дингильдже хумчи еще остаются широкогорлыми, хотя и встречаются экземпляры с выделенной шейкой¹⁰³. Вместе с тем уже появляются формы сосудов, близкие к на-

шей хумке¹⁰⁴. Похожие по форме сосуды, но с росписью в виде спиральных линий известны в упомянувшимся комплексе из Хазараспа¹⁰⁵.

Остальная гончарная посуда представляется на поселении в мелких фрагментах, формы целиком не восстанавливаются. Как правило, это красноглиняная и красноангобированная посуда (табл. XIVb, 1—4, 6, 7). Есть фрагмент венчика со следами росписи красной краской по светло-розовому ангобу (табл. XIVb, 5). Подставка от ножки раннекангуйского бокала найдена во вторичном использовании: из нее сделано пряслице (табл. XIVb, 7). Вся эта керамика известна в комплексах Дингильдже, Хазараспа и Кой-Крылган-калы (нижний слой), что подтверждает лишний раз определение времени комплекса керамики из поселения на юго-западном мысу Тарым-кая как переходного от архаической к раннекангуйской культуре и начала раннекангуйского периода.

Из других находок на поселении можно отметить пряслица, каменные терочки и ядра для пращи, а также бронзовые наконечники стрел. Один из них (табл. XVa, 10) был найден на нижнем полу помещения 3, а остальные — в размытом культурном слое южной части поселения. Таким образом, за исключением плохо определяемых фрагментов, сохранились десять наконечников стрел с поселения. Все они принадлежат к трехлопастным втульчатым и все, кроме одного, имеют выступающую втулку. Все эти наконечники хорошо известны в сарматских и хорезмийских памятниках¹⁰⁶. По классификации К. Ф. Смирнова выделяется ряд типов.

Тип 1 (табл. XVa, 1—2). Наконечники со сводчатой или близкой к треугольной головкой, выступающей втулкой и косо срезанным внизу лопастями. Соответствует типу 3 у К. Ф. Смирнова, который отмечает, что как в Скифии, так и у сарматов этот тип не встречается позже V в. до н. э.¹⁰⁷ Наиболее близок нашему (табл. XVa, 2) один наконечник из комплекса VI—V вв. до н. э. у с. Сара на Урале¹⁰⁸. Наши наконечники при полном тождестве типа и пропорции отличаются меньшие размеры (табл. XVa, 1), что возможно, свидетельствует об их несколько более

¹⁰⁴ Воробьева М. Г. Дингильдже..., рис. 35, 17. М. Г. Воробьева называет его кувшиновидным сосудом, по размерам же он практически не уступает хумчам.

¹⁰⁵ Воробьева М. Г., Лапирова-Скобло М. С., Нералик Е. Е. Археологические работы..., рис. 13, 42.

¹⁰⁶ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов; Толстов С. И. Древний Хорезм; он же. Работы Хорезмской экспедиции в 1949—1953 гг. — ТХЗ, 1958, т. II, с. 149, рис. 56; Воробьева М. Г. Дингильдже...

¹⁰⁷ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов, с. 45.

¹⁰⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов, рис. 21А, 28.

поздней дате. Если сарматские комплексы, в которых встречается этот тип наконечников, датируются VI—началом V в. до н. э., то для наконечников из поселения на Тарым-кае, очевидно, следует принять дату около конца V в. до н. э. Может быть, к этому же типу следует отнести и экземпляры, изображенные на табл. XVa, 8, 10, но подкос граней у них очень невелик и мог образоваться в процессе коррозии.

Большое оснований все остальные наконечники стрел с поселения, кроме одного (табл. XVa, 9), отнести к типу 2 со сводчатой или близкой к треугольной головкой и выступающей втулкой — наиболее массовому типу и у сарматов (6 и 9 типы по К. Ф. Смирнову)¹⁰⁹. В Приуралье этот тип преобладает в IV в. до н. э., когда стрелы этого типа мелчают, отливка их становится довольно небрежной¹¹⁰. Более мелкие размеры отличают и наши экземпляры, что, вероятно, заставляет датировать их IV в. до н. э. На ряде наконечников (табл. XVa, 2, 4, 6, 7) можно отметить на продолжении лопастей на втулке небольшие выступы металла.

Тип 3 представлен одним наконечником (табл. XVa, 9) с внутренней втулкой, слабо-сводчатой головкой и опущенными ниже втулки шипами. Этот тип соответствует типу 12 у К. Ф. Смирнова¹¹¹.

Расцвет этого типа, по К. Ф. Смирнову, приходится на V в. до н. э., но наш экземпляр отличается от классических образцов этого типа так же меньший размер.

Ближние наборы стрел встречены в ряде курганов Ново-Кумакского курганного могильника, относимых к раннепрохоровским (курганы 12, 16, 18) и датировемых IV в. до н. э.¹¹²

Поселения с аналогичными находками, как можно судить по подъемному материалу, были обнаружены вдоль левого берега древнего русла, расположенного у подножья Тарым-кае, и между Тарым-кае и Канга-гыром. Поселения находились в непосредственной близости от русла, следов пригационных сооружений не обнаружено.

Усадьбы располагаются на расстоянии 50—100 м друг от друга. На ряде поселений различается планировка. В строительной технике можно отметить ряд особенностей: наряду с сырцовым кирпичом плохого качества используются куски камня и крупные обломки керами-

ческих шлаков. При поверхностном осмотре выделяются хозяйственные комплексы с большим количеством вкопанных хумов, как правило, гончарного производства. Процент гончарной посуды хорезмийского производства на этих поселениях очень велик, но это может происходить по той причине, что лепная куюсайская посуда быстрее разрушается.

Следует отметить, что посуда куюсайского типа встречена нами при работах на поселении Атака к северо-востоку от Акчагелина на одной из укрепленных усадеб позднеархаического времени, расположенной в низовьях куяуазского канала. Вблизи этой усадьбы (к востоку от нее), вдоль канала, в 1970 г. нами была выявлена целая серия разновременных поселений, с поверхности которых собран интересный керамический материал, наконечники стрел и пр. В этом комплексе есть значительный процент лепной посуды куюсайского типа (как по форме, так и по внешнему облику черепка).

Могильник Тумек-кычиджик (Дашлы-бурун). Расположен в 14 км к западу от крепости Шахсенем внутри древней Присарыккымышской дельты Амударьи¹¹³. Из 43 раскопанных в могильнике курганов 18 относятся к куюсайской культуре¹¹⁴. Все они представляли собой небольшие земляные насыпи, включавшие либо отдельные камни, либо кладку из плит светлого сланца или ракушечника, располагавшуюся обычно над захоронением в центральной части насыпи. Большая часть захоронений (в 12 курганах) совершена в яме, вытянутой в широтном направлении. Размеры ямы невелики, рассчитаны на одного погребенного. Глубина ям от 60—80 см до 1 м, иногда немного более 1 м. Инвентарь в погребениях очень скуден, располагается всегда в головах. Все погребения в ямах не имеют никаких следов ограбления или преднамеренного разрушения. Все имеющиеся повреждения костяков и инвентаря объясняются деятельностью грызунов, подхоронениями, осадками и т. п. В 11 курганах с захоронениями в широтных ямах ориентировка погребенного головой на запад, иногда на юго-запад-запад. В кургане 29 в аналогичной яме покойник ориентирован головой на восток. Все индивидуальные данные о курганах приведены в таблице 3 (табл. XVI, XVII, XVIIIa, б)¹¹⁵.

¹⁰⁹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 46—49, табл. III.

¹¹⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 47, 48—49.

¹¹¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 50, табл. III, тип XII, 78.

¹¹² Мешкова М. Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск. — МИА, 1962, № 115, с. 226, рис. 10, 13.

¹¹³ Общее описание могильника см. в статье Б. И. Вайнберг «Курганные могильники Северной Туркмении» в настоящем сборнике, с. 170—171.

¹¹⁴ Описание остальных погребений см. в статье В. А. Лохвица о могильнике Тумек-кычиджик в настоящем сборнике, с. 134—150.

¹¹⁵ Определение пола погребенных произведено в полевых условиях Л. Т. Ибодовским; см. также статью Т. А. Трофимовой в настоящем сборнике, с. 77—93.

По составу инвентаря довольно четко выделяются мужские и женские захоронения (особенно это относится к группе погребений в ямах). В мужских погребениях справа от головы ставили один лентной сосуд либо цилиндрической формы (баночный с вертикальными стенками), либо типа бокала с плавным сужающимся к устью стенками и округлой нижней частью. В некоторых захоронениях сосуды отсутствовали. Найденный в кургане 24 деревянный ислевый сосуд цилиндрической формы, повторивший форму керамических сосудов, наводит на мысль о том, что и в других курганах, где не обнаружена керамика, могли помещаться деревянные сосуды. Для женских захоронений характерны зернотерки, терочки, лопатка, иногда со следами красной краски. Почти всегда вместе с зернотерками или каменным туалетным столиком встречены куски плоских костей животных (тазовые, лопатки) со следами растертой красной краски. Часто краской закрашен четкий круг. Вместе с этими костями в ряде погребений найдены и куски красного минерала. Посуда в женских погребениях представлена явными формами, чем в мужских. Это, как правило, горшки, кружки нескольких типов, сосуды типа кувшинчиков с ручками и без них. Довольно часто в женских погребениях находились приспичка конической формы, известные с поселения Кююсай 2. Судя по инвентарю (тип сосудов, приспичка, терочки, зернотерки), погребения с труположением на древнем горизонте — женские. Они, как и подавляющее большинство женских захоронений в ямах, расположены на периферии могильника кююсайского времени, выделяющегося в северо-западной части всей курганной группы. Наиболее индивидуальное по обряду женское погребение кююсайской культуры (курган 51) расположено на значительном расстоянии от курганов этого времени (в южной части курганной группы). Курган отличается от обычных кююсайских погребальных сооружений крупными размерами, наличием рва, большой ролью огня в погребальном обряде. Само же захоронение на дне могильной ямы типично для женских захоронений в ямах кююсайского времени.

Могильник Тарым-кая I¹¹⁶. Основная группа могильника Тарым-кая I, расположенного на верхней террасе юго-западного мыса одноименной возвышенности, содержала тридцать курганных насыпей, помещавшихся у южного края верхней террасы мыса. С юга-востока от края обрыва ее отделяет небольшая каменная гряда, она же, повернув на северо-запад, огра-

ничивает эту группу и с севера, и с северо-востока (табл. XIIIа, а; XIX; XXа, б; XXI).

Вдоль этой гряды разместились относительно крупные, сильно размытые и невысокие насыпи (курганы 25, 23, 27, 29, 30). В южной части могильника можно выделить небольшую цепочку курганов (1, 2, 3, 4, 5, 8). Остальные курганы довольно компактной группой располагались между упомянутыми двумя рядами курганных насыпей, но ближе к восточной. Все курганные насыпи земляные, с небольшим количеством мелких обломков камня (известняка), из которого сложена возвышенность. Курганы размером от 5—7 до 12—17 м в диаметре и высотой от 0,3—0,5 до 1 м. Курганная группа раскопана полностью, за исключением курганов 13 и 24, испорченных мусульманскими захоронениями. Между насыпями, на участке около курганов 1—10—11—12—13—14—24 еще в 1970 г. были отмечены камни от оградок, или сооружений грунтовыми захоронениями. Раскопано восемь таких сооружений между курганами 12, 13, 10, 11, которые, как и два погребения в кургане 10, оказались мусульманскими, в каменных сооружениях типа «дист»¹¹⁷.

Все остальные курганы содержали разнообразные по обряду захоронения кююсайской культуры. Описание их мы приведем ниже.

К северу от основной группы могильника за каменной грядой, на несколько возвышающейся террасе зафиксирована еще одна курганная группа, названная нами, в отличие от первой, «курганной группой у тригопункта». Она содержит более 30 насыпей¹¹⁸. Если основная группа имеет площадь 250×75 кв. м в виде полосы, тянущейся с северо-востока на юго-запад, то группа у тригопункта располагается в 80 м к северу от нее и занимает площадь 100×200 кв. м. Группа эта вытянута в меридиональном направлении. На северо-западе, в непосредственной близости от тригопункта, находилось еще несколько относительно крупных для данного могильника курганов. Все они, кроме кургана под тригопунктом, раскопаны (курганы 1, 2, 8). В центральной части группы четко различаются мелкие полусферические насыпи с значительным количеством мелкого камня в насыпи. Они расположены компактно. Некоторые из них повреждены проходящей здесь дорогой. Вся южная часть курганной группы у тригопункта — это сплошное поле сильно размытых и слабо различающихся насыпей от небольших курганов. На поверхности

¹¹⁷ См., например: Ягодина В. И., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миадахкана. Ташкент, 1970, с. 29.

¹¹⁸ На плане (табл. XIII, з) отмечены только четко различимые на местности курганы, значительная часть их сохранилась в виде расплывшихся пятен.

¹¹⁶ О курганных могильниках на возвышенности Тарым-кая см. статью В. И. Вайнберг «Курганные могильники Северной Туркмении» в настоящем сборнике, с. 171—172.

этих пятен-«насыпей» встречаются фрагменты керамики. Здесь раскопано шесть курганов (3, 4, 5, 6, 7, 9), содержавших разновременные захоронения. В отличие от основной группы могильника курганная группа у тригопункта является разновременной.

Наиболее ранние захоронения (курган 6), очевидно, смыкаются по времени с основным могильником.

Основная группа могильника раскопана целиком. В отличие от могильника Тумек-кичиджик здесь нет четкости в обрядах захоронения.

Мы попытались обобщить основные данные о курганах этой группы в прилагаемой табл. 4. Более 57% всех захоронений сохранилось вытянуто, на спине, в широтных ямах размером в среднем $2,5 \times 4$ м при глубине от 12—15 см до полуметра. Ямы вырублены в известковом скалстом грунте (вернее, в верхней, наиболее рыхлой части его). Ориентировка костяков северо-западная, западная, восточная и северо-восточная, последняя встречается реже. В большинстве захоронений в головах погребенного стоял сосуд, других находок нет. В кургане 31 встречены бусы. В пяти курганах сделаны подхоронения: в двух случаях — в ногах основного костяка был положен покойник в скорченном положении или с подвнутыми преднамеренно ногами. В кургане 4 второй погребенный был положен частично поверх первого. Во всех этих случаях первое захоронение еще сохранило, судя по всему, мягкие ткани, так как положение костяков, иногда явно подвинутых, не было нарушено. В кургане 15 сделано подхоронение ребенка с сосудом¹¹⁹.

Весьма интересен курган 6, в котором отмечены три подхоронения. Если наиболее раннее и, очевидно, наиболее позднее из них¹²⁰ принадлежит к числу известных типов в кюсайских памятниках, то захоронение расчлененных костей здесь встречено впервые. Знаменательно, что это как бы два этапа перехода к захоронению очищенных костей. Подхоронение в северной части кургана сделано непосредственно на камышовое перекрытие основной ямы (при этом оно не повреждено). Тазовые и бедренные кости лежат в анатомическом порядке, а череп был положен в таз. Остальные кости сильно разрушены и об их положении судить нельзя. За-

хоронение в южной части кургана было сделано в деревянном или плетеном сосуде баночного типа (высота — около 30 см, диаметр — 40), поставленном на древнюю дневную поверхность. Никаких следов ямы не обнаружено. Сосуд истлел, но размеры его хорошо определяются по пустотам с серым тленом, оставшимся на месте его стенок. Внутри сосуда очень плотно лежали кости скелета подростка. Выше были сложены крупные кости — тазовые, лопатки; выше вертикально были уложены длинные кости ног и рук, между ними — мелкие. Некоторые части скелета лежали в анатомическом порядке — часть позвоночника, кисти рук, локтевые кости. Выше всего между длинными костями лежал череп, почти полностью разрушенный. Это захоронение по ряду ближе всего захоронениям оссуарного типа в сосудах, обнаруженным в курганах у тригопункта.

В связи с захоронениями расчлененных костяков следует обратить внимание на три кургана, выделенные нами в уникальную группу. Все они дают по существу аналогичные захоронения. В кургане 2 кости ног сложены рядом с костяком, в кургане 21 захоронен один череп, а курган 27 содержит явно развитые кости, очевидно, двух скелетов, положенных в промону.

Остальные обряды захоронения представлены в могильнике в двух-трех курганах каждый.

Скорченных погребений три, два из них на правом боку при противоположной ориентировке (западной и восточной), одно — на левом, при западной ориентировке. Степень скорченности различная. Руки также располагаются различно (см. табл. 4). В этих погребениях у головы, перед лицом, ставился сосуд. Все три сосуда характерны для кюсайских комплексов (например, в Тумек-кичиджике).

В двух курганах зафиксированы захоронения на древнем горизонте. Наибольший интерес представляет курган 25, где обнаружен круг из столбовых ямок, внутри которого сделаны два, возможно, разновременных захоронения. Ориентировка восточная, один из погребенных лежал ничком с подвнутыми к спине ногами. Инвентарь отсутствовал.

Почти в половине из упомянутых погребений в насыпи, на древнем горизонте или на перекрытии встречены угольки и зола. А в кургане 3 у северо-западного края ямы (где было скорченное захоронение на правом боку, ориентированное на запад), на материке, обнаружен прямоугольный очаг, сложенный из поставленных на ребро каменных плит. Устье очага было с северо-западной сто-

¹¹⁹ Если только этот сосуд не был извлечен из основного погребения.

¹²⁰ О том, что захоронение в яме под камнями является позднейшим, свидетельствует нетронутой каменной выкладкой над этим погребением, частично выступающей на поверхности кургана.

№ пп	Номер кургана	Обряд погребения и некоторые его особенности	Ориентировка погребения	Камни в насыпи	Перекрытые погребения	Уголь и другие следы огня	Подхоронения	Инвентарь	Примечания
Грунтовые ямы широтной ориентировки с выгнутым на спине погребенным									
1	19	Яма 3,5×1,85 м — по верхнему краю и 2,74××1,99 м — по дну, глубина — 93 см	Юго-Западная	Нет	Нет	Нет	Нет	Сосуд типа бокала, красноокрашенный со следами лощения; рядом несколько рыбьих костей	Мужское захоронение. Следы камышовой подстилки под погребенным. Руки были, вероятно, связаны, лезвие над животом
2	20	Яма 2,5×1,15 м, глубина — 70 см; погребение потревожено большой норой	Западная	Остатки просеянного в яму намагильного сооружения из плит известняка	Остатки камышового перекрытия в южной части и у краев ямы	Нет	Нет	Три бронзовые пуговицы в яме	
3	21	Яма 2,9×1,5 м — по верху, 2,3×0,75 м — по дну, глубина — 75 см. На стенах ямы видны горизонтальные следы орудия с рабочей частью — 5 см	Западная с незначительным отклонением	Нет	Нет	Нет	Нет	У правого предплечья — каменный «галтарик» и под ним лопатка животного со следами краски. В насыпи над ямой — фрагмент лепного сосуда	Женское захоронение. Следы подстилки из камыша и, возможно, коры
4	23	Яма 2,2×1,35 м — по верху, 1,75×0,75 м — по дну, глубина — 70 см. Слегка несколько изогнут из-за малого размера ямы	Западная	Просеянное в яму намагильное сооружение из плит известняка. Первоначально имело форму овала или круга в плане	По краю ямы следы камышового перекрытия	Нет	Нет	В заполнении фрагменты лепного сосуда баочной формы	Мужское захоронение
5	21	Яма 2,5×1,3 м — по верху, 1,9×0,7 м — по дну, глубина — 103 см	Западная	Просеянное в яму намагильное сооружение из плит известняка	Следы перекрытия — истлевшие деревянные жерди и камыш	Нет	Нет	Над правой частью таза и кистью правой руки — остатки истлевшего деревянного цилиндрического сосуда (диаметр — 9 см, высота — 10 см)	
6	25	Яма 2,35×1,05 м, глубина — 70 см. В южной части ямы на глубине 32 см — ступенька шириной в 10 см	Западная	Нет	Нет	Нет	Нет	Под левым плечом и головой — каменная зернотерка и фрагмент плоской кости животного с красной краской, фрагмент красного минерала, керамическое присека. 136 бусти из бирюзы и голубой кисть от озерельца. Два каменных лощила (под шейными позвонками и под кистью левой руки)	Женское захоронение. Кисть левой руки лежала между ног
7	28	Яма 2,7×1,4 м, глубина — 95 см	Западная	Нет	Остатки рухнувшего камышового перекрытия на деревянных жердях толщиной в 2—2,5 см	Мелкие угольки в заполнении ямы	Нет	Мелкие обломки костей животных и керамики в слое рухнувшего перекрытия. У левого плеча — цилиндрический сосуд	Мужское захоронение. Кости скелета и череп деформированы при жизни
8	29	Яма 2,4×1,15 м — по верху, 2,0×0,8 м — по дну, глубина — 72 см. Погребение потревожено норой	Восточная	Яму перекрывал мощный завал известняковых плит от намагильного сооружения	Нет	Нет	Нет	У правого плеча стоял лепной сосуд	Мужское захоронение

9	85	Яма 3×1,4 м, глуби- на — 38 см. Гребен- ный слезал лицом к се- веру	Западный	Остатки надмогиль- ного сооружения из песч. камня на пло- щади 1×0,8 м	Рухнувшее пере- крытие из дере- вянных жердей (8 см в по- перечнике) и па- мышовой цинов- ки	Нет	Нет	У правого плеча — леп- ной сосуд бомбовидной формы	Мужское захо- роение
10	58	Яма 2,65×1,05 м, глуби- на — 93 см	Западная с легким отклонением	Остатки каменной надмогильной вы- кладки	Остатки рухнувшего перекры- тия из жердей и камня	Нет	Нет	У левого плеча — леп- ной сосуд цилиндри- ческой формы	Мужское захо- роение. Под- стилка из камня и, возможно, коры
11	26	Яма 2,7×1,5 м — по верху, 2,4×1,2 м — по дну, глубина — 120 см. Одностороннее парное захоронение (оба ске- лета женские). У се- веро-западного угла ямы обнаружены ход тя- на дрюмоса (1,2×0,65) с двумя ступенями, соединил он с ямой отверстием диаметром 35 см и был закрыт двумя крупными ка- менными глыбами. На стывке могильной ямы с «дрюмосом» было об- наружено доводни- тельное захоронение очищенных костей ске- лета подростка. К не- му же относился кости барана (нога, лопат- ка и ребро). Подхоро- нение это было сделано еще при целом пере- крытии могильной ямы, оно его не потребовало	Западный с не- большим смеще- нием к югу	Над перекрытием на слое из зеленова- того суглинка — ка- менные плиты на площади 1×1 м — надмогильная вы- кладка	Истлевшее пере- крытие из дере- вянных жердей и камня	Нет	Подхороение очищенных от мягких тканей костей скелета — см. описание обра- да захоронения	В слое рухнувшего пе- рекрытия — мелкие раздробленные кости личностных, рыбий по- звончик, фрагменты лентных сосудов. За го- ловками погребенных — два лентных сосуда, зер- нистера и на ней фраг- менты тазовой кости животного с круглым красным пятном, за- крашенным краской. Второй тазовая же кость с аналогичным пятном красной краски обна- ружена на левом плече северного скелета	У северного ске- лета кости пра- вой руки лежали в области таза, а ноги, очевидно, были связаны в шиколотках
12	54	Яма 2,46×1,08 м — по верху и 2,14×0,98 м — по дну. Глубина — 0,84 м. На западе во- круг ямы диаметром 9,6—9,8 м, была обнару- жена яма (ширина от 1 до 1,5 м) с двумя пере- мычками с восточной (2,68 м) и западной (6,8 м) стороны. По- гребение перекрыто 10 см слоем чистого пса- са, над которым был разведен огромный ко- стер из крупных деревь- ес и веток. Стенки ямы с этого уровня сильно обожжены	Западная с не- значительным отклонением к югу	Нет	Нет	В заполнении рава — угольки. Следы горения в насыпи и боль- шой костер в яме над погребением	Нет	Фрагменты сосудов во- рву. В яме под голо- вой — каменист зерно- терца, у донца левой ручки — одно целое и половина другого кера- мического предмета. Справа у головы — со- уд. В заполнении ямы — рыбий позво- нок	Захоронение по- жилой женщины, зафиксирована камешковая под- стилка

Погребения на древнем горизонте

1	42	Трупосошение, оче- видно, одного покой- ника. В центре — оваль- ная площадка, выг- нутая с запада на восток, обруженная стол- бовыми явками. Следы соединения несильно выходит за границы этой площадки	—	Нет	Нет	Трупосошение на древнем горизонте. Угли от дерева диа- метром 2—3 см	Нет	Фрагмент обгоревшего лентного сосуда и осколок	Сохранился фраг- мент обгорев- шей черепной крышки
---	----	--	---	-----	-----	---	-----	---	---

Таблица 3 (окончание)

№ пп	Номер кургана	Обряд погребения и некоторые его особенности	Ориентировка погребения	Камни и насypy	Перекрытие погребения	Уголь и другие следы огня	Подхоронения	Инвентарь	Примечания
2	27	Основное захоронение потревожено вторичным. Сохранились кости ног и рук, лежащие по оси запад — восток, и фрагменты черепа к югу от них. Подхоронение частично перекрыло основное захоронение	Широтная	Погребение перекрыто частично плитами известняка	Нет	Как будто бы створенная подстилка до завершения погребения, возможно, это следы тления	Подхоронение ребенка. Скелет лежал на спине с согнутыми в коленях ногами. Руки согнуты, кисти — на груди. Ориентировка — юго-западная	Фрагменты денной кружки к северу от погребения, керамическое присиние и наметный терочник (?) — между двумя скелетами. В насypy — фрагменты денных сосудов	Вероятно, была подстилка
3	36	Погребение размыто, кости частично обнаружены между надмогильного сооружения	?	В центре кургана на площади около 4 кв. м — следы разрушенной каменной выкладки	Нет	Нет	?	Фрагменты четырех сосудов местного производства и один фрагмент гончарного розовоглининого сосуда, использованного для растирания краски. Каменный терочник	
4	33	Одиночное погребение плохой сохранности погребение на площадке, окруженной столбовыми ямками	Восточная	Костик частично перекрыт плитами известняка	Нет	Мелкие угольки в насypy кургана	Нет	Сосуд справа у головы	
5	57	Погребение повреждено осадками и большой норой. Кости скелета смещены, фрагменты черепа лежали под берцовыми костями. Вокруг центральной части выделено несколько ямок от столбов	?	Мелкие куски камней в центральной части насypy	Нет	Нет	?	Три поврежденных денных сосуда. Один, вероятно, был в огне	

Всего раскопано 18 курганов, относящихся к кукушайской культуре. Из них: в лицевых ямках — 12 захоронений; трупосожжения на древнем горизонте — 1; погребения

на древнем горизонте — 4; захоронение фрагмента черепа подростка в круглом яме без инвентаря — 1 (курган 8).

роны. В очаге найдено много крупных углей и золы.

Во многих погребениях обнаружены остатки или следы камышового перекрытия, положенного часто поверх деревянной решетки или деревянных опор перекрытия. Как правило, камышовое перекрытие закрывает и древнюю дневную поверхность по бокам ямы. В двух случаях в насыпи встречены отдельно стоящие сосуды (на материке и в специальной ямке).

В заключение характеристики курганной группы следует остановиться на погребениях с трупосожжением. Их было три (курганы 23, 30, 29). В двух (23, 30) — трупосожжение было совершено на древнем горизонте. В кургане 23 сохранились среди горелого дерева и прутьев фрагменты почти совсем сгоревших костей скелета и черепа. Из инвентаря встречены две зернотерки.

В кургане 30 никаких следов костей скелета не обнаружено, вместе с тем горелый слой там был сравнительно небольшой. Все это наводит на мысль о том, что трупосожжение совершено на стороне, а в кургане захоронены лишь пепел и остатки погребального костра.

Исключительно интересным был курган 29. Здесь трупосожжение совершено в широтной яме. На древней дневной поверхности обнаружено мощное зольное пятно размером 9×8 м с горелым слоем толщиной до 30 см. В центре под горелым слоем находилась яма обычных размеров ($2,4 \times 1$ м, глубина 20 см). Вокруг ямы выявлен ряд столбовых ямок, в большинстве которых сохранились остатки сгоревших столбов, что свидетельствует о какой-то постройке, очевидно, типа шатра. Над ямой и вокруг нее по периферии горелого слоя и над ним были расчищены крупные равные куски известняковых плит, положенных явно после сожжения, в процессе насыпки кургана. Замечательно, что один такой же камень лежал над центральной частью очага, расположенного у северо-восточного края ямы. Камни, вероятно, должны были закрыть «огонь» или результаты сожжения (в известном смысле отделить их от живых или от земли).

Очаг в кургане 29 повторяет формы жертвенных священных очагов, известных с эпохи энеолита в Южной Туркмении¹²¹ и на Кюзели-гире. Это круглое сооружение, окруженное валиком высотой около 20 см (внешний диаметр 90 см, внутренний — 75 см). В центре очага — небольшая (диамет-

ром 7 см, глубиной 7 см) ямка; в ней — скопление угля и золы, которое перекрывал камень. Два вертикально стоявшие под прямым углом камня, вставленные в край очага, как бы загораживали ямку с огнем в очаге от могильной ямы, где производилось сожжение. Сохранился частично сгоревший скелет (и фрагменты черепа). Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на восток. Над ним четко различается сгоревшее перекрытие из плетеной камышовой циновки, помещающейся на деревянных палках. Есть следы циновки под покойником. Два слоя сгоревшего перекрытия заставляют предполагать два этапа сожжения. В западной (северо-западной) части ямы встречены почти не обожженные кости ног. В центре ее обнаружена обгоревшая крупная бусина и фрагмент какого-то деревянного обгоревшего изделия (узкая планка с отверстием).

Интересно отметить, что на поселении Геоксюр I подобный нашему круглый очаг был найден в помещении вместе с обожженными человеческими костями. В. И. Сарияниди считал, что в этом помещении, носившем культовый характер, было произведено трупосожжение¹²².

И. Н. Хлопик оспаривает подобную интерпретацию этих находок и считает, что все это — результат случайного пожара¹²³. Сочетание аналогичного геоксюрского явно культового очага с обрядом трупосожжения в кургане 29 могильника Тарым-кая I может служить, скорее всего, подтверждением точки зрения В. И. Сарияниди. Хотя наши памятники разделяет значительный отрезок времени, сопоставления их представляются вполне правомочными из-за большой устойчивости погребального обряда и религиозных представлений, связанных с ним.

Стоит также учесть прочные и активные связи носителей куясайской культуры с жителями южных районов Средней Азии. В могильнике Тарым-кая I подтверждением тому служит находка гончарного биконического сосуда в кургане 7, явно южного происхождения.

Погребения в группе у тригопункта очень разнородны. Курган 6 самый южный в этой группе и по обряду захоронения объединяется с погребениями основной группы. Насыпь его прослеживалась в виде слегка выпуклого пятна с мелким щебнем. Диаметр ее около 10 м, высота 12–23 см. Могильная яма имеет не совсем правильные очертания, про-

¹²¹ Сарияниди В. И. Культурные здания поселений анзуской культуры. — СА, 1962, № 1, с. 44.

¹²² Сарияниди В. И. Культурные здания. . . , с. 50.

¹²³ Хлопик И. П. Модель круглого жертвенника из Ялагач-дере. — КСИА, 1964, вып. 98, с. 49.

№ пп	Номер кургана	Обряд погребения и некоторые особенности его	Ориентировка костяка	Камни в насыпи	Перекрытие погребения	Очаги, уголь и т. п.	Подхоронения	Инвентарь	Примечания	
Групповые ямы широтной ориентировки с вытянутым на спине погребенным										
1	8	Яма 2,6×0,5 м, глубина 40 см. Следет сильно разрушен	Северо-западная	Нет	Тростниковое (4×2,6) на легких жердочках	Угольки на перекрытии	Нет	Три сосуда (кружка, бонадообразный сосуд, туалетная тарелочка), предельце и каменная терочка	Захоронение молодой женщины	
2	5	Яма 2,3×0,8 м, глубина 15 см. Захоронение без головы (вымыта в насыпь при захоронении ребенка?)	Западная с очень незначительным отклонением к северу	Нет	Дерево, камыш (3,7×3,5)	Нет	В яме 0,9×1 м (северосток — юго-запад) на глуб. 0,05—0,08 — детское захоронение головой на север, с западной стороны — сосуд (горшок)	Посемь керагладон-лепеза и ногах погребенного	Вторичное (?), захоронение черепя. Поврежденный костяк в насыпи	
3	12	Яма 2,45×0,85 м, глубина 12 см	Северо-западная	Нет	Не зафиксировано	Нет	Нет	Чаша полусферической формы	Подосток?	
4	16	Яма 1,8×0,9 м, глубина 22 см	Северо-западная	Нет	То же	Нет	Нет	Нет	Левая рука завернута на туловище	
5	20	Яма 2,6×1,2 м, глубина 38 см. Захоронение подростка	Северо-западная	Нет	Камышовое, следы на камыше	Угли и битки костров в насыпи и у края ямы (с северо-запада)	Нет	Фрагменты сосуда	Ромбом расположенны руки и, возможно, ноги	
6	22	Яма 2,1×0,95 м, глубина 43 см	Западная	Камни над ямой, среди них угольки 1,8×0,55—0,6 м на глубине 50 см	Не зафиксировано	Угольки в насыпи и обломки кости животных (?)	Нет	Два сосуда, кружка и блюдо	Ибенские захоронение	
7	18	Яма 2,55×1,4 м, глубина — 20 см	Западная	Небольшое в центре	То же	Нет	Нет	Два сосуда (полусферическая чаша и сужающаяся по дну банка)	Раскопки 1972 г., мужские захоронение	
8	4	Яма 2,65×1,25 м, глубина 38 см	Западная	Камни над ямой	То же	Нет	Нет	На погребенного был положен так же в вытянутом положении на запад второй погребенный, который частично перекрыл нижнее	Сосуд (чаша) у первоначального захоронения	Нижний череп слегка поврежден, оба захоронения мужские
9	7	Яма 2,4×0,75 м, глубина 47 см	Северо-западная	Каменная «кладка» из трех камней над ямой	На деревянных планках, тростниковое перекрытие	Нет	Нет	В восточной части сделана прирета в 40 см, частично сдвинуты ноги первого погребенного к яму. Второе погребение головой на северо-запад. Левая рука под грудой. Ноги завернуты на таз. Следы перекрытия и над вторым захоронением	Два сосуда у первоначального захоронения: большая чаша с ручкой и шей (по-английски) и импортный биологический горшочек. Присцида у второго костяка	
10	28	Яма 2,65×1,1 м, глубина 40 см	Западная	Нет	Нет	Нет	Нет	Подхоронение в восточной части могилы. Костяк сильно свернут (подвернуты ноги)	Высокая кружка с ручкой у первого погребенного	Руки у первого костяка распнуты. Зафиксирован ров

11	19	Яма 2,35×0,95, глубина 46 см	Восточная	Нет	Не зафиксировано	Угольки и фрагменты дерева над ямой в насыпи	Нет	Крупный бокал и два позвонка барана (?) В насыпи, в ямке, бокал (к северо-востоку от погребения)	Левая рука лежит поверх грудной клеткой. Захоронение пожилого мужчины
12	17	Яма 1,4×0,64 м, глубина 6-10 см. Женское захоронение	Северо-восточная	Большой камень у северо-восточного края ямы (и головах)	Нет	Нет	Нет	Сосуд типа чаши	Руки разведены в стороны, ноги «ромбом»
13	31	Яма 2×0,7 м, глубина 8-10 см	Восточная	Нет	Следы тлена от перекрытия на костях	Нет	Нет	Под кистью левой руки три золотые проволочки, одна — сердцевидная бусина, две стеклянные кольцевидные бусины темного стекла	Левая рука закинута на торе, кисть ее лежала на правом плече. Ноги перекрещены в щиколотках (связаны?)
14	6	Яма 2,8×1,15 м, глубина 45 см	Восточная	Кольцо из камней (диаметр 1,5 м) к западу от центра кургана. Камни над второй ямой	Перекрытие из камня на плахах над первым захоронением. Мелкие иланы над перекрытием и около второго захоронения	Следы угля на перекрытии	Три подخورения: 1) В яме 2,0×1,0 м, глубина 28 см, костяк на спине, вытнут, головой на юго-запад, над ямой крупные камни. Яма перерезала основное захоронение 2) К северу от основного захоронения, на перекрытии сто, расчлененные кости скелета. Череп лицом вниз лежал в тазовых костях; таз — вместе с бедренными костями. 3) В 4 м к югу от основного захоронения — в деревянном сосуде захоронение расчлененных костей. Высота сосуда — 30 см, диаметр — 40 см (подросток?)	Нет	Наиболее позднее подخورение в яме
15	1	Яма 2,6×1,30 м, глубина 42 см. Погребение потренировано грудунами. Сохранилась часть черепа	Восточная	Камни над ямой и отдельные в насыпи	Не зафиксировано	Нет	Нет	Нет	К указанной группе относится условно из-за отсутствия костяка

Скорченные захоронения в ямах восточной ориентировки

1	3	Яма 1,95×1,0 (0,9) м, глубина 30 см. Захоронение на правом боку, сосуда перед лицом	Западная	Камни над ямой	Нет	У северо-западного края ямы очаг из камней с большим количеством угля	Нет	Кружка	Женское захоронение
2	15	Яма 2,0×1,1 м, глубина 30 см. Захоронение на левом боку, руки вытнуты вперед и согнуты в локтях и коленях (связаны?)	Западная	Камни в насыпи над ямой	Перекрытие из камня	Немного угольков в насыпи, в районе перекрытия	Нет	«Стакан» у головы и аналогичный сосуд в 40 см к северо-востоку от ямы на дневной поверхности под насыпью	Костяк плохой сохранности
3	15	Яма 2,0×0,75 м, глубина 20 см. Захоронение на правом боку. Правая рука согнута в локте, кисть у лица. Ноги сильно подогнуты	Восточная	Нет	Нет	Нет	Нет	Сосуд типа чаши	Костяк плохой сохранности

Таблица 4 (продолжение)

№ пп	Номер кургана	Обряд погребения и некоторые особенности его	Ориентировка костяка	Камни в насыпи	Перекрестно погребения	Очаги, уголь и т. п.	Подхоронения	Инвентарь	Примечания
Захоронения на древнем горизонте									
1	11	Остатки костей черепа, зуба и фронты костей на древней днушной поверхности	?	Нет	Перекрестие из камня 4×3 м	Зола и угли на перекрестии и угли в насыпи	?	Нет	
2	25	Не совсем правильное кольцо из столбовых ямок диаметром 3,5 см, внутри остатки двух костяков (сильно повреждены). Костик сев. вытянут на спине, ноги раздвинуты. Пивания челюсть — между ног. Второй костик лежит пилком с подвинутыми ногами (согнуты в коленях)	Восточная	Камни по периферии кургана (одиночные)	Перекрестие из камня проследивается	Редкие угольки в насыпи	Возможно, южный костяк — подхоронение	Нет	Верхняя часть скелетов и черепа повреждены ямой (грызуны)
Трупосожжение:									
на древнем горизонте									
1	23	Горелое пятно на площадке около 30 кв. м (овальное), видны строения прутья, дерево. Есть фрагменты обгоревших костей и черепа		Нет		Горелый слой выходил на поверхность насыпи	Нет	Две зернотерки	Трупосожжение явно производилось на месте
2	30	Горелое пятно на древнем горизонте 3,8×2,25 м (вытянуто в ширинном направлении). Пятна обожженного танцара в ногах кургана		Нет	Следы сгоревшей пивания на краях горелого пятна	Угольки и пятна золы в насыпи	Нет	Кость животного на древнем танцаре	Возможно, ветофаф или сожжение на стороне?
В яме									
широтной ориентировки									
3	29	Зольное пятно 0×8 м с горелым слоем в 10—30 см, в центре под горелым слоем яма 2,4×1 м, глубина 0,20 м. Возможно, что сожжение производилось дважды. Подобен лежал вытянуто на спине. Столбовые ямки вокруг могильной ямы. В них и горелом слое — остатки крупных деревянных столбов, палок	Восточная	Камни на горелом слое по периферии кургана и над ямой, а также в центре очага и между очагом и могильной ямой	Следы сгоревшего перекрестия над ямой (два слоя)	Уголь и зола в насыпи и по всему кургану. Очаг (круглый с ямой в центре) у северо-восточного угла могильной ямы	?	Обгоревшая бушина	
Уникальные типы:									
1	2	В широкой яме 1,85×1,1 м, глубиной 22 см, костик вытянутый на спине. От головы все кости, включая таз, сохранились в яме, кости ног сложены кучей у правого бока погребенного	Восточная	Камни над ямой			Нет	Нет	Захоронение пожилого мужчины

Таблица 4 (окончание)

№ по кат.	Почерк кургана	Объем погребения и высота его	Ориентировка плиты	Камни в насыпи	Перекрытие погребения	Очки, уголь и т. п.	Подхоронения	Инвентарь	Примечания
2	21	Яма 1,5×0,45 м, глубина 30 см., ориентирована по северу. Углы восточной стороны лежал череп без нижней челюсти, лицом к югу.	Восточная	Нет, встречаются небольшие обломки керамики в насыпи	Перекрытие, было выполнено, слеплено из глины на дне ямы	Нет	Нет	Нет	
3	17	Углубление, прокопанное и частично залитое глиной. В центре — разбитые и разорванные кости, обломки керамики, фрагменты разбитого черепка найдены в западной части кургана	?	Нет	Нет	Нет	?	Амулет из слепки в терочник	

В могиле (в основной группе его) всего 31 насыпь; № 26 — естественный бугор; № 9 — насыпи показали, что это тоже естественное образование; № 13 — насыпь мусульманских захоронений; № 10 — дал для мусульманских погребений; № 24 —

по расписанной, там или это или мусульманское погребение. Восток распахнуто за курганом. На них 13 погребений в простых язах, выгнутых на спине (больше 37%).

долговатая, ориентирована северо-восток—юго-запад. Размеры ее 1,8×1,25 (0,95) м, глубина ямы 10—15 см. Захоронение находилось практически в насыпи. В яме было два разновременных захоронения, ориентированных оба головой на северо-восток. Первый костяк был сдвинут и значительно поврежден при вторичном захоронении. Скорее всего, погребенный лежал выгнуто на спине. К этому захоронению, по-видимому, относится кружка кююсайского типа, находившаяся поверх костяка. Второй погребенный также лежал выгнуто на спине, с небольшим поворотом на правый бок; у головы находился погребальный инвентарь: зернотерка, кусочки обуглившегося дерева, фрагмент плоской кости с крупицами реалгара на ней (ср. тоже в могиле Тумек-кичиджик), три каменных клыка, пестик, или оселок. Для второго захоронения яма в северо-западной части была слегка расширена. Захоронение это явно кююсайское, несколько необычна отклоненная к северу ориентировка погребенного.

Курганы 1, 2, давшие захоронения оссуарного типа в сосудах, представляют особый интерес (табл. XXII, XXVI).

В кургане 1 были обнаружены три группы камней. Две из них представляли массивную кладку. Под ними и помещались захоронения в сосудах. Некоторые плиты были заглублены в материк и в верхней части обкладывали яму размером 55×70 см. В ней вытнутую к стенкам стоял крупный сосуд. Глубина ямы 65 см. Сосуд был полностью заглублен в яму и перекрыт двумя крупными фрагментами хумчи. Дно ее служило крышкой сосуда. Земля в сосуде с захоронением не проникла. Кости довольно хорошо сохранились. Скелет был сложен в сосуд полностью: вертикально стояли длинные кости, на дне внееремжку лежали остальные, а поверх всех костей, между длинными, лицевой частью вверх лежал череп. Сосуд с погребением был обложен медными плитками камней и комками земли. Дно сосуда изнутри было промазано алебастром. Сосуд, содержащий захоронение, — округлый, призматический, желтоватозернистый теста со светлым ангобом, был сделан хорошим гончаром на круге. По светлому ангобу — роспись коричневой краской. По венчику и под ним шла широкая полоса росписи; от нее спускаются парные вертикальные черточки, по наибольшему диаметру тулова — еще одна широкая горизонтальная полоса, а ниже ее — вновь парные вертикальные черточки. На плечиках сосуда — четыре маленькие ручки-ушки со связными отверстиями над ними.

Сосуд, перекрывавший захоронение, — ги-

пичная раннекангайская хумча со спиральным расписным орнаментом. Под венчиком — также четыре сквозных отверстия. Погребение 2 в этом кургане сохранилось хуже, кладка камней мельче; среди камней найдены фрагменты конической гончарной крышки, характерной для кангайской керамики Хорезма. Сосуд с погребением под камнями был сильно разрушен и заполнен землей. Верхняя часть его лежала внутри и полностью рассыпалась. В нижней части сосуда сохранились кости, возможно, от двух скелетов. Длинные кости стояли вертикально. Сверху между ними лежали лицевой частью вверх два черепа. На одном из них была нарисована красной краской полоса от надбровий к переносице (краска типа ангоба). Кости скелета (или скелетов) сильно разрушены. Сосуд был вкопан в очень маленькую ямку (около 40—45 см в диаметре). Диаметр тулова сосуда в наиболее широкой части — 42 см, диаметр дна 32 см. Глубина ямы 60 см. Сосуд представляет собой типичную раннекангайскую хумчу с росписью двойной спиралью темной краской по розовому ангобу. Погребение 3 оказалось небольшой ямкой, обложенной камнями, в которой были найдены две младенческие косточки.

Курган 2 дал семь захоронений в оссуарных сосудах. По типу они такие же, как в кургане 1, но в них отсутствует полностью кладка из камней. Сосуды вкапывались лишь частично, иногда (погребения 2, 3) ставились на древнюю дневную поверхность. Но вместе с тем изоляция погребений была не меньшей, чем в кургане 1.

На всех сосудах сохранились крышки или зафиксированы следы их. Все крышки примазаны к горловинам алебастром. Им же спарили, а иногда и изнутри промазывали днища сосудов.

На крышке погребения 1, сделанной из алебастра, лежал фрагмент известняковой плиты. В каждом сосуде были захоронены кости одного скелета. В хорошо сохранившихся погребениях можно твердо установить, что в каждом находились все кости скелета. Расположение их традиционно: длинные кости ставили вертикально, между ними на костях скелета клали череп. Захоронения, несомненно, разновременны. Наиболее поздними, очевидно, являются погребения 2 и 3, так как эти сосуды не врыты в материк.

Сосуды из кургана 2 дают интересное сочетание трех разных групп керамики. Погребение 7 было сделано в хумче позднекузюльгирского типа. Сосуд, к сожалению, сильно разрушен, но сохранились фрагменты характерного подтреугольного венчика. В тесте со-

суда — примесь гипса, ангоб светлый, дно почти плоское.

Сосуды в погребениях 1, 2, 3, 4, 6 — типичные раннекангайские с росписью темно-красной краской по розовому ангобу. К этому же комплексу посуды принадлежит и коническая крышка с росписью в погребении 4. На всех сосудах есть четыре сквозных отверстия на шейке.

Сосуд погребения 5 был поставлен в общую ямку с сосудом погребения 4, но резко отличается от него и всех остальных по типу. Это крупный сосуд ручной выделки кузюсайского типа. Тесто темно-серое, поверхность яркая, красная, с пятнами неравномерного обжига. Сосуд вытянутый, со скругленным переходом к дну. Венчик слегка отогнут наружу, довольно аморфных очертаний, на шейке — четыре сквозных отверстия.

Крышкой этому сосуду служило дно хорошего обжига гончарного сосуда. Таким образом, в кургане 2 представлены в комплексе позднекузюльгирский сосуд, раннекангайские и сосуд кузюсайского типа, отличающийся лишь более вытянутыми пропорциями от аналогичных сосудов с раннего поселения Кузюсай 2.

Курган 5 был разрушен при насыпке соседних, более поздних курганов с захоронениями в подбоях. За пределами одного из них (№ 4) обнаружено скопление стоящих вертикально и наклонно камней, плотно обкладываемых небольшой посудой. Сосуд — ручной лепки горшок, явно бывший в употреблении (закопчен). Выделка и цвет поверхности характерны для кузюсайской посуды. В сосуде содержались кости ребенка, положенные по тому же принципу, что и в остальных захоронениях оссуарного типа.

Подводя итог раскопкам могильника Тарым-кая I, следует отметить, что все курганы основной группы относятся к кузюсайской культуре, хотя и отличаются от известных нам по могильнику Тумек-кичиджик погребений особенностями погребального обряда.

На основании раскопок могильников можно сделать вывод о том, что наиболее характерным для кузюсайской культуры на ранних этапах ее развития (забегая вперед, отметим — в VII—V вв. до н. э.) был обряд захоронения в небольших курганах, в узких подпрямоугольных ямах широтной ориентировки. В могильнике Тумек-кичиджик преобладала западная ориентировка погребенных, иногда с незначительными отклонениями. В могильнике Тарым-кая I однаково часто встречается как западная (и северо-западная), так и восточная ориентировка погребенных. Преобладают в обоих могильниках вы-

тянутые на спине одиночные захоронения. Иногда прослеживается растительная подстилка на дне могилы. Отмечены следы перекрытия могил камышом, настилавшимся поверх некрупных деревянных плах, положенных поперек могильной ямы. В большинстве случаев над перекрытием складывалась своеобразная каменная «пирамида» из крупных рваных плит известняка, закрывавшаяся курганной насыпью. В могильнике Тарым-кая I зафиксированы случаи кладки камней над краем могильной ямы, в изголовье. Инвентарь погребений очень беден. Оружие, предметы конской упряжки, металлические орудия труда (ножи и т. п.) и кости животных отсутствуют. Почти в каждой могиле у головы погребенного стоял сосуд, редко два сосуда. В одном из погребений Тумек-кичиджика обнаружен истлевший деревянный сосуд. По формам удалось выделить сосуды женских и мужских захоронений. В женских захоронениях часто встречаются фрагменты каменных зернотерок и кости животных со следами красной краски, а иногда и куски краски; в одном случае встречен каменный овальный «алтарик» без ножек. Эти вещи помещались также у головы погребенного. Кроме того, в женских захоронениях встречены керамические пряслица, зубы животных в виде оберегов, в небольшом количестве бусы. Огонь, как правило, не играл существенной роли в ритуале погребений. Лишь в некоторых курганах (см. табл. 3, 4) отмечены мелкие угольки в насыпи или над перекрытием, откуда они, вероятно, вместе с землей иногда проникали в могилу после того, как обрушивалось перекрытие.

Лишь в двух курганах этой группы (по одному в каждом могильнике) можно отметить особую роль огня в погребальном ритуале. Так, в кургане 51 могильника Тумек-кичиджик над присыпанным погребением в могильной яме был разведен большой костер из специально сложенных для этой цели дров. Угли встречены и в насыпи кургана, особенно в заполнении рва. В кургане 3 могильника Тарым-кая I, у края могильной ямы, на древней дневной поверхности, у головы погребенного (в скорченном положении) был сделан из камней очаг подпрямоугольной формы. В очаге обнаружено много углей. В могильнике Тарым-кая I встречены три скорченных погребения в ямах и ряд погребений с дополнительными похоронениями. Инвентарь, как правило, относился лишь к первому погребению.

Кроме захоронений в ямах встречены в небольшом количестве погребения на древнем горизонте и трупосожжения. Обычно

курганы с этими захоронениями располагались на периферии могильника. Для погребений на древнем горизонте (четыре случая в могильнике Тумек-кичиджик и два — в Тарым-кая I) характерно наличие камней в насыпи, или остатки разрушенной каменной выкладки над погребением, а также остатки нескольких разновременных захоронений. Исключения: погребение в кургане 43 могильника Тумек-кичиджик одиночное, было перекрыто плитами известняка; погребение в кургане 11 могильника Тарым-кая I, где, возможно, были захоронены очищенные от мягких тканей кости скелета, перекрытые камышом. В насыпях этой группы курганов также встречались мелкие угольки. В трех курганах (два — в Тумек-кичиджике, один — в Тарым-кая I) отмечены ямки от столбов, окружавших площадку с захоронением. Лишь в одном случае (курган 43, Тумек-кичиджик) эти ямки образовывали в плане четкую округлую конструкцию. Инвентарь в этих захоронениях встречен только в могильнике Тумек-кичиджик и ничем не отличается от известного нам по захоронениям в ямах. По нему можно сделать вывод, что эти захоронения — женские.

Три кургана в могильнике Тарым-кая I и один в Тумек-кичиджик содержали погребения с трупосожжением. Все различаются по деталям обряда. В кургане 42 (Тумек-кичиджик) трупосожжение было совершено в основном в пределах овальной площадки, ограниченной ямками от столбиков. В курганах 23, 30 (Тарым-кая I) от сожжения сохранились горелые пятна разных размеров, а в кургане 29 сожжение было совершено в яме широтной ориентировки. После сожжения погребение и круглый ритуальный очаг, располагавшийся у головы погребенного на древней дневной поверхности, были перекрыты камнями. Вокруг могильной ямы обнаружены ямки от столбов. В связи с вопросами происхождения куюсайской культуры мы рассмотрим имеющиеся аналогию обряду захоронения и отдельным его деталям. На рубеже V—IV вв. до н. э. куюсайцы переходят к захоронению в курганах очищенных костей в сосудах-оссуариях. Об этом обряде подробно уже говорилось.

В связи с тем, что инвентарь в куюсайских могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая I (основная группа) ограничен и дает незначительную информацию о хронологии погребений, мы сочли наиболее целесообразным рассматривать его вместе и в сравнении. Как уже отмечалось, наиболее массовыми находками в погребениях куюсайской культуры являются сосуды местного производства. В по-

давящем количестве погребений найдено по одному сосуду. Вся керамика (находки импортных сосудов отовариваются особо) изготовлена без применения гончарного круга в технике ленточного наплава; тесто темно-серого обжига с примесью дресвы. Шамот в качестве примеси появляется лишь в ряде сосудов из могильника Тарым-кая I.

В связи с тем, что шамот сделан из сосудов гончарного обжига (розовато-кирпичного цвета), мы особо рассмотрим этот вопрос, существенный для хронологии погребений.

Все сосуды покрыты красным ангобом и заглажены; в одном случае на сосуде (погребение кургана 19, Тумек-кичиджик) отмечено вертикальное полосчатое лощение по красному ангобу (табл. XXIII, 3). По технике изготовления и внешнему виду вся керамика из могильников не отличается от той, что характерна для поселения Куюсай 2.

В погребениях представлена только столовая посуда, которая, вероятно, часто заполнялась жидкостью; на стенках ряда сосудов сохранились следы от нее¹²⁴. Сосуды ставили у головы погребенного справа или слева. Некоторые типы сосудов лучше представлены в могильниках, чем в поселении, потому, что здесь мы имеем дело с целыми формами. В таблице XXIII вся керамика из могильников представлена в сравнении однотипных форм.

Цилиндрические сосуды (табл. XXIII, 1, 2, 13—15) имеют ряд разновидностей. Два экземпляра из могильника Тумек-кичиджик отличаются большей высотой и соответственно более вытянутыми пропорциями. Один из них имеет легкое сужение диаметра к устью сосуда. Днища у них плоские и плавно переходят в вертикальные стенки.

Сосуды этого типа из могильника Тарым-кая I отличаются явной приземистостью, пропорции их изменились, хотя принцип формы сохраняется полностью. Сосуд из насыпи кургана 19 (табл. XXIII, 14) имеет уже значительно скругленную форму и поджатый край дна. Можно рассматривать его как переходный тип к бокаловидным или шаровидным сосудам.

Бокаловидный сосуд яйцевидной формы представлен одним экземпляром из кургана 19 на Тумек-кичиджике (табл. XXIII, 3). То, что его отличает особая отделка лощением, уже отмечалось. Наибольший диаметр его тулова находится ниже середины высоты. Диаметры дна и устья практически одинаковы.

Шаровидные сосуды делятся на два варианта: более крупные, вытянутые и закрытые сосуды (табл. XXIII, 4, 16), известные по одному экземпляру в каждом могильнике, и типа более или менее закрытых чаш (табл. XXIII, 5, 17—19). Для последних можно отметить уже известную технику изготовления круглодонного сосуда с последующим прикреплением плоского дна (табл. XXIII, 17—18).

Открытая чаша представлена практически одним экземпляром (табл. XXIII, 20), так как близкий ей по форме сосуд из кургана 18 на Тарым-кая I хотя и очень сильно обожжен в ходе эксплуатации, но, бесспорно, не принадлежит к типично куюсайской керамике ни по тесту, ни по выделке. Эта керамика уже отмечалась среди находок на поселении Куюсай 2. Повторим, что ее отличает коричневато-бежевое плотное тесто и довольно толстое ангобное покрытие.

Миски известны только из погребений могильника Тарым-кая I и по формам ничем не отличаются от тех, что собраны на поселении Куюсай 2. На миске из кургана 22 (табл. XXIII, 24) внутри по краю сосуда видна широкая горизонтальная полоса красного ангоба. Это единственный случай в куюсайской керамике, когда ангобное покрытие может рассматриваться как простейший вариант росписи.

Кувшинчики без ручек, наоборот, представлены только в могильнике Тумек-кичиджик (табл. XXIII, 6, 7). По форме они очень близки к некоторым кружкам, известным в куюсайских погребениях (табл. XXIII, 8, 25, 26), и только слегка превосходят их размерами.

Кружки принадлежат двум типам. Первый — вытянутые, кувшиновидной формы с округлым туловом и прямой вытянутой горловинной. Ручка прикрепляется к горловине и тулову, вертикальная, более или менее уплощенная (табл. XXIII, 8, 25, 26). Второй — низкие, слегка округлые сосуды, на некоторых из них намечается выделение шейки под ровным краем. Ручка прикреплена к тулову и к краю сосуда, иногда возвышается над ним. Интересна кружка из кургана 8 на Тарым-кая I (табл. XXIII, 29), возможно, подражающая каким-то чуждым образцам. Ее отличает слегка выделяемый перегиб тулова и грани на подтреугольной в сечении ручке, довольно высоко поднятой над краем сосуда.

Маленький слегка закопченный горшочек, возможно, из кухонной серии посуды, найден в кургане 51 могильника Тумек-кичиджик, где была погребена по особому обряду (с очищением огнем) пожилая женщина.

¹²⁴ Это подтверждается таким фактом: в кургане 19 могильника Тумек-кичиджик сосуд стоял наклонно из-за неровности дна ямы, а уровень жидкости был горизонтальным для этого места.

Все остальные сосуды достаточно уникальных форм. Причем некоторые, бесспорно, куроайские (табл. XXIII, 11, 12, 30); другие — импортные (табл. XXIII, 32, 33).

Сосуд из кургана 20 (табл. XXIII, 31) на Тарым-кае I имеет мелкоотмученное серо-белое тесто, мелкие примеси, поверхность его снаружи покрыта красноватым ангобом. На тулове видны следы орнамента, прочерченного до обжига.

В погребении кургана 7 (Тарым-кае I) оба сосуда привозные. Если маленький биконический горшочек, изготовленный на гончарном круге (тесто светло-желтое, светлый ангоб до ребра), может быть сопоставлен с аналогичными, хотя и не совсем идентичными, сосудами культуры Яз-депе II в Маргиане¹²⁵, то атрибуция другого (табл. XXIII, 32) несколько затруднительна. Это круглодонная открытая чаша с двумя горизонтальными петельчатыми ручками, изготовлена ручной лепкой, тесто темно-серого обжига с мелкими примесями. Некоторое сходство можно отметить с сероглиняными сосудами того же типа из культуры Яз-депе I¹²⁶. Вместе с тем сосуда с Яз-депе и сходных памятников¹²⁷ отличается и характер теста и обжига, и более тщательная внешняя отделка. Обращает внимание архаичность формы этого сосуда, сочетающегося в погребении с несомненно более поздним гончарным сосудом, который, в свою очередь, вряд ли может быть безоговорочно датирован временем Яз-депе II¹²⁸.

Возвращаясь к рассмотрению собственно куроайской керамики из погребений, отметим еще раз, что на основании имеющихся определений для мужских захоронений характерны цилиндрические, бокаловидные и шаровидные сосуды. Не совсем ясно, в какие погребения ставили сосуды типа чаш и ряд невысоких шаровидных сосудов. Миски, кувшинчики, кружки характерны для женских захоронений.

Как уже говорилось, в сосудах из погребений на Тарым-кае I в примеси теста на-

ряду с дровяной встречается и шамот из красно-кирпичных (по цвету черенка) сосудов. Такой цвет черенка свойственен только сосудам гончарного изготовления, а наиболее ранние из них в Хорезме могли относиться к архаической (кюзелигырской) культуре и датируются не ранее второй половины VI в. до н. э., поэтому мы особо выделяем те курганы, где в сосудах встречен шамот (табл. XXIII, 14, 19, 22, 24, 26—28, 30). Это сосуды из курганов 3, 6 (группа у тригопункта), 15, 12, 18, 19 (из насыпи), 22, 28. Погребения в этих курганах должны быть датированы, скорее всего, концом VI в. до н. э. (при отсутствии других уточняющих дат данных).

К керамике примыкает и серия округлоконических пряслиц, найденных во многих женских погребениях (табл. XXIVa).

Среди прочего инвентаря следует отметить находки камней — фрагментов от зернотерок и терочников во многих женских захоронениях обоих могильников (табл. XXVa и б). В кургане 21 (Тумек-кичиджик) был обнаружен небольшой, но совсем правильных очертаний каменный алтарик без ножек (табл. XXVa), подобный простейшим изделиям этого типа, встречаемым в савроматских и сакских погребениях¹²⁹. Из камня же изготавливалась часть терочников для растирания красной краски (табл. XXIVб), найденных, как правило, вместе с краской или кусками каменных изделий или плоскими костью животных, на которых растиралась краска. Можно предположить, что для растирания краски употреблялись и косметическое блюдечко, найденное в погребении кургана 3 на Тарым-кае I (табл. XXIVa, 2).

С магической целью клали, вероятно, и клыки кабана, найденные только в ряде погребений могильника Тарым-кае I (табл. XXIVa). В кургане 26 (Тумек-кичиджик) на одном костяке найден фрагмент челюсти козы. Клыки кабана встречались и в погребениях могильника Уйгарак¹³⁰.

Предметы вооружения в погребениях отсутствуют.

Укращения в могильниках представлены очень бедным набором (табл. XVб).

В кургане 25 (Тумек-кичиджик) найдены бирюзовые и настовые голубые бусы от ожерелья из нескольких связок. Бирюзовые бусы удлиненной формы (табл. XVб, 2—5), иногда

¹²⁵ Массон В. М. Древневосточная культура Маргианы, табл. XXXVII, 2—3.

¹²⁶ Массон В. М. Древневосточная культура Маргианы, табл. XXI, 4.

¹²⁷ Саркандиди В. И. Раскопки Тилля-тепе..., рис. 41; Массон В. М. Древневосточная культура Маргианы.

¹²⁸ Ср.: Массон В. М. Древневосточная культура Маргианы, табл. XXXVII; XXXVIII. Близкие по форме гончарные сосуды, как и лепные (кухонные) с горизонтальной ручкой, подобные найденным на Тарым-кае I, стали известны в последние годы в слоях VII—VI вв. до н. э. из Еркургана и памятников Северной Бактрии; материал этот еще не опубликован.

¹²⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 165, 295, 301; Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадыраев М. К., Оразбаев А. М. Древняя Культура..., с. 318, 337, 391; Вишневская О. А. Культура сакских племен..., с. 86—87, табл. XXIV, 3.

¹³⁰ Вишневская О. А. Культура сакских племен..., табл. 1, 18; X, 2; XI, 20; XIV, 14 и др.

близкие к веретенообразным, чаще всего уплощенные. Они сочетались с настояыми (или фальшивыми) голубыми бусами в виде колец, иногда соединенных по два, три, четыре и более. Толщина одинарных элементов варьирует (табл. XVб, 1).

Бирюзовые бусы подобного типа известны по находкам на поселении Куюсай 2, а настояе голубые и зеленопато-голубые бусы такого типа встречены в ранних сакских погребениях на Памире¹³¹.

В том же могильнике в кургане 26 найдено небольшое ожерелье из сердечковой бусины веретенообразной формы (табл. XVб, 9) и нескольких круглых и биконических стеклянных бусин (табл. XVб, 12—21). Первоначальный цвет стекла установить трудно. Сердечковые бусины встречены и в ряде других погребений (табл. XVб, 7, 8, 10, 11).

Бронзовые пронизы (табл. XVб, 22) и незамкнутое колечко или серьжка из бронзовой проволоки с прямыми концами (табл. XVб, 23) дополняют набор украшений из могильника Тумек-кичидик.

В центральной части могильника на поверхности была найдена ромбическая бирюзовая подвеска такого же типа, как и находки с поселения Куюсай 2.

Отмеченные изделия вряд ли могут уточнить датировку памятника, так как они встречаются, как правило, в слоях довольно широкого хронологического диапазона.

Набор украшений в Тарым-кая I еще беднее (табл. XVб, 24—28).

В кургане 31 на запястье левой руки погребенной, очевидно, был одет браслет из нескольких бусин и трех золотых пронизок.

Одна бусина сердечковая (табл. XVб, 26), крупная, веретенообразная, камень темного цвета; две другие — кольцевидные из темного стекла (табл. XVб, 24). Пронизки сделаны из тонкой плоской золотой полоски, свернутой спиралью. Пронизки из спирали известны довольно широко. Аналогичные изделия из тонких полосок, не всегда золотых, а иногда медных и серебряных, встречены в ранних сакских погребениях на Памире¹³², в Нестеровском могильнике на Северном Кавказе (VI—IV вв. до н. э.)¹³³, в некрополе В в Сялке¹³⁴, что

также указывает на довольно широкие хронологические рамки бытования подобного типа изделий.

В кургане 29 была найдена крупная обгоревшая каменная бусина (табл. XVб, 28) вместе с фрагментом деревянного изделия с высверленным пазом (табл. XVб, 27 — может быть фрагмент от лука??).

Вопросы хронологии памятников. Материал с поселения дает достаточные основания для определения их хронологии в отличие от могильников. Хронология могильников может быть определена весьма приблизительно не только из-за бедности погребального инвентаря, но и потому, что отсутствие в исследованных поздних поселениях куюсайской культуры достаточно полного набора керамики, аналогичного полученному с поселения Куюсай 2, лишает нас возможности сколько-нибудь определено судить об изменениях форм куюсайской посуды и соответственно датировать на этом основании могильники.

Поселение Куюсай 2 может быть достаточно надежно датировано, так как там представлены различные категории археологических находок с четко определяемой хронологией.

При разборе типов наконечников стрел неоднократно отмечалось, что подавляющее большинство их принадлежит к комплексам VII—VI вв. до н. э. Найденные в раскопах стрелы датируются именно этим временем. Встреченные в небольшом количестве в подземном материале втульчатые трехлопастные наконечники принадлежат к ранним вариантам этих типов и тоже могут датироваться VII—VI вв. до н. э. Следует обратить внимание на состав комплекса наконечников стрел с этого поселения, так как он отражает, очевидно, как временные, так и территориальные особенности. Преобладают двухлопастные втульчатые наконечники стрел (около половины всех наконечников), среди которых весьма значителен процент архаических и редких, например, у савроматов типов. Черешковые трехлопастные наконечники составляют вторую по величине группу — около трети комплекса; в довольно большом количестве представлены ромбические наконечники с ромбическим же сечением головки, столь характерные для низовьев Сырдарьи.

Если в общем сравнивать комплекс наконечников с поселения Куюсай 2 и наиболее известного комплекса в низовьях Сырдарьи могильника Уйгарак, то обращает внимание, несмотря на сходство большого числа типов стрел, различие в общем составе комплекса.

На Уйгараке преобладают черешковые и ромбические наконечники, а двухлопастные

¹³¹ Бернштам А. П. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26, с. 314, таблица между с. 300 и 301.

¹³² Бернштам А. П. Историко-археологические очерки. . .

¹³³ Крутов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 292, рис. 48, 20.

¹³⁴ Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1935, vol. II. Paris, 1939, pl. I, S. 545; ХСII, S. 163.

представлены значительно меньшим набором типов и количеством¹³⁵.

Много меньше на поселении Куюсай 2, чем на Уйгараке, и втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников, но это объясняется хронологической разницей комплексов, так как на Уйгараке есть погребения и V в. до н. э.¹³⁶ Все остальные различия могут найти объяснение, как представляется, в небольшой хронологической разнице нижней даты памятников, а также, возможно, в специфике набора стрел на каждой территории. Наиболее ранние погребения Уйгарака О. А. Вишневская датирует VII—VI вв. до н. э.¹³⁷ Комплекс наконечников с Куюсай 2 тоже следует датировать VII—VI вв. до н. э.; может быть, большее количество двухлопастных наконечников в куюсайском наборе указывает на несколько более раннюю начальную дату его, хотя она и лежит, несомненно, в пределах VII в. до н. э.

Можно ли объяснить рассматриваемую особенность куюсайского комплекса территориальными различиями—сказать трудно, так как мало известны аналогичные наборы стрел из савроматских памятников или с территории южной части Средней Азии. Среди известных савроматских находок VII—VI вв. двухлопастные наконечники несомненно преобладают, хотя иногда их вытесняют уже трехлопастные втульчатые¹³⁸. В знаменитом «брелке» из кургана 4 могильника Айдикуль на Памире преобладают двухлопастные наконечники, но в остальных памятниках саков Памира эта закономерность не наблюдается¹³⁹. Меньшее, чем на Уйгараке, количество черешковых наконечников стрел можно отнести, как нам представляется, скорее, к территориальным особенностям. Ряд исследователей считает этот тип наконечников характерным для восточных районов Евразии¹⁴⁰; для савроматской территории

черешковые бронзовые наконечники не характерны¹⁴¹.

Территория собственно Средней Азии может занимать в этом плане промежуточное положение между Приуральем и Казахстаном. Уже упоминавшиеся находки черешковых наконечников на Памире, на юге Узбекистана (Кучуктепе) и в памятниках архаического Дахистана свидетельствуют о том, что этот тип наконечников был распространен в Средней Азии вплоть до самых ее южных районов. Поэтому находки с поселения Куюсай 2 не представляют исключения.

Время функционирования черешковых наконечников, судя по всему, было довольно ограниченным¹⁴², поэтому находки их представляются в Средней Азии меньшим количеством экземпляров.

Ромбические наконечники, наиболее характерные для юго-восточного Приаралья, известны, как показывают материалы, и в Хорезме.

На Кюезли-гюре, расположенном, как уже отмечалось, всего в 25 км от поселения Куюсай 2, представлен совершенно иной набор бронзовых наконечников стрел, характерный для скифо-сарматских памятников. Двухлопастные¹⁴³, ромбические и черешковые наконечники отсутствуют, так как они составляют набор более раннего времени. Кюезлигүрский комплекс наконечников датируется VI—V вв. до н. э.¹⁴⁴ и, несомненно, сменяет набор с поселения Куюсай 2 на территории Хорезма. Стык этих комплексов приходится на VI в. до н. э.

В наборе с поселения Куюсай 2 трехлопастных втульчатых наконечников еще мало; среди них отсутствует тип трехлопастных лавровидных с выступающей втулкой (тип I, отдел II, по К. Ф. Смирнову), характерных для собственно ахеменидских комплексов Ирана¹⁴⁵ и для памятников ахеменидского времени в Средней Азии (в том числе и на Кюезли-гюре)¹⁴⁶.

Может быть, этот факт косвенно свидетельствует о том, что поселение Куюсай 2 не дожи-

¹³⁵ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 88. Двухлопастных втульчатых—7 экз. (около 5%), трехлопастных втульчатых—13, трехгранных втульчатых—10, четырехгранных и ромбовидных втульчатых—16, черешковых наконечников—85 экз. (62%). Сравнение материалов с поселения и из могильника, конечно, несколько условно, но представляется нам правомерным в связи с тем, что в погребениях Уйгарака представлены нарушенные обрамлением комплексы, а поселение Куюсай 2 дало необычайно богатый комплекс наконечников стрел.

¹³⁶ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 124—125.

¹³⁷ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 120.

¹³⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, рис. 11; 12, 3.

¹³⁹ Литвинский Б. А. Древние кочевники... с. 93—94, табл. 33; 34.

¹⁴⁰ Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 93; Литвинский Б. А. Древние кочевники... с. 93—100. В этих же работах приведена литература по данному вопросу.

¹⁴¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 62, рис. 40.

¹⁴² Медведская И. И. Некоторые вопросы... с. 80—81.

¹⁴³ Исключение составляет один небольшой, близкий к лавровидному, наконечник (см.: Толстов С. П. По древним дельтам... рис. 44, D).

¹⁴⁴ Толстов С. П. По древним дельтам... с. 98.

¹⁴⁵ Schmidt E. F. Persepolis. Chicago, 1957, T. II, p. 99, pl. 76, 2, 7, 8.

¹⁴⁶ Дьяконова М. М. Археологические работы в низком течении р. Кафирниган (Кабодан).— МИА, 1953, № 37, с. 281, рис. 19, Г; Массон В. М. Древнеземельская культура Марганы, с. 46, рис. 12; табл. XXXIV, 9, 12, 15; Толстов С. П. По древним дельтам... рис. 44, 5, 6, 16.

встает до ахеменидской эпохи, т. е. до второй половины VI в. до н. э.

Датировка, принятая для гончарной керамики типа Яз-дене II и культуры архангического Дахистана, найденной на поселении Куюсай 2, не противоречит общей датировке поселения VII—VI вв. до н. э.

Комплексе Яз-дене II датирован В. М. Массоном от середины VII до середины V в. до н. э.¹⁴⁷ Если учесть, что в комплексе Яз-дене II отмечены и материалы, синхронные кюзельгырским, а формы представленной на Куюсай 2 керамики (прежде всего цилиндрикоконических сосудов) не принадлежат к поздним образцам, можно констатировать, что поселение Куюсай 2 синхронно ранней части комплекса Яз-дене II.

В памятниках культуры архангического Дахистана¹⁴⁸ слои раннего железного века не отделены хронологически от предшествующих по времени. Можно лишь отметить, что к первой трети I тысячелетия до н. э. относятся поздние слои этих памятников¹⁴⁹. Поэтому керамика из них не может быть датирована позднее VII—VI вв. до н. э.

Все остальные находки, в том числе и восходящие к прототипам эпохи поздней бронзы, не противоречат общей датировке поселения VII—VI вв. до н. э., так как архангические элементы в памятниках раннего железного века обычны.

Довольно хорошо можно определить и время крепости (поселения)-убежища на юго-западном мысу Тарым-кая.

В комплексе наконечников стрел там, как отмечалось, есть типы, характерные для V в. до н. э., но преобладают наконечники, известные в раннепрохоровских комплексах IV в. до н. э.

Аналогичную датировку можно предложить и по керамическим материалам. Хорезмийская гончарная посуда представлена позднеархангическими образцами (ср. материалы с Дингильдыке и Хазараспа) и раннекангюйскими (ср. Кой-Крылган-кала), что позволяет датировать их концом V—началом IV в. до н. э.

Для поселения же в целом можно предложить датировку — рубеж V—IV—начало IV в. до н. э.

Тем же временем должны быть датированы оссуарные погребения в курганной группе у тригипонкта могильника Тарым-кая I. Ком-

плексе керамики здесь идентичен: фрагменты позднеархангических хумов, хумчи переходных от архангических к кангюйским форм, приземистые шаровидные сосуды типа хумчи, чаще всего с выпуклым дном и очень архангическими вариантами росписи (см. табл. XXVI), сосуды с росписью спиральями. Вид сосудов-оссуариев по конструкции дна и деталям росписи можно сопоставить с керамикой из субструкционной клети на Калалы-гыре I¹⁵⁰, относящейся ко времени постройки памятника (рубеж V—IV вв. до н. э.)¹⁵¹.

Что же касается всех остальных захоронений куюсайской культуры в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая I, то хронология их может быть определена лишь в самых общих пределах от VII в. до н. э. (начала куюсайской культуры в Хорезме) до конца V в. до н. э., когда завершается переход к оссуарному обряду захоронения. Можно лишь высказать некоторые соображения по относительной хронологии памятников.

Могильник Тарым-кая I, очевидно, более поздний, чем Тумек-кичиджик, так как в нем широко представлены погребения полурасчлененных и частично нарушенных скелетов, что означает постепенный переход к захоронению очищенных костей в сосудах-оссуариях. В этом же могильнике в ряде сосудов отмечена в тесте примесь шмота, изготовленного из гончарной посуды (не ранее второй половины VI в. до н. э.). В могильнике Тумек-кичиджик лишь в кургане 26 произведено впускное погребение расчлененного скелета. Можно заметить и некоторые различия в одностийных сосудах из могильников (цилиндрические и шаровидные).

В могильнике Тарым-кая I сосуды более приземистые, меняются их пропорции. Учитывая, что могильники, судя по их небольшому размеру, вряд ли функционировали очень долгое время, отмеченные соображения могут дать некоторые основания для следующей датировки: могильник Тумек-кичиджик — VII—VI вв. до н. э., а могильник Тарым-кая I (кроме оссуарных и подобный захоронений) — VI—V вв. до н. э.

Поскольку памятники куюсайской культуры известны в Присарыкамьшской дельте с VII по IV в. до н. э., встает вопрос об их соотношении с архангической (кюзельгырской) культурой Хорезма на этой же территории. Куюсайская культура предшествует появлению архангической культуры в Хорезме; этот период

¹⁴⁷ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, с. 48.

¹⁴⁸ Массон В. М. Памятники культуры архангического Дахистана...

¹⁴⁹ Массон В. М. Памятники культуры архангического Дахистана..., с. 438.

¹⁵⁰ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма... с. 77.

¹⁵¹ Рапопорт Ю. А., Лавинов-Скоблов М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 141.

в Присарыкамьшской дельте представлен поселением Куюсай 2 и, очевидно, могильником Тумек-кичиджик.

В VI в. до н. э. на этой же территории появляются, кроме крепости Кюзели-гыр, и рядовые поселения, как связанные с ирригационной сетью, так и расположенные непосредственно на протоках русел. На всех этих поселениях, как и, собственно, в материалах из раскопок Кюзели-гыра, присутствует лепная куюсайская керамика. Лишь полная обработка и публикация материалов из раскопок Кюзели-гыра позволит точно охарактеризовать ее место в комплексе.

В связи с этим встает вопрос: не являются ли кюзелигырцы (в Присарыкамьшской дельте) куюсайцами, хотя бы частично включенными в систему ахеменидской государственности? Ведь для архаической (кюзелигырской) культуры Хорезма характерен комплекс гончарной керамики, получивший широкое распространение в Средней Азии именно в ахеменидское время (местные корни его в Средней Азии не вызывают сомнения). Включение Хорезма в состав ахеменидской империи могло сопровождаться переселением на его территорию новой группы населения, но до получения антропологических материалов кюзелигырской культуры этот вопрос остается открытым. Архаическая культура в Хорезме одинаково распространяется в Акчадарынской и Присарыкамьшской дельтах (на правом и левом берегах Амударьи). Единство ее в основных чертах на всей территории Хорезма независимо от различия культур предшествующего времени указывает, очевидно, на объединение Хорезма в пределах одного государственного образования, обеспечивавшего, кроме всего прочего, ирригационное строительство в больших масштабах.

В IV в. до н. э., со становлением кангюйской культуры в Хорезме, следы куюсайцев исчезают в Присарыкамьшской дельте. Можно высказать предположение, что они окончательно ассимилируются местным населением оазиса¹⁵², с которым они вошли в тесный контакт в ахеменидскую эпоху.

В связи с вопросами хронологии памятников следует подчеркнуть, что если связывать появление архаической культуры в Хорезме с завоеванием ахеменидов, то начало ее падает на вторую половину VI в. до н. э.¹⁵³ Это согла-

суется с предлагавшейся верхней хронологической границей комплекса накопечников стрел с поселения Куюсай 2 — серединой VI в. до н. э. и не противоречит датировкам памятников архаической культуры в Хорезме, предложенным М. Г. Воробьевой¹⁵⁴.

В материалах с Кюзели-гыра можно отметить специфически куюсайские черты не только в лепной керамике. Продолжается изготовление ювелирных украшений из бирюзы, не забывается и традиция наземных каркасных построек (комплексы их обнаружены в ряде раскопок на Кюзели-гыре), воспринимается и традиция покрытия керамики красным ангобом, что отличает часть хорезмийской посуды ахеменидского времени от посуды остальных районов Средней Азии.

Происхождение куюсайской культуры и некоторые вопросы исторической интерпретации памятников. Памятники куюсайской культуры появляются в Присарыкамьшской дельте Амударьи в связи с ее новым обводнением после засушливого периода, наступающего к эпохе бронзы. Наиболее ранним памятником является поселение Куюсай 2. Поэтому в связи с вопросом о происхождении куюсайской культуры мы обращаемся прежде всего к материалам этого поселения, привлекая данные, полученные в результате раскопок могильников. Сопоставление с амирабадской культурой позднего бронзового века в Хорезме не дает оснований признать куюсайскую культуру местной в Хорезме, так как между ними нет не только генетической преемственности, но даже каких-либо культурных связей. На основании первых полученных материалов по куюсайской культуре нами был сделан вывод о принадлежности ее к кругу сакских (в широком смысле этого слова)¹⁵⁵. Более широкие раскопки могильников, а также и полная обработка всего археологического материала заставили нас несколько уточнить этот вывод.

С кругом сакских памятников куюсайскую культуру объединяют некоторые особенности погребального обряда, набор накопечников стрел, параллели общего характера по ряду типов керамики. Рассмотрим подробно этот материал.

Господствующий в куюсайских могильниках обряд захоронения в курганах с широтными ямами с преобладающей ориентировкой погребенного на запад (а иногда и на восток) встречается в памятниках ранних кочевников на

¹⁵² Под местным населением имеются в виду остатки населения эпохи бронзы в Хорезмском оазисе вообще.

¹⁵³ Завоевание Хорезма Гиром произошло между 545 и 539 гг. до н. э. (см.: Давидова М. А. Иран при первых ахеменидах. М., 1963, с. 106).

¹⁵⁴ Воробьева М. Г. Дингильдаке... с. 206. Кюзелигыр ранний — до конца VI в. до н. э., Кюзелигыр поздний — рубеж VI и V вв. до н. э. — самое начало V в. до н. э. и т. д.

¹⁵⁵ Вайнберг В. И. Куюсайская культура раннего железного века... с. 48.

очень широкой территории и характерен для переходного периода от эпохи бронзы к железному веку и для раннего железного века. Одновременно происходит и переход от скворчатых погребений к вытянутым на спине¹⁵⁶. Этот обряд захоронения встречается не только в степных районах, а характерен, как показывают новые материалы, и для южных районов Средней Азии, где в погребальных памятниках земледельческого населения отмечается аналогичный переход в конце эпохи бронзы к захоронениям с широтной, прежде всего западной, ориентировкой¹⁵⁷.

В савроматских памятниках узкие подирымоугольные могилы, часто перекрытые, как и кюсайские, камышом, относятся к категории наиболее бедных и часто встречаются в качестве впускных в насыпях курганов эпохи бронзы. Несмотря на большую скромность погребального инвентаря, в них встречены и кости животных в качестве заупокойной пищи, что совсем не характерно для кюсайских захоронений. Красная краска в виде кусочков или изредка на поверхности каменных «алтарников» встречается только в богатых савроматских погребениях, как в мужских, так и в женских¹⁵⁸. В кюсайских погребениях красная краска встречается только в женских захоронениях. Именно в Приуралье у савроматов были обнаружены близкие кюсайским каменные «пирамидки» над могильными ямами, но там они появляются с IV в. до н. э.¹⁵⁹ — много позже, чем они засвидетельствованы у кюсайцев.

В низовьях Сырдарьи погребения в узких широтных ямах известны в небольшом количестве в могильнике Уйгарак. Если не считать детские захоронения, то сопоставимы с кюсайскими могут быть погребения в шести курганах: 23 — в центральной группе и 64, 67, 69а, 74а и 74 — в западной. Их сближает также наличие растительной подстилки и камышового перекрытия в погребальной яме. Интересно отметить, что в западной группе все погребения — женские, и в них присутствуют характерные и для кюсайских захоронений куски зернотерок, следы красной краски,

плоские кости животных со следами красной краски. Несмотря на то что западная группа в могильнике Уйгарак отличается большой бедностью инвентаря и все отмеченные погребения к тому же были ограблены, в них все же встречены, кроме сосудов, предметы конской упряжки, наконец стрелы (курган 69а) и даже отдельные предметы, украшенные изображениями в зверином стиле¹⁶⁰.

Кроме этой, весьма существенной, на наш взгляд, детали погребального обряда, отмеченные уйгаракские погребения отличаются от кюсайских гораздо большая роль огня в погребальном ритуале: кострица, черная гарь и пр. на дневной поверхности вокруг могильных ям. Не характерна для кюсайских могил и наброска из хвороста или выстилка камышом дневной поверхности вокруг погребальной ямы. Вместе с тем на Уйгараке, как и на Тагскене, не встречены характерные для кюсайских курганов каменные «пирамидки» над погребениями. Отличаются кюсайские погребения и местом размещения инвентаря в могиле — он всегда помещается у головы погребенного.

Песомненно могут быть сопоставлены с уйгаракскими погребения в древнем горизонте. Уже упоминалось, что в кюсайских могильниках они встречены в ограниченном количестве. Располагаются они всегда на периферии могильника и, как правило, если судить по инвентарю, принадлежит женским захоронениям. Лишь в трех курганах отмечены ямки от столбов, окружавших площадку с захоронением. С известными по Уйгараку конструкциям из ямок можно практически сравнить лишь одну, обнаруженную в кургане 43 могильника Тумек-кичиджик (восточная ориентировка погребения). В отличие от уйгаракских кюсайские погребения на древнем горизонте перекрыты камнями или каменными «пирамидками»: захоронения в них совершались чаще всего неоднократно. Довольно существенно отличаются от известных в сакских могильниках и малочисленные кюсайские погребения, совершенные по обряду трупосождения¹⁶¹.

Наличие очагов в двух курганах могильника Тарым-кая I заставляет нас обратиться к другому кругу памятников. Несмотря на то что прямых аналогий мы указать не можем, следует вспомнить погребения эпохи бронзы в Южном Таджикистане, где прямоугольные и круглые очаги встречены внутри погребальной камеры. В этих же памятниках встречены наиболее древние в Средней Азии захоронения

¹⁵⁶ См., например: Терезогли А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 402; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 79; Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., с. 60.

¹⁵⁷ Лекторов А. Бронзовый век Южного Узбекистана. (К проблеме развития локальных очагов древне-восточных цивилизаций.) Авторф. докт. дис. М., 1976, с. 14. Памятники раннего железного века см.: Горбунова И. Г. Куйгайский могильник. — АСЭЭ, 1961, вып. 3, с. 171.

¹⁵⁸ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 79—80, 91—92, 95, 100.

¹⁵⁹ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 89—90.

¹⁶⁰ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., т. I, II, заключение.

¹⁶¹ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., т. I, II.

очищенных от мягких тканей костей скелета, что становится характерным и для погребений могильника Тарым-кая 1, а также погребения с западной и восточной ориентировкой, камни в перекрытии могильной ямы и следы красной краски в погребениях¹⁶².

Как уже говорилось, комплекс наконечников стрел с поселения Куюсай 2 типичен не только для сакских комплексов, но для Средней Азии вообще; значительная часть типов их встречается и в памятниках Ирана, иногда даже в более ранних комплексах. Исключение составляют лишь ромбические наконечники, характерные для Приаралья. Они известны в памятниках саков Памира, что не исключает появления отдельных экземпляров их и в других районах на юге Средней Азии.

Сравнение куюсайского керамического комплекса с керамикой савроматов Приуралья, саков Юго-Восточного Приаралья (Тагискен, Уйгарак) и других соседних со Средней Азией районов показывает весьма существенные различия в технике изготовления, отделке посуды и особенно в ее формах.

Сопоставим в самых общих чертах сосуды с цилиндрическими носками-сливами. Но, во-первых, формы их неодинаковы в разных районах и не совпадают с куюсайскими. Во-вторых, для куюсайских памятников эта форма посуды, как выяснилось, не очень характерна. В могильниках сосуды с носками вообще отсутствуют. На поселении Куюсай 2 они представлены единичными экземплярами, что отмечалось при описании керамики; к тому же среди них преобладают сосуды типа открытых чаш или мисок. В-третьих, происхождение всех типов сосудов с цилиндрическими носками, известных в культурах ранних кочевников соседних со Средней Азией областей, связывается исследователями с южными районами оседло-земледельческих культур (Средняя Азия, Иран и др.). Таким образом, наличие ограниченного количества своеобразных по форме сосудов с цилиндрическими носками-сливами на поселении Куюсай 2 вряд ли может бесспорно свидетельствовать о сакской принадлежности этой культуры. Остальные типы посуды могут быть сопоставлены с теми или иными формами сосудов у ранних кочевников в еще меньшей степени. В керамике савроматов, семиреческих саков или саков Памира никаких аналогий куюсайской керамике нет¹⁶³. Обращает внимание общее сходство форм некоторых кружек из

погребений Уйгарака¹⁶⁴, а также кувшиновидных сосудов оттуда же¹⁶⁵ и сосуда из погребения на древнем горизонте в кургане 43 могильника Тумек-кичиджик. Как в могильнике Уйгарак, так и в куюсайских могильниках эти типы сосудов происходят из женских захоронений, в погребальном обряде которых мы отметили ряд аналогий. Может быть, все эти факты свидетельствуют о обратных связях племен Приаралья с куюсайцами¹⁶⁶. Основные типы сосудов, характерные прежде всего для могильников, не находят аналогий в материалах с Уйгарака и Тагискена. Кроме форм, их отличает и красное покрытие поверхности сосуда (изредка встречается и полосчатого типа лощение).

Что же касается всего остального комплекса куюсайской керамики, то он отличается от всех известных сакских не только по формам, но и по самому набору их, несомненно более богатому.

Комплекс керамики с поселения Куюсай 2 отличается большим разнообразием типов посуды не только от сакских культур, известных, как правило, по могильникам, но даже и от аналогичных комплексов керамики с поселений эпохи поздней бронзы и раннего железного века в Правобережном Хорезме¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., табл. XXII, 8, 20.

¹⁶⁵ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., табл. XXII, 2А, 25.

¹⁶⁶ В связи с этим хотелось бы обратить внимание на то, что почти вся посуда в могильнике Уйгарак происходит из женских погребений (см.: Вишневецкая О. А. Культура сакских племен..., с. 74). Интересно проследить распределение типов ее по трем выделенным группам могильника. Так, кувшиновидные сосуды без ручек, аналогично которым мы отмечали в могильнике Тумек-кичиджик, встречаются только в восточной группе могильника. По форме они сблизкаются с керамикой Алтая (см.: Сорокин С. С. Печочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Коксу (Южный Алтай) — АСГЭ, 1974, вып. 16, с. 80). Для этой же восточной группы могильника Уйгарак характерны в женских могилах кловонидной формы каменные «адагники» и бронзовые зеркала с вертикальным бортиком и медвединой ручкой, известные, как правило, в более восточных по отношению к Приаралю районах. Все эти факты могут быть истолкованы в одной связи — как указание на восточное происхождение денции из этой группы могильника. Все кружки найдены только в центральной группе Уйгарака. Поэтому представляется преждевременным вывод о связи отдельных групп могильника Уйгарак с каменной денцией общества (см.: Кузнецова Е. Е. Ред.: О. А. Вишневецкая. Культура сакских племен шиворок Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. М., 1973 — СЛ, 1975, № 2, с. 294; Кузнецова Е. Е. В стране Кабата и Афрасиаба. М., 1977, с. 96).

¹⁶⁷ Пугина М. А. История степных племен..., с. 147—172.

¹⁶² Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, с. 53.

¹⁶³ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 108—127; Аксенов К. А., Кушнер Г. А. Древняя культура, с. 102, рис. 82; Давыдовский Б. А. Древние кочевники..., с. 34, табл. 6.

Наличие в кюсайском комплексе большого количества специфических форм сосудов для хранения запасов, среди которых есть формы хумов и крупных горшков, составившие с гончарными сосудами таких южных комплексов, например, как Тахирбай 3 и Яз-депе 1, П¹⁶⁸, выработанные формы столовой посуды, особенно цилиндрические и бокаловидные варианты ее, известные в предшествующее кюсайской культуре время только на юге Средней Азии и в более южных районах, указывают, как нам представляется, на несомненные культурные и хозяйственные связи кюсайцев с оседло-земледельческими центрами юга Средней Азии и сопредельных с ними районов. К этому следует добавить, что характерное покрытие кюсайской керамики красным ангобом могло быть воспринято тоже только в оседло-земледельческих районах.

Наиболее существенным отличием кюсайской культуры от сакских комплексов является, на наш взгляд, отсутствие предметов звериного стиля в погребениях, а также среди богатых остатков бронзолитейного производства на поселении Кюсай 2. Неоднократно отмечалось, что для всех сакских или раннекочевнических памятников на широкой территории от Южной Сибири до Восточной Европы при различии в погребальном обряде характерно большое сходство погребального инвентаря, и прежде всего наличие «скифской триады» (оружие, конская упряжка, предметы звериного стиля).

Мы особо отмечали, что даже в самых бедных и к тому же ограбленных могилах Уйгарака, близких кюсайским по обряду захоронения (шесть погребенный), встречены отдельные предметы «скифской триады». Вместе с тем в 50 кюсайских погребениях, раскопанных в двух могильниках, не встречено ни одного такого предмета. Поселение Кюсай 2, необычайно богатое остатками бронзолитейного производства, дало большой набор наконечников стрел из размытого культурного слоя; там же встречен фрагмент бракованного стрелковидного удила, но какие-либо предметы или фрагменты их, оформленные в зверином стиле, отсутствуют.

Все изложенное заставляет нас сделать следующий вывод. Если кюсайская культура и ведет свое происхождение от степных культур эпохи поздней бронзы, то связана с той группой носителей этих культур, которая продвинулась на юг Средней Азии (а возможно, и еще южнее) не позже начала I тысячелетия

до н. э.¹⁶⁹ Именно в южных районах предки скотоводов-кюсайцев вступили в тесный контакт с земледельческим населением, что наложило определенный отпечаток на облик их культуры. Оседлый образ жизни, несомненно, также способствовал появлению ряда специфических черт в культуре кюсайцев. В Присарыкамшскую дельту Амударьи кюсайцы продвинулись, несомненно, из южных районов, и хотя они находились, очевидно, в постоянном контакте с сакскими племенами Приаралья (в широком географическом понимании этого термина), продолжали сохранять и здесь оседлый образ жизни и специфику своей материальной и духовной культуры.

Антропологические данные¹⁷⁰ не дают оснований связывать происхождение кюсайского населения с северными районами Средней Азии и Казахстана, а, подчеркивая их генетическую связь с древним населением Восточной Европы, свидетельствуют, скорее всего, о появлении кюсайской культуры из южных районов. В могильнике Тумек-кичиджик отчетливо представлен южнотуркменский долихокранный компонент, известный по памятникам эпохи бронзы.

Состав гончарной посуды на поселении Кюсай 2 помогает определить в общих чертах и место прежнего обитания кюсайцев, откуда они могли продвнуться в Хорезм. Стык культур типа Яз II и архаического Дахистана, как уже отмечалось, проходил где-то на меридиане Кзыл-арвата — Бази на юге Туркмении. За пределами территории СССР памятники раннего железного века практически неизвестны. По отдельным находкам можно судить, что в районе Ширвана и Кучана (Атрекская долина) в Северном Иране была распространена культура типа Яз-депе¹⁷¹. Для прикаспийских районов Ирана характерен материал, близкий культуре архаического Дахистана¹⁷². Таким образом, и в Северном Иране граница этих двух культурных комплексов проходила где-то на меридиане Кзыл-арвата, через среднее течение Атрека и вблизи верховьев Горгана.

Археологические исследования в этом районе Северного Ирана практически не проводились, поэтому никаких материалов мы привести не можем¹⁷³. Район этот прилегает к Ни-

¹⁶⁹ *Мандельштам А. М.* Погребения срубной культуры в Южной Туркмении. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 105.

¹⁷⁰ См. статью Т. А. Трофимовой в настоящем сборнике, с. 77 и сл.

¹⁷¹ *Сарианди В. И.* Раскопки Тилля-тепе... с. 31, рис. 54—55.

¹⁷² *Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана... с. 449.

¹⁷³ Выявление памятников кюсайской культуры вообще сложно. Например, в Хорезме, несмотря на

¹⁶⁸ *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. V, I, 57; XXIV; XXXVII, 15.

шапуру, и, может быть, именно с этим связано обилие бирюзы и украшений из нее на поселении Куюсай 2.

Основываясь на археологических материалах, мы можем предполагать, что переселение куюсайцев в низовья Амударьи произошло в VII в. до н. э. из района стыка культур архаического Дахистана и яз-депинского типа, который должен был находиться где-то в пределах Южной Туркмении или Северного Ирана, между Кызыл-арватом на севере и пустыней Деште-кевир на юге, верховьями Горгана на западе и Ширваном и Нишапуром на востоке.

Куюсайская культура в том виде, как она представлена в Хорезме, является культурой оседлых скотоводов в первую очередь. На юге она могла располагаться на периферии оседло-земледельческих областей, поэтому не должно вызывать удивления сохранение традиций ручной выделки керамики, свойственных периферийным культурам оседлых скотоводов и в более позднее время (например, каунчинская и джетыасарская культуры на Сырдарье). Отсутствие сырцового строительства, с которым куюсайцы должны были познакомиться на юге, может найти объяснение в специфике природных условий Присырдыкмышской дельты в то время. В сильно увлажненных и заболоченных местах сырцовое строительство перенатябелю, так как соли и влага разрушают постройки. Можно привести этнографические примеры. До сих пор в дельтах Амударьи и Сырдарьи в строительстве широко применяется камыш, обмазанный глиной, заменяющий сырцовые постройки. В городах Средней Азии, по данным А. К. Писарчик, в связи с повышенной увлажненностью сырцовые постройки заменялись каркасными¹⁷⁴.

В. В. Бартольд обратил внимание на сильное впечатление, которое произвели на Фрезера, прибывшего на берега Горгана с востока, из Хорасана, специфические постройки этого сильно увлажненного района. Они были каркасными (из деревянных кольев и глины) и резко отличались от сырцовых построек Хорасана¹⁷⁵.

В связи с переселением в Хорезм куюсайцев в преекменидское время, стоит напо-

мнить о скурых данных о древних хорасмийцах в письменных источниках. Задача эта облегчается тем, что все они, как и легенды о переселении хорезмийцев, были собраны воедино и проанализированы И. В. Пьянковым¹⁷⁶. Принимая основные исторические выводы его статьи, мы не можем согласиться с археологическими комментариями автора.

Согласно Гекатею, в конце VI в. до н. э. хорасмийцы жили вблизи дороги из прикаспийских областей в Индию, где-то к востоку от парфия, на основании чего И. В. Пьянков делает вывод, что территория хорасмиев занимала восточную часть Туркмено-Хорасанских гор и долину Теджена-Герируда¹⁷⁷. На аналогичную локализацию хорасмиев как будто бы указывают данные Ктесия¹⁷⁸.

В связи с данными Гекатея о хорасмийцах И. В. Пьянков, конечно, рассматривает знаменитую легенду о реке Акес, изложенную у Геродота¹⁷⁹. И. В. Пьянков отвергает какие бы то ни было локализации этой реки, считая, что в легенде отразились «смутные географические представления». Источником Геродота в этом случае, по мнению И. В. Пьянкова, не был Гекатей¹⁸⁰. В комментариях этого очень важного для нас фрагмента И. В. Пьянков оставляет без внимания один из существенных моментов. При локализации хорасмиев только к востоку от парфия и частичном (?) отождествлении долины реки Акес с Арей¹⁸¹ остается непонятным и необъяснимым соседство хорасмиев с гирканиями, названными первыми в перечне соседей хорасмиев.

Учитывая предложенное истолкование археологических материалов по куюсайской культуре, можно следующим образом истолковать данные письменных источников. Определенная выше область первоначального (до переселения в низовья Амударьи) обитания куюсайцев поразительно совпадает с географической картиной, отраженной в легенде о реке Акес. С одной стороны находится Гиркания (область культуры архаического Дахистана), с другой — Парфия (область культуры Яз-десе II). Может быть, неизвестные нам керамические формы

¹⁷⁶ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского. — ВДИ, 1972, № 2, с. 3—20.

¹⁷⁷ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского, с. 10.

¹⁷⁸ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского, с. 10—11.

¹⁷⁹ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского, с. 11 (там же — литература вопроса); Геродот, II, 117.

¹⁸⁰ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского, с. 11.

¹⁸¹ Пьянков И. В. Хорасмийцы Гекатея Милетского, с. 11—12.

широко проводившиеся разведки, эта культура стала известна лишь недавно. Поселения не имеют, как правило, каких-либо выраженных внешних признаков, а могильные насыпи невелики и обнаруживаются лишь при тщательных наземных поисках.

¹⁷⁴ Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX в. — ТИЭ. Нов. сер., 1954, т. XXI, с. 260, прим. 1.

¹⁷⁵ Бартольд В. В. Сочинения, т. VII. М., 1971, с. 124—125.

пз поселения Куясай 2 свидетельствуют и о соседстве с другими перечисленными там народами, так как реальных границ владений хорасмиев на юге мы не знаем. Но, принимая отожествление куясайцев с древними хорасмиев, можно предположить, что они, вероятно, к началу VII в. до н. э. (дата несколько условна) занимали территорию от восточных границ Гиркании (от отрогов Эльбруса) на западе до Арей на востоке.

На севере, вероятно, их территория граничила в то время с парфянами, а на юго-востоке — с Дрангианой. По ряду причин, которые мы пытаемся выяснить, западная группа хорасмиев была вытеснена со своих земель (и, очевидно, из долины реки Акес) и ушла на север, заняв вновь обводившиеся земли в низовьях Амударьи, в ее Присарыкамышской дельте.

Район к северу от пустыни Деште-кевир, включая южные склоны Эльбруса к востоку от Каспийских ворот, в эпоху древней Мидии назывался Хвар или Хоарена¹⁸². Эта область в VII в. до н. э. была мидийской, а позднее вошла в состав Парфии¹⁸³. С этой областью, хотя бы частично, и может быть связана ранняя история хорасмиев на юге, так как географически она могла совпадать с первоначальной территорией куясайцев-хорасмиев. Поэтому и причины ухода куясайцев из этого района мы должны искать в мидийских событиях.

В первой половине VII в. до н. э. Мидия являлась провинцией Ассирии. В ассирийских источниках нашли отражение события на востоке Мидии, которые представляют определенный интерес для нашей темы. Предлагаем описание этих событий в изложении И. М. Дьяконова¹⁸⁴. В надписях Асархаддона, составленных не позже 674 г. до н. э., сообщается, что к ассирийским властям обратились три восточномидийских правителя, изгнанных из своих областей востатимив населением. Ассирийские войска совершили поход в «страну далеких мидиян», расположенную у горы Бикни (Демаванд) на краю пустыни Деште-кевир, в область Патун'арра¹⁸⁵ (район г. Семпана). При этом были захвачены два «владыки поселения» вместе с их людьми и скотом. Один из «владык» носил иранское имя. На этом событии на восточной окраине Мидии не завершаются. Ассирийцы совершили ряд походов в эти

районы, целью которых было прежде всего получение дани в виде лошадей¹⁸⁶.

Борьба «владык поселений» между собой, походы ассирийских войск, дань, которую требовала Ассирия, могли побудить какую-то часть древних хорасмиев, находившихся в менее благоприятных условиях и притесняемых своими соседями, уйти на новые земли. Свидетельства источников о том, что основным богатством восточномидийских областей и Хоарены, в частности, был скот, главным образом лошади, представляют интерес в связи с хозяйственной характеристикой куясайской культуры, для которой характерно оседлое скотоводство с большим процентом лошадей в составе стада.

Относительно переселения куясайцев к более позднему времени вряд ли есть основания, так как хронологически это должен быть VII в., скорее, его первая половина, но никак не конец VII в., когда была завершена консолидация Мидийского государства¹⁸⁷. Во всяком случае, если учесть, что мидийские дари, очевидно, еще при Хшатрите (Фраорте)¹⁸⁸ овладели Парфией¹⁸⁹, хорасмиев должны были покинуть Хоарену еще до этого события. С достаточной долей осторожности можно говорить о переселении куясайцев-хорасмиев в низовья Амударьи во второй четверти VII в. до н. э.

Может быть, именно поэтому Хоарена и вошла в состав Парфии. Это привело к тому, что часть хорасмиев, живших восточнее и оставшихся на своих землях, оказалась уже теперь к востоку от парфян, что и нашло отражение в текстах у Гекатея и Ктесия.

Возвращаясь к легенде о р. Акес, следует отметить, что именно на той территории, частично совпадающей с древней Хоареной, где мы локализовали первоначальную территорию куясайцев, есть река Колей-Мур (Эбришом) с большим количеством притоков, стекающих с отрогов Эльбруса и Хорасанских гор, устье ее теряется в пустыне Деште-кевир. Наиболее крупных притоков у этой пересыхающей в низовьях реки пять: Джеба, Джебаруд-Кальшур (протекает вблизи Иншанура и Сабзевара), Джоквейн, Карасу и Гали. Все притоки начинаются в горах, в ущельях. Сопоставим данную территорию с ее природными особенно-

¹⁸⁶ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 263.

¹⁸⁷ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 279.

¹⁸⁸ 674—653 гг. до н. э.; см.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 20.

¹⁸⁹ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 357. В переданной Ктесием легенде о сакской царице Зарине (Диодор, Библиотека, II, 34, 1—4) Е. Е. Кузьмина видит отражение борьбы Мидии с саками за господство над Парфией и считает возможным сопоставить эти данные с материалами куясайской культуры. См.: Кузьмина Е. Е. В стране Кавата..., с. 79—81.

¹⁸² Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1936, с. 91.

¹⁸³ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 263, 340.

¹⁸⁴ Дьяконов И. М. История Мидии, с. 261—263.

¹⁸⁵ И. М. Дьяконов отмечает, что, согласно указанию Штрека, «Патинхвар» означает «горы, лежащие перед Хваром (Хоареной)» (см.: Дьяконов И. М. История Мидии, с. 261, прим. 5).

стями с текстом Геродота¹⁹⁰. Во-первых, это, согласно с источником, равнина, окруженная горами. Во-вторых, надо обратить внимание на тот факт, что пять рукавов Акеса не могут представлять дельту реки, хотя у Геродота отмечается, что река «разделялась на пять рукавов», так как в тексте четко сказано, что каждый из рукавов проходит через ущелье, что не соответствует условиям никакой дельты реальной реки, которая могла бы стекать с гор одним руслом, а потом делиться на пять рукавов, протекающих через ущелья. Скорее всего, здесь произошла перестановка местами притоков, текущих в ущельях, и основного русла. В таком случае пять основных притоков отмеченной реки, текущие со стороны Гиркании, Парфии, с востока от пределов Ареи и с юго-востока от границы Дрангианы, могли бы соответствовать географической картине источника.

В-третьих, система орошения, описанная в тексте Геродота (закрытые горные проходы, шлюзы и водоемы, образовавшиеся в результате запруды) широко практиковалась именно в горных районах Северного Ирана. Так, во время экспедиции в Хорасан на пути из Мешхеда в Герат и вблизи первого И. В. Ханьков обнаружил в местности Бенди-Феридун, которая славилась своими настибцами, плотину со шлюзами, построенную «в незапамятные времена у горного ущелья для задержания дождевых вод и вод протекающего по нему ручья. Здесь образовался водоем, запаса воды в котором хватает для орошения близлежащих полей»¹⁹¹.

Упомянутые соображения и заставляют нас высказать предположение об отождествлении реки Акес с рекой Колейе-Мур.

Следует отметить, что близкую к нашей локализацию древних хорасмиев на юге Средней Азии и севере Ирана предложил Р. Фрай (около современного города Кучана в Иране и Ашхабада в Туркмении), но сколько-нибудь убедительных аргументов в подтверждение своего мнения он, к сожалению, не привел¹⁹².

Куюсайцам-хорасмиям, переселившимся в низовья Амударьи, очевидно, во второй четверти VII в. до н. э., и обязана эта страна своим названием. Ахемениды, завоевав низовья Амударьи, могли назвать эту страну Хорасмией по имени самого известного (а может быть, и единственно известного до этого) им из покоренных народов, что потом благодаря письменной традиции ахеменидской канцелярии и письменным памятникам и закрепилось в веках.

¹⁹⁰ Геродот, III, 417.

¹⁹¹ Ханьков И. Экспедиция в Хорасан. М., 1973, с. 108.

¹⁹² Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 71—72.

Хорасмийцы поселились лишь в части оазиса в низовьях Амударьи. Другую его часть — Акчадарьинскую дельту — занимали потомки племен эпохи бронзы (восходящие к тазабать-ябской культуре). Эти племена, как и потомки племен эпохи бронзы Закаспийского плато (срубная культура, по А. М. Мандельштаму)¹⁹³, относятся, вероятно, к числу массагетских племен¹⁹⁴. Смещение и постепенная ассимиляция этих племен в Хорезме, вероятно, нашли отражение и в исторической традиции. Так, общезвестно сообщение Страбона о том, что «к племени массагетов и саков относятся также аттасии и хорасмии»¹⁹⁵. Наличие двух этнических групп в Хорезме еще в ахеменидскую эпоху может быть отмечено в связи с различиями в типах лентной посуды в Левобережном и Правобережном Хорезме.

Не исключено, что в ахеменидский период были новые волны переселений хорасмиев с юга в низовья Амударьи, но доказательств тому мы пока не имеем.

И. М. Дьяконов решительно возражал против предположения о миграции хорезмийцев с юга к Аральскому морю. Он отмечал, что «хорезмийский язык настолько четко ложится на место между скифо-аланским, с одной стороны, согдийским — с другой, и восточно-саксским — с третьей, что о перенесении его с юга нечего и думать»¹⁹⁶. Представляется, что никакого противоречия между возможным переселением хорезмийцев с юга и характеристикой хорезмийского языка нет. Скорее всего, как уже отмечалось, хорасмийцы были ассимилированы в низовьях Амударьи местными племенами (массагетами, по нашему мнению), что и определило характерные особенности языка народа, получившего имя, как и название страны, по пришельцам с юга. Вместе с тем нам неизвестно ни место, ни время первоначального обитания алан в Средней Азии, а также время появления здесь согдийцев и саков в Восточном Туркестане.

Если наше истолкование археологических материалов и данных письменных источников может быть принято, оно снимет или объяснит

¹⁹³ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966, с. 239—240.

¹⁹⁴ Письменные свидетельства о последних см.: Пьянков И. В. Массагеты Геродота. — ВДН, 1975, № 2, с. 46. Вряд ли можно согласиться с археологической частью этой статьи, но сам предмет требует специального рассмотрения. См. также: Мандельштам А. М. К характеристике памятников ранних конюшников Закаспия. — КСИИ, 1976, вып. 147, с. 26.

¹⁹⁵ Страбон, XI, VIII, 8.

¹⁹⁶ Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира: (К возможности новых постановок вопроса). — В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 142.

ряд противоречий в сведениях самих источников и позволит по-новому рассматривать проблему «Большого Хорезма», а также некоторые вопросы, связанные с историей зороастризма, но автор не считает себя компетентным в них.

В связи же с конкретным археологическим материалом можно сделать ряд выводов, представляющих, как нам кажется, интерес не только для истории Хорезма. Как показывают материалы поздних куюсайских могильников Тарым-кая I и II, на рубеже V—IV вв. до н. э. происходит переход к новому обряду захоронения очищенных костей скелета в специальных сосудах — оссуариях, слабженных традиционными четырьмя отверстиями на шее и плотно закрытых крышками. В могильнике Тарым-кая II уже встречены собственно оссуария, а на поверхности найдены фрагменты от статуарного оссуария (часть лица мужчины с бородой). Захоронения оссуариев совершаются еще в курганах, чем отдается дань старой традиции. Следует отметить, что погребения основной части могильника Тарым-кая I демонстрируют постепенный переход к обряду очищения и расчленения костей. Сосуды-оссуарии в основной своей массе голицарного происхождения и принадлежат к типам, известным в памятниках оседло-земледельческого Хорезма. Это дает основания предполагать, что обряд оссуарного захоронения проник к окраинным куюсайским племенам из Центрального Хорезма, где в это же время он, очевидно, стал господствующим. Интересно, что сходный процесс отмечается и у приузбойских племен во второй половине I тысячелетия до н. э. Очевидно не позже IV в. до н. э. в склепах появляются сосуды с захоронениями очищенных костей и корытообразные сосуды-оссуарии. Наряду с этим продолжают обычные захоронения — труположения в тех же семейных каменных склепах¹⁹⁷. Представляется, что этот синхронный процесс, связанный с весьма важной реформой не только в области обрядов, но и верований, мог быть следствием религиозной

политики последних ахеменидов, которым подчинились в V в. до н. э. обе эти области.

В погребальном обряде куюсайцев вообще нет противоречий с общими предписаниями зороастризма, так как погребения совершались лишь на возвышенностях, где не было ни воды, ни возделываемой земли. Обряд трупосожжения зафиксирован лишь в трех случаях, и, возможно, захоронения эти принадлежали «иноплеменникам», включенным в состав местного населения. Два погребения с трупосожжением совершены на древнем горизонте, что не характерно для куюсайцев, а третье — вообще выпадает из общего числа в связи с наличием ритуального очага в погребении. В том же случае, когда горение зафиксировано в куюсайском погребении (курган 51 могильника Тумек-кичиджик), костер, разведенный в могильной яме, явно играл очистительную роль и был изолирован от трупа стерильной простройкой земли.

Могильники куюсайской культуры очень невелики по своим размерам. Расчеты, произведенные по формуле, предложенной С. С. Сорокиным¹⁹⁸, показывают, что если могильники функционировали около 200 лет, то в них хоронила группа населения от 5 до 10 человек, а если около 100 лет, то соответственно от 10 до 20 человек. В любом случае это, вне всякого сомнения, был небольшой коллектив, объединяющий, скорее всего, семью, а не более крупную родовую группу. Большое количество относительно мелких могильников, расположенных в 2—3 км друг от друга, на возвышенности Тарым-кая подтверждает это предположение. Именно семья в 10—15 человек и могла населять дом площадью около 100 кв. м, какой был вскрыт нами в раскопе Б на поселении Куюсай 2. Именно такая семья, обитающая в одном доме, выступает в качестве низшей единицы общества в Авесте¹⁹⁹. Само же неукрепленное поселение Куюсай 2 может рассматриваться как родовое поселение (в состав рода, по данным Авесты, должно было входить не менее 15 семей)²⁰⁰.

¹⁹⁷ Юсуфов Х. Исследования памятников ранних кочевников Северо-Западной Туркмении. — В кн.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов на конференции. Л., 1975, с. 55, 56. Автор приносит благодарность Х. Юсуфову за подробную информацию о работах на Узбое.

¹⁹⁸ Сорокин С. С. Цепочка курганов..., с. 91. Среднюю продолжительность жизни мы также принимаем в 40 лет.

¹⁹⁹ Лигищ В. А. Общество Авесты. — В кн.: История таджикского народа. М., 1963, т. 1, с. 140.

²⁰⁰ Лигищ В. А. Общество Авесты, с. 143.

Таблица I. План поселения Куусай 2

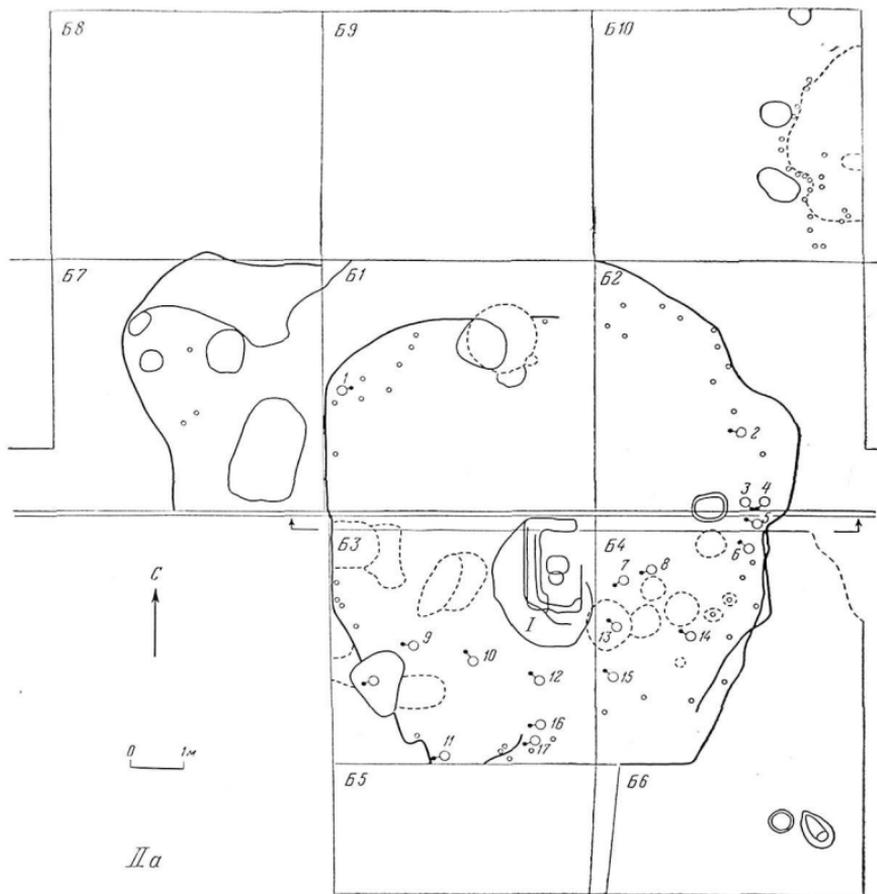
А, Б, В, Г — раскопы (пунктиром отмечены границы растительности)

Таблица IIa. Поселение Куусай 2. Раскоп Б, дом 1. Пунктиром отмечены ямы, перекрытые полом дома.

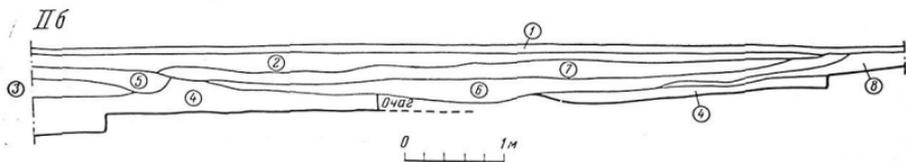
1 — незначительное углубление в полу; Б1—Б10 — наименование квадратов (5×5 м) раскопа
Находки: 1 — наконечник стрелы; 2 — гвоздевидная серьга; 3 — бирюзовая ромбическая подвеска; 4 — бирюзовая бусина; 5—7, 14 — фрагменты бронзовых изделий; 8 — железные стержни; 9, 12 — обделенные фрагменты рогов; 10 — наменное ядро; 11 — железный нож; 13 — кусок бирюзы; 15 — ребро ошело; 16 — медяный железный нож; 17 — костяное «одолот»

Таблица IIб. Поселение Куусай 2. Раскоп Б, дом № 1. Разрез

1 — тапирная корка; 2 — наслоения тапюра с размытыми культурными остатками; 3 — сунесъ с культурными остатками; 4 — ованкультуренный материк; 5 — плотный глиняный слой с культурными остатками; 6 — зеленые обломки гонца; 7 — рыхлый серый культурный слой; 8 — рыхлый глинистый слой с прикрепленными гумуса и зола

IIa

IIb

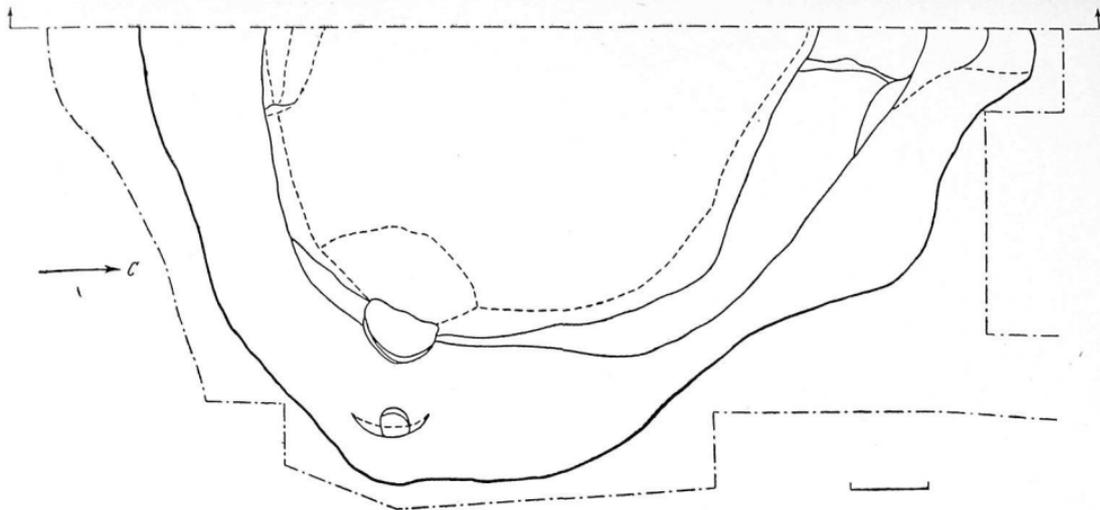

Таблица III. Поселение Куюсай 2. Раскоп В. План и разрез землянки

1 — тальп; 2 — песок; 3 — суглинок; 4 — супесь; 5 — серый

культурный слой; 6 — зеленый культурный слой; 7 — коричневые обмазки; 8 — слой с золой и углями

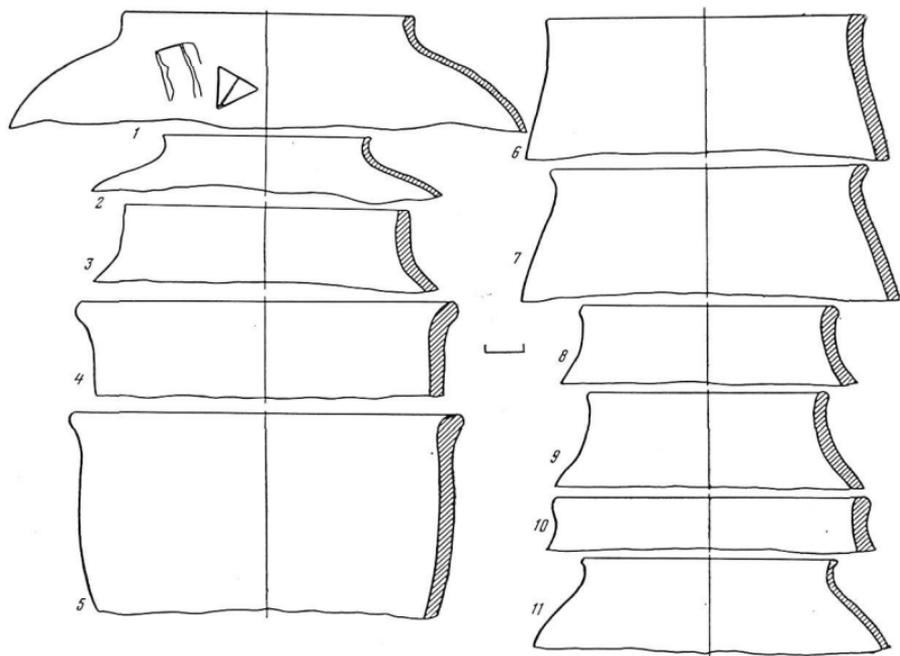

Таблица IV. Поселение Куюсай 2. Керамика
 1, 7 — подъемный материал; 2, 3, 6, 11 — раскоп В;
 4, 5, 8—10 — раскоп Б

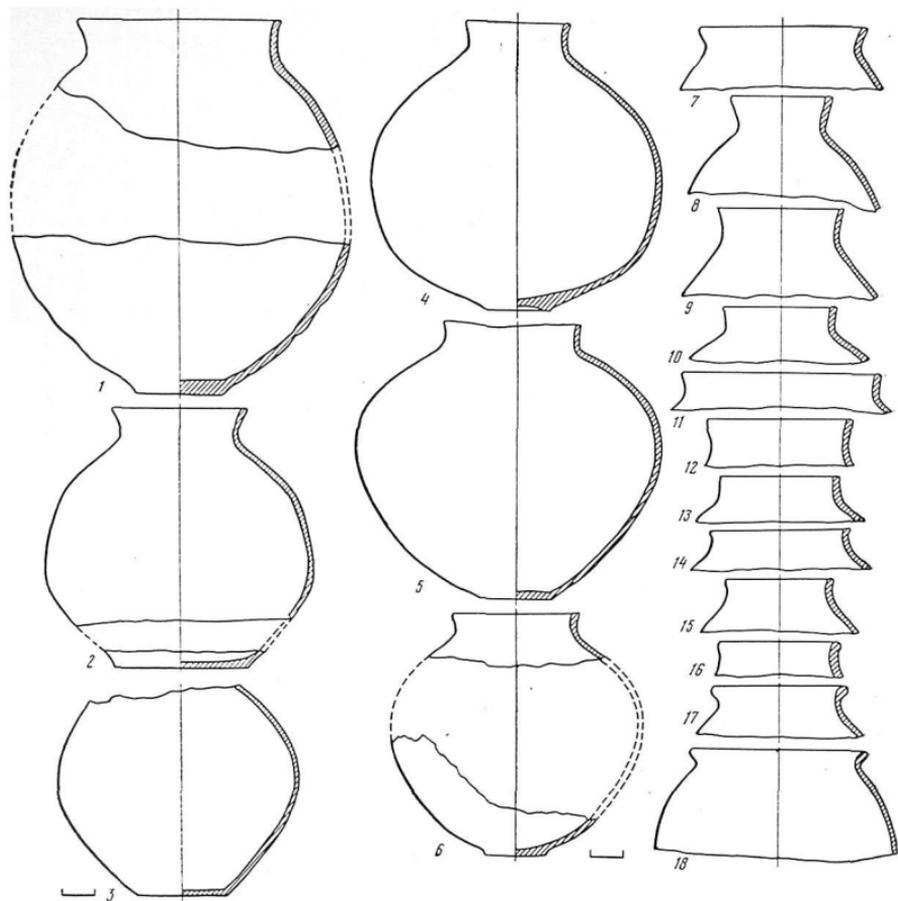

Таблица V. Поселение Кузусай 2. Керамика

1, 2, 4, 8, 10, 12, 13, 15, 16 — раскоп Б; 3, 5, 7 — раскоп А;
6 — подъемный материал; 9, 11, 14, 17, 18 — раскоп В

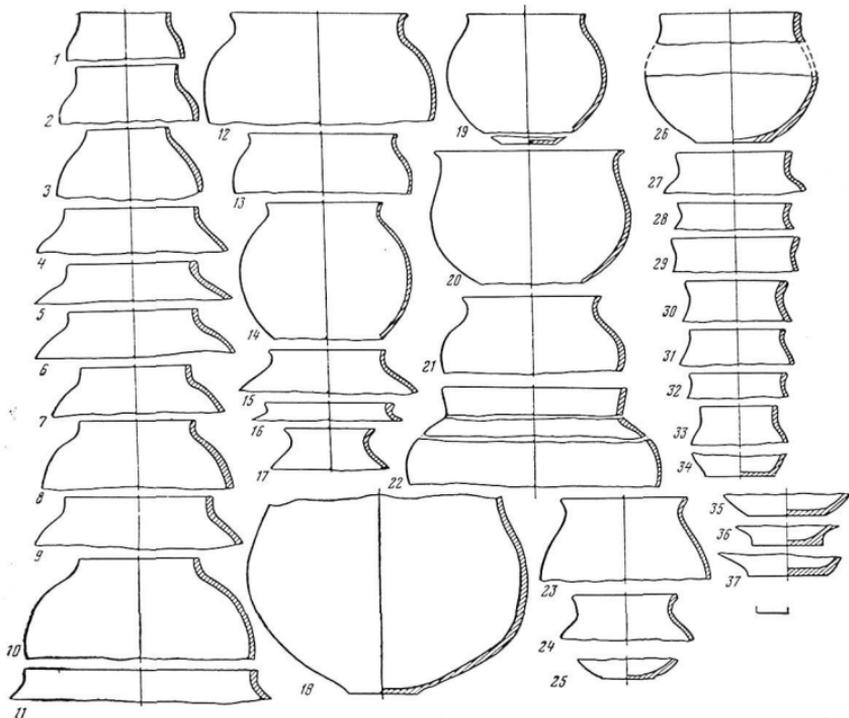

Таблица VI. Поселение Куюсай 2. Керамика

1—3, 8, 17, 23, 25, 35, 36 — раскоп В; 4, 14, 18, 20 — раскоп А;
5—7, 9—12, 16, 19, 21, 22, 24, 26—34, 37 — раскоп Б; 13—
15 — подземный материал

Таблица VII. Поселение Куюсай 2. Керамика

1, 4, 9, 10, 12 — раскоп А; 2, 5, 7, 8, 11, 13—15, 17, 19, 21 —
раскоп Б; 3, 16, 18, 20 — раскоп В; 6, 22 — подземный мате-
риал

Таблица VIII. Поселение Куюсай 2. Керамика

1, 10, 17—19, 28, 30, 31 — раскоп А; 2, 7, 12, 24, 37 — подзе-
мный материал; 3, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 14, 20—23, 29, 33—36 — рас-
коп Б; 5, 15, 16, 25—27, 32, 38—41 — раскоп В

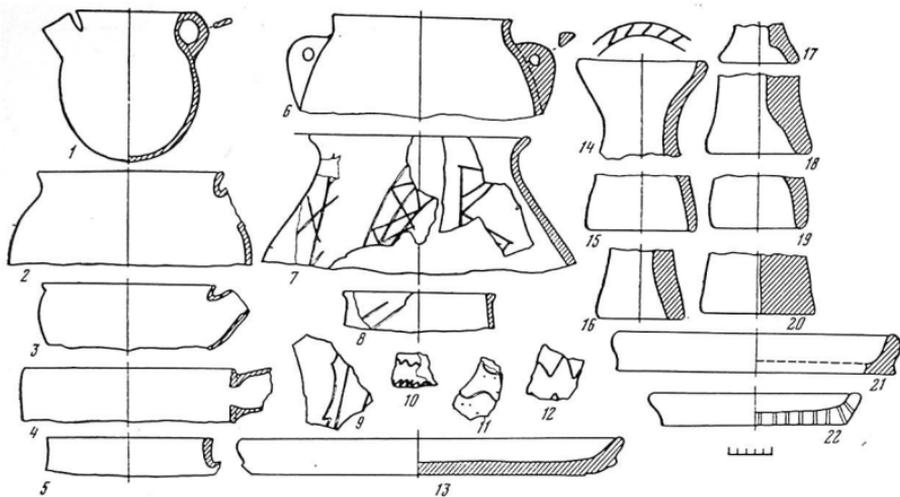

Таблица VII

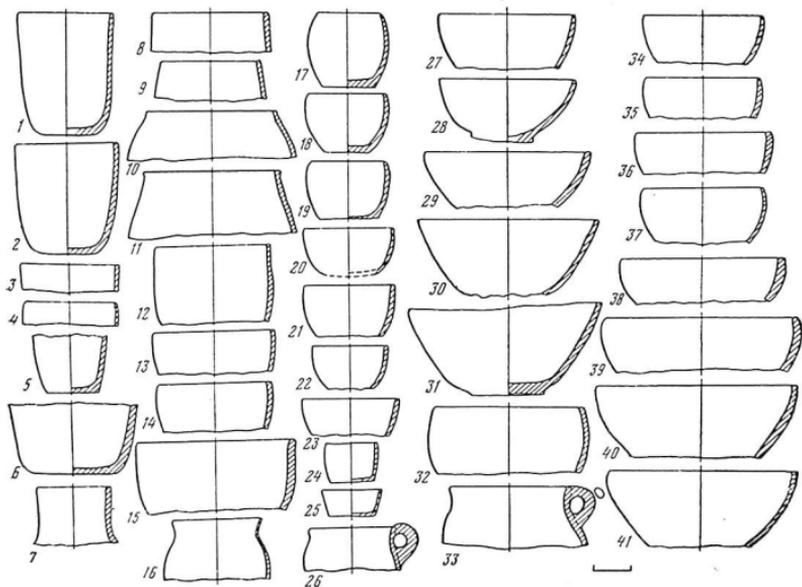

Таблица VIII

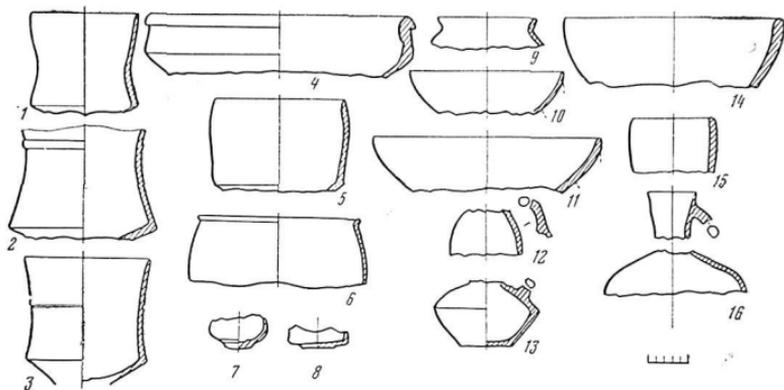

Таблица IX. Поселение Куюсай 2. Гончарная керамика

1, 3, 7, 8 — раскоп А; 2, 5, 12, 13, 14—16 — раскоп Б; 4, 9—11 — подсыпный материал; 6 — раскоп В

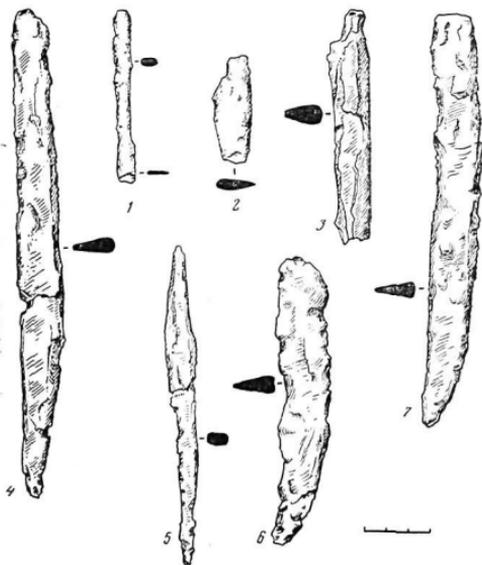

Таблица Xa. Поселение Куюсай 2. Железные изделия

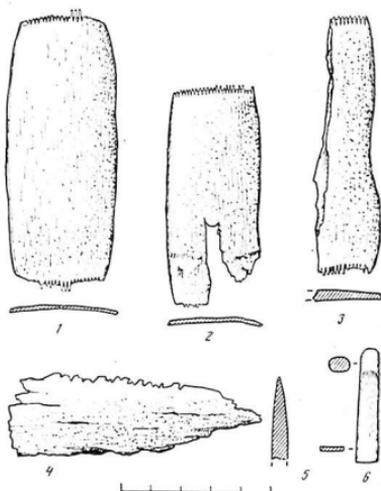

Таблица Xб. Поселение Куюсай 2. Изделия из кости

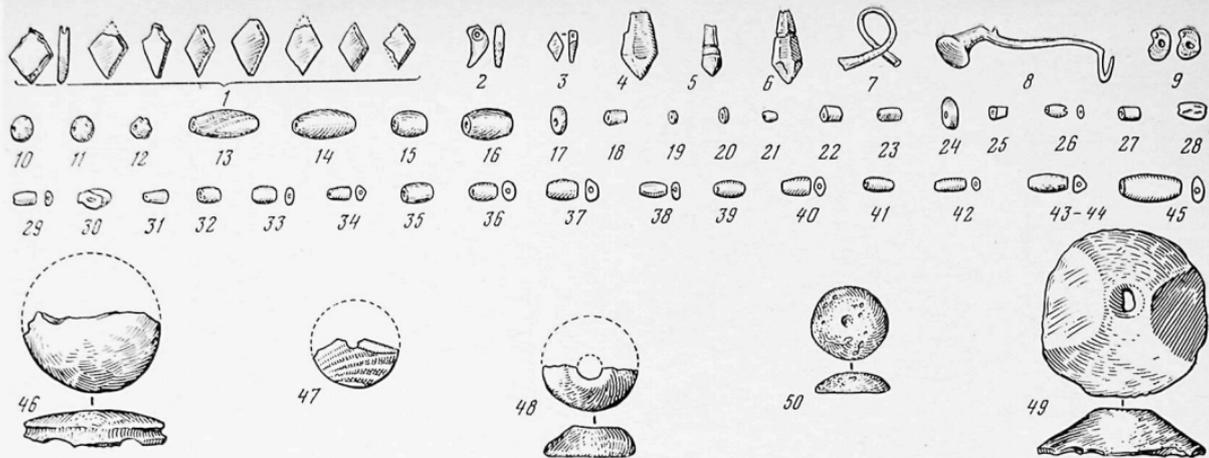

Таблица XIa. Поселение Куюсай 2. Украшения

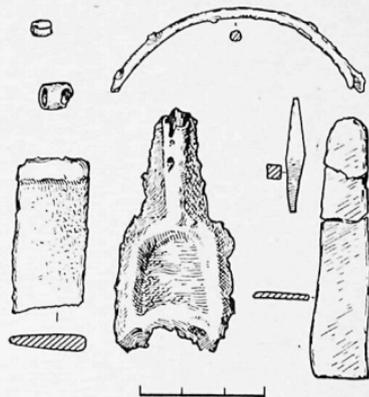

Таблица XIб. Поселение Куюсай 2. Изделия из бронзы

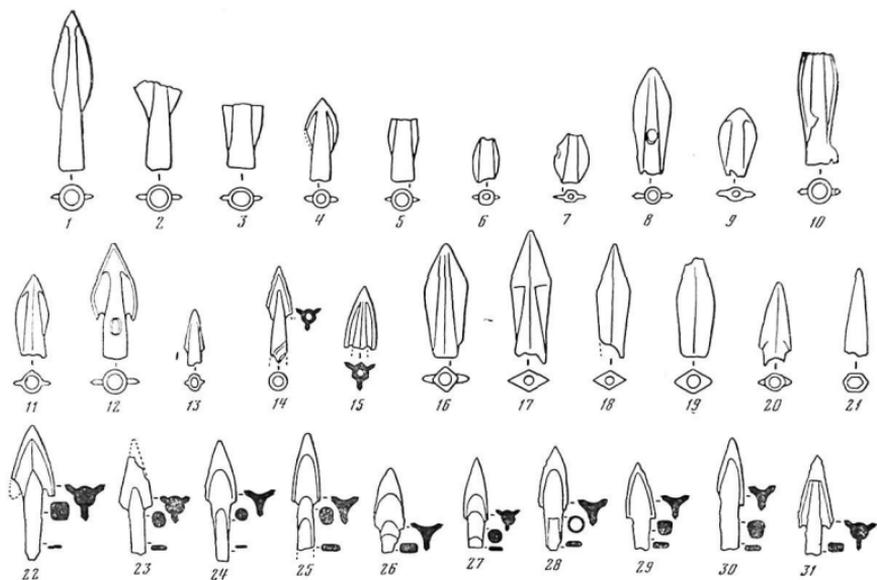

Таблица XII. Поселение Куюсай 2. Бронзовые наконечники стрел

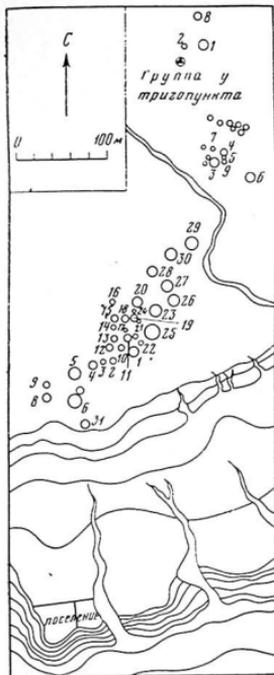
Таблица XIIIа. Могильник Тарым-кая I и поселение на юго-западном мысу Тарым-кая

Таблица XIIIб. Поселение на юго-западном мысу Тарым-кая

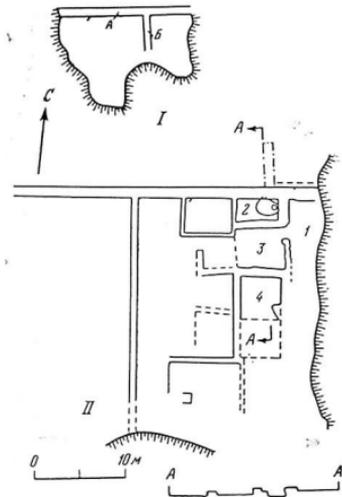
I — общий вид; II — план застроенной восточной части поселения

Таблица XIIIв. Могильник Тарым-кая I, основная часть

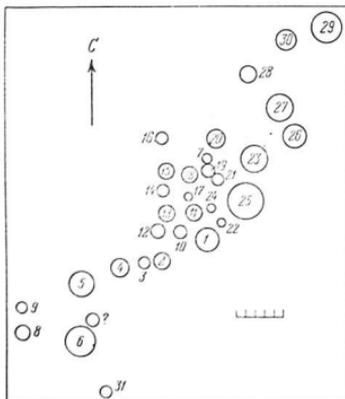
Таблица XIIIг. Могильник Тарым-кая I, курганная группа у тригоуника

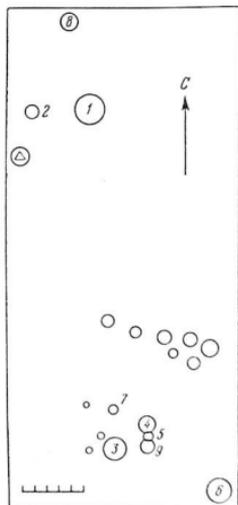
а

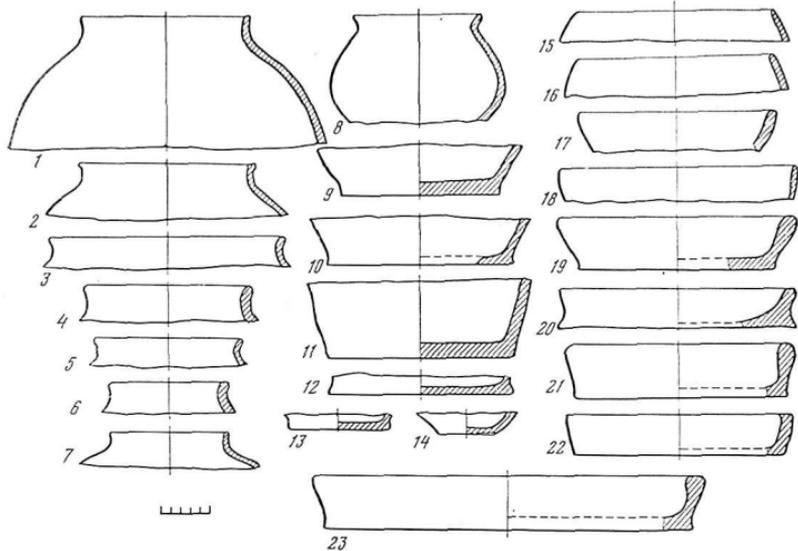
б

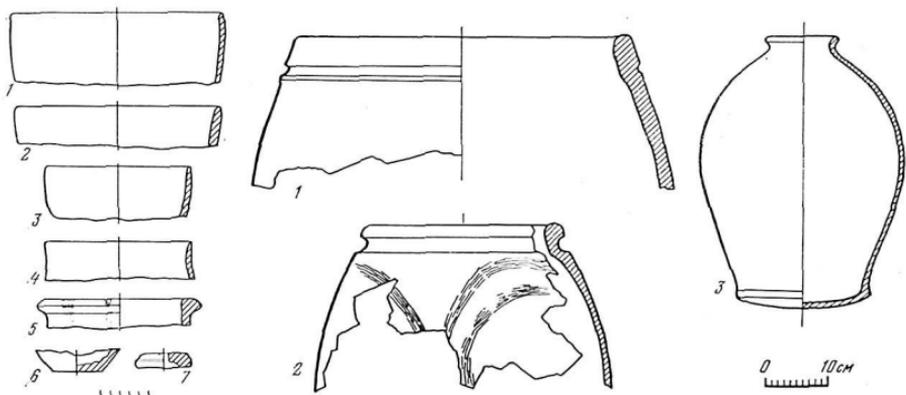
в

г

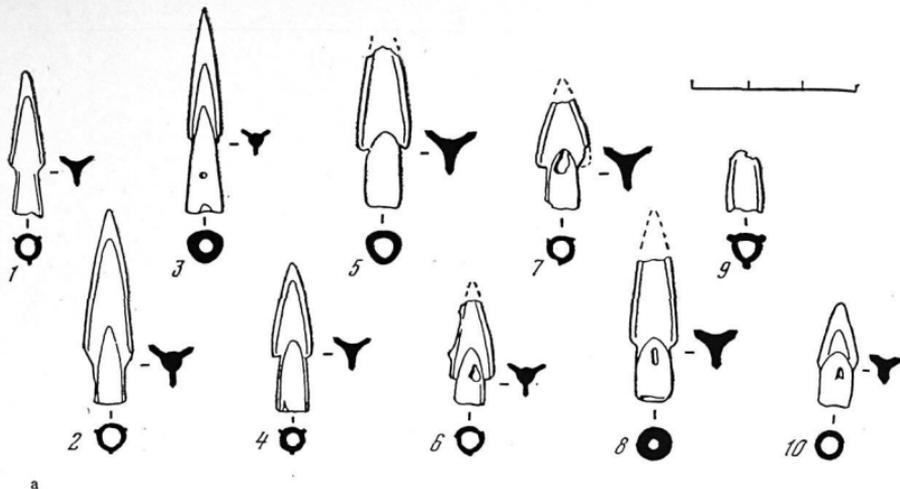

a

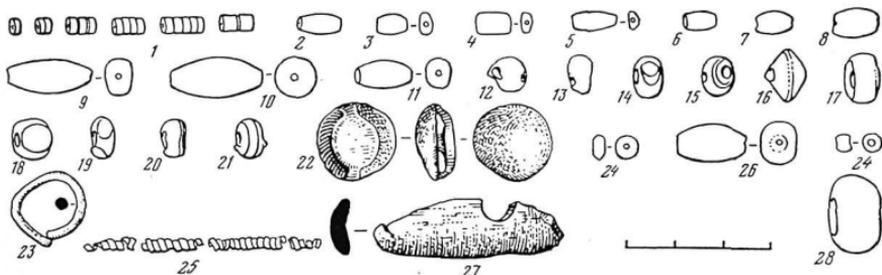

6

b

а

б

Таблица XVa. Бронзовые наконечники стрел с поселения на юго-западном мысу Тарым-кая

Таблица XVб. Мелкие предметы инвентаря

1—23 — могильник Туман-ичиждик; 24—28 — могильник Тарым-кая I

Таблица XIVa. Лесная керамика с поселения на юго-западном мысу Тарым-кая (1—23)

Таблица XIVб. Круговая керамика с поселения на юго-западном мысу Тарым-кая (1—7)

Таблица XIVв. Круговая керамика с поселения на юго-западном мысу Тарым-кая (1—3)

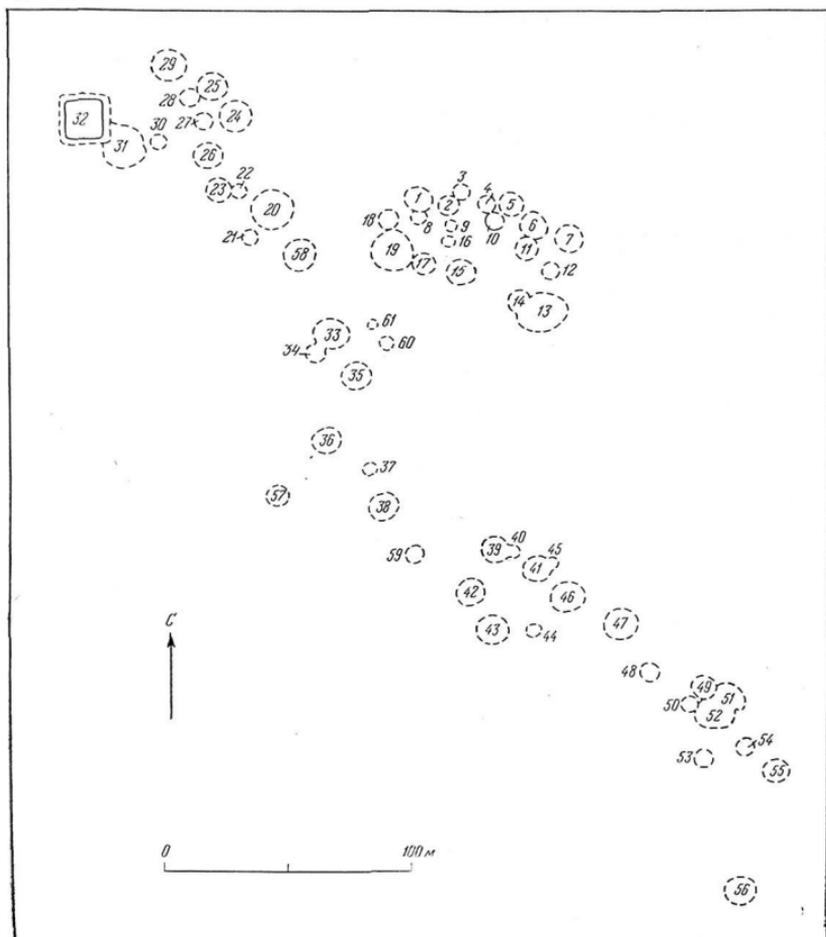
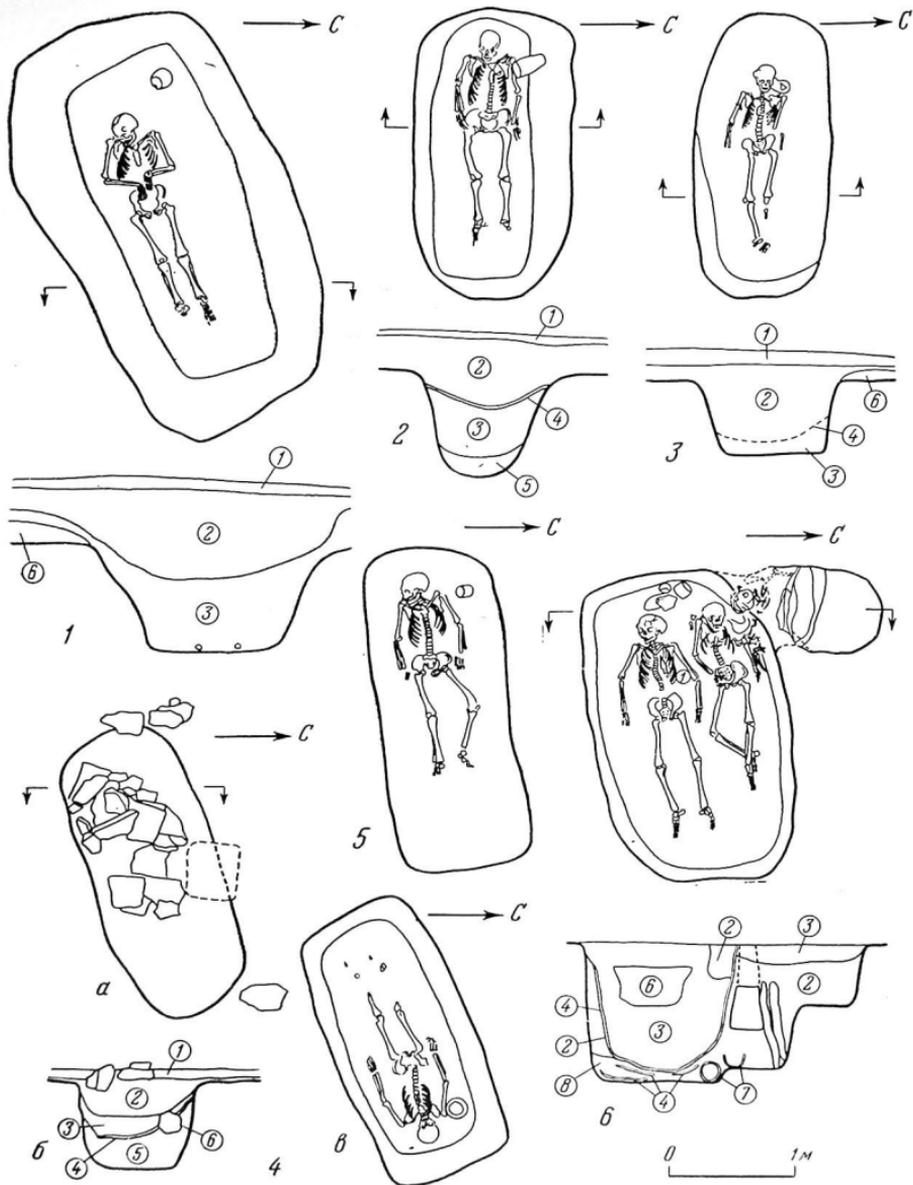

Таблица XVI. План могильника Тумек-кичиджик

Таблица XVII. Могильник Тумек-кичиджик. Планы и разрезы погребений в курганах

1 — курган 19; 2 — курган 28; 3 — курган 25; 4 — курган 29
 (а — план погребальной ямы до вскрытия; б — разрез; в —

план погребения); 5 — курган 58; 6 — курган 26. Условные обозначения к разрезам: 1 — такыр; 2 — рыхлый суглинок; 3 — плотный суглинок; 4 — ислевший камыш и дерево; 5 — плотный зеленоватый материковый суглинок; 6 — материковый выброс из ямы; 7 — черепа

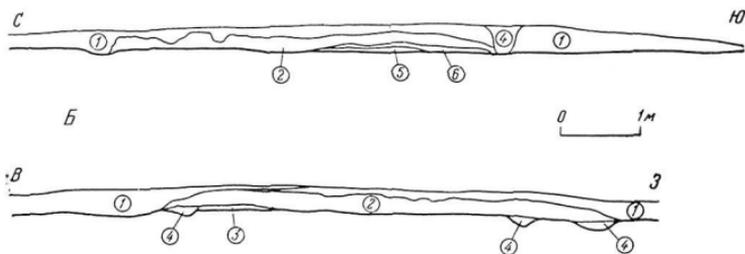
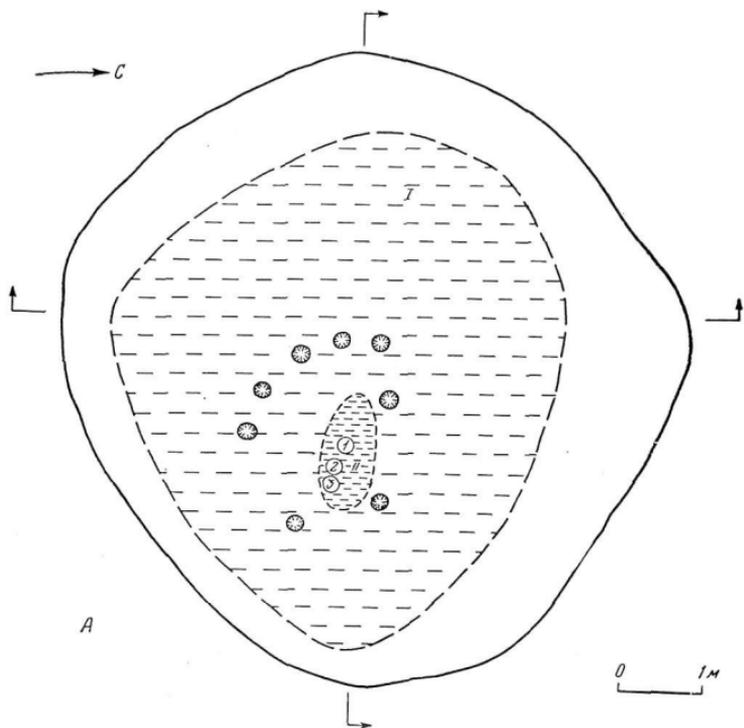

Таблица XVIIIa. Могильник Тумек-кичиджик

План (А) и разрезы (Б) кургана 42

План: I — золотое платно; II — прокаленный песок; 1 — фрагмент черепа; 2 — каменный оселок; 3 — фрагмент сосуда. Раз-

резы: 1 — плотный красноватый песок; 2 — горелый слой с песком; 3 — слой интенсивного горения с черной золой; 4 — чистый песок; 5 — прокаленный песок

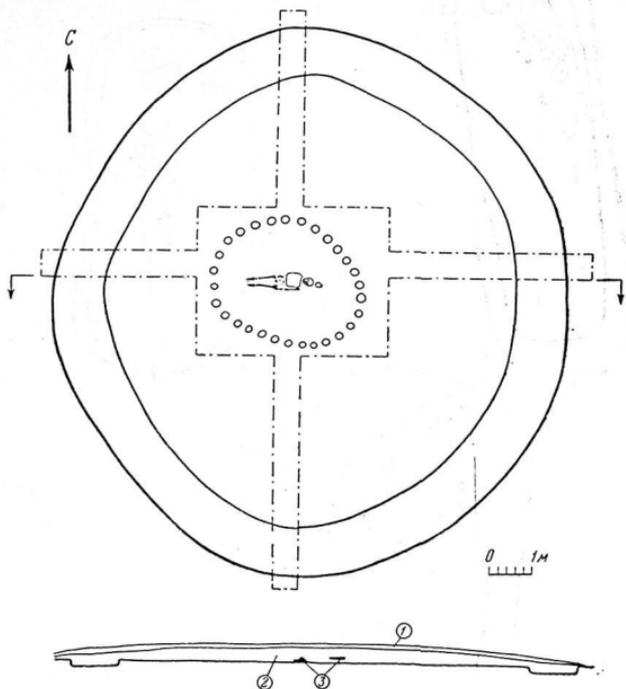
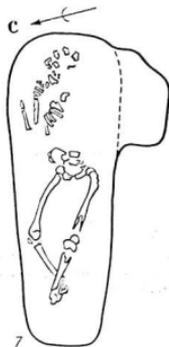
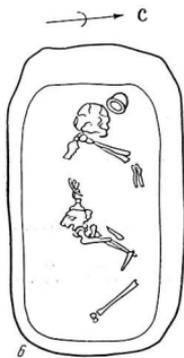
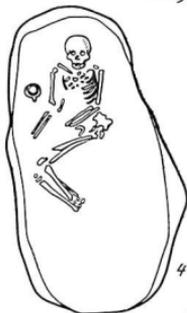
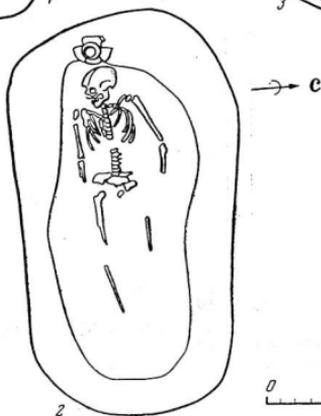
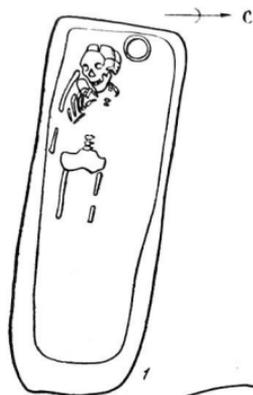

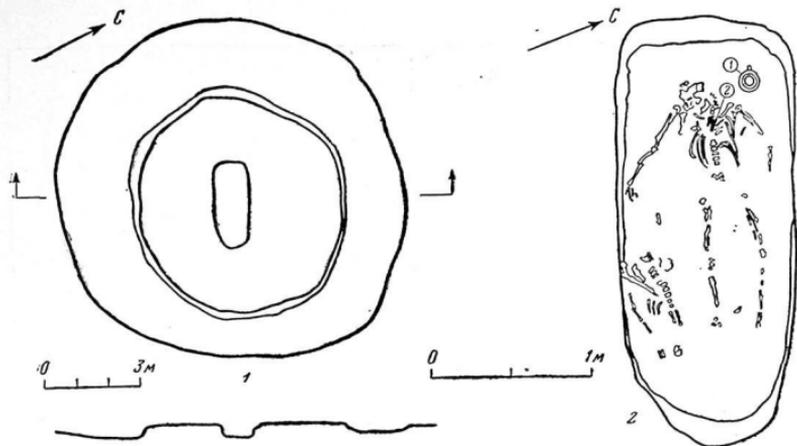
Таблица XVIIIб. Могильник Тумек-кичиджик. План и разрез кургана 43

1 — такыр; 2 — плотный суглинок с песком; 3 — камни

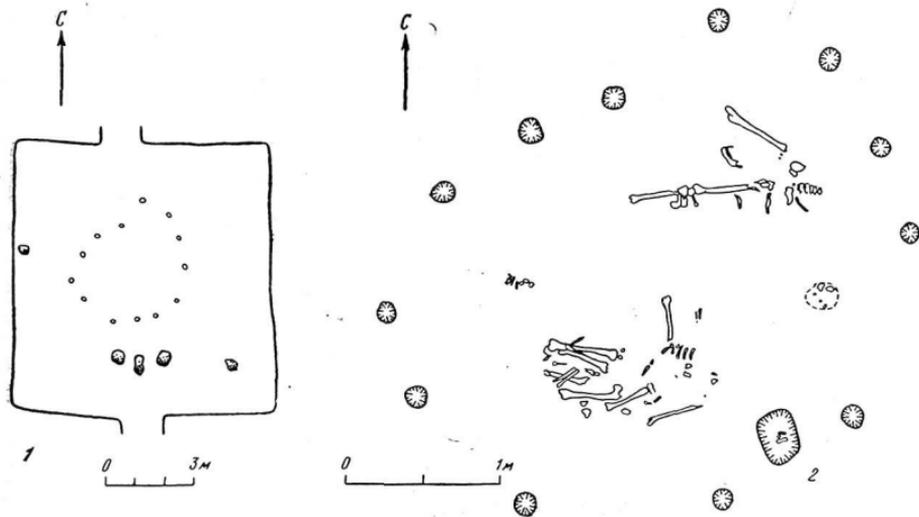
Таблица XIX. Могильник Тарым-кап I. Погребения в ямах

1 — курган 12; 2 — курган 18; 3 — курган 22; 4 — курган 3;
 5 — курган 15; 6 — курган 14; 7 — курган 31; 8 — курган 2;
 9 — курган 4

а

б

Таблица XXа. Могильник Тарым-кая I. Курган 28
1 — план и разрез кургана; 2 — план погребения

Таблица XXб. Могильник Тарым-кая I. Курган 25
1 — общий вид по уровню древнего горизонта; 2 — план погребения на древнем горизонте

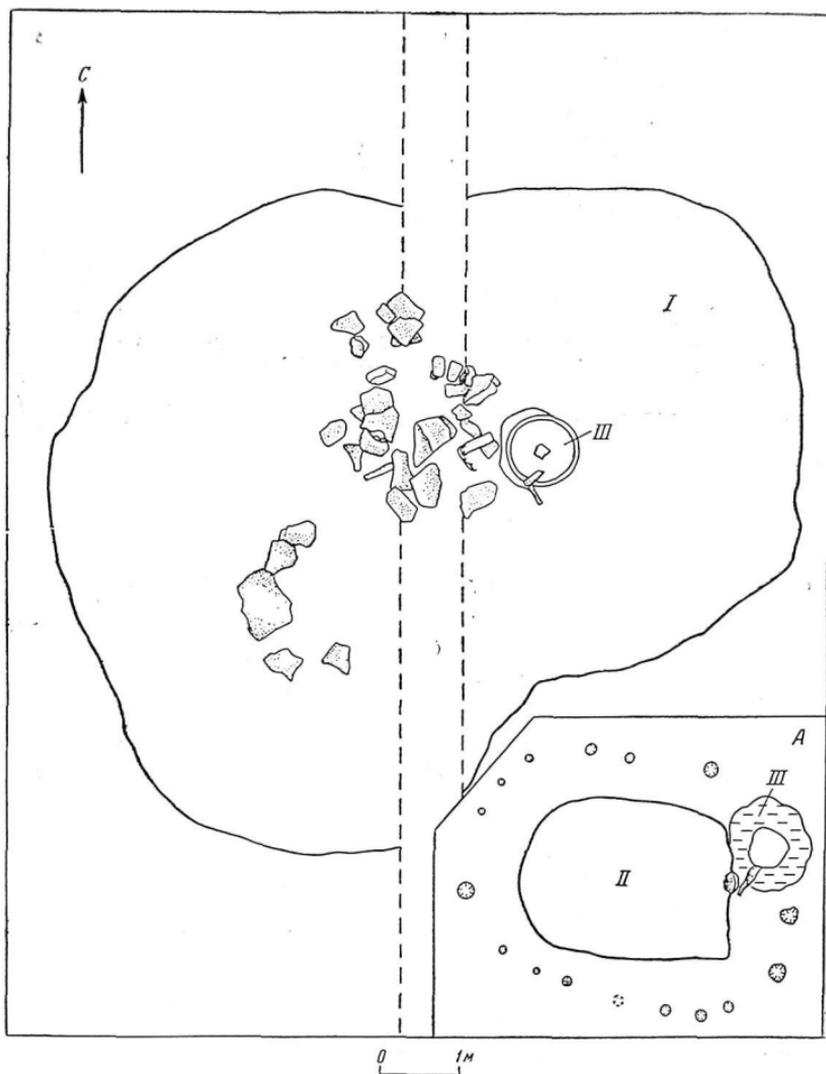
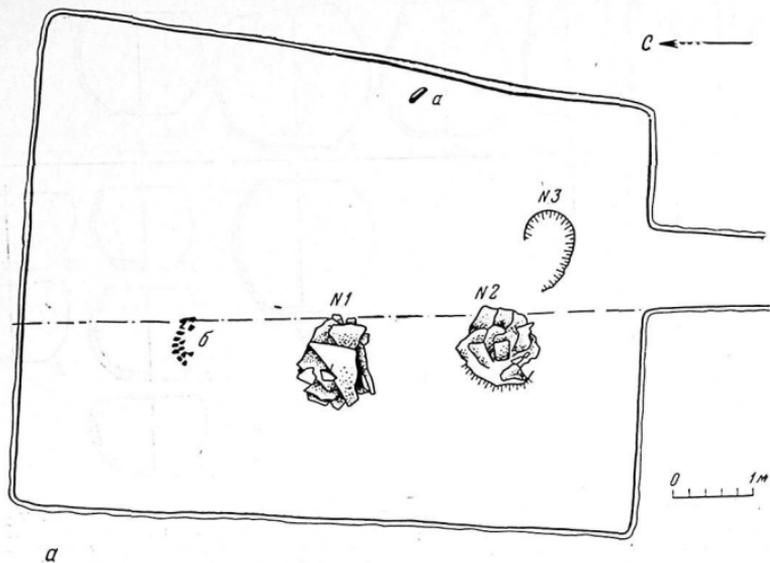
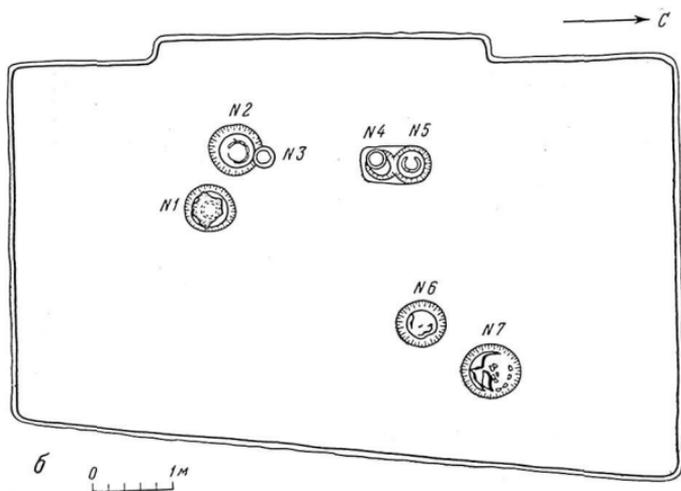

Таблица XXI. Могильник Тарым-кая I. План кургана 29

I — границы горения; II — погребальная яма; III — очаг.
 На врезке (A) — план погребальной ямы

а

б

Таблица XXII. Могилиник Тарым-кая I. Курганная группа у тригопункта

а — план погребений в кургане 1 (1, 2, 3); а, б — фрагменты крышки; б — план погребений в кургане 2 (1—7)

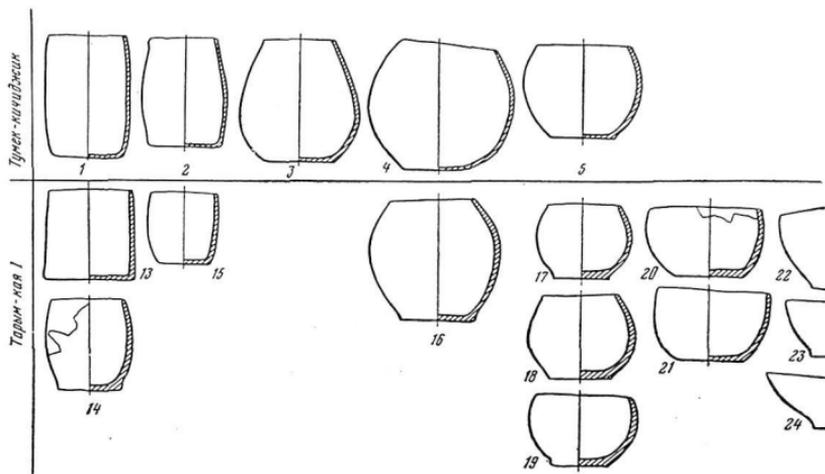

Таблица XXIII. Керамика из могильников

Тумек-кичибдизик: 1 — курган 28; 2 — курган 58; 3 — курган 19; 4 — курган 35; 5 — курган 29; 6 — курган 36; 7 — курган 43; 8 — курган 57; 9 — курган 26; 10 — курган 51; 11 — курган 36; 12 — курган 26; Тарым-кая I: 13 — курган 14; 14 — курган 19;

15 — курган 14 (на насыпи); 16 — курган 19; 17 — курган 5; 18 — курган 8; 19 — курган 15; 20 — курган 17; 21 — курган 18; 22 — курган 12; 23 — курган 4; 24, 25 — курган 22; 26 — курган 28; 27 — курган 6; курганный группа из треугольника: 28 — курган 3; 29 — курган 8; 30 — курган 18; 31 — курган 20; 32, 33 — курган 7

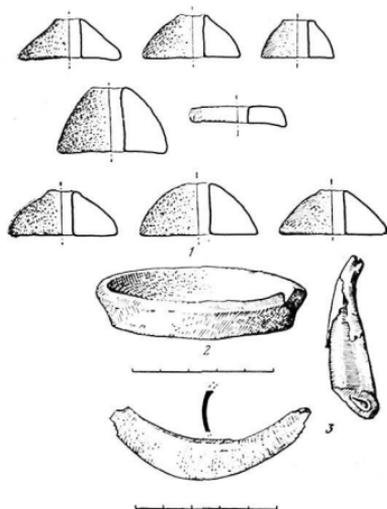

Таблица XXIVa. Могильник Тарым-кая I
1, 2 — керамика; 3 — кость

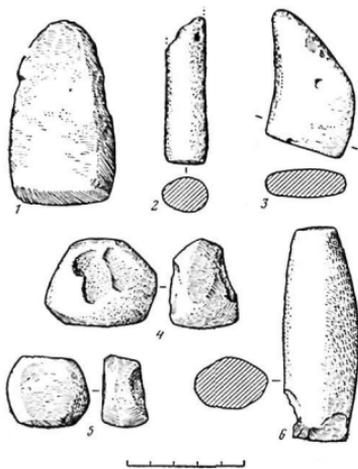

Таблица XXIVb. Терочки из могильников Тумек-кичибдизик и Тарым-кая I (1-6)

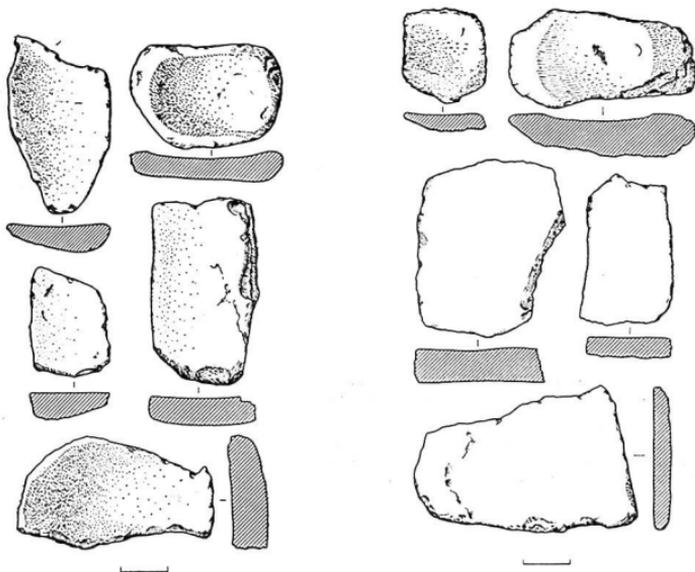
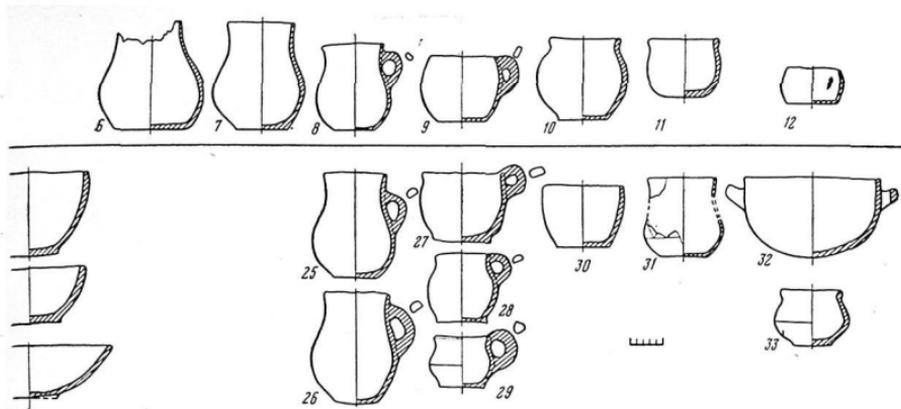

Таблица XXVa. Могильник Тумек-кичиджик. Изделия из камня

Таблица XXVб. Могильник Тарым-кая I. Изделия из камня

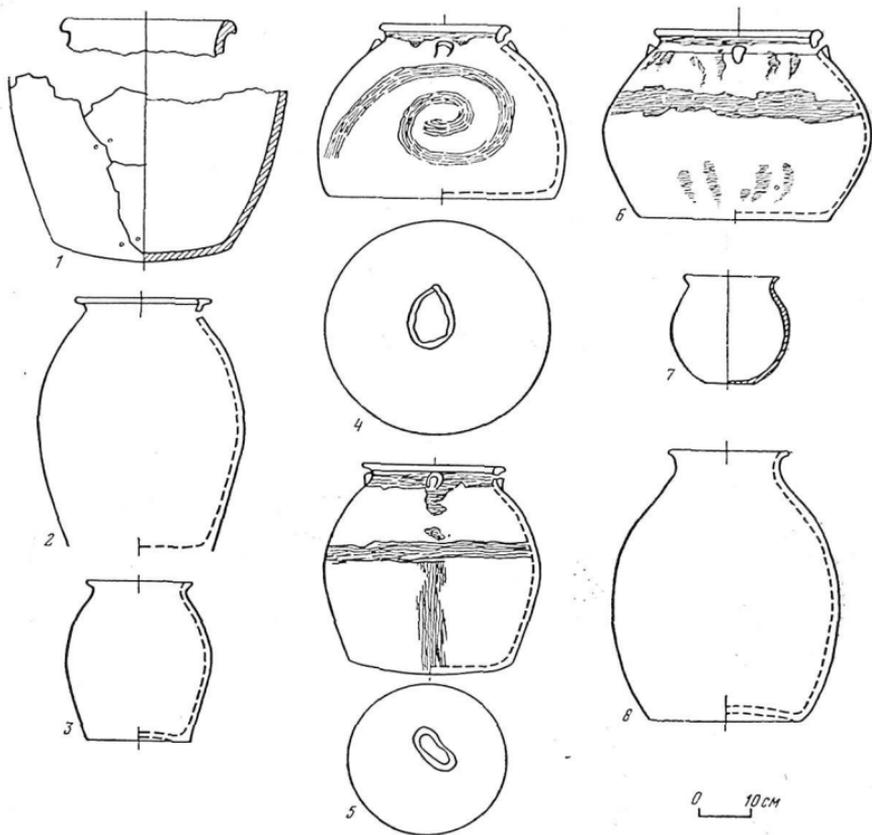

Таблица XXVI. Могильник Тарым-кая I. Курганная группа у тригопункта. Сосуды-оссуарии из курганов 1,2

1 — курган 2, погребение 7; 2 — курган 1, сосуд-оссуарий, перекрывший погребение 1; 3 — курган 2, погребение 3; 4 — курган 2, погребение 1; 5 — курган 2, погребение 4; 6 — курган 1, погребение 1; 7 — курган 5, сосуд-оссуарий; 8 — курган 2, погребение 5

ЧЕРЕПА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КУЮСАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОГИЛЬНИКАХ ТУМЕК-КИЧИДЖИК И ТАРЫМ-КАЯ

Введение. Оба могильника находятся в Северо-восточной Туркмении на территории Присарыкамьской дельты Амударьи¹. Могильник Тумек-кичиджик расположен в 14 км к западу от Шахсенема, к югу от Туз-гыра. Могильник Тарым-кая лежит приблизительно в 40 км от первого в направлении запад—юго-запад. Черепа куюсайской культуры из могильника Тумек-кичиджик, рассмотренные нами в предварительном сообщении², Б. И. Вайнберг датирует VII—VI вв. до н. э. и относит их к раннему железному веку³. Черепа этой же культуры из погребения в могильнике Тарым-кая относятся к несколько более позднему времени — VI—V вв. до н. э.⁴

К сожалению, сохранность костного материала плохая, и, несмотря на реставрацию, для исследования удалось взять в обработку из могильника Тумек-кичиджик четыре мужских и один женский череп⁵, а из могильника Тарым-кая в обработку поступило восемь мужских черепов и шесть женских, причем из за-

хоронений в основном могильнике добыто шесть мужских черепов, а у тригопункта найдено всего два черепа. Женских черепов из основной курганной группы поступило в обработку два, из погребений у тригопункта — три.

* * *

Характеристика мужских черепов из Тумек-кичиджика остается очень близкой к данной нами в предварительном сообщении, также как и основные выводы (табл. 1 и Приложение).

При характеристике мужских черепов по средним данным куюсайской культуры из Тумек-кичиджика следует отметить большой продольный диаметр (191,3 мм), средние поперечный (142,2 мм) и малый высотный (131,7 мм) диаметры, долохокрапный черепной указатель (74,4 мм), очень малый висотно-продольный указатель (от базиса — 68,7 мм) и средний висотно-поперечный (92,4 мм). Интересно отметить очень малый угол перегиба затылка — 108,7 мм. Рельеф черепа в общем выражен сильно⁶.

Эти черепа, характеризующиеся по абсолютным размерам средней высотой лица (70,3 мм), большим скуловым диаметром (137,3 мм) и средним лицевым указателем (51,2), — ортогнатные (86,5 мм); предел вариаций назомалирных углов — 130,0°—139,0°, в среднем 134,6°, зигмаксиллярный угол в средних размерах — 132,4°, при большом пределе вариации этого признака (127,4°—139,2°). Позднее реставрированный череп⁷ отличается от других черепов куюсайской культуры очень сильным углом выступающего носа — 41°? У других черепов предел вариаций этого признака колеблется между 31°—35°, но в целом эта се-

¹ Вайнберг Б. И. Новая культура раннего железного века в ленобережном Хорезме. — АО, 1971 г. М., 1972; Она же. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамьской дельте Амударьи. — УСА, 1975, в. 3; Она же. Куюсай 2 (предварительное сообщение). — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1977, вып. 5.

² Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумек-кичиджик. — СЭ, 1974, № 5.

³ Вайнберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века. . .

⁴ Б. И. Вайнберг оссуарные захоронения возле тригопункта датирует V—IV вв. до н. э. (см. статью Б. И. Вайнберг «Памятник куюсайской культуры» в настоящем сборнике).

⁵ В данной работе включен в серию заново реставрированный мужской череп из кургана 35, раскопки 1972 г. Женский череп из Тумек-кичиджика был вторично реставрирован, поэтому есть незначительные отклонения в данных от приведенных в предварительном сообщении. Рубрикация средних величин измерительных признаков и указателей дается по кн.: Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М., 1964.

⁶ Оценка величин признаков и указателей приводится по кн.: Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия.

⁷ Об этом черепе из кургана 35 (1972 г.) мы уже упоминали.

Сравнительные данные мужских черепов куюсайской культуры

Признаки и показатели	Кельтеми-нарская культура (Фондиз), Тумек-кичид-жик	Древнеи-нан, Нижнее Поволжье (группа авторов *)	Тазбагагли-евский культура, Кочка 3		Куюсайская культура							
					Тумек-кичид-жик	Тарым-кай	Суммарно					
1. Продольный диаметр	179,5 ²	2	191,6	21	186,1	13	191,3	4	184,3	6	187,1	10
8. Поперечный диаметр	139,5 ²	2	142,2	21	138,1	13	142,2	4	139,7	7	140,6	11
17. Высотный диаметр (от баз.)	131? ²	2	136,2	11	141,1	10	131,7	3	141,7	6	138,3	9
20. Высотный диаметр (от пор.)	118,5	1	—	—	118,0	11	117,5	4	120,4	5	119,1	9
9. Наименьшая ширина лба	104	2	98,5	—	98,4	13	102,0	4	99,2	6	100,3	10
8 : 1 Черепной указатель	77,6 ²	2	74,2	—	74,4	13	74,4	4	75,7	6	75,1	10
17 : 1 Высотно-продольный указатель	73,0 ²	2	71,1	—	76,2	10	68,7	3	75,3	5	72,8	8
17 : 8 Высотно-поперечный указатель	94,0 ²	2	95,8	—	102,1	10	92,4	3	100,6	6	97,9	9
II. Ширина основания черепа	120	1	—	—	121,8	12	124,7	4	129,8	5	126,5	9
5. Длина основания черепа	99,5	2	107,2	10	105,4	6	101,0	3	101,2	5	101,1	8
40. Длина основания лица	—	—	102,1	7	99,4	10	101,3	3	95,2	5	97,5	8
40 : 5 Указатель выступа лица	—	—	95,2	—	95,6	10	100,9	3	94,3	5	96,8	8
48. Верхняя высота лица	66 ²	3	71,6	18	68,4	14	70,3	4	71,8	8	71,2	12
45. Скуловой диаметр	131 ²	2	140,2	16	133,4	13	137,3	4	138,2	5	137,8	9
48 : 45 Верхнелицевой указатель	50,5 ²	2	51,1	—	51,4	13	51,2	4	51,7	5	51,5	9
48 : 17 Вертикальный фацио-церебральный указатель	50,5 ²	2	52,6	—	47,7	10	53,7	3	50,9	6	51,8	9
(L77) Назо-малярный угол	135,9	2	137,8	11	137,2	11	134,6	4	135,9	7	135,4	11
(LZm) Зигма-максиллярный угол	124,8 ²	2	126,4	10	129,6	14	132,4	4	126,9	7	128,9	11
52. Высота орбиты	33,4 ²	3	31,8	18	30,9	14	30,0	4	33,6	8	32,4	12
51. Ширина орбиты (m1)	44,7	3	43,5	18	43,2	14	43,6	4	42,4	8	42,8	12
51a. Ширина орбиты (d)	—	—	40,7	—	41,0	8	40,8	2	37,3	4	38,4	6
52 : 51a Орбитный указатель	80,0 ²	3	73,1	—	71,9	14	68,9	4	79,5	8	76,0	12
52 : 51a Орбитный указатель	—	—	78,2	—	75,3	8	75,6	2	90,8	4	85,7	6
55. Высота носа	47,0 ²	3	53,1	19	51,5	12	53,3	4	56,8	8	55,6	12
54. Ширина носа	25,4	2	25,6	17	23,5	12	27,1	4	25,5	8	26,0	12
54 : 55 Носовой указатель	53,1	2	48,2	19	46,3	12	50,9	4	45,1	8	47,0	12
DS Дакриальная высота	—	—	14,2	5	14,2	4	15,75	2	11,83	6	12,81	8
DC Дакриальная ширина	—	—	22,5	9	22,1	4	22,80	2	20,37	6	20,97	8
DS : DC Дакриальный указатель	46,1	1	62,8	—	65,7	4	69,1	2	58,2	6	60,9	8
SS Сидометрическая высота	5,1	2	4,9	12	5,8	9	4,88	4	5,13	7	5,04	11
SC Сидометрическая ширина	11,1	2	8,5	12	9,6	9	9,52	4	8,78	6	9,08	10
SS : SC Сидометрический указатель	45,6	2	57,5	—	61,7	9	53,6	4	59,5	6	57,1	10
32. Угол профиля лба от назиона	80,5	2	79,5	13	80,3	11	84,3	4	83,5	4	83,9	8
72. Общий лицевой угол	83,5 ²	2	84,4	13	82,9	11	86,5	4	87,3	4	86,9	8
74. Угол альвеолярной части	72 ²	1	—	—	73,0	9	79,0	4	80,5	4	79,7	8
75 (1). Угол выступа носа	35,5 ²	2	35,6	13	30,7	8	34,7	4	29,3	4	32,0	8
(G) Надпереносе (глабелла 1—6)	3,0 ²	3	3,43	21	3,21	14	5,00	4	3,75	8	4,17	12
(F. c.) Глубина кльковой ямки (мм)	3,2	1	2,18	—	4,59	10	4,8	3	5,1	7	4,8	11
(S. n.) Передняя носовая ось	4,0	1	5,14	18	2,00	—	5,00	3	4,67	6	4,78	9
(Ant) Антропный край грушевидного отверстия (в %)	100*	2	47,1	—	72,3	—	100	3	75	6	83,3	10
(F. p.) Угол перегиба затылка	—	—	—	—	—	—	108,7	3	121,0	4	115,7	7

* Примечание. По разным могильникам Нижнего Поволжья публиковались данные Г. Ф. Дебеца, В. В. Гинзбурга, В. П. Чтецова и Б. В. Фирштейн. См.: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология..., с. 82—83.

рия характеризуется величиной угла носовых костей к линии профиля лица 34,7°. Мы в предварительном сообщении отмечали сильное выступание носовых костей (в исследуемой серии в среднем 32,5° при четырех случаях) и среднюю ширину носового указателя (50,9)⁸. Дакриальная высота этой серии очень большая (15,75 мм), дакриальная ширина средняя (22,80 мм), дакриальный указатель очень

большой (69,1 мм). Сидометрическая высота также большая (4,88 мм), ширина — средняя (9,52), указатель — большой (53,6).

Орбиты в исследуемой серии очень низкие (68,9 мм по указателю от максиллофронтале), глубина кльковой ямки средняя.

В общем серия черепов из Тумек-кичид-жика VII—VI вв. до н. э. бесспорно европеоидная.

В предварительном сообщении мы отметили, что черепа куюсайской культуры из Ту-

⁸ Череп из кургана 35 был повторно реставрирован.

мек-кичиджика обнаруживают сходство частично с древнейшими черепами по строению мозговой коробки и пропорциям лицевого скелета, по продольному и поперечному диаметрам и по черепному указателю.

Высотный диаметр у исследуемых черепов значительно ниже (131,7 мм против 136,2 мм в среднем у черепов древнейшей культуры), ниже также и соответствующие указатели (табл. 1). Можно отметить также и некоторые другие признаки, как например, дакриальную высоту и ширину. Указатель у исследуемых черепов значительно выше, величина симитической высоты у черепов из Тумек-кичиджика близка к древнейшей, при расхождении симитической ширины и указателей, также близок и угол выступания носовых костей к линии профиля лица, хотя носовой указатель у исследованных черепов характеризуется более высокой величиной⁹. Некоторые признаки, как, например, строение орбит, сближаются с особенностями строения орбит древнего населения эпохи тазабакъябской культуры из погребений в могильнике Кочка 3¹⁰, но также близки и к черепам древнейшей культуры Нижнего Поволжья.

Мужские черепа кюсайской культуры VI—V вв. до н. э. из погребений в курганном могильнике Тарым-кая значительно отличаются по ряду признаков от черепов той же культуры, погребенных в могильнике Тумек-кичиджик, датированном VII—VI вв. до н. э.

* * *

Череп из могильника Тарым-кая не отличается в целом по средним данным крупными размерами¹¹. Продольный и поперечный диаметры относятся к средним величинам. Так, продольный диаметр исследуемых черепов характеризуется величиной 184,3 мм, относящейся к средним размерам, против 191,3 (4) у черепов из Тумек-кичиджика, поперечный — тоже средний (139,7 мм), меньше средней величины, чем у тумеккичиджикских черепов (142,2 мм), в то время как высотный диаметр черепов из Тарым-кая большего размера, в среднем сильно превышает величину этого же раз-

мера черепов сравнимой серии (табл. 1) (141,7 мм против 131,7 мм в тумеккичиджикской серии)¹². Череп рассматриваемой серии мезокрание (75,7 против 74,4 сравнимой серии). При анализе изучаемых серий необходимо иметь в виду очень незначительное число черепов. В серии из Тумек-кичиджика, как мы уже говорили, мужских черепов четыре, женских — один; в серии из Тарым-кая восемь мужских и пять женских. В первой серии для некоторых признаков число случаев падает до 2—3, в исследуемой серии преимущественно величины признаков определяются 4—6 случаями, изредка даже тремя наблюдениями.

Высотно-продольные указатели от базона в обеих сериях сильно различаются. У черепов из Тарым-кая этот указатель равен 75,3 (5), а у черепов из Тумек-кичиджика — 68,7 (3), в первом случае он средний, во втором — очень малый. Высотно-продольные указатели от порциона выявляют те же соотношения — 64,9 (4) на черепах Тарым-кая и 61,5 (5) на черепах серии из Тумек-кичиджика, что и следовало ожидать.

Существенны также различия в высотно-поперечных указателях от базона — 100,6 (6) у черепов из Тарым-кая и 92,4 (3) у черепов из Тумек-кичиджика. Значительны различия в других черепных указателях рассматриваемых серий (см. таблицу Приложения). Интересно отметить, что углы профиля лба от базона и глабеллы в обеих сериях почти одинаковы — 83,5 (4) в серии Тарым-кая и 84,3 (4) от базона в серии из Тумек-кичиджика; 77,0° (4) в первом случае от глабеллы и 75,3° (4) во втором — углы средние. Углы же, характеризующие строение затылка (см. таблицу Приложения) сильно различаются. Например, угол перегиба затылка в серии Тарым-кая образует величину 121,0° (4), т. е. среднюю, и очень малую величину угла — 108,7° (3) на черепах Тумек-кичиджика. К сожалению, надо отметить, что в обеих сериях число случаев для этого признака крайне недостаточно — всего по три.

Лицевой скелет черепов из Тарым-кая (по размеру верхней высоты лица 48; 45¹³ средней высоты — 71,8 мм (8) и большой ширины — скуловой диаметр равен 138,2 мм (5 случаев); верхнелицевой указатель как у черепов из Та-

⁹ В этой работе мы ссылаемся на серию значительно большего числа черепов древнейшей культуры (см.: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 82—83).

¹⁰ Трофимова Т. А. Черепа из могильника тазабакъябской культуры Кочка 3. — МХЭ, 1961, вып. 5.

¹¹ Мы рассматриваем черепа из основного могильника и оссуарного могильника возле тригонуника. Последних захоронений очень мало, поэтому сначала даем общую характеристику черепов из могильников Тарым-кая, а затем рассматриваем особенности черепов из обоих могильников.

¹² В предварительном сообщении черепа из Тумек-кичиджика были определены как крупные, что относится к продольному размеру; поперечный и высотный, как мы здесь показали, не подлежат такому определению.

¹³ По Мартину. Семейя на методические исследования П. Мартина, широко распространенные в антропологии, приведены в кн.: Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия.

рым-кая, так и у черепов из погребений Тумек-кичиджика в общем средней и почти одной величины: 51,7° (5) у черепов из Тарым-кая и 51,2° (4 случая) у другой серии.

Однако лицевой указатель (47:45)¹⁴ дает существенные различия, обратные верхнелицевому указателю, а именно: в серии черепов из Тарым-кая он равен 84,2 — малой величины, и в серии из Тумек-кичиджика 88,8 относится к средним величинам. Правда, необходимо отметить, что число случаев очень невелико, в каждой серии по два черепа для этого указателя. Клыковая ямка в серии черепов из Тарым-кая более глубокая — 5,1, в другой серии — 4,8. Необходимо также обратить внимание на указатели, связывающие мозговую часть черепа с лицевой частью скелета. Так, указатель выступления лица (40:5)¹⁵ серии черепов из Тарым-кая — 94,3, а другой серии — 100,9. Большая разница в указателях происходит за счет длины основания лица. У черепов серии Тарым-кая эта величина равна 95,2, у серии из Тумек-кичиджика — 101,3. Длина основания черепа почти одинакова (101,2 и 101,0 — см. Приложение и табл. 1). Вертикальный фациоперебральный указатель также дает заметные различия: в первой серии он равен 50,9, во второй — 53,7. Разница происходит за счет высотного диаметра черепов от баззона. В первом случае он равен 141,7 (6), во втором — 131,7 (3).

Сильно различаются эти серии по строению носа. Носовой указатель в серии из Тарым-кая малый, всего 45,1 (8) при высоте носа 56,8 мм и ширине 25,5 мм; в серии из Тумек-кичиджика он значительно выше и относится к средним величинам — 50,9 при более низкой высоте носа — 53,3 мм и большей ширине носа — 27,1 мм. Угол выступления носовых костей в первом случае 29,3°, во втором 34,7°, т. е. у черепов из Тарым-кая нос более узкий и слабее выступающий, тогда как в серии из Тумек-кичиджика значительно более широкий и сильнее выступающий нос. Симметрический указатель выше в серии из Тарым-кая — 59,5 мм, чем в серии из Тумек-кичиджика, где он равен 53,6 мм. Очень велики различия в области переносия.

Черепы из Тарым-кая отличаются от другой серии более низким (дакриальная высота 11,83 мм против 15,75 мм) и несколько более узким переносием, что резко отражается в дакриальном указателе. Так, в серии из Тарым-кая величина дакриального указателя равна 58,2 (6 случаев), в сравниваемой серии — 69,1 (2 случая).

По строению угловых размеров лицевого скелета обе серии очень близки (87,3° в серии из Тарым-кая и 86,5° в серии из Тумек-кичиджика). Орбитные указатели (от *mf*) обеих серий тоже сильно различаются. Черепа из Тарым-кая характеризуются средними орбитами (79,5 мм), черепа другой серии — очень низкими (68,9 мм). Носовая ось в серии Тарым-кая тоже несколько меньше — 4,67 мм (6 случаев) против 5,0 мм (3 случая) в сравниваемой серии.

Нижний край грушевидного отверстия в серии черепов из Тарым-кая только в 75% антропной формы и 25% формы *f*, *rg*, тогда как в серии черепов из Тумек-кичиджика нижний край грушевидного отверстия достигает в 100% антропной формы.

Особое значение в рассматриваемых сериях, в связи со своеобразным сочетанием различных признаков, имеют горизонтальные углы — назо-маллярный и зигма-максиллярный. Так, мужские черепа из Тарым-кая отличаются по средним данным величиной 135,9°, стоящей на границе очень малых величин, в то время как черепа из Тумек-кичиджика оцениваются еще меньшей средней величиной, а именно 134,6°. Забегая вперед, отметим, что у женских черепов из Тарым-кая назо-маллярный угол по средним данным больше, чем у мужских — 137,5°.

Таблица 2

Средние данные и предел вариаций назо-маллярного и зигма-максиллярного углов исследуемых серий

	Признаки	Средняя величина	Тарым-кая	Тумек-кичиджик
Мужские черепа	Назо-маллярный угол	М	135,9 (7)	134,6 (4)
	Предел вариаций		132,7—139,4	130,0—139,0
	Зигма-максиллярный угол	М	126,9	132,4
	Предел вариаций		120,1—137,2	127,4—139,2
Женские черепа	Назо-маллярный угол	М	137,5 (5)	
	Предел вариаций		133,5—144,3	
	Зигма-максиллярный угол	М	124,8 (4)	
	Предел вариаций		121,8—128,3	

Что же касается зигма-максиллярного угла, то соотношения его величин обратные между мужскими сериями черепов из Тарым-кая и Тумек-кичиджика, разница в средних величинах значительная. У черепов из Тарым-кая этот угол в среднем равен 126,9°, т. е. малый,

¹⁴ По Мартину.

¹⁵ Там же.

тогда как в другой серии он равняется $132,4^\circ$, т. е. характеризуется как средний. Средние данные по горизонтальным углам и предел вариаций мы приводим на табл. 2.

У женских черепов из Тарым-кая зигмаксиллярный угол меньше, чем у двух мужских серий, — $124, 8^\circ$. Напомним, что в серии черепов из Тумек-кичиджика только один женский череп с сильной реставрацией лицевого скелета, и он не привлекается как сравнительный материал.

Обобщая рассмотренные серии, следует отметить, что серия из Тарым-кая отличается от серии черепов из Тумек-кичиджика значительно меньшим продольным и значительно большим высотным диаметром черепа и более высоким черепным указателем, висотно-продольным и висотно-поперечным указателями, некоторыми особенностями в строении затылка (угол перегиба затылка, у черепов из Тарым-кая величина угла перегиба затылка $121,0^\circ$ (4), у черепов из Тумек-кичиджика — $108,7^\circ$). Интересно отметить, что основные размеры лицевого скелета, как верхняя высота лица, скуловой диаметр и верхнелицевой указатель, очень близки в обеих сериях. Однако ряд признаков лицевого скелета сильно отличается по средним данным.

Черепы из Тарым-ка отличаются значительно более высокими орбитами, более низким переносем, слабее развитой носовой остью и меньшим углом выступания носа, в общем слабее развитым рельефом черепа, но при этом глубина клявковой ямки больше. О специфических особенностях горизонтальных углов подробно мы уже говорили. Обе серии относятся к европеоидным формам, но, по-видимому, к разным их вариантам. Не исключено, что эти серии являются смешанными из разных компонентов. Ряд признаков в серии черепов из Тарым-ка, возможно, указывает на монголоидную примесь.

Хотя мы приводим суммарные данные обеих серий в одной группе, анализировать их в целом впрямь до накопления материала нецелесообразно (табл. 1).

После рассмотрения антропологических данных по женским черепам мы перейдем к сравнительному анализу нашего материала с другими среднеазиатскими сериями черепов.

Женские черепа из могильников Тарым-кая по средним данным характеризуются большими продольным ($179,2$ мм), поперечным ($140,7$ мм) и высотным ($133,0$ мм) диаметрами. Черепной указатель ($77,3$) — мезокраний, висотно-продольный (от базиса) — средний ($75,0$), висотно-поперечный (от базиса) ($97,1$) — большой. Угол профиля лба от базиса и глабеллы — средний ($84,2^\circ$ и $77,0^\circ$), угол перегиба

затылка — средний ($125,0^\circ$). Верхняя высота лица ($66,4$ мм), скуловой диаметр ($124,3$ мм) и верхнелицевой указатель ($53,6$) — средних величин. Клявковая ямка — средняя ($4,26$ мм).

Носовой и орбитный указатели также средние ($48,9$ и $83,4$, орбитный от мп). Лицевой угол большой ($86,0^\circ$), угол альвеолярной части очень большой ($83,7^\circ$), череп ортогнатный. Угол выступания носа — тоже большой ($27,0^\circ$).

О малом назо-малярном и очень малом зигмаксиллярном углах мужской и женской серий черепов из Тарым-ка ($135,9^\circ$ и $124,8^\circ$) сказано выше.

Дакриальный указатель малый ($36,7$), симотический — средний ($31,9$). Череп европеоидные, рельеф черепной коробки выражен средне¹⁶.

Возникает вопрос: нет ли различий в величинах признаков и указателях черепов, происходящих из захоронений в курганах основного могильника и погребений возле тригопункта (последние погребения — оссуарные)?

К сожалению, черепов очень мало в обеих группах, и мы рассмотрим только некоторые признаки.

Сравнивать обе группы черепов очень трудно, и различия не могут быть убедительными¹⁷.

Отметим главным образом (за немногими исключениями) те признаки, где число случаев не менее двух-трех и разница между признаками большая. Так, мужские черепа из курганного могильника значительно крупнее по величинам продольного и высотного диаметров мозговой коробки и малой величины поперечного (табл. 3), черепной указатель дольнокраний в первой группе и брахикраний — во второй. Другие черепные указатели тоже существенно различаются между собой (табл. 3). Лицевой скелет выше, но шире, чем на черепах из тригопункта, что ясно видно по отдельным признакам высоты лица и скулового диаметра, однако по верхнелицевому указателю ($51,4$ в первом случае и $52,3$ — во втором) обе серии характеризуются сред-

¹⁶ Характеристика одного женского черепа из кургана 9 у тригопункта (подобное захоронение в могильнике Тарым-ка) дается в разделе индивидуальных описаний женских черепов. Датировка этого черепа более поздняя — по ранне IV в. до н. э. (см. статью Б. И. Вайнберг «Курганные могильники Северной Туркмении» в настоящем сборнике, с. 172).

¹⁷ Напомним, что в серии из Тарым-ка шесть мужских черепов — из основного могильника и два черепа — из оссуарного. Женских черепов еще меньше: в этой группе два черепа — из основного могильника (череп плохой сохранности) и три — из оссуарного.

Некоторые размеры и показатели по средним данным на черепах из основной курганной группы Тарым-кая и захоронений возле тригопункта

Признаки и показатели	Мужские черепа		Женские черепа	
	Основная курганная группа VI—V вв. до н. э.	Оссуарная группа, Погребения возле тригопункта V—IV вв. до н. э.	Основная курганная группа VI—V вв. до н. э.	Оссуарная группа, Погребения возле тригопункта V—IV вв. до н. э.
1. Продольный диаметр	185,2 (4)	182,5 (2)	185 (1)	177,3 (3)
2. Поперечный диаметр	137,2 (5)	146,0 (2)	152 (1)	133,0 (3)
17. Высотный диаметр	146,0 (4)	133,0 (2)	118 (1)	113,3 (3)
8: 1 Черепной указатель	73,43 (4)	80,1 (2)	—	77,3 (3)
17: 1 Высотно-продольный указатель	76,9 (3)	72,9 (2)	—	75,0 (3)
Высотно-поперечный указатель	105,3 (4)	91,2 (2)	—	97,1 (3)
48. Верхняя высота лица	72,3 (6)	70,0 (2)	61,0 (2)	70,0 (3)
45. Скуловой диаметр	141,0 (3)	138,0 (2)	128,0 (1)	123,0 (3)
48: 45 Верхнелицевой указатель	51,4 (3)	52,3 (2)	43,7 (1)	56,9 (3)
77 Назо-малярный угол	135,6 (5)	136,7 (2)	138,9 (2)	136,6 (3)
(2m) Зиго-максиллярный угол	128,1 (5)	124,0 (2)	125,6 (1)	124,5 (3)
32. Угол профиля лба	81,5 (2)	85,5 (2)	84,0 (1)	84,3 (3)
72. Общий лицевой угол	86,0 (2)	88,5 (2)	—	86,0 (3)
75 (1) Угол выступания носа	22,5 (2)	36,0 (2)	—	27,0 (3)
54: 55 Носовой указатель	44,6 (6)	46,4 (2)	50,7 (2)	47,7 (3)
52: 51 Орбитный указатель	77,6 (6)	85,2 (2)	81,3 (2)	84,8 (3)

ними величинами. Носовой и орбитный указатели на черепах из курганного могильника более низкие (первый — 44,6 против 46,4 по сравнению с черепами из погребений в тригопункте, второй 77,6 против 85,2). Низкий орбитный указатель характерен для черепов из погребений Тумек-кичиджика. Угол выступания носовых костей на двух черепах из курганного могильника — 22,5°, на двух черепах из погребений у тригопункта — 36°. Однако все эти данные из-за малочисленности черепов нельзя считать достоверными. Существенное значение для сопоставления черепов могут иметь горизонтальные углы лицевого скелета. Назо-малярный угол черепов из курганного могильника несколько меньше, чем у черепов из погребений возле тригопункта, т. е. лицо менее уплощенное, тогда как зиго-максиллярный больше. Больше уплощение лицевого скелета в области зиго-максиллярного угла отмечается также на черепах из Тумек-кичиджика. Так, первый угол меньше по средним данным на 1,4°, второй — больше на 4,1° (табл. 3). В общем сделать какие-либо определенные выводы на этом материале не представляется возможным как из-за малочисленности каждой группы, так и из-за крайней малочисленности женских черепов. Основное, что можно отметить после рассмотрения ряда признаков — это в общем более крупные размеры черепов из курганного могильника, с более высоким, широким и несколько уплощенным лицевым скелетом, большей узконосостью при меньшем выступании

угла носа. Возможно, в составе погребенного здесь населения выявляется монголоидная примесь. Не исключена также и значительная смешанность погребенного в этих могильниках населения, так как некоторые черты — низкие орбиты и уплощенность лицевого скелета в области зиго-максиллярного угла — характерны также и для черепов из Тумек-кичиджика.

Сравнение женских черепов из основной курганной группы и людей, захороненных в оссуариях возле тригопункта еще более затруднено из-за малочисленности серий. Из основной курганной группы имеются лишь два черепа плохой сохранности, так что ряд признаков не может быть измерен или измеряется только на одном черепе. Из захоронений у тригопункта получены три черепа. Мозговая коробка, определяемая по размерам одного черепа из курганного могильника, значительно крупнее средних данных трех черепов из тригопункта, лицевой скелет черепов основной группы значительно ниже — в среднем 61,0 мм (при величинах 56 мм и 66 мм на двух черепах из основного курганного могильника) против 70 мм из погребений в тригопункте, при большем скуловом диаметре на одном черепе из того же могильника, а именно 128,0 мм против 123,0 мм трех черепов из оссуарного могильника, а также соответственно отмечается и резкая разница в верхнелицевых указателях (43,7 — в первом случае и 56,9 — во втором). Лицевой скелет первой группы несколько более уплощен, чем во второй группе, с более низкими орбитами и более широким

посовым указателем. Из имеющихся данных по женским черепам трудно сделать какой-либо твердый вывод, базирывая на измерениях одного-двух черепов, кроме вывода о том, что по имеющимся данным один женский череп из основной курганной группы бесспорно крупнее других женских черепов из оссуарных захоронений. При этом надо отметить, что в мужской серии из основного курганного могильника черепа более крупные, и мы допускаем, что в составе погребенного там населения имелись монголоидная примесь, что, возможно, также выявляется и на женском черепе.

* * *

В первой главе мы детально сравнили средние величины черепов куусайской культуры из могильников. Тумек-кичиджик и Тарым-кая. Черепа из Тумек-кичиджика по строению мозговой коробки, орбит и пропорциям лицевого скелета сближаются с черепами древнейшей культуры Поволжья, а по некоторым признакам — с черепами эпохи бронзы из Южной Туркмении, в частности с сериями черепов из Кара-депе и Геоксюра. С последней серией сближают наши серии черепов абсолютные размеры назо-маляриных углов и зигмаксиллярного угла серии черепов из Тарым-кая, что может быть следствием смещения различных европеоидных компонентов Средней Азии.

Интересно, что, несмотря на значительную большую грациальность черепов из неолитического могильника Тумек-кичиджик, по ряду признаков эти черепа имеют сходство с последними сериями.

Так, с сериями черепов из Тумек-кичиджика и Тарым-кая, эпохи раннего железа, эти черепа сближаются по пропорциям лицевого скелета, по назо-маляриному углу с обеими сериями, по зигмаксиллярному углу и строению орбит — с серией черепов из Тарым-кая, а по углу выступания носа — с серией из Тумек-кичиджика эпохи железного века. При этом необходимо отметить, что мужских черепов в неолитическом могильнике найдено всего три.

Привлеченная также для сравнения с последними сериями мужских черепов серия черепов тазабатъябской культуры из могильника Кочка 3 с территории Каракалпакии, датируемая последней третью II тысячелетия до н. э.¹⁸, имеет мало общего с серией черепов из Тумек-кичиджика. Однако сравнение серии черепов из Тарым-кая с серией черепов таз-

абатъябской культуры обнаруживает ряд общих особенностей. Так, в обеих сериях близки абсолютные размеры мозговой коробки — продольный, поперечный и высотный (от базиса) диаметры, черепные и высотно-продольные указатели при значительных различиях в высотно-поперечном указателе (табл. 1, график).

Очень близки в сериях из Тумек-кичиджика и Тарым-кая пропорции строения лицевого скелета; по вершнелицевому указателю они сближаются с серией черепов из погребенный в могильнике Кочка 3, характеризующейся средними величинами во всех сравниваемых сериях, что заслуживает внимания. Этот указатель варьирует по средним данным от 51,4 у черепов из Кочка 3 до 51,7 у черепов из Тарым-кая; черепа из Тумек-кичиджика образуют индекс 51,2. Абсолютные размеры лицевого скелета черепов из погребенный в Кочка 3 значительно меньше. Однако большинство признаков лицевого скелета в исследуемых нами сериях, включая черепа из захоронений в могильнике Кочка 3, сильно различаются, особенно надо отметить горизонтальные и вертикальные углы. Так, приводим пример назо-маляриного угла, который в серии черепов из могильника Кочка 3 равен $137,2^\circ$, относительно близкий к серии черепов из Тарым-кая — $135,9^\circ$, в серии Тумек-кичиджика он еще ниже — $134,6^\circ$. Зигмаксиллярный угол черепов из Кочка 3 равен $129,6^\circ$ и сближается с соответствующим углом черепов из Тарым-кая — $126,9^\circ$, у черепов из могильника Тумек-кичиджик он значительно выше — $132,4^\circ$. На рассмотрении вертикальных углов лицевого скелета мы останавливаться не будем, так как различия их в серии черепов из Кочка 3 очень велики, за исключением выступания угла носа, который сближается с серией из Тарым-кая (табл. 1). По углу выступания носа серия черепов из Тарым-кая характеризуется величиной $29,3^\circ$, тазабатъябская серия в среднем дает величину $30,7^\circ$. Черепа из Тумек-кичиджика по углу выступания носа близки к неолитическим черепам из находок в могильнике Тумек-кичиджик и древнейшей культуры Нижнего Поволжья (табл. 1). У женских черепов этот угол в серии из могильника Кочка 3 несколько больше, чем у черепов Тарым-кая, а именно $28,0^\circ$ против $27,0^\circ$. Разница в средних данных угла выступания носа серий черепов из этих могильников невелика, но при этом надо принимать во внимание малое число случаев во всех сериях. Не останавливаясь больше на сравнительном рассмотрении этих серий, мы с уверенностью можем сказать, что в целом серия черепов из могильника Кочка 3, хотя и имеет некоторые общие средние величины признаков с сериями черепов

¹⁸ Трофимова Т. А. Черепа... Гилзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология..., с. 80—88; Итана М. А. Раскопки могильника тазабатъябской культуры Кочка 3. — МХЗ, вил. 5.

куюсайской культуры, сильно отличается от рассматриваемого нами материала.

В могильнике Коска 3 наряду с европеоидным типом, сближающимся с типом черепов Нижнего Поволжья, с одной стороны, и Казахстана — с другой (череп срубной и андроновской культур), среди погребенных отмечен и южный индо-дравидондый тип¹⁹.

С. П. Толстов, анализируя археологические материалы пришел к выводу, что «тазабагыбская культура имеет черты сходства с андроновской культурой степей Казахстана и Южной Сибири и с так называемой срубной культурой Нижнего Поволжья»²⁰. Специально тазабагыбской культурой занималась также М. А. Игнina, подтвердившая характеристику этой культуры, ранее данную С. П. Толстовым²¹.

Учитывая смешанность антропологического состава тазабагыбской культуры, трудно ожидать сохранения в более позднее время, например, среди населения куюсайской культуры, идентичных с тазабагыбской культурой антропологических комплексов.

И все же необходимо отметить, что в исследуемых сериях из Тумек-кичиджика и Тарым-кая выявляются некоторые признаки или пропорции мозгового и лицевого скелета, которые сохраняют в структуре исследуемых черепов особенности величин более древнего населения древнейшей, кельтеминьарской (если включать Тумек-кичиджик в круг памятников этого типа), тазабагыбской, возможно, также населения срубной и андроновской культур и частично южно-туркменских культур IV—II тысячелетий до н. э. Эти комплексы в сериях черепов куюсайской культуры сохраняются мозаично, не повторяя в целом особенностей строения более древних черепов.

В связи с анализом краниологического материала куюсайской культуры для нас значительный интерес представляют черепа из Южной Туркмении, датируемые IV—III тысячелетиями до н. э., а также и краниологические материалы II тысячелетия до н. э. К IV—III тысячелетиям до н. э. относится могильник Кара-депе (западная группа) — из Центрального Копет-Дага; Геоксюр и Хапуз-депе²² (две

восточные группы) — III тысячелетие до н. э. — правобережье Теджена. Более поздний могильник II тысячелетия до н. э. — Алтындене, краниологический материал которого представляет для нас немалый интерес, расположен на левобережье Теджена²³.

В эпоху неолита и бронзы на территории Южной Туркмении был широко распространен долихокранный высоко- и узколицый европеоидный тип, особенно ярко выраженный на черепках из могильника Кара-депе и получивший первоначально название протосредиземноморского. Антропологический тип, преобладающий в краниологических материалах из Геоксура, несколько более широколицый (на мужских черепках), известен как восточносредиземноморский. Интересно, что в антропологическом типе черепов погребенных в могильнике Хапуз-депе, прослеживаются черепа (особенно мужские) с некоторыми особенностями кроманьонского и протоевропейского типа²⁴. В могильнике II тысячелетия до н. э. — Алтындене значительно преобладает средиземноморский тип, но вместе с тем отмечается некоторая смешанность в пределах европеоидной расы, особенно среди мужских черепов²⁵. При изучении краниологического материала куюсайской культуры необходимо учесть антропологические формы древнего населения Юга Средней Азии.

Естественно возникает вопрос: не являются ли носители куюсайской культуры потомками неолитического населения, погребенного в могильнике Тумек-кичиджик? К сожалению, краниологический материал эпохи неолита очень незначительный и плохой сохранности. Два (из трех) мужских черепа эпохи неолита из Тумек-кичиджика могут быть отнесены к грацилизованной форме протоевропейского типа, который, по классификации Каппиери, может относиться к южной ветви европеоидов кроманьонского типа, которым этот автор дал название анатолийского, палестинского и иранского типов²⁶. Черепа же куюсайской культуры гораздо более матуризованные и, возможно, связаны своим происхождением с пришлым более матуризованным

С. А. Ершов, А. В. Марущенко и др. (см.: Труды ЮТАРЭ, 1961, т. X).

¹⁹ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология... с. 62—70.

²⁰ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология... с. 59.

²¹ Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология... с. 69.

²² Carpieri M. Die asiatischen Proto-Mediterranen. — Ethnographisch-archeologische Zeitschrift, 1961, N 2. Вероятно, палестинский тип наиболее близок к грацилизованному кроманьонским формам, тогда как другие, выделенные им комплексы сближаются с восточными средиземноморцами Средней Азии.

¹⁹ Трофимова Т. А. Череп... с. 15—19; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология... с. 80—88.

²⁰ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 47 (см. там же библиографию других работ С. П. Толстова, где дается описание тазабагыбской культуры).

²¹ Игнina М. А. О месте тазабагыбской культуры среди культур степей бронзы. — СЭ, 1967, № 2.

²² Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология... с. 50—70. Раскопки этих памятников проводили археологи В. М. Массон, В. И. Сариниди,

населением, предки которого могли происходить от древних племен Нижнего Поволжья. На это указывают те особенности строения черепов, которые фиксированы нами как общие признаки с менее древним населением Средней Азии (тазабагыбской культуры) и Нижнего Поволжья, чем черепа из неолитической кельтеминарской культуры.

Среди четырех женских черепов из неолитических погребений Тумек-кичиджика один череп из погребения 19 отличается при мезокрании (77,2 мм) высоким (69 мм?) и узким (123,3 мм?) лицевым скелетом, а именно по указателю (56,17), что напоминает южные формы эпохи бронзы Средней Азии²⁷.

В общем антропологический состав населения куясайской культуры представляется нам смешанным из различных европеоидных компонентов: древнего населения Нижнего Поволжья, продвинувшегося на юг, местного древнего населения, потомков племен кельтеминарской (?) и тазабагыбской культур, а также древнего населения из южных районов Туркмении IV—II тысячелетия до н. э. и, возможно, Таджикистана. Весьма вероятно, что потомки племен андроновской культуры Казахстана также принимали участие в формировании позднейшего куясайского населения. При характеристике черепов из захоронений основного могильника Тарым-кая, двух мужских (курганы 2 и 18) и одного женского из оссуарного могильника (курган 1, погребение 1), нами отмечены черты слабой монголоидной примеси на этих черепах, что указывает на включение каких-то слабо выраженных признаков восточных монголоидных компонентов. Однако эта примесь очень незначительна и, возможно, случайна. Не исключено, что она явилась результатом контактов куясайского населения с саками Приаралья, у которых монголоидные черты констатируются при общем европеоидном облике сакского населения Приаралья.

По общей антропологической характеристике исследуемые нами серии черепов населения куясайской культуры резко отличаются от черепов саков Приаралья и различных сакских племен, населявших степи Казахстана. По некоторым признакам исследованные нами группы сближаются с саками Казахстана, как, например, по высоте и ширине лицевого скелета и верхнелицевому указателю, черепа из Тарым-кая также сближаются по углу выступания носа (29,3° у нашей группы и 29,5°

у сборной группы саков Казахстана)²⁸. Но в общем саки Казахстана значительно монголоиднее населения куясайской культуры.

На контакты куясайского населения с саками Приаралья указывает Б. И. Вайнберг²⁹.

Сильная антропологическая смешанность населения куясайской культуры, возможно, объясняется тем, что по материалам археологов жители ближайшего поселения Куясай 2 занимались скотоводством и, «вероятно, богатым земледелием»³⁰. Занятие скотоводством в течение длительного времени могло вести к значительной подвижности населения этой культуры и контактам с различными степными племенами.

В дополнение к таблице индивидуальных данных мы даем краткое описание черепов из могильников Тумек-кичиджик и Тарым-кая.

Индивидуальная характеристика черепов куясайской культуры из могильника Тумек-кичиджик. Мужские черепа

1. Череп из кургана 19 принадлежит мужчине пожитлого возраста (*maturus*), характеризуется очень большими размерами продольного диаметра (192 мм) и высотного (145 мм) при средней величине поперечного (140 мм), долдохокранный (72,9) с исключительно большим высотно-поперечным указателем (103,61) и очень малым высотно-продольным (75,5), средними размерами верхней высоты лица (70 мм), скулового диаметра (132 мм) и лицевого указателя (53,0). Нос характеризуется средней высотой (53 мм) и большой шириной (28,4 мм), по указателю большой (53,6). Орбиты отличаются большой шириной (43,2 мм от *mI*) и малой высотой (32 мм) с малым орбитным указателем (74,1) — низкие.

Нозо-малярный и зиго-максиллярный углы малые (первый — 139°, второй — 130°). Угол профиля лба большой (88°), общий лицевой угол ортогональный (87°), угол выступания носа очень большой (35°). Рельеф черепа выражен сильно. Череп европеоидный, возможно восточносредиземноморского типа, древней его формы.

2. Череп из кургана 23 принадлежит молодому мужчине (*adultus*), характеризуется очень большим продольным диаметром (195 мм), большим, чем у выше рассмотрен-

²⁸ Сводные данные по черепам саков Казахстана см.: Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология. ... с. 120—132.

²⁹ Вайнберг В. И. Куясайская культура раннего железного века... (Б. И. Вайнберг отмечает, что по общему облику куясайская культура должна быть отнесена к кругу сакских).

³⁰ Вайнберг В. И. Куясайская культура раннего железного века... с. 46.

²⁷ Трофимова Т. А. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. (В печати.) Примечание: однако при незначительном количестве данных выводы не могут быть обоснованными.

ного черепа, средним поперечным (144 мм) на границе с большими размерами и очень малым высотным (126 мм), черепной указатель долхокранный (73,8) с очень малыми величинами висотно-продольного (64,6) и висотно-поперечного указателей. Лицевой скелет обладает средней высотой (71 мм) при, по-видимому, *большом скуловом диаметре* (138 мм?), средним верхнелицевым указателем (51,4). Нос отличается большими размерами высоты (55 мм) и ширины (27,7), средним носовым указателем (50,4). Орбиты черепа при большой ширине (43,2) отличаются малой высотой (32,4), орбитный указатель очень малый (75,0), орбиты очень низкие. Назо-малярный угол *очень малый* (130,0°), зигмаксиллярный, наоборот, большой (139,2°). Лоб покаты (74° от нагнона, 66° от глабеллы), лицо ортогнатное — общий лицевой угол очень большой (87°), угол выступания носа — большой (32°). Надчерепье у черепа развито сильно (балл 5), в остальных признаках рельеф черепа слабый. Общая характеристика черепа трудна, его можно сопоставить с древнеявными черепами; вероятно, смешанный.

3. Череп пожилого мужчины (maturus) из кургана 28 характеризуется большим продольным диаметром (188 мм), средним поперечным (144 мм) и, вероятно, очень малым высотным (124? мм), черепной указатель мезокранный (76,6), висотно-продольный — очень малый (66,0), также и висотно-поперечный (86,1). Высота лица средняя (70 мм) при очень большом скуловом диаметре (145!), что образует малый верхнелицевой указатель (48,3). Высота и ширина носа средние (53 и 26,2 мм), также и носовой указатель средний (49,4). Орбиты, как и у других черепов, характеризуются большой шириной (44 мм) при малой высоте (29,6 мм) — низкие (67,3). Назо-малярный угол малый (136,6°), зигмаксиллярный — средний (133,1°). Угол лба и общий лицевой угол очень большие (89°? и 88°), угол выступания носа, по-видимому, большой (31°?). Общий рельеф черепа выражен сильно.

Общую характеристику черепу дать трудно, по-видимому, расовый тип смешанный, имеющий черты восточносредиземноморского с южных протославянского типом или потомками древнего.

4. Череп мужчины пожилого возраста (maturus) из кургана 35 (шифр 72 г., курган 35) характеризуется большим продольным диаметром (190 мм) и средним поперечным (141 мм) — долхокранный (74,2), овоидной формы. Лицевой скелет средней высоты (70 мм) и со средним скуловым диаметром (134 мм), верхнелицевой указатель также

средний (52,2). Высота (52 мм), ширина (26? мм) и указатель носа средние (указатель 50,0).

Ширина орбиты большая (44 мм — правая); высота орбиты очень малой величины (26 мм — правая), орбитный указатель крайне низкий — 59,1. Назо-малярный угол очень малой величины (132,7°), зигмаксиллярный угол (127,4°) — малых размеров.

Угол профиля лба большой (86°), общий лицевой угол средний (84°), угол выступания носа, по-видимому, очень большой (41°?). Рельеф черепа развит сильно.

В общем череп европеоидный длинноголовый с резко выраженным рельефом. По этим признакам, а также очень низким орбитам и сильно выступающему носу в комплексе напоминает черепа ямной или срубной культуры.

5. Женский череп из кургана 25 в этой серии только один³¹. Он принадлежит молодой женщине (adultus) брахикранный (84,4) эуринтегаоноидной формы, со средними размерами продольного и высотного диаметров (167 и 126 мм) и очень большим поперечным (141 мм). Верхняя высота лица очень низкая (58 мм) при малой величине скулового диаметра (121? мм) и малом лицевом указателе (47,9). Высота носа малых размеров (40,5 мм) при средней ширине (25 мм), что дает очень большой носовой указатель (61,7). Ширина орбиты средняя (40 мм) при очень малой высоте (31 мм), что образует малую величину орбитного указателя (77,5). Назо-малярный угол очень большой (152,4°), зигмаксиллярный — средний (134,4°). Глубина кляковой ямки средняя (4,0 мм). Угол профиля лба средний (84°), общий лицевой угол малый — 80°, череп прогнатный. Угол выступания носа малый — 16°?, но нижний край грушевидного отверстия антропной формы со значительно выраженной передненосовой остью, возможно, носовые кости частично разрушены. Череп европеоидный.

Основные погребения из могильника Тармыка I. Мужские черепа

1. Череп пожилого мужчины (maturus) из кургана 2 характеризуется очень большими продольным и высотным диаметрами (192 мм и 143? мм) и малым поперечным (136 мм), по черепному указателю — ярко выраженный долхокранный (70,3). Лицевой скелет при средней верхней высоте лица (75 мм) обладает, по-видимому, большим скуловым диамет-

³¹ Измерения этого черепа несколько отличаются от опубликованных ранее (см.: Тарфимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тармыкчициджик, с. 139).

ром (146 мм?), лицевой указатель малых размеров (50,0). Носовой указатель средний (47,5) при очень большой высоте носа (59 мм) и большой его ширине (28 мм). Ширина орбит очень большая (44 мм) при очень малой высоте (31 мм), что образует очень малую величину орбитного указателя (70,5). Назо-малярный угол очень малый (134,4°), а зигмаксиллярный, наоборот, очень большой — 137,2°. Череп ортогональный (88°), углы лба средине (82° от назиона, 78° от глабеллы), рельеф выражен в общем сильно (за исключением наружного затылочного бугра — балл 3). Угол выступания носа, по-видимому, малый (19°?).

По небольшим величинам симотической и дакриальной высот (4,5 мм и 9,5 мм), малому выступанию угла носа и особенностям строения нижнего края грушевидного отверстия (наличие предносовых ямок), большим размером скулового диаметра и верхней высоты лица можно предполагать у этого черепа наряду с европеоидным комплексом и некоторую монголоидную примесь.

2. Череп пожилого мужчины (maturus) из кургана 4, костей 2. Мозговая коробка и лицевая область частично разрушены. Приводим некоторые данные. Поперечный диаметр мозговой части черепа средней ширины (143 мм), высотный диаметр, по-видимому, очень большой (145° мм). Лицевой скелет при малой его высоте (верхняя высота лица 68 мм) отличается, по-видимому, большой скуловой шириной (140° мм), что дает очень малый верхнелицевой указатель (48,6), носовой указатель средний (48,1), орбитный указатель от максиллофронтале также средний (82,9). Назо-малярный (139,4°) и зигмаксиллярный (132,1°) углы средине, глубина кляковой ямки средняя (4,8 мм). Рельеф черепа развит средне. Выступание носа, по-видимому, было сильное, так как переденосовая ось выражена сильно и нижний край грушевидного отверстия антропной формы. Череп европеоидный, по-видимому, мезокраний (затылочная часть разрушена), нос выуклый — в общем можно характеризовать этот череп как переходную форму между восточносредиземноморским и расовым типом среднеазиатского междуречья.

3. Череп из кургана 11, погребения 1 принадлежит мужчине пожилого возраста (maturus). Мозговая часть черепа сильно разрушена, измерена только лобная хорда, характеризующаяся большой величиной — 118 мм. Лицевой скелет также сохранился не полностью, скуловой диаметр разрушен. Верхняя высота лица малых размеров (63 мм) с очень малыми углами, как в области назо-малярного

угла (132,7°), так и зигмаксиллярного (120,1°), надпереносье развито средне, надбровье ниже среднего. Посовые кости разрушены, но по значительно выступающей переденосовой оси можно предполагать, что угол выступания носовых костей был выше среднего. Высота носа очень большая (61 мм) при средней его ширине (25 мм). Носовой указатель очень малый (41,0), что указывает на крайнюю выраженную узконосость. Орбиты относительно низкие (ширина очень большая — 45 мм, высота средняя — 35 мм, орбитный указатель малый — 77,8). Череп европеоидный.

4. Череп пожилого мужчины (maturus) из кургана 14 овоидный, резко выраженный долохоткраний с черепным указателем — 69,1, очень большим продольным диаметром (194 мм), средним поперечным (134 мм) и, по-видимому, очень большим высотным (147 мм). Лицевой скелет в значительной степени разрушен, но при большой высоте носа (56 мм) можно предполагать и большую высоту лица, носовой указатель средний (48,2), ширина и высота орбиты средине. Орбитный указатель очень малый (69,8). Из-за дефектности черепа, частично разрушенного и несколько деформированного, угловые размеры не взяты. В общем череп долохоткраний, с резко выраженным рельефом, нос сильно выступающий, выуклый, может быть по основным признакам сопоставлен с древнеазиатскими черепами.

5. Череп пожилого мужчины (maturus) из кургана 18 овоидный, мезокраний (76,8 мм) с большими продольным (185 мм) и, по-видимому, высотным диаметрами (149° мм), средней ширины (142 мм). Угол профиля лба срединей (от назиона 81,0°). Высота лица большая (76 мм) при большой скуловой ширине (137 мм), верхнелицевой указатель тоже большой, достигает 55,5. Высота носа очень большая (60 мм) при большой его ширине (27 мм), что образует малый носовой указатель (45,0). Ширина орбиты большая (43 мм) при средней высоте (34 мм), орбитный указатель срединей (79,1). Назо-малярный (138,2°) и зигмаксиллярный (129,1°) углы малой величины — горизонтальная профилировка лица выражена сильно. Глубина кляковой ямки очень большая (8 мм). Общий лицевой угол большой (84°), угол выступания носа срединей (26°). Рельеф черепа значительный, особенно надпереносье (балл 5) и сосцевидные отростки (балл 3).

В общем мужской череп очень крупный, с большими размерами лицевого скелета, производит впечатление европеоидного с небольшой монголоидной примесью, возможно, североазиатского типа.

6. Череп поживлого мужчины (*maturus*) из кургана 19, мезокраний (77,1), овоидной формы, с очень малым продольным диаметром (170 мм) и средним поперечным (131 мм). Череп частично разрушен и ряд размеров взят не полностью, в том числе такие важные размеры, как высоту черепа и скуловой диаметр.

Верхняя высота лица очень большая (79 мм), нос очень высокий (58 мм) и узкий (22 мм), что образует очень малый носовой указатель (37,9). Ширина орбиты очень большая (42 мм) при ее большой высоте (36 мм), что образует также и высокий индекс (85,7). Назо-малярный и зигмаксиллярный углы очень малые (первый дает величину $133,4^\circ$, второй — $122,2^\circ$). Рельеф черепа средний. Из-за плохой сохранности черепа вертикальные углы измерить нельзя. В общем череп европеоидный, мезокраний, с сильно выступающим носом, о чем можно судить по сильно выступающей носовой ости (балл 5).

Основные погребения из могильника Тарым-кая I. Женские черепа

1. Череп молодой женщины (*adultus*) из кургана 3, по-видимому, брахикраний зурипентагоноидный с поперечным диаметром большой величины (152 мм), частично разрушен, продольные размеры и ряд других признаков не реставрировались. На черепе отмечается деформация — уплощение затылка, к сожалению, реставрировать не удалось. Лицевой скелет при реставрации не дает уверенности в размерах всех признаков. Так, высота лица (56 мм) и высота носа (42 мм) остаются под вопросом, определяются как очень малые. Скуловой диаметр большой (128 мм), ширина носа средняя (24 мм). Верхний лицевой указатель определяется как очень малый (43,7), носовой, наоборот, как очень большой (57,1). Орбиты очень малых размеров, как по ширине (37 мм), так и по высоте (28 мм); орбитный указатель также очень малой величины (75,7), т. е. орбиты очень низкие. Назо-малярный угол средний ($144,3^\circ$), зигмаксиллярный угол в области лицевого скелета, где проведена большая реставрация, не измерялся. Угол профиля лба большой (84°). Рельеф черепа слабо выражен.

По общему облику череп европеоидный, хотя ряд признаков из-за плохой сохранности черепа не взят. Носовые кости сломаны, глубина клыкковой ямки определяется баллом 3, то есть малой величиной.

2. Череп молодой женщины (*adultus*) из кургана 22 сильно разрушенной. Продольный диаметр, по-видимому, большой (186? мм). Судя по верхней высоте лица (66 мм) и высоте носа (52 мм), лицевой скелет средних размеров при большей высоте носа, который

отличается малыми размерами ширины (23 мм). Средняя ширина лица (87 мм) может быть отнесена к малым размерам, таким образом, размер скулового диаметра не выше среднего.

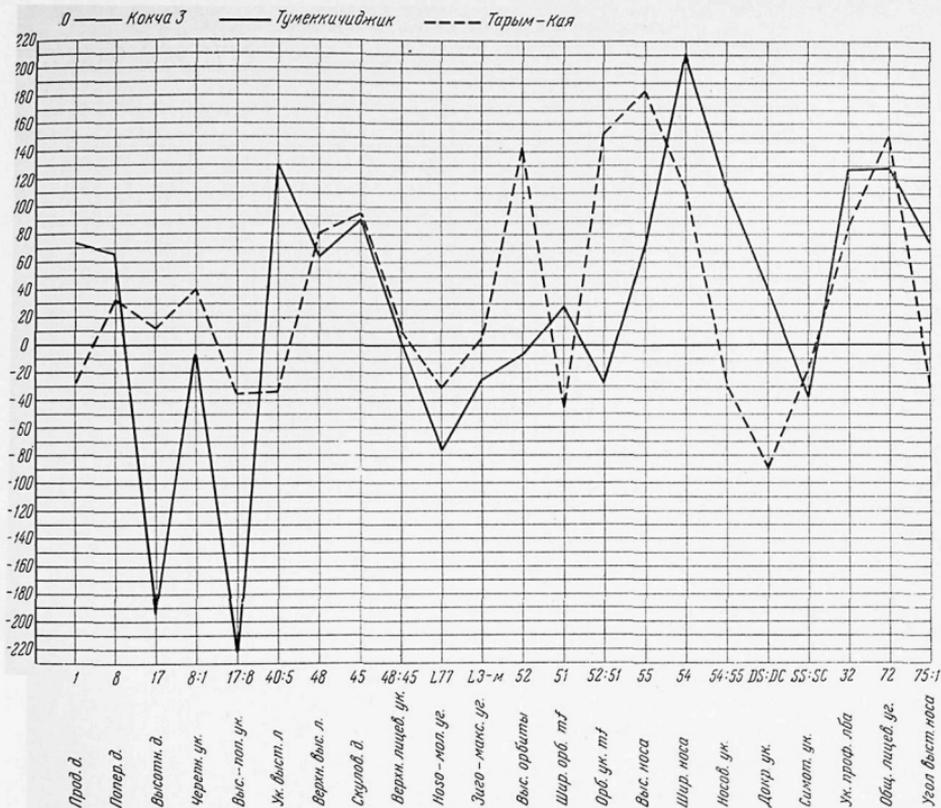
Посевой указатель средний (44,2). Орбиты характеризуются средними размерами ширины (38 мм) и малыми — высотой, орбитный указатель средний (86,8). Назо-малярный угол малых размеров ($133,5^\circ$), зигмаксиллярный средний ($125,6^\circ$). Клыкковая ямка средняя (4,0 мм). Углы профиля лба и лица не взяты в связи с разрушением черепа. По величине симотического указателя (49,1) — большого, большим величинами симотической высоты (5,3 мм) и симотической ширины (10,8 мм), а также значительной величиной переденосовой ости (балл 4) и антропного нижнего края грушевидного отверстия можно предположить выступание носовых костей около 25° ? Вероятно, череп европеоидный.

Погребения у тригипонкта, могильник Тарым-кая I. Мужские черепа

1. Череп из кургана 1, сосуд 2.

Череп принадлежал, по-видимому, мужчине молодого возраста (*adultus*). Череп мезокраний (77,3) пентагоноидной формы, с большим продольным диаметром (185 мм) и средними размерами поперечного (143 мм) и височного (135 мм) диаметров. По висотно-продольному указателю — очень малой величины (72,9), по висотно-поперечному — средних размеров (94,4). Наклон лба от назиона средний (81°), от габеллы — малый (71°). Рельеф черепа в общем средний, соседние отростки развиты сильно. Лицевой скелет характеризуется средними величинами верхней высоты лица (73 мм), скулового диаметра (135 мм) и лицевого указателя (54,1). Назо-малярный и зигмаксиллярный углы малых размеров (135 и 121°), череп ортогнатный (87°). Высота носа большая (55 мм) при малой ширине (24 мм), что выражает малый носовой указатель (43,6), ясно выраженная узконосость при сильно выступании носовых костей (33°) и передней носовой ости (балл 5), нос выуклый. Ширина орбит средняя (42 мм) при большой их высоте, орбитный указатель большой (85,7 мм), т. е. орбиты высокие.

2. Череп из кургана 2, сосуд 4, по-видимому, принадлежал мужчине зрелого возраста (*maturus*), брахикраний, со средним размером продольного диаметра (180 мм), большим поперечным (149 мм) и малым височным (131 мм), по форме зурипентагоноидный. Лицевой скелет характеризуется малым размером верхней высоты лица (67 мм), средним скуловым (133 мм), малым верхнелщевым ука-

зателем (50,4), орбитный указатель большой (84,6), носовой (49,1) — средний. Назо-маларный (138,4°) и зигмаксиллярный (126,2°) углы малые, лицо сильно профилированное, ортогнатное. Угол носа большой, 39°, передне-носовая ось очень большая. Рельеф черепа выражен не резко. Череп европеоидный, с сильно выступающим носом, может быть отнесен к арменоидному типу.

Погребения у тригонуника, могильник Тарим-кая I. Женские черепа

1. Женский череп старческого возраста (senilis) из погребения 1, кургана 1 характеризуется большими размерами продольного и высотного диаметров (181 и 133 мм) и средним поперечным (137 мм), черепной указатель следует отнести к малым величинам (75,7), по форме — зурипентагоноидный. Череп мезокраний на границе с доликхраними формами.

Рис. 1. Различия по ряду средних данных между сериями черепов из могильников Тумек-кичиджик и Тарим-кая (в долях сигмы)

мами. Верхняя высота лица большая (69 мм), скуловой диаметр средний (123 мм), лицевой указатель большой (56,1). Высота носа большая (51 мм), ширина средняя (24 мм), носовой указатель малый (47,1 мм), ширина орбиты средняя (41 мм) при очень малой ее высоте (35 мм), орбитный указатель средний (85,4). Назо-маларный угол средний (140,0°) при малом зигмаксиллярном (128,3°). Клыковая ямка очень глубокая (6,9 мм). Углы лба и верхнего лицевого скелета большие (по 86° оба). Переносье плоское, дакриальная высота очень малая, ниже обычного предела вариаций — 3,3 мм (!), также дакриальный указатель ниже обычного

ПРИЛОЖЕНИЕ

Индивидуальные и средние данные исследованных черепов

По Мартину	Признаки и указатели	Тумок-шиповик					Тарым-кай				
		мужские					женские	основные			
		курсан 19	курсан 20	курсан 21	курсан 22	М	курсан 23	курсан 1	курсан 2	курсан 3	курсан 4
1	Продольный диаметр	192	195	188	190	191,3	167	192	—	—	
1a	Продольный диаметр от офр.	—	—	—	190!	190,0	166	190	—	—	
8	Поперечный диаметр	140	144	144	141	142,25	141	136	143	—	
17	Высотный диаметр (ha—b)	145!	126	124	—	131,7	126	143?	145?	—	
20	Ушная высота	123	111	114	122	117,5	103	117	121	—	
9	Наименьшая ширина лба	101	100	102	105	102,0	95	105	96	—	
10	Наибольшая ширина лба	—	115	120?	127	120,7	120	113?	123	—	
	Ушная ширина (po—ro)	126	118	126	123	123,25	116	129	127	—	
11	Ширина основания черепа	130	125?	120	124?	124,8	118	134	129	—	
12	Ширина затылка	118	114	—	108?	113,3	107	111	—	—	
5	Длина основания черепа	104	111	88?	—	101,0	89	99	105	—	
7	Длина затылочного отверстия	41	31,8	48,4?	—	40,4	31	44	40?	—	
16	Ширина затылочного отверстия	31	27,4	28,7	—	29,0	27	33	32?	—	
8 : 1	Черепной указатель	72,9	73,8	76,6	74,2	74,4	84,4	70,8	—	—	
17 : 1	Высотно-продольный	75,5	64,6	66,0	—	68,7	75,4	74,5	—	—	
20 : 1	Высотно-продольный	64,1	56,9	60,6	64,2	61,5	61,7	60,9	—	—	
17 : 8	Высотно-поперечный	103,6	87,5	86,1	—	92,4	89,4	105,2	101,4	—	
20 : 8	Высотно-поперечный	87,9	77,1	79,2	86,5	82,7	73,0	86,0	84,6	—	
9 : 8	Лобно-поперечный	72,1	69,4	70,8	74,5	71,7	67,4	77,2	67,1	—	
9 : 10	Лобно-широтный	—	87,0	85,0	82,7	84,9	79,2	92,9	78,1	—	
12 : 9	Затылочно-лобный	116,8	114,0	—	102,9	111,2	112,6	105,7	—	—	
12 : 10	Затылочно-коронарный	—	99,1	—	85,0	92,1	89,2	98,2	—	—	
12 : 17	Затылочно-высотный	81,4	90,5	—	—	86,0	84,9	77,6	—	—	
16 : 7	Указатель затылочного отверстия	75,6	86,2	59,3	—	73,7	87,1	75,0	80,0	—	
	Угол профиля лба (g—m)	75	66	77?	83	75,3	77	78	—	—	
32	Угол профиля лба (n—m)	88	74	89?	86	84,3	84	82	—	—	
33 (1)	Угол верхней части затылка (l—i)	84	83	93	86?	86,5	—	90	—	—	
33 (2)	Угол нижней части затылка (i—o)	34	14	18	—	22,0	—	36	—	—	
33 (4)	Угол веретига затылка	118	97	111	—	108,7	—	126	—	—	
34	Угол затылочного отверстия	-7	-4?	-9	—	-6,7	-6	+1	—	—	
40	Длина основания лица	100	107	97?	—	101,3	89	104	92	—	
45	Скуловой диаметр	132	138?	145	134	137,3	121?	146?	140?	—	
48	Верхняя высота лица	70	71	70	70	70,3	58	73	68	63	
47	Полная высота лица	118	—	—	118	118,0	105	123?	111?	120?	
48 : 45	Верхнелицевой указатель	53,0	51,4	48,3	52,2	51,2	47,0	50,0	48,6	—	
47 : 45	Лицевой указатель	89,4	—	—	88,1	88,8	86,8	84,3	79,3	—	
40 : 5	Указатель выступания лица	96,2	96,4	110,2	—	100,9	100,0	105,1	87,6	—	
48 : 17	Вертикальный фациоперебральный	48,3	56,3	56,5	—	53,7	46,0	51,1	46,9	—	
43	Верхняя ширина лица	114	109	115	115?	113,3	106	113	106	113	
46	Средняя ширина лица	119	111	118	100?	112,0	87	107	96	95	
60	Длина альвеолярной дуги	58	—	51	—	54,5	50	54	(49?)	55?	
61	Ширина альвеолярной дуги	64	—	66	—	65,0	59	68	(54?)	66	
61 : 60	Альвеолярный указатель	110,3	—	129,4	—	119,9	118	125,9	—	120,0	
62	Длина неба	49,4	—	47,6	—	48,5	—	48	—	49	
63	Ширина неба	37,9	—	43,5	—	40,7	39	42?	—	37	
63 : 62	Небный указатель	76,7	—	91,4	—	84,1	—	87,5	—	75,5	
55	Высота носа	53	55	53	52	53,3	40,5	59	52	61	
54	Ширина носа	28,4	27,7	26,2	26?	27,1	25	28	25	25	
54 : 55	Носовой указатель	53,6	50,4	49,4	50,0	50,9	61,7	47,5	48,1	41,0	
51	Ширина орбиты (от mf)	43,2	43,2	44	44 пр.	43,6	40	44	41	45?	
51a	Ширина орбиты (от d)	40,5	—	41	—	40,8	38?	—	36	—	
52	Высота орбиты	32,0	32,4	29,6	26 пр.	30,0	31	31	34	35	
52 : 51	Орбитный указатель (mf)	74,1	75,0	67,3	59,1	68,9	77,5	70,5	82,9	77,0	
52 : 51a	Орбитный указатель (d)	79,0	—	72,2	—	75,6	81,6	—	94,4	—	
72	Общий угол профиля лица	87	87	88	84	86,5	80	88	—	—	

Тарим-кай													Суммарио			
мужские							женские						мужские М	женские М		
основные			оссуарные				М	основные		оссуарные					М	показатель, курган 9
курган 14	курган 18	курган 19	курган 1, погреб. 2	курган 2, сохр. 4	М	курган 3		курган 22	курган 1	курган 2, сохр. 1	курган 2, сохр. 5	М				
194	185	170	185	180	184,3	—	185?	181	178	173	179,3	178	187,1	176,8		
190	181	165	184	—	182,0	—	—	180	177	172	176,0	177	183,3	173,8		
134?	142	131	143	149	139,7	152	—	137	140	134	140,8	129	140,6	140,8		
147?	149?	—	135	131	141,7	—	—	133	136	130	133,0	130	138,3	131,3		
—	126	—	120	118	120,4	118	—	116	115	109	114,5	116	119,1	112,2		
—	101	96	100!	97	99,2	96	95?	92	92	96	94,2	93	100,3	94,3		
109	124	113	122	118	117,4	117	—	115	117	114	115,8	110	118,4	116,6		
—	127	—	125	123	126,2	135	—	119	115	115	121,0	115	124,9	120,0		
—	128	—	131	127	129,8	131	—	120	117!	120	122,0	118	127,6	121,2		
111?	112?	126	103	118	113,5	118?	—	112	106	113	112,3	104	113,4	111,2		
104?	—	—	100	98	101,2	—	—	99	101	99	99,7	95	101,1	97,0		
39?	—	—	39	36	39,6	—	—	35	35	—	35,0	33	39,9	33,7		
30?	—	—	36	27	31,6	—	—	26	28	—	27,0	29	30,6	27,0		
69,1	76,8	77,1	77,3	82,8	75,7	—	—	75,7	78,7	77,5	77,3	72,5	75,1	79,1		
75,8	80,5	—	73,0	72,8	75,3	—	—	73,5	76,4	75,1	75,0	73,0	74,8	75,1		
—	68,1	—	64,9	65,6	64,9	—	—	64,1	64,6	63,0	63,9	65,2	63,2	63,4		
109,7	104,9	—	94,4	87,9	100,6	—	—	97,1	97,1	97,0	97,1	100,8	97,9	95,2		
—	88,7	—	83,9	79,2	84,5	77,6	—	84,7	82,1	81,3	81,4	89,9	89,7	79,7		
—	71,1	73,3	69,9	65,1	70,6	63,2	—	67,2	65,7	71,6	66,9	72,1	71,1	67,0		
—	81,5	85,0	82,0	82,2	83,6	82,1	—	80,0	78,6	84,2	81,2	84,6	84,0	80,8		
—	110,9	131,3	103,0	121,7	114,5	122,9	—	121,7	115,2	117,7	119,4	111,8	113,3	118,0		
101,8	90,3	111,5	84,4	100,0	97,7	100,9	—	97,4	90,6	99,1	97,0	94,6	96,3	95,4		
75,5	75,2	—	76,3	90,1	78,9	—	—	84,2	77,9	86,9	83,0	80,0	80,9	83,5		
76,9	—	—	92,3	75,0	79,8	—	—	74,3	80,0	—	77,2	87,9	77,5	80,5		
—	75	—	71	84	77,0	78	—	70	81	79	77,0	78	76,1	77,0		
—	81	—	81	90	83,5	84	—	86	84	83	84,3	86	83,9	84,2		
—	104	—	86	90	92,5	—	—	83	81	74	79,3	74?	89,9	79,3		
—	27	—	29	22	28,5	—	—	43	33	—	38,0	25?	25,7	38,0		
—	131	—	115	112	121,0	—	—	126	124	—	125,0	99?	115,7	125,0		
—	-5	—	-8	-6	-4,5	—	—	-4	+2	—	-1	—	-5,4	-2,7		
89?	—	—	94	97	95,2	—	—	95	96	94	95,0	98	97,5	93,5		
—	137	—	135	133	138,2	128	—	123	121	125?	124,3	124	137,8	123,6		
75	76	79	73	67	71,8	56?	66	69	72	69	66,4	63	71,3	65,0		
—	(133?)	—	120?	—	118,5	96?	104	(105?)	116	—	105,3	105	118,3	105,3		
—	55,5	—	54,1	50,4	51,7	43,8	—	56,1	59,5	55,2	53,7	50,8	51,5	52,3		
—	(97,12)	—	88,9	—	84,2	75,0	—	(85,4)	95,9	—	85,5	84,7	86,0	85,9		
85,6	—	—	94,0	99,0	94,3	—	—	96,0	95,1	95,0	95,4	103,2	96,8	96,5		
51,0	51,0	—	54,1	51,1	50,9	—	—	51,9	52,9	53,1	52,6	48,5	51,8	51,0		
—	113	105	110	107	109,6	102	—	105	101	105	103,3	108	110,9	103,8		
—	110?	93	87	96	97,7	80	87	91	95	93	89,2	95	102,9	88,8		
—	—	51	55	59	54,8	43	42	—	47	48	45,0	58	54,7	40,0		
—	—	64	64	70!	66,4	65	60	—	64	60	62,2	62	66,0	61,6		
—	—	125,5	116,4	118,6	121,3	151,2	142,9	—	136,2	125,0	138,8	106,9	120,9	134,7		
—	44?	46	41!	53	46,8	—	41	42	48	42	43,3	48	47,2	43,3		
—	40?	37	43	41	40,0	—	35	39?	41	42!	39,3	36	40,1	39,2		
—	90,9?	80,4	104,9	77,4	86,1	—	85,4	92,9	85,4	100,0	90,9	75,0	85,6	90,9		
56	60	58	55	53	56,8	42?	52	51	52	50	49,4	49	55,6	47,9		
27	27	22!	24	26	25,5	24	23	24	25	24	24,0	23	26,0	24,2		
48,2	45,0	37,9	43,6	49,1	45,1	57,1	44,2	47,1	48,1	48,0	48,9	46,9	47,0	51,0		
43	43	42	42	39	42,4	37	38	41	38	39	38,6	41	42,8	38,8		
39	41	33	—	—	37,3	—	36	39	36	37	37,0	37?	37,4	37,2		
30	34	36	36	33	33,6	28	33	35	34	31	32,2	30	32,4	32,0		
69,8	79,1	85,7	84,6	—	79,5	75,7	86,8	85,4	89,5	79,5	83,4	73,2	76,0	82,4		
76,9	82,9	109,1	—	—	90,8	—	91,7	89,7	94,4	83,8	89,9	81,1?	85,8	88,2		
—	84	—	87	90	87,3	—	—	86	86	86	86,0	83	86,9	84,5		

По Мартину	Признаки и указатели	Тумес-качидзие							осырные		
		мужские					женские				
		курган 19	курган 23	35	курган 33	М	курган 23	31	курган 1, 2, 3	курган 11	
73	Угол средней части лица	88	93	90	86	89,3	84	93?	—	—	
74	Угол альвеолярной части	83	71	80	82	79,0	69	82?	—	—	
75	Угол носовых костей к гориз.	52	55	57?	43?	51,8	64	69?	—	—	
75 (1)	Угол носовых костей к линии профиля	35	32	31?	41?	34,7	16	19	—	—	
43 (1)	Биторбитальная ширина	108,1	100,2	101,4	106,5	104,1	97,0	105,0	98,5	95,0	
	Высота назоноса над биорбитальной линией	20,2	23,3	20,2	23,3	21,8	11,9	22,0	18,2	20,8	
77	Назо-малярный угол	139,0	130,0	136,6	132,7	134,6	152,4	134,4	139,4	132,7	
	Зигма-максиллярная ширина	108,2	94,5	108,7	97,0	102,1	90,5	105,9	94,8	99,1	
	Высота subnasale над зигма-максиллярной линией	25,2	17,6	23,6	24,0	22,6	19,0	20,8	21,0	28,5	
Zm	Зигма-максиллярный угол	130,0	139,2	133,1	127,4	132,4	134,4	137,2	132,1	120,1	
SS	Симметрическая высота	5,0	6,0	4,5	4,0	4,88	4,0	4,5	5,0	—	
SC	Симметрическая ширина	7,0	13,1	7,7	10,3	9,52	10,0	11,0	7,5	—	
S : SC	Симметрический указатель	71,4	45,8	58,4	38,8	53,6	40,0	40,9	66,7	—	
DS	Дакриальная высота	15,2	—	16,3	—	15,75	—	9,5	15,5	—	
DC	Дакриальная ширина	22,1	—	23,5	—	22,5	—	20,9	22,2	—	
DS : DC	Дакриальный указатель	68,8	—	69,4	—	69,1	—	45,5	69,8	—	
MC	Максиллофронтальная ширина	21,2	20,5	22,2	23,0?	21,73	—	—	18,6	—	
MS	Максиллофронтальная высота	10,0	17,9	9,0	5,3	10,55	—	—	10,0	—	
MS : MC	Максиллофронтальный указатель	47,2	87,3	40,5	23,0	49,5	—	—	53,8	—	
	Указатель изгиба скуловой кости	16,9	22,5	24,1	—	21,2	4,9 пр	—	4,3	8,5	
	Форма черепа	—	—	—	Ов.	—	Эурип.	Ов.	—	—	
	Надпереносье (глабелла) (1—6)	5	5	5	5	5,0	2	5	3	3	
	Надбровье (1—3)	3	2	3	3	2,75	1	3	2	2	
	Глубина кльковой ямки (мм)	4,5	6,0!	3,8	—	4,8	4,0	4,0	4,8	4,2	
	Передняя носовая ость (1—5)	5	—	5	5	5,0	4	—	5	4?	
	Нижний край грушевидного отверстия	Ant	Ant	Ant	Ant	Ant 100%	Ant	F. p.	Ant	Ant	
	Наружный затылочный бугор (0—5)	4	0	5	5	3,5	0	3	—	—	
	Развитие сосцевидного отростка (1—3)	3	2	3	3	2,75	2	3	2	—	

предела вариаций (от 20,6 мм до 34,6 мм) — 14,2 мм. Угол выступания носа большой (25°). Рельеф черепа слабый.

В общем череп грацильный европеоидный, может быть, с легкой монголоидной примесью.

2. Череп молодой женщины (adultus) из кургана 2, сосуд 1, крупный, характеризуется большими продольным (178 мм), поперечным (140 мм) и очень большим височным (136 мм) диаметрами. Черепной указатель средний (78,6) — мезокраний. Верхняя высота лица большая (72 мм) при малом скуловом диаметре (121 мм), верхнелицевой указатель очень большой (59,5 — лептен), что характеризует высокоузкую форму лица. Высота носа большая (52 мм) при средней его ширине (25 мм), носовой указатель средний (48,0). Ширина орбиты средняя (36 мм) при средней

высоте (34 мм), указатель большой (89,5). Назо-малярный и зигма-максиллярный углы очень малые (135,4 и 121,8°). Кльковая ямка неглубокая (3,4 мм — ниже среднего). Углы лба и общий лицевой угол большие (84 и 86°). Угол выступания носа большой (27°) при среднем дакриальном указателе (50,9), нижний край грушевидного отверстия антропной формы. Рельеф черепа выражен слабо. Череп можно охарактеризовать как европеоидный, переходного характера от восточносредиземноморского к расовому типу среднеазиатского междурия.

3. Женский череп из кургана 2, сосуд 5, принадлежит пожилой женщине (maturus), у которой не прорезались третьи коренные зубы. Череп пентагоноидный, три основных диаметра средней величины (продольный

Тарым-кап													Суммарно				
мужские						женские						М	М				
основные		оссуарные				М	основные		оссуарные					М	подобные, курган 9	мужские М	женские М
курган 14	курган 18	курган 19	курган 1, погреб 2	курган 2, сарай 4	курган 3		курган 22	курган 1	курган 2, сарай 4	курган 2, сарай 5	М						
—	84	—	87	89	88,3	—	—	86	87	88	87,0	83	88,8	86,3			
—	82	—	75?	83	80,5	—	—	82	87	82	83,7	83?	79,8	80,0			
—	58?	—	54	51?	58,0	—	—	61	59	57	59,0	41?	54,9	60,3			
—	26	—	33	39	29,3	—	—	25	27	29	27,0	42	32,0	24,3			
—	105,0	96,0	100,7	100,0	100,0	93,0	90,8	98,7	95,0	97,0	94,9	98,0	101,5	95,3			
—	20,0	20,8	20,8	19,0	20,2	15,0	19,5	18,0	19,5	20,4	18,5	21,0	29,8	17,4			
—	138,2	133,1	135,0	138,4	135,9	144,3	133,5	140,0	135,4	134,4	137,5	133,7	135,4	140,0			
—	109,3	93,0	100,2	96,0	99,8	—	89,5	96,2	93,5	94,4	93,4	95,0	100,6	92,8			
—	26,0	25,7	28,0	25,3	25,04	—	23,0	23,3	26,0	25,4	24,43	25,0	24,2	23,34			
—	129,1	122,2	121,7	126,2	126,9	—	125,6	128,3	121,8	123,4	124,8	124,5	128,9	126,7			
4,9	5,0	6,0	3,3	7,2	5,13	—	5,3	3,3	3,3	1,0	3,23	2,0	5,04	3,38			
—	9,5	8,0	6,3	10,4	8,78	—	10,8	8,5	11,4	9,4	10,03	4,0	9,08	10,02			
—	52,6	75,0	52,4	69,2	59,5	—	49,1	38,8	28,9	10,6	31,9	50,0	57,1	33,5			
—	—	9,0	12,5	15,0	11,83	—	—	3,31	11,0	9,6	7,97	5,1	12,81	7,97			
21,0	—	18,5	21,0	18,6	20,37	—	—	23,2	21,6	21,4	22,07	33,2	20,97	22,07			
45,2	—	48,7	59,5	80,6	58,2	—	—	14,2	50,9	44,9	36,7	15,4	60,9	36,7			
20,4	22,3	20,0	19,0	—	20,06	—	—	21,2	21,1	18,0	20,10	22,0	20,80	20,10			
8,0	1,6!	8,0	9,3	—	7,38	—	—	0,6!	7,8	5,5	4,63	1,5!	8,79	4,63			
39,2	7,2	40,0	48,9	—	37,8	—	—	2,8!	37,0	30,6	23,5	6,8!	43,0	23,5			
(2,7?)	3,8	25,1	1,6	5,0	8,1	—	3,0	2,6	18,8	2,1	6,3	2,7	12,4	6,1			
Ов.	Ов.	Пент.	Пент.	Эурип.	—	—	Эурип.	—	Эурип.	—	Пент.	Ов.	—	—			
61	5	3	3	2	3,75	1	2	2	2	2	1,80	1	4,17	1,83			
3	2	3—2	2	1	2,25	1	1	1	1	1	1,00	1	2,42	1,20			
(2,5?)	8,0	7,5	4,0	2,9 пр.	5,1	3,0	4,0	6,9	3,4	4,0	4,26	6,4	4,97	4,2			
—	4	5	5	5	4,67	—	4	—	2	3	3,00	4	4,78	3,25			
F. p.	Ant	Ant	Ant	Ant	P. p.	—	Ant	Ant	Ant	Ant—F. p.	Ant.	Ant	—	—			
4	0	—	3	2	2,4	—	0?	1	0	2	0,75	1	2,89	0,60			
3	3	—	3	3	2,8	1	1	2	2	2	1,60	3	2,80	1,67			

173 мм, поперечный — 134 мм, высотный — 130 мм), черепной указатель средний (77,5 мм) — мезокраний. Верхняя высота лица большая (69 мм); скуловой диаметр средний (125 мм), верхнелицевой указатель большой (55,2 мм). Высота носа, его ширина и указатель средние (50 мм, 24 мм, 48,0 мм). Ширина орбиты средняя (39 мм), высота — малая (31 мм), орбитный указатель малый (79,5 мм), орбиты низкие. Назо-малярный угол очень малый (134,4°), зигмаксиллярный очень малый (123,4°), средняя клячковая ямка (4,0 мм).

Угол профиля лба и общий лицевой угол средние (83 и 86°), угол выступания носа большой (29°). Череп черепа выражен слабо. Череп европеоидный, переходный тип от

восточносредиземноморского к расовому типу среднеазиатского междуречья.

и зигмаксиллярный углы очень малые (133,7 и 124,5°). Клячковая ямка очень глубокая (6,4 мм). Угол профиля лба большой (86°), общий лицевой угол средний (83°), угол выступания носа, по-видимому, очень большой (42°), передненижняя ость большая (балл 4), нижний край грушевидного отверстия антропийный. Рельеф черепа в общем слабо выражен, за исключением соседних отростков (балл 3). Череп европеоидный³².

³² В обработку средних данных нигде не включен, так как датировка этого черепа более поздняя.

Приную благодарности Ю. А. Дурново за статистическую обработку материалов и составление основных таблиц.

КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКОВ ТАРЫМ-КАЯ II И III

Возвышенность Тарым-кая, расположенная на юго-западной окраине левобережного Хорезма, как и многие возвышенности Присарыкамьшской дельты Амударьи (Бутентау, Шахсенем-гыр, Гяур-гыр и др.), представляет собой останец, вытянутый в меридиональном направлении, длина которого около 35 км. Поверхность плато имеет слабый наклон на север и восток. Юго-западная часть возвышенности заканчивается вертикальным обрывом высотой 50 м¹.

Как и на многих других возвышенностях северо-западной Туркмении, курганы на Тарым-кая расположены по краю или вблизи обрыва, группами или одиночно; число их достигает иногда нескольких десятков². Насыпи небольшие, чаще распылившиеся, круглые и овальные в плане, диаметром 4—10 м, высотой от 0,2 до 0,5 м. На поверхности их встречаются небольшие каменные плиты и обломки круговых или лентных сосудов. Некоторые насыпи развеены, и тогда в центре их выступает разрушенный верх сосудов — костехранилищ.

Курганы на Тарым-кая разновременные, о чем свидетельствуют обряды захоронения и сопровождающий погребения инвентарь. Под насыпями можно встретить: труположения в небольшой и неглубокой яме или на древней дневной поверхности; захоронения в сосудах-оссуариях, поставленных на древней дневной поверхности или в специально выкопанных в материке ямах.

В юго-западной части возвышенности, в 1972 г., на самой высокой части обрыва, на его краю, в 8 км западнее спуска Гок-ёл, в группе Тарым-кая II были раскопаны два кургана.

Курган 1 представляет собой полусферической формы рыхлую земляную насыпь со щебнем, диаметром 6 м, высотой около 1 м, обложенную мелкими кусками плитняка. В центре насыпи — неглубокая могильная яма прямоугольной формы с округленными углами, вытянутая меридионально. Длина 1,5 м, ширина 0,65 м, глубина 0,3 м. Погребенный лежал скрещенно, на правом боку, головой на юг (рис. 1). Правая рука у локтя слегка согнута, левая вытянута вдоль тела, фаланги пальцев обеих рук находились у бедра. Перед лицом погребенного стояла глиняная лентная круглодонная чаша (рис. 2, 2). Глина темно-серая с примесью дресвы. Поверхность сосуда покрыта кремоватозерозовым ангобом. Диаметр устья чаши 16 см. По форме этот сосуд близок находкам на стоянке эпохи поздней бронзы Базар I (Хорезм), которая ориентировочно датруется XI—X вв. до н. э.³

Обряд захоронения — положение покойника на правом боку, головой на юг, с сильно согнутыми ногами и вытянутыми вдоль тела руками — напоминает погребения на Кара-депе I и II у Артыка⁴, датируемые значительно более ранним временем, чем стоянка Базар I.

Отсутствие уникальной форма сосуда и слабая изученность курганных памятников Туркменистана затрудняют датировку кургана 1 в более узких хронологических рамках, чем эпоха бронзы в целом.

Курган 2 расположен в 10 м северо-западнее кургана 1. Поверхность насыпи щебнистая, мелкие обломки камней сконцентрированы

¹ См.: Низовья Амударьи, Сарыкамьш, Узбой, История формирования и заселения человеком. — МХЭ, 1960, вып. 3, с. 162—164 и карта.

² Курганы в северо-восточной части возвышенности Тарым-кая были впервые обследованы в 1970 г. сотрудниками совместного археологического отряда Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР (Б. И. Вайнберг) и Института истории им. Ш. Батурова АН Туркменской ССР (Д. Дурдыев, Х. Юсупов). В 1972 г. отряд Института истории обнаружил курганы в юго-западной части возвышенности.

³ Низовья Амударьи..., с. 123, рис. 65, 9.

⁴ Массон В. М. Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1955—1957 гг.) — Труды ЮТАРЭ, 1960, т. X, с. 334, 340, 380.

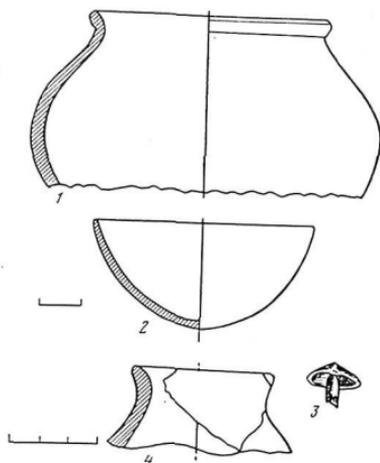

Рис. 2. Могильник Тарым-кая II. Находки из погребений

1, 2, 4 — керамика; 3 — железный гвоздь; 1 — курган 2; 2 — курган 1; 3, 4 — курган 4

Рис. 1. Могильник Тарым-кая II. Курган 1. Расширенное погребение

в центре и на склонах. Диаметр кургана 7 м, высота около 1 м.

Раскопками выявлены остатки каменного сооружения (северо-восточный угол), северная стена которого уцелела на протяжении 1 м, а восточная — 1,5 м. Сохранилось 3—4 ряда кладки общей высотой 0,5 м из плашмя положенных камней. Погребение, по-видимому, разграблено. Почти в углу, на материке, среди камней лежал череп (без нижней челюсти). В насыпи, на разных уровнях, найдены мелкие обломки костей и фрагменты двух сероглиняных лениных сосудов (рис. 2, 1). Их венчики слегка отогнуты наружу, диаметр горла равен 15—18 см, дно, судя по найденным обломкам, круглое. Глиняное тесто с примесью дресвы, черепок в изломе темно-серый. Облик костровый. Внешняя поверхность сосудов покрыта кремовато-розоватым ангобом. По горлу и плечикам идет широкая законченная полоса. Эти сосуды по форме и фактуре находят себе параллели

среди материалов из поселений Кубсай 2⁵ и из некоторых курганов на возвышенности Тумек-кичдждик, датированных тем же временем, т. е. VII—VI вв. до н. э.⁶ Ориентировочно курган 2 датируется серединой I тысячелетия до н. э.

Весной 1974 г. в этой же группе было раскопано еще несколько курганных насыпей.

Курган 3 расположен в 5 м северо-восточнее кургана 1. Диаметр насыпи 6 м, высота около 0,5 м. Щебнистая насыпь полусферической формы покрыта мелкими кусками плитняка. Под насыпью, в центре, на древней дневной поверхности под небольшими кусками плитняка

⁵ Вайнберг Б. И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме. — АО 1971 г. М., 1972, с. 531, 532; Она же. Кулсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи. — НСА, 1975, в. 3, с. 44—45; рис. 15.

⁶ Вайнберг Б. И. Могильник Тумек-кичдждик в Северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973.

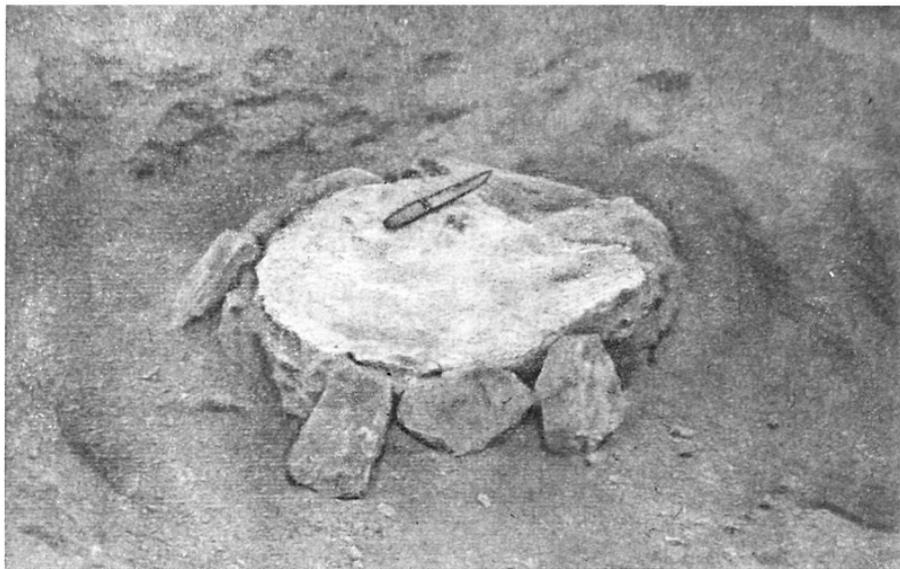

Рис. 3. Могильник Тарым-кая II, курган 4. Вид после раскопок

обнаружены беспорядочно разбросанные обломки длинных костей и череп человека, очень плохой сохранности. Там же найдены фрагменты железного предмета, видимо, ножа. Курган ограблен и содержал, вероятно, захоронение на древнем горизонте.

Курган 4 раскопан в юго-западной части этой же группы, в 50 м западнее курганов 1—3, в 5 м от края обрыва. Насыпь расильчатая, округлой формы диаметром 5 м, высотой 0,3 м. При раскопках найдено три фрагмента лепного горшочка (рис. 2, 4), по форме и фактуре аналогичного узбойским.

Под насыпью, в центре, обнаружена овальная в плане ($1 \times 0,8$ м) плита из ракушечника, лежащая на поставленных ребром по краю ямы небольших плитках, к которым прилеплены еще несколько плиток. В овальной ($1,4 \times 0,8$ м), суживающейся к низу (глубина 0,5 м) яме, вырытой в слоестом скальном грунте, стоял сосуд, перекрытый упомянутым сооружением из плитняка (рис. 3). Его нижняя, вкопанная в землю часть для устойчивости была утрамбована мелкими обломками плитняка.

Сосуд крупный, красноглиняный, сделан на гончарном круге, покрыт красновато-кремовым

ангобом. Он имеет несколько отогнутый округлый валикообразный венчик, короткую шейку, округлое тулово и плоское широкое дно (рис. 4, 3). На горле расположены крестообразно четыре отверстия. В нижней части плечиков еще по сырой глине были процарапаны две горизонтальные параллельные линии. От них отогнутые вправо под углом к горлу идут частые вертикальные отрезные линии, сходящиеся под венчиком в пучок. Верхняя часть плечика и венчик покрыты красной краской. От них, покрывая тулово сосуда, спускаются небрежно нанесенные красной краской спирали. Сосуд был наглухо закрыт дисковидной алебастровой крышкой, закрепленной алебастровым раствором. Внутри сосуда обнаружены длинные кости и череп, все хорошей сохранности. Там же найден железный гвоздь со шляпкой (рис. 2, 3) и темный тлен, видимо, от куска кошмы.

Курган 5 расположен северо-западнее кургана 4 и представлял собой расплывшуюся круглую насыпь диаметром 5 м, высотой 0,2—0,3 м. На поверхности разбросаны обломки лепного сосуда, сделанного из глины с примесью известковых частиц. Черенок снаружи покрыт красноватым ангобом. В центре кургана обнаружена сохранившаяся часть этого сосуда, по которой удалось восстановить его форму. Он имел широкое горло, слегка отогнутый край венчика и

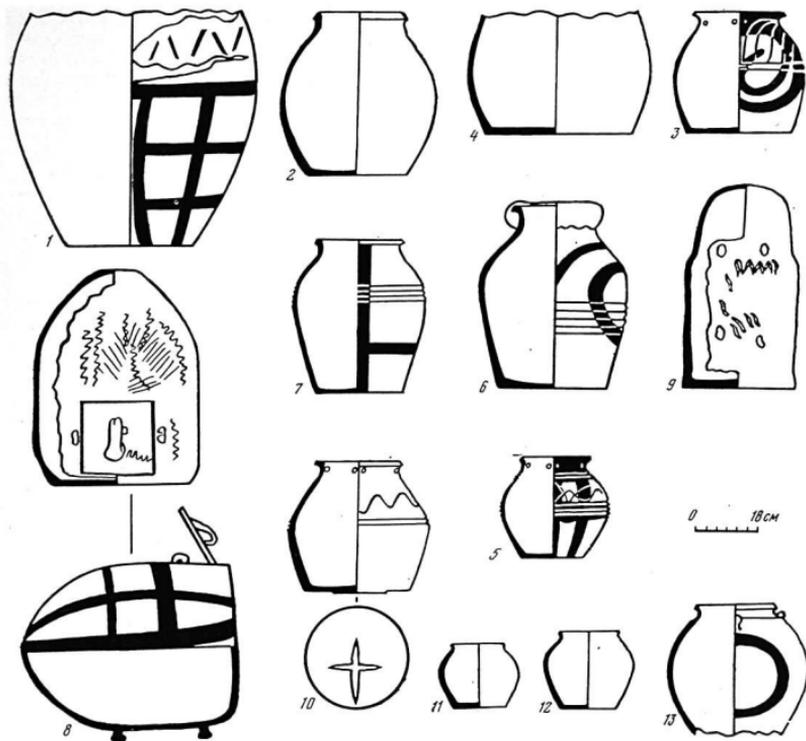

Рис. 4. Сосуды-костехранилища из могильников Тарханская (далее Т-к) II и III

1 — Т-к III, курган 2; 2 — Т-к II, курган 9; 3 — Т-к II, курган 11; 4—6, 8, 10 — Т-к III, курган 10; 7 — Т-к III, курган 11; 9 — Т-к II, курган 6; 11 — Т-к II, курган 5; 12 — Т-к II, курган 7; 13 — Т-к III, курган 12

плоское дно (рис. 4, 11). Сосуд, внутри обмазанный алебастром, содержал длинные кости и череп человека, все очень плохой сохранности.

Примерно в 100 м юго-восточнее кургана 1, вблизи обрыва, обнаружено пять небольших курганных насыпей. Крайняя юго-восточная из них — курган 6 — имеет расплывшуюся форму, диаметр 2 м, высота 0,1—0,2 м. В центре насыпи виден оссуарий, верхняя часть которого разрушилась. Черепок в изломе красновато-коричневатый, покрыт ангобом того же цвета. Большая часть оссуария имеет форму цилиндра со срезанным концом, остальная, образуя уступ, сужается и имеет округлую форму (рис. 4, 9; рис. 5).

В нижней части оссуария сохранились следы от четырех цилиндрических пожек, между которыми процарапаны какие-то знаки. Внутри оссуария лежали длинные кости и череп, все очень плохой сохранности.

В 15 м западнее кургана 6 расчищена небольшая расплывшаяся насыпь — курган 7. Диаметр около 3 м, высота 0,2 м. В центре насыпи торчал небольшой камень, рядом с которым был виден верхний край сосуда. Расчистка обнаружила небольшого размера лепной сосуд (рис. 4, 12), по форме и фактуре аналогичный сосуду из кургана 5. В сосуде — череп и длинные кости очень плохой сохранности.

Курган 8 расположен в 10 м западнее кургана 7, его насыпь округлой формы, диаметр 5 м, высота 0,3 м. В центре кургана, на древней дневной поверхности, под небольшими кусками плитняка лежал череп. Нижняя челюсть и

кости скелета отсутствуют, сопровождающего инвентаря нет.

Примерно в 1 км к востоку от курганной группы Тарым-кай II раскопан одиночный курган 9. Форма насыпи полусферическая, диаметр 4 м, высота 0,4 м. Насыпь рыхлая с щебенистой поверхностью, покрыта кусками плитняка. Под насыпью, на древнем горизонте, в центре находится крупный красноглиняный круговой сосуд (рис. 4, 2), обложенный тоненькими, поставленными на ребро, плитками. Сосуд имеет уплощенный, треугольный в сечении венчик, округлое тулово и плоское дно. Внутри сосуда кости⁷ и три черепа, все они хорошей сохранности.

В 2 км восточнее курганной группы Тарым-кай II и в 6 км западнее спуска Гок-ёл в 1974 г. была обследована курганная группа Тарым-кай III, состоявшая из пяти курганов, расположенных на небольшом расстоянии (5—10 м) друг от друга. Четыре из них просматриваются при косых лучах света как еле заметные пятна, один имеет полусферическую форму, его поверхность покрыта мелкими обломками плитняка. Крайний северо-западный из этих пяти курганов, курган 10, представлял собой расплывшуюся рыхлую со щебнем насыпь, диаметр которой 5 м, высота 0,3 м. На поверхности попадались обломки красноглиняных круговых сосудов.

После расчистки насыпи в центре на уровне погребенной почвы (в 0,2 м, выше скального материка) обнаружена нижняя половина крупного гоначарного сосуда красновато-коричневого цвета (рис. 4, 4) с обломками человеческих костей, не поддающихся определению. С четырех сторон его окружали выкопанные в твердом (скальном) материке ямы округлой, овальной или подквадратной формы, в которых стояли оссуарии (рис. 6). Западные центрального сосуда между северо-западной и юго-западной ямами, на скальном материке лежал череп хорошей сохранности.

Юго-западная яма овальной формы, ориентирована широтой, к дну сужается, глубина 0,35 м. Размеры по верху: запад — восток 1,2 м, север — юг 0,85 м. Размеры по полу: запад — восток 0,72 м, север — юг 0,62 м. В этой яме стоял крупный оссуарий (рис. 4, 8), с виду напоминавший неправильный куб. Одна из его сторон имеет округлую форму. К донной части оссуария прикреплены четыре цилиндрические попки. Сверху оссуарий покрыт квадратной «дверцей» (21×21 см), которая была вырезана по сырой глине в тулове оссуария. По сторонам квадратного выреза были сделаны небольшие

падения со сквозными отверстиями. В середине «дверца» — овальная в сечении ручка. Верхняя часть оссуария покрыта волнистыми и косыми (ломаными) штрихами орнамента, там же местами сохранились следы красной краски в виде вертикальных и горизонтальных полос.

«Дверца» оссуария закреплена алебастровой обмазкой. Внутри него лежали длинные кости и два черепа. Если оссуарий поставить округлым конусом вверх, то его форма и «дверца» наводит на мысль о кибитке.

Северо-западная яма имела подквадратную форму и глубину 0,25 м. Ее размеры: северная, южная и западная стенки 0,6 м, восточная 0,5 м. В ней помещался крупный красноглиняный круговой сосуд, хорошо обожженный. Он имел округлый бережок, подтреугольный в сечении венчик, округлое тулово и плоское, слегка подрезанное дно (рис. 4, 6). В широкой части тулова видны неглубокие горизонтальные бороздки, образующие орнаментальный пояс. На внутренней поверхности венчика и горла сохранились следы красной краски, внешняя поверхность сосуда украшена довольно широкими, свернутыми в спираль лентами красновато-коричневого цвета. Сосуд был закрыт алебастровой крышкой. Поверхность крышки вместе с нижней частью венчика дополнительно обмазана толстым слоем алебастра. Поверх крышки были положены обломки плитняка. Сосуд содержал длинные кости и два черепа хорошей сохранности.

Северо-восточная яма округлой формы, ее диаметр 0,5×0,43 м, глубина 0,15 м. В яме стоял небольшой красноглиняный, изготовленный на круге, горшок, закрытый алебастровой крышкой (рис. 4, 5). Он имеет уплощенный и слегка отогнутый венчик, плоский бережок, шаровидное тулово, плоское дно. По горлу крестообразно размещены четыре отверстия; одно такое отверстие было на дне. Сосуд сделан из глиняного теста хорошего качества, равномерно обожжен, его внешняя поверхность покрыта светлым ангобом. По плечам и в широкой части тулова шел орнаментальный пояс из двух-трех горизонтальных прочерченных линий. Между ними в той же технике были нанесены пересекающиеся волнистые линии, иногда образующие рисунок типа восьмерки. Венчик и горло сосуда изнутри и снаружи покрыты красной краской. Горизонтальная полоса краски нанесена в широкой части тулова, от плечиков ко дну спускаются шесть вертикальных красных полос. Сосуд содержал длинные кости и череп хорошей сохранности.

Юго-восточная яма круглой формы, ко дну сужается. Ее диаметр вверху 0,5 м, внизу 0,35 м, глубина 0,27 м. В яме стоял крупный, круговой, красноглиняный призмистый сосуд

⁷ Позвоночные кости лежат в правильном анатомическом порядке.

Рис. 5. Могильник Тарым-кая II, курган 6. Осуарий

Рис. 6. Могильник Тарым-кая III, курган 1. Вид после раскопок

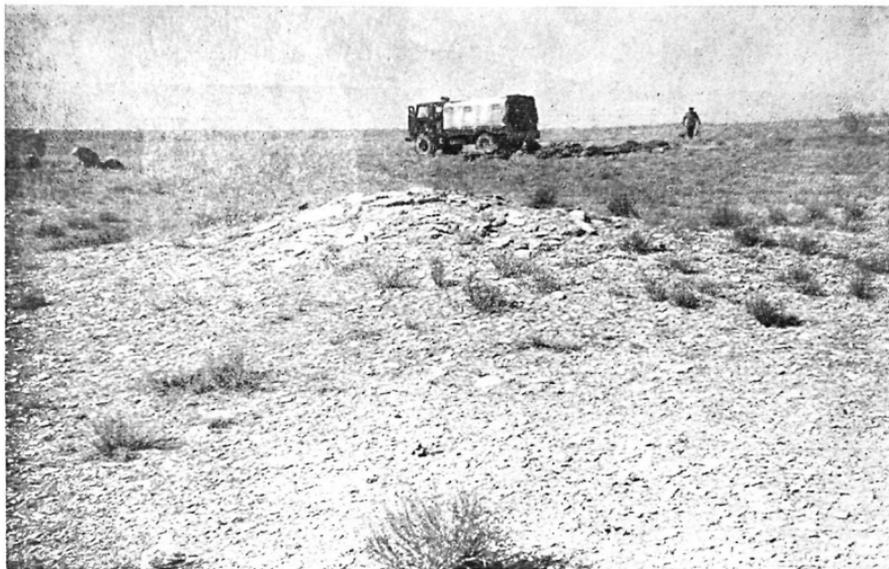

Рис. 7. Могильник Тарым-кая III, курган 2. Вид до начала раскопок

со слегка отогнутым подквадратным в сечении венчиком, с плоским бережком и широким плоским дном (рис. 4, 10). По плечам нанесены две горизонтальные прочерченные полосы, над ними — волнистый процарапанный орнамент. На дне сосуда — рельефный крест. Сосуд был закрыт дисковидной алебастровой крышечкой. Внутри него — длинные кости и череп.

В этой же курганной группе раскопана крайняя юго-восточная насыпь — курган 11, полу-сферической формы, диаметр 6 м, высота около 1 м. Поверхность насыпи сплошь покрыта небольшими обломками плитняка (рис. 7). После расчистки, в центре, на древнем горизонте, были обнаружены два прижатые друг к другу сосуда. Один из них, более крупный, видимо хум, с разрушенной верхней половиной (рис. 4, 1). Глиняное тесто в изломе кремовое. Сосуд равномерно обожжен, его внешняя поверхность покрыта светлым ангобом.

Нижняя половина сосуда покрыта орнаментом в виде решетки, нанесенной красной краской, выше идут отрезки примых под углом друг к другу. Второй сосуд, поменьше (рис. 4, 7), с подквадратным в сечении венчиком, с плоским бережком, с плоским, слегка подрезанным

дном; черепок в изломе красовато-кирпичный, поверхность сосуда покрыта светлым с грязноватым оттенком ангобом. На перегібе плеч сосуда — орнаментальный пояс из четырех прочерченных горизонтальных прямых. На горловой части сосуда изнутри и снаружи сохранились еле заметные следы росписи. От горла до дна красно-коричневой краской проведены четыре вертикальные, а в пижней части тулова — одна горизонтальная полосы. В большем сосуде лежали длинные кости и два черепа, в меньшем — длинные кости и один череп.

Курган 12 расположен в 5 м западнее кургана 11, диаметр насыпи 3 м, высота 0,2 м. После расчистки, в юго-западном секторе кургана, на древнем горизонте обнаружен круговой сосуд (рис. 4, 13), имевший треугольный в сечении венчик, округлое тулово, плоское дно. Переход от плечиков к шейке — в виде уступчика, где расположены четыре крестообразно поставленные отверстия с вертикальными напелами. На тулове сосуда красной краской нанесены три круга.

Весь комплекс керамических сосудов-оссуариев из раскопок Тарым-кая II и III аналогичен керамике раннеантичного Хорезма. Это дает основание датировать курганы с оссуарными захоронениями могильников Тарым-кая II и III рубежом V—IV вв. до н. э.

РАННИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ КУРГАННОЙ ГРУППЫ МОГИЛЬНИКА ТУЗ-ГЫР

В 1966 г. при раскопках юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр, расположенного на одноименной внутридельтовой останцово-возвышенности в древней Присарыкамышской дельте Амударьи, среди курганов с подобными и катакомбными захоронениями оказались два, содержащие ямные погребения и отличавшиеся от остальных по обряду захоронения и хронологически. Курганы эти — 17 и 19 — заслуживают особого рассмотрения¹.

Юго-западная курганная группа как бы распадается на две части: цепочку курганов вдоль южного обрыва возвышенности и компактную группу тесно расположенных курганов чуть севернее восточного конца цепочки. Интересующие нас курганы расположены в южной части этой компактной группы². Так как последняя раскопана полностью, можно предполагать, что здесь больше подобных захоронений нет.

Курган 17 представлял собой слабо выраженный расплывчатый холмик овальных очертаний, вытянутый в широтном направлении и едва возвышавшийся над уровнем окружающей поверхности. Центральная часть его была усыпана мелким известняковым щебнем.

Диаметр курганной насыпи в направлении с севера на юг составил 7,50 м, с запада на восток — 9,40 м; наибольшая высота над уровнем древней дневной поверхности 0,40 м. Насыпь состояла из песка с мелкими известковыми вкраплениями, уплотненного в верхней части (рис. 1, А, Б).

Под восточной половиной насыпи располагалась могильная яма. Очевидно, переваливание насыпи шло в западном направлении. Древняя дневная поверхность вокруг ямы была подчищена и выровнена. На ней сохранился тонкий слой коричневого древесного тлена шириной от 0,60 м до 0,90 м. Контуры пятна древесного тлена повторяли очертания ямы. На этом слое, примерно против середины восточной стенки ямы, лежало несколько костей животных, а еще восточнее, уже за пределами полосы древесного тлена, в слое насыпи было пятно переотложженной гари — золы и угольков, смешанных с песком, — диаметром 0,70 м. Второе такое же пятно диаметром 0,50 м располагалось к западу от северной части ямы, также за пределами полосы древесного тлена.

В насыпи были найдены два фрагмента лепного сосуда и фрагмент стенки круглого сосуда кюзеингырского типа.

По-видимому, все это можно рассматривать как следы тринзы. Могильная яма узкая, прямоугольная, со слегка скругленными углами и чуть наклонными стенками. Длина ее на поверхности 2,45 м, на дне 2,10 м, ширина соответственно 1,20 м и 0,90 м, глубина 1,24 м. Яма ориентирована в направлении с севера на юг с небольшим отклонением на северо-северо-запад — юго-юго-восток, азимут продольной оси ямы 351°.

В заполнении могильной ямы — песок с мелкими известковыми вкраплениями, как и в самой курганной насыпи. Зафиксированный вокруг ямы на древней дневной поверхности слой древесного тлена спускался по стенкам ямы на 0,20 — 0,40 м, причем на ее южном краю удалось проследить древесные волокна, которые шли поперек ямы. Визуально же древесный тлен перекрывал погребение по всей площади. Таким образом, первоначально могильная яма оставалась незащищенной и была перекрыта накатом из поперечных жердей. Под тяжестью насыпи перекрытие, видимо, сначала просело

¹ Раскопки могильника Туз-гыр производились в 1965—1966 гг. отрядом Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР под руководством В. А. Лохвица. Курганы 17 и 19 раскопаны О. А. Вишняковой.

² Логовцу В. А. Новые данные о подобных погребениях в Туркмении. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 156—157, рис. 1; см. также: Логовцу В. А., Халанова А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр. Настоящий сборник, с. 111, табл. 1, а.

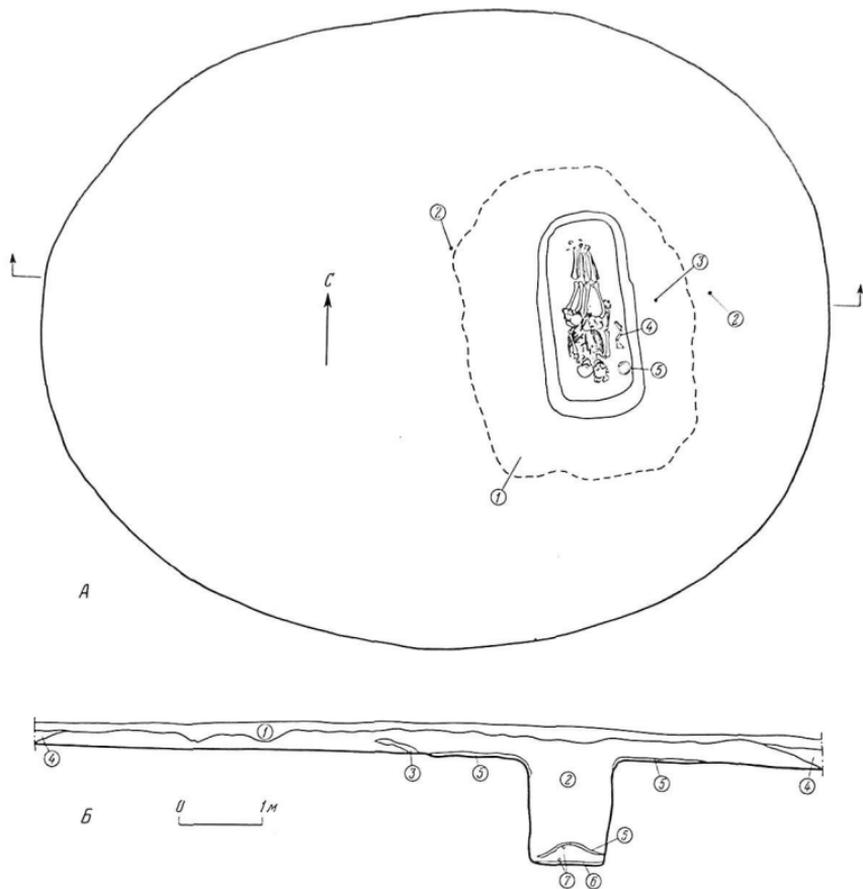

Рис. 1. Курган 17

А — план: 1 — пятно деревянного тлена; 2 — пятна переотложившей гари; 3 — кости животных; 4 — лопатка и кость ноги овцы; 5 — круговая чаша; Б — разрез: 1 — уплотненный верхний слой насыпи; 2 — песок с мелкими известковыми вкраплениями; 3 — песок с золой и угольками; 4 — наветренный песок; 5 — деревянный тлен; 6 — камышовая подстилка; 7 — кости погребенных

над незащищенной ямой, а затем и провалилось, перекрыв погребение: сверху лег грунт насыпи.

На дне могильной ямы находилось непотревоженное парное захоронение, очевидно, совершенное одновременно. Погре-

бленные лежали на дне могильной ямы на камышовой подстилке головами на юг с небольшим отклонением к юго-юго-востоку, составлявшим 9° . Один из них, по-видимому мужчина, лежал с восточной стороны вытянуто на спине, с вытянутой вдоль тела правой рукой и несколько согнутой в локте левой, кисть которой находилась на костях таза. Второй, скорее всего женщина, — с западной стороны, вытянуто на правом боку, поверх левого плеча и левой руки первого. Руки немного согнуты в локтях, кисти рук — на тазовых костях.

Справа от головы первого погребенного стояла круговая чаша, а рядом с его правой

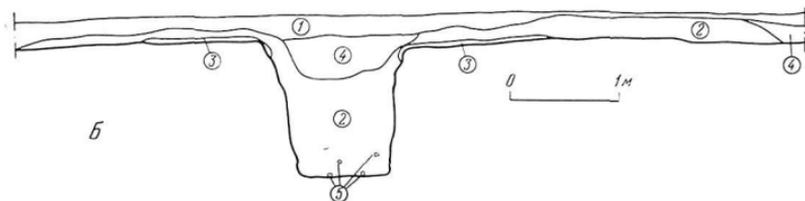
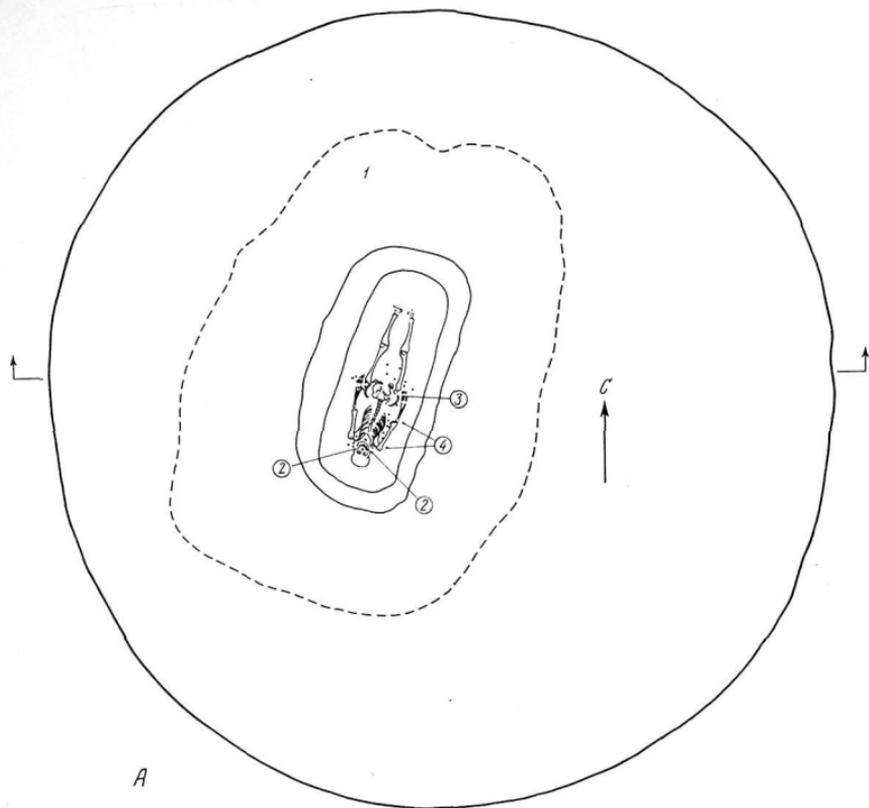

Рис. 2. Курган 19

А — план: 1 — растительный тлен; 2 — серги; 3 — перстень; 4 — бусины; Б — разрез: 1 — уплотненный верхний слой; 2 — песок с мелкими известковыми вкраплениями; 3 — растительный тлен; 4 — песок; 5 — кости погребенных

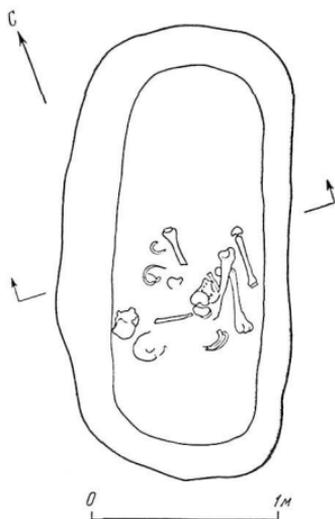

Рис. 2. Курган 19. План разрушенного впускного погребения

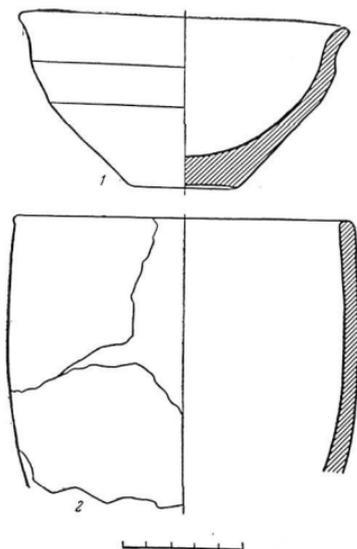

Рис. 3. Керамика из кургана 17
1 — круговая слегкаобгибованная чаша; 2 — дешный сосуд

рукой лежали кости передней ноги овцы с лопаткой — заушковая пища.

Курган 19 расположен рядом с курганом 17, к западу от него. До раскопок курган выглядел плоским пятном, усыпанным известняковым щебнем. Диаметр кургана по линии запад — восток 7, 10 м, наибольшая высота над уровнем древней дневной поверхности 0,25 м.

Насыпь состояла из песка с мелкими известковыми вкраплениями, уплотненного в верхней части (рис. 2, А, Б).

Могильная яма была сдвинута от центра кургана к западу примерно на 1,00 м. Вокруг нее на древней дневной поверхности прослежен тонкий слой истлевших растительных остатков шириной 1,00—1,20 м. Яма узкая, подпрямоугольная со скругленными углами и несколько наклонными стенками ориентирована в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад, азимут продольной оси ямы 18° , длина на поверхности 2,46 м, на дне 2,05 м, ширина соответственно 1,24 м и 0,80 м глубина от древней дневной поверхности 1,40 м. Лежавший вокруг могильной ямы на уровне древней дневной поверхности слой истлевших растительных остатков спускался по ее стенкам на 0,20 м и далее нигде в яме больше не прослеживался. Заполне-

ние ямы на высоту 0,90—1,00 м составлял грунт просевшей насыпи — песок с мелкими известковыми вкраплениями. Выше располагалась воронка глубиной 0,40 м, затянутая песком, уплотненным в верхней части. Образовалась ли она в результате просадки насыпи в яму или явилась результатом деятельности грабителей — сказать трудно.

На дне могильной ямы располагалось не потревоженное одиночное захоронение, судя по характеру погребального инвентаря, женское. Погребенная лежала вытянута на спине, головой на юг с небольшим отклонением, составлявшим 18° , к юго-юго-западу. Руки вытянуты вдоль тела. Никаких следов какой-либо подстилки не обнаружено.

По обе стороны черепа были найдены серьги, на фаланге безымянного пальца правой руки — сильно разрушенный перстень. Кроме того, в погребении найдено свыше 200 бусин и несколько подвесок от рассыпанного ожерелья, лежавших в основном в области шеи и груди, а также вдоль рук и около запястья левой руки. Последние возможно принадлежали рассыпанному браслету.

Помимо основного захоронения на дне могильной ямы, в ее заполнении, в южной поло-

вине, на глубине от 1,00 м до 1,20 м обнаружены остатки повторного (рис. 2а) или повторных захоронений в виде разрозненных человеческих костей (в том числе два черепа), принадлежавших одному взрослому и двум детям. Возможно, что эти верхние погребения подверглись ограблению: над ними в разрезе как будто бы прослеживалась затянутая песком воронка, но следует учитывать, что при песчаном заполнении и ямы, и воронки четко проследить их границу практически невозможно. Вместе с костями найдены миниатюрный лепной сосудик, фрагменты бронзового зеркала, две стеклянные бусины и костяная обломанная пряжка с процарапанным на ней изображением бегущей лошади. Все эти вещи, по-видимому, входили в состав погребального инвентаря повторного или повторных захоронений.

Рассмотрим погребальный инвентарь.

Керамика. Чаша из кургана 17 небольшая, открытая, плоскодонная, изготовленная на гончарном круге (рис. 3, 1). Диаметр устья 13,5 см, диаметр донца 4,2 см, высота 7,4—6,6 см. Донце слегка вогнутое, усеченно-коническая придонная часть через сглаженное ребро переходит в более округлую верхнюю, венчик также отделен слабо выраженным сглаженным, напоминающим валик, ребром. Его скругленный край немного отогнут наружу. Чаша изготовлена из тонко отмученной глины с примесью песка и мелко истолченного гипса, принявшей при обжиге коричнево-красный цвет. Стенки снаружи в придонной части сохранили следы подрезки ножом, в верхней части и изнутри — следы пальцев гончара. Наружная поверхность чаши покрыта светлым желтовато-коричневатым ангобом, а внутренняя — густым коричнево-красным. Форма чаши не совсем правильная: один край выше другого, профиль одной стороны более плавный, чем профиль противоположной. Общий облик сосуда архаичен и свидетельствует о том, что мастер недостаточно свободно владел гончарным кругом.

Общий вид чаши, техника ее формовки, обусловленная этой техникой «ребристость», светоаногбированная внешняя поверхность, казалось бы, обнаруживают определенное сходство с архаической (кюзелигирской) посудой Хорезма (VI—V вв. до н. э.). Однако в Хорезме в это время известны только красноаногбированные чаши, так же как и позже в IV—II вв. до н. э.³ Таким образом, чаша из погребения в кургане 17 вряд ли может быть изделием хорезмийских мастеров.

Некоторые аналогии она находит в керамике Маргианы периода Яз II (серднина VII — сере-

дина V в. до н. э.) и Яз III (конец V—IV в. до н. э.).⁴ Большинство признаков свидетельствует о том, что чаша привозная, из южных районов Туркмении. Наличие красного ангоба на ее внутренней поверхности, вероятно, можно рассматривать как поздний признак, но позволяющий датировать ее ранее рубежа V—IV вв. до н. э. Скорее всего, ее следует отнести к IV в. до н. э. — самому концу периода Яз III. Более поздней дате противоречит бы и найденный в насыпи фрагмент стенки сосуда кюзелигирского типа, скорее всего хумчи.

Фрагменты лепного сосуда, найденные в насыпи, не позволяют полностью восстановить его форму (рис. 3, 2). Из поверхности и излом темно-серого цвета. Сосуд имел вертикальные стенки и вертикальный прямой край с плоским горизонтальным срезом. Фрагменты донной части не сохранились. По облику он обнаруживает сходство с сакской керамикой и керамикой куюсайской культуры, распространенной на территории Присарыкамышской дельты в VII—IV вв. до н. э.⁵

Серьги. По обе стороны женского черепа в погребении кургана 19 были найдены серьги, свернутые из серебряной проволоки круглого сечения диаметром 2 мм в форме восьмерки. Большее верхнее овальное несомкнутое кольцо, предназначавшееся для продевания в ухо, имеет размер 2,3 см × 2,1 см, диаметр меньшего нижнего круглого кольца, предназначавшегося для прикрепления подвески, — 1,0 см (рис. 4, 3б). В Хорезме подобные серьги раньше не встречались. Аналогичная бронзовая серьга найдена в Приуралье в савроматском погребении второй половины V в. до н. э. в кургане I первой аляндской группы⁶. Такие серьги, как сообщает К. Ф. Смирнов, встречаются в ананьинской культуре, а также известны из скифских Частьев курганов под Воронежем. Правда, там они имеют несколько более позднюю дату. Золотые серьги такой формы с разнообразными богатыми подвесками содержатся и в Сибирской коллекции Петра I⁷. М. И. Артамонов считает их сакскими и датирует V в. до н. э.⁸

⁴ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, с. 40—41, 48, 89, рис. 30, 70; табл. XXX, 4; XII, 3; XIII, 5.

⁵ См.: Вайнер Б. И. Памятники куюсайской культуры. Настоящий сборник, с. 40, 44, табл. XXIII, 14, 15.

⁶ Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура савроматов. М., 1964, с. 142, рис. 71, 12; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, вып. Д1-9, с. 17, 32, табл. 25, 9.

⁷ Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. — САИ 1962, вып. Д3-9, с. 46—47, 49, табл. XX, 1, 2, 4, 25, 30, 32; XXI, 56—57.

⁸ Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, с. 190, рис. 246, 247.

³ Воробьева М. Г. Дингидже. Усадьба сердины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. — МХЭ, 1973, вып. 9, с. 127—130.

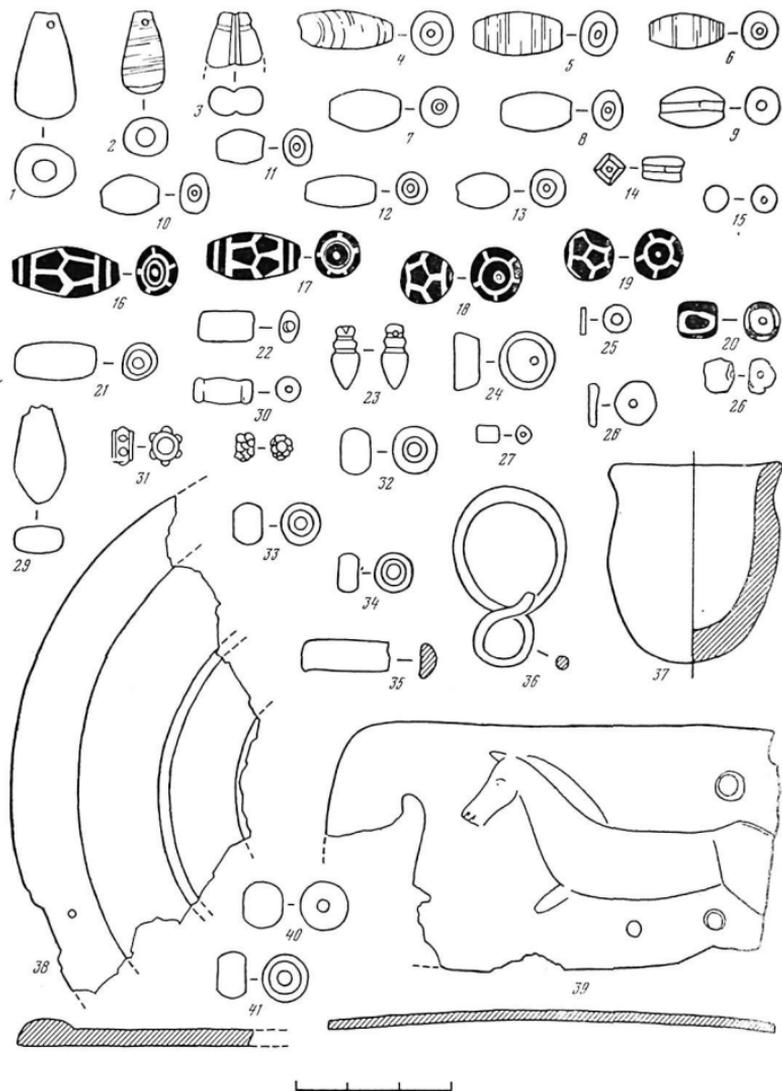

Рис. 4. Инвентарь из кургана 19

1—3, 23, 29, 30 — деревянные; 4—22, 24—28, 31—34, 40—41 — бусины; 1—15 — сердолик; 16—20 — халцедон; 21 — лазурит; 22 — береста; 23, 26—28 — кальцит; 24 — серпентин; 25 — гагат; 29, 30 — стеклянная масса; 31—34, 40, 41 — двуслойное

стекло с внутренней позолотой; 35 — фрагмент железного перстня на бронзовой подкладке; 36 — серебряная серьга; 37 — лещинный миниатюрный сосудик; 38 — фрагмент бронзового зеркала; 39 — роговая пружина; 1—36 — из основного погребения; 37—41 — из внутреннего

Перстень. На пальце правой руки женщины, погребенной в кургане 19, был надет простой гладкий железный на бронзовой подкладке перстень, плоско-выпуклый в поперечном сечении. К сожалению, он очень плохой сохранности и что-нибудь определенное о нем сказать трудно (рис. 4, 35).

Бусы. В основном погребении кургана 19 найдено большое количество бусин и несколько подвесок от рассыпанного ожерелья и, может быть, браслета (на запястье левой руки), всего 220 штук. Среди них преобладают стеклянные, но довольно много и каменных.

Из пород камня представлены: сердолик, халцедон, искусственно окрашенный в черный цвет, с белым, вытравленным содой орнаментом, бирюза, лазурит, белый мрамор или кальцит, черный гагат (гешир) и черный серпентин⁹.

Сердолик нескольких сортов: просвечивающий золотисто-оранжевый, просвечивающий золотисто-оранжевый полосатый, слабо просвечивающий розоватый, слабо просвечивающий розовато-красный. Из сердолика сделаны три подвески (одна фрагментированная) и пятнадцать бусин. Техника обработки поверхности и сверления канала практически одинакова: тонкие цилиндрические каналы просверлены сверлом, направленным осколком алмаза, с одной стороны и досверлены с противоположной, чтобы избежать возможной под сильным нажимом выколки. Направление встречных сверлений обычно не совсем совпадает, и каналы имеют уступчик и «излом» в месте стыка (рис. 4, 9). На поверхности бусин заметны следы шлифовки широкими продольными фасками, полировка очень тонкая и тщательная.

Качество камня и техника обработки свидетельствуют об индийском происхождении расстраиваемых экземпляров. Не исключено, что интенсивность окраски и степень прозрачности достигнуты с помощью специальной термической обработки, способы которой были известны в Индии с древнейших времен (Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, Харappa) и сохранились, как показывают этнографические данные, в кустарном ремесле Индии до сих пор¹⁰.

Подвеска каплевидной формы (рис. 4, 1), слегка сплюснутая, с плоским верхним концом и округлым нижним. Длина 1,95 см, наибольшая ширина 1,20 см, толщина 1,05 см. Просверлена в верхней части. Сделана из красновато-оранжевого, переходящего в розовый, слабо просвечивающего сердолика.

Подвеска аналогичной формы, но меньших размеров (рис. 4, 2). Длина 1,50 см, диаметр 0,85 см. Верхний конец плоский, нижний — округлый, просверлена в верхней части. Сделана из слоистого сердолика с поперечными белыми, розоватыми и оранжево-золотистыми полосами (сардоникс). Аналогичная подвеска была найдена в нижнем слое Кой-Крылганкалы, датирующемся IV—II вв. до н. э.¹¹

Возможно, что обе эти подвески, хотя они и не парные, принадлежали не ожерелью, а служили подвесками к найденным здесь же сергам.

Фрагмент уплощенной расширяющейся книзу подвески с проходящим с обеих сторон посередине вертикальным желобком (рис. 4, 3). Просверлена в верхней части. Длина сохранившейся части 1,10 см, ширина от 0,50 см до 1,10 см, толщина от 0,20 см до 0,60 см, ширина желобка 0,20 см, глубина 0,10 см. Сделана из просвечивающего золотисто-оранжевого сердолика.

Бусина удлиненно-эллипсоидальной формы из полосатого сердолика. Белые, розовые и вишнево-красные полосы расположены наклонно. Длина 1,80 см, диаметр 0,70 см (рис. 4, 4).

Бусина удлиненно-эллипсоидальной формы из полосатого просвечивающего сердолика. Белые, розовые и оранжево-красные полосы расположены в поперечном направлении. Длина 1,70 см, диаметр 0,70 см (рис. 4, 5).

Бусина эллипсоидальной формы из просвечивающего полосатого сердолика. Белые, розовые и красно-оранжевые полосы идут в поперечном направлении. Длина 1,40 см, диаметр 0,50 см (рис. 4, 6).

Три бусины эллипсоидальной формы из просвечивающего розоватого, местами переходящего в вишнево-красный, сердолика. Длина 1,30 см, диаметр 0,70 см (рис. 4, 7—9).

Бусина эллипсоидальной формы из просвечивающего вишнево-красного сердолика. Длина 1,20 см, диаметр 0,60 см.

Бусина укороченно-эллипсоидальной формы из просвечивающего розоватого сердолика с вишнево-красными пятнами. Длина 0,90 см, диаметр 0,60 см (рис. 4, 13).

Бусина уплощенной укороченно-эллипсоидальной формы из просвечивающего розовато-красноватого сердолика. Длина 1,00 см, диаметры 0,60 см и 0,40 см (рис. 4, 10).

Бусина удлиненно-бочковидной формы из просвечивающего розовато-красноватого сердолика. Длина 1,20 см, диаметр 0,50 см (рис. 4, 12).

⁹ Подпись, случаем выразить благодарность В. И. Степанову, любезно определившему каменные бусины.

¹⁰ Arkell A. J. Samsay and the Bead Trade. — *Antiquity*, 1936, v. X, N 39, p. 292—305.

¹¹ Кой-Крылган кады — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХЗ, 1967, т. V, с. 148, табл. XVII, 4.

Бусина укороченно-бочковидной формы из просвечивающего розовато-оранжевого сердолика. Длина 0,80 см, диаметр 0,40 см (рис. 4, 17).

Фрагмент бусины четырехгранно-призматической формы из просвечивающего розовато-красноватого сердолика. Толщина 0,40 см (рис. 4, 14).

Три бусины сферической формы из просвечивающего оранжево-красного сердолика. Диаметр от 0,60 см до 0,50 см (рис. 4, 15).

Все сердоликовые бусины однородны по качеству камня и технике изготовления и относятся к одной и той же группе, которая, по Г. Г. Леммлейну, имеет индийское происхождение и распространена преимущественно в VIII—V вв. до н. э.¹²

В памятниках Хорезма находки подобных бус единичны. Из них можно выделить подвеску, аналогичную той, что изображена на рисунке 4, 2, найденную, как уже упоминалось, в нижнем горизонте Кой-Крылгап-калы, датированном IV—II вв. до н. э. Интересно отметить, что в этом наборе сердоликовых бус полностью отсутствуют характерные для памятников архаической культуры Хорезма (Кюзельгир, VI—V вв. до н. э., Дингильдже, вторая половина V в. до н. э.) бусы из розовато-оранжевого сердолика с белым, протравленным содой орнаментом, встречающиеся изредка и в погребениях сарматов. К этой группе относятся и сердоликовые бусы с памятников куяусайской культуры¹³. В курганах Южного Приуралья позднесарматского и прохоровского времени встречаются как бусы нашей группы, так и характерные для архаических памятников Хорезма. Период распространения бус этих типов в сарматском мире — конец VI—начало III в. до н. э.¹⁴

Следует отметить, что верхняя дата этой группы бус — V в. до н. э., предложенная Г. Г. Леммлейном, по-видимому, отражает лишь время прекращения поступления таких бус в западные районы, а не прекращения их бытования вообще. В Индии они существовали вплоть до II в. до н. э., после чего начинается преобладание граневых форм. Видимо, и поступление их в Среднюю Азию и особенно в ее степные районы продолжалось и после V в. до н. э.

Две бусины эллипсоидной формы (рис. 4, 16, 17). Длина 1,50 см и 1,80 см, диаметр 0,80 см и 1,00 см. Орнамент в виде решетки из вытянутых пятиугольников, расположенных в два ряда между двух прямых поясков по концам бусины.

Две сферические бусины диаметром 1,00 см и 1,10 см. Орнамент в виде решетки из правильных пятиугольников, расположенных в два ряда (рис. 4, 18, 19).

Бусина цилиндрической формы (рис. 4, 20). Длина 0,70 см, диаметр 0,50 см. Орнамент в виде пояса из трех не совсем правильных овалов, вытянутых параллельно направлению канала (оси цилиндра).

Эти бусы (рис. 4, 16—20) сделаны из халцедона, искусственно окрашенного в черной цвет, и покрыты вытравленным содой белым орнаментом, также индийского происхождения.

Аналогию подобным бусам (рис. 4, 18, 19) известны: одна из погребального сооружения Чирик 2, расположенного вблизи городища Чирик-рабат и датированного IV—II вв. до н. э.¹⁵; вторая — из сарматского погребения прохоровского времени в могильнике у с. Злавлное Волгоградской области, курган 3, погребение 40, раскопки В. П. Шилова¹⁶. Правда, она упоминается как стеклянная, что маловероятно, так как стеклянные бусины с таким специфическим орнаментом нигде больше не известны. В таком случае это могло бы быть подражанием в стекле редкому типу каменных бус. Время бытования халцедоновых бус с искусственной черной окраской и белым орнаментом пока можно определить между V и II вв. до н. э., что хорошо согласуется со временем появления и первого периода распространения бус аналогичных форм и орнаментации, но из сердолика и, судя по публикациям, из агата в Индии. Не исключено, что за агатом скрывается искусственно окрашенный черной халцедон¹⁷.

Бусина из лазурита в единственном экземпляре. Форма цилиндрическая, длина 1,50 см, диаметр 0,60 см (рис. 4, 21). В Хорезме находки лазуритовых бус очень редки и исчезают они с концом архаической эпохи (V в. до н. э.). Наиболее близкой аналогией данному экземпляру является бусина из круглого погребального сооружения на городище Чирик-рабат,

¹² Леммлейн Г. Г. Опыт классификации каменных бус. — КСИИМК, 1950, вып. XXXII, с. 166, группа 9.

¹³ См. статью: Вайнберг Б. И. Памятники куяусайской культуры, с. 17, 45, табл. XVb.

¹⁴ Смирнов К. Ф., Терпенко В. Г. Сарматы Поволжья. — с. 32, табл. 27, 1, II (левая подвеска в ожерелье); Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1—10, с. 44—45, 52, табл. 31, 4 (пятая и восьмая бусины слева).

¹⁵ Коллекция Хорезмской экспедиции.

¹⁶ Мошкова М. Г. Памятники... с. 52, табл. 31, 16.
¹⁷ Dikshit M. J. Etched Beads in India. — Deccan Monograph Series, 4. Poona, 1949, p. 19, 20, 22, pl. V, 6, 6a, 1d; ibid. Beads from Ahichchhatra, U. P. — Ancient India, N 8, 1952, p. 37—40, tabl. X, 6, 8, fig. 1, 5, 6, 8.

датированного IV—III вв. до н. э., скорее всего их рубежом¹⁸.

Бусина из светло-голубой бирюзы цилиндрической формы, длина 1,00 см, диаметр 0,40 см (рис. 4, 22). Подобные бусы широко распространены в памятниках архаичной культуры Хорезма (Кюзель-тыр, Дипгильдже) и исчезают одновременно с ней, как и бирюза вообще. Наиболее поздний аналогичный экземпляр, известный нам, встречен уже за пределами Хорезма, все на том же городище Чирик-рабат, в круглом погребальном сооружении.

Амфоровидная миниатюрная подвеска из мраморного известняка или кальцита, длина 1,10 см, ширина 0,60 см, толщина 0,30 см, просверлена в верхней части (рис. 4, 23). Прямой аналогией ей является подвеска из сарматского погребения прохоровского времени в кургане 3 у пос. Матвеевский Актюбинской области¹⁹.

Несколько сильно разрушенных мелких бусинок из черного гагата (гешира). Бусинки имеют укороченно-цилиндрическую (кольцевидную) форму, диаметр 0,40 см — 0,50 см, высота 0,10 см (рис. 4, 25). Подобные бусы очень широко распространены и хронологически и территориально и не могут быть использованы для определения датировки и культурной принадлежности памятников.

Две бусины из черного серпентина усеченно-конической формы, просверленные перпендикулярно основанию конуса со смещением от центральной его оси. Диаметр нижнего основания соответственно 0,8 см и 0,6 см, верхнего — 0,6 см и 0,4 см, высота 0,3 см и 0,5 см (рис. 4, 24). Кроме того, имеется несколько сильно разрушенных мелких бус из белого кальцита (рис. 4, 26—28).

Этим исчерпываются находки каменных бус из основного захоронения кургана 19. В целом они очень архаичны и широкое их распространение восходит к V в. до н. э., если не раньше, а наиболее поздней границей можно считать рубеж III—II вв. до н. э.

Остальные бусы из погребения — стеклянные. Их подавляющее большинство, но все они очень плохой сохранности, стекло почерневшее, разлохившееся, сильно призмующее. Определить первоначальную окраску можно далеко не всегда. Преобладают бусины мелкие; бусин средних размеров диаметром до 0,80 см едва ли больше чем полтора десятка. Все они сферической или зонной формы, преобладают когда-то бесцветные двуслойные с внутренней

позолотой. Среди мелких бусин диаметром до 0,40 см преобладают так называемые бородавчатые, но довольно много и сферических и зонных. В числе тех и других определяются бусины из прозрачного бесцветного в свое время, а сейчас почерневшего двуслойного стекла с внутренней позолотой (рис. 4, 31—34). По всей видимости, именно они и составляли большинство и именно по ним придется устанавливать верхнюю дату погребения. Две бусины из двуслойного прозрачного сильно разлохившегося стекла с внутренней позолотой найдены в заполнении ямы среди разрозненных костей повторных захоронений. Диаметр их соответственно 0,70 см и 0,60 см, высота 0,40 см, отверстия широкие, форма зонная. Эти бусины идентичны найденным при основном захоронении (рис. 4, 40, 41).

Стеклянные прозрачные двуслойные бусины с внутренней позолотой появляются впервые в IV в. до н. э. В Хорезме они начинают встречаться на рубеже IV—III вв. до н. э. (Кой-Крылган-кала, нижний горизонт). Тогда же они появляются в низовьях Сырдарьи (круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат). С этого же времени они появляются и в других районах Средней Азии²⁰. Однако все это гладкие бусины сферической и зонной формы, чаще довольно крупных размеров. «Бородавчатых» бус на памятниках Хорезма пока не встречено, во всяком случае, той их разновидности, которая представлена в рассматриваемом наборе. Подобные бусины встречаются все в тех же сарматских погребениях прохоровского времени, но только в III—II вв. до н. э., например, в погребении 14 кургана 58/26 могильника у хут. Попова на Дону в Ростовской области²¹.

Подводя итоги, можно сказать следующие. Погребальный инвентарь основного захоронения в кургане 19 состоит исключительно из женских украшений — вещей очень консервативных, долго бытующих, традиционных. Сами по себе эти вещи охватывают большой хронологический диапазон — от V до II вв. до н. э. Однако представляется возможным сузить эту датировку по крайней мере до рамок IV—III вв. до н. э., так как наиболее ранние вещи — серьги, большинство каменных бус — еще бытуют в IV в. до н. э., а наиболее поздние — бородавчатые и другие бусы из прозрачного двуслойного стекла с внутрен-

¹⁸ Гой-Крылган-кала... табл. XVII, 24, 25; с. 152; Трудовская С. А. Круглое погребальное сооружение... с. 211, рис. 9, 28; Литвинский Б. А. Древние ковчежки «крыши мира». М., 1972, с. 71.

²¹ Мошкова М. Г. Памятники... табл. 30, 58; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1963, вып. Г1—12, с. 94, табл. 1, тип 2—22 и 2—23; табл. 18, 2; 19 (в средней шпиге).

¹⁸ Трудовская С. А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат. — МХЗ, 1963, вып. 6, с. 211, рис. 9, 26.

²⁰ Мошкова М. Г. Памятники... табл. 30, 30—31.

ней позолотой — выявляются к концу IV в. до н. э., во всяком случае, никак не позже рубежа IV—III вв. до н. э. На долгое бытование каменных бус как будто бы указывает и то, что среди них есть вещи явно позолмавшиеся от длительного ношения и тем не менее продолжавшие храниться и использоваться.

Миниатюрный лепной сосудик неравномерного обжига, серого цвета, высота 3,50 см, диаметр устья 3,00 см (рис. 4, 37). Сосудик круглодонный, с небольшим перехватом под слабо отогнутым наружу венчиком, вернее, просто краем. Поскольку среди костей есть и детские, его можно было бы считать игрушечным, однако на дне сосуда изнутри как будто бы сохранились слабые следы копоти, что указывает на использование его в качестве курильницы. Подобные миниатюрные сосудики-курильницы известны в сарматских погребениях прохоровской культуры и в более поздних.

Фрагмент круглого бронзового зеркала с выпуклым валиком по краю (рис. 4, 38). Диаметр зеркала 13, 20 см, ширина валика 1,10 см, высота валика 0,30 см. С обратной стороны зеркало было украшено прочерченными концентрическими окружностями (на фрагменте видны части двух таких окружностей). На валике заметен переход к металлической ручке-штырю и отверстие для гвоздика, очевидно, прикреплявшего обкладку ручки из кости или дерева. Фрагменты подобных зеркал известны и на памятниках Хорезма IV—II вв. до н. э., например, в нижнем слое и слое запустения Кой-Крылган-калы²².

Это типичное сарматское зеркало, форма которого характерна для прохоровской и сусловской культур. Детали — невысокий валик, орнаментация концентрическими окружностями — заставляют отнести его к концу прохоровского времени или, что менее вероятно, к самому началу сусловской, т. е. ко времени III—II вв. до н. э.²³ Подобные зеркала встречаются и в бухарских могильниках и в могильниках Северной Бактрии²⁴.

Интересна обломанная костяная или роговая пряжка (рис. 4, 39). Сохранилась часть выреза для ремня на одном конце и круглые просверленные отверстия для прикрепления к ремню — на другом. Пряжка прямоугольная длиной 8,50 см, шириной 4,50 см. На ней тонкой гравированной линией процарапана примитивная, но очень реалистичная и выразительная фигурка бегущей лошади.

²² Кой-Крылган-кала..., с. 147, рис. 59.

²³ Мохоева М. Г. Памятники..., с. 41—43, табл. 28, 18, 19.

²⁴ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136, с. 115, табл. XVII.

Подобная пряжка была найдена в погребении VI—IV вв. до н. э. в Актамском могильнике Ферганы. На ней также прочерченный узор, но геометрического характера²⁵.

В целом инвентарь повторных захоронений укладывается примерно в те же хронологические рамки, что и инвентарь основного — IV—II вв. до н. э., однако он больше тяготеет к концу указанного периода.

Если общие хронологические рамки рассмотренных погребений можно считать установленными, то сложнее обстоит с культурно-исторической их интерпретацией, тем более, что мы пока не располагаем антропологическими данными.

Все погребения укладываются в пределах IV—II вв. до н. э. Наиболее ранним следует считать парное захоронение в кургане 17, следующему по времени должно быть основное погребение в кургане 19 и наиболее поздними — впускные в том же кургане 19. Среди раскопанных погребений ни в туз-гырском, ни в других могильниках Присарыкамьшской дельты подобных пока не обнаружено. Ни погребальный обряд с южной ориентировкой покойников, ни погребальный инвентарь не связываются с погребениями куосайской культуры, расположенными на этой же территории и датирующимися VII—IV вв. до н. э.

Мало точек соприкосновения в инвентаре погребений и с материальной культурой земледельческого населения Хорезма IV—II вв. до н. э.

Связи же, которые удалось наметить, ведут в прямо противоположные стороны. Сосуд из кургана 17 явно тяготеет в керамике Юго-Западной Туркмении, а остальной инвентарь — к сарматской, прохоровской культуре Приуралья и погребальным сооружениям Приаралья. Предметы же импорта проходят, с одной стороны, из Индии (каменные бусы), с другой — из Восточного Средиземноморья (стеклянные бусы). Того же происхождения и сходные импортные предметы из погребений прохоровской культуры и погребений Приаралья. В прохоровской культуре находят некоторые аналогии и отдельные черты погребального обряда, в том числе и южная ориентировка погребенных. Однако не следует забывать, что южная ориентировка погребенных характерна и для большинства подобно-катакомбных захоронений Присарыкамьшской дельты, хронологически сменяющих рассмотренные нами и широко распространенных в первые века нашей эры. Для выяснения их соотношения необходимы сравнительные антропологические данные.

²⁵ Гамбург В. З., Горбунова Н. Г. Ак-тамский могильник. — КСИИМК, 1957, вып. 69, с. 82, рис. 29, 12.

В. А. ЛОХОВИЦ, А. М. ХАЗАНОВ

ПОДВОЙНЫЕ И КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТУЗ-ГЫР

В 1965—1966 гг. Левобережный отряд Хорезмской экспедиции провел раскопки курганного могильника Туз-гыр¹.

Могильник расположен примерно в 100 км к юго-западу от города Куля-Ургенч Туркменской ССР, на небольшом равнинном плато, вытянутом в широтном направлении на 30 км, в меридиональном — на 10—12 км. На юго-восточном краю плато находится античная крепость Акча-Гелин.

Курганы были обнаружены в 1964 г. археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции под руководством Б. В. Андрианова. В том же году сотрудником экспедиции, инженером Н. И. Игошиным была произведена аэрофотосъемка, выявившая большое количество насыпей (200—250).

Курганы расположены несколькими группами, из которых три находятся на обрывистом южном склоне: первая (южная), насчитывающая 12 курганов, занимает самый южный участок возвышенности; вторая (юго-западная), состоящая из 39 курганов, находится в 5 км к западу от первой; третья (западная), расположенная в 10 км к западу от второй, самая многочисленная, насчитывает до 100 курганов.

Помимо них, в 0,5—2 км от южного склона имеется еще несколько курганных групп и одиночные курганы. В 1965 г. были проведены раскопки южной группы курганов², а также разведочные раскопки трех курганов юго-западной группы. Последние дали захоронения в под-

боях³. В 1966 г. раскопки юго-западной группы Туз-гырского могильника были продолжены.

Юго-западная группа находится в 4—5 км западнее самого южного участка южного склона возвышенности Туз-гыр. Возвышенность сложена из известняковых пород, покрыта тонким песчаным почвенным слоем со слабой растительностью. Курганы расположены около обрывистого склона, на высоте более 25 м над уровнем современного такыра.

В группе 39 курганов (табл. I). Ее можно условно разбить на две части — восточную и западную. Восточная состоит из 19 курганов (1—19), расположенных компактной группой, близко друг к другу (5—10 м). Юго-западнее восточной группы, в западном направлении, вдоль самой кромки возвышенности тянется цепочка одиночных насыпей, расстояние между которыми колеблется от 10 до 25 м. Лишь самый западный в цепочке курган отстоит от группы более чем на 60 м. Местами цепочка становится шире и составляющие ее курганы располагаются в два и даже три ряда.

Из 39 курганов раскопано 37. Три кургана, раскопанные в 1965 г., дали захоронения в подбоях. 31 курган, раскопанный в 1966 г., содержал погребения в подбоях и катакомбах. Под одной из расчищенных насыпей не оказалось захоронения; под двумя (курганы 17, 19) выявлены захоронения в обычных грунтовых ямах⁴. Кроме того, в 1966 г. раскопано пять курганов в восточной части западной группы. Все они, так же как и курганы юго-западной группы Туз-гырского могильника, содержали погребения в подбоях и катакомбах.

Почти все курганные насыпи могильника одноступенчатые. Первоначально округлые или овальные в плане, они в настоящие время имеют вид

¹ Состав отряда 1965 г.: начальник отряда В. А. Лоховиц, научные сотрудники А. М. Хазанов, А. Д. Леонова, архитектор Т. М. Баяв. В 1966 г., помимо указанных товарищей, в работах принимали участие научные сотрудники ИЭ АН СССР О. А. Ушишевская и С. А. Трудиновская, а также Ю. П. Минадов (Каракалпакский филиал АН Узбекской ССР).

² См.: Лоховиц В. А. Отчет о работах Левобережного отряда в 1965 г. — Архив Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР, № 7.

³ Лоховиц В. А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 156.

⁴ См. статью С. А. Трудиновской в настоящем сборнике, с. 101—110.

подушеры с оплавившей южной стороной. Северная сторона круче. Оплавление происходило под действием дождей с северных ветров, вследствие общего понижения плато к югу, к его краю. Внешние насыпи мало чем отличаются от окружающей поверхности. Они покрыты тонкой коркой такрывидного суглинка, кое-где поросли низкой травой и усыяны известняковой щебенкой.

Устройство насыпей также одинаково у всех курганов, за исключением курганов 18 и 31. Они сложены из песка серовато-коричневатого цвета с примесью известняковой щебенки и комьев материковой глины зеленоватого цвета. Все погребения ограблены, поэтому в центральной части насыпей отчетливо видны грабительские «дудки» воронкообразной формы. По краям входных ям обычно прослеживался валик из известняковой щебенки или материковой глины — следы могильного выброса. Иногда он имел вид овального холмика, сооруженного поверх входной ямы (курган 7).

Погребальные сооружения вырубались в известняковом слое плато, идущем непосредственно под коркой древнего такры и тонким слоем песка, а в курганах, расположенных близ края плато, где толщина известнякового слоя меньше, — в идущем ниже его слое материковой глины. Наконец, в отдельных случаях погребальные сооружения прорезали также второй известняковый слой под слоем материковой глины.

Стенки входных ям делались слегка наклонными, а сами они книзу сужались.

Ниже публикуются результаты раскопок курганов юго-западной группы.

Курган 4⁵. Высота насыпи 0,62 м, диаметр 8,90 м. Овальная входная яма, несколько расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси север—юг с незначительным отклонением к востоку. Длина ее по уровню древней поверхности 2,45 м, ширина 1,10 м, глубина 2,24 м; длина по уровню пола 2,14 м, ширина 0,80 м. Вдоль восточной стены оставлены две ступеньки: верхняя шириной 0,50 м, высотой 0,10 м и нижняя шириной 0,38 м, высотой 0,10 м.

Овальный в плане подбой длиной 2,78 м, шириной 1,06 м, высотой 0,74 м вырублен в западной стене. Потолок покатый, плавно смыкающийся с полом, который на 20 см ниже пола впускной ямы.

Устье подбоя и дно входной ямы были заложены пятью горизонтальными рядами потревоженных грабителями известняковых плит. Наи-

более крупные из них достигали размеров 60××60×10 см.

Подбой засыпан слоем песка толщиной 5—15 см. Кости мужского скелета⁶ находились в беспорядке в юго-западной части подбоя, — череп — неподалеку от них у западной стенки. В центральной части подбоя обнаружен железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы (табл. IV, 16), длиной 5,8 см; рядом с ним обломки двух парных костяных концевых накладок на лук. Обломки двух других накладок найдены у южной стенки.

Курган 5. Высота насыпи 0,40 м, диаметр по линии север—юг 6,80 м, по линии запад—восток 7,40 м.

Овальная входная яма, расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси север—юг с отклонением на восток на 11°. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,26 м, ширина в северной части 0,78 м, в южной 1,22 м, глубина 1,30 м; длина по уровню пола 1,88 м, ширина 0,96 м. На дне ямы обнаружены два горизонтальных слоя известняковых плит толщиной 10—15 см. Вдоль восточной стенки оставлена ступенька шириной 0,38—0,40 м, высотой 0,10—0,12 м.

Полуовальный в плане подбой длиной 1,82 м, шириной 0,34 м, высотой 0,50 м вырублен в западной стене. Потолок покатый, плавно смыкающийся с полом, расположенным на одном уровне с полом впускной ямы. Лишь в юго-западном углу он заглублен на 0,06 м, образуя небольшую нишу.

Северную часть устья закрывали две вертикально стоявшие известняковые плиты. Они подпирались известняковыми плитами, лежащими на дне впускной ямы.

Подбой до самого потолка был заполнен песком и известняковой щебенкой. Непотревоженными сохранились лишь кости ног и часть правой стопы, благодаря чему удалось установить, что девушка-подросток была похоронена на спине, головой на юг. Большая часть костей оказалась в скоплении в юго-западном углу. Среди них обнаружен череп, у которого в лобной части, над глазами, имеется по отверстию: небольшое круглое над левой и треугольное над правой. Здесь же найдены обломки костей ноги и лопатки барана. Вещей нет.

Курган 6. Высота насыпи 1,00 м, диаметр по оси север—юг 11,10 м, по оси запад—восток 9,20 м. В насыпи, в слое известнякового выброса из входной ямы, обнаружены кости человека (обломок трубчатой кости и позвонка).

Овальная входная яма ориентирована по оси северо-северо-восток—юго-юго-запад. Длина ее

⁵ Курганы 1, 2, 3 раскопаны в 1965 г.; курганы 17, 19 содержат погребения иных типов.

⁶ Антропологический материал определен Т. А. Трофимовой.

по уровню дневной поверхности 2,76 м, ширина 1,30 м, глубина 2,27 м; длина по уровню пола 2,28 м, ширина 0,96 м. На стенках сохранились отчетливые следы прямоугольного орудия типа мотыги или кирки длиной 10—12 см, шириной 6—8 см.

С глубины 1,6 м от уровня дневной поверхности входная яма и устье подбоя заложены пятью горизонтальными рядами известняковых плит, соединенных между собой и со стенами ямы глиняной обмазкой. Среди них преобладают крупные, размерами 47×32, 50×35, 75×49 см и т. п. В северной части ямы закладка была потревожена грабителями.

Подбой длиной 2,90 м, шириной 1,24 м, высотой у входа 0,70 м вырублен в западной стене ямы. Его устье захватывает всю западную и часть южной стены входной ямы. Северная и южная стенки подбоя относительно прямые, западная округлая. Потолок прямой. Пол находится на одном уровне с полом входной ямы.

Погребение было парным. Почти все кости и черепа обоих покойников — мужчины и женщины — оказались сдвинутыми в юго-западном углу, остальные разбросаны по всей поверхности подбоя. Неподалеку от кучи костей обнаружена прямоугольная лениная курильница с боковым отверстием длиной 10,6 см, шириной 7,3 см, высотой 3,6 см. Среди костей попадались ислевские полоски дерева длиной 3—4 см, с отверстием посередине. В северной части подбоя прослежена ислевская узкая полоса длиной 80—85 см, состоявшая из отдельных полос дерева, имевших отверстия посередине, возможно, для скрепления друг с другом. Изогнутые М-образные очертания полосы напоминают сложный лук.

Курган 7. Высота насыпи 0,58, диаметр 5,7—6,0 м. Овальная входная яма, несколько расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси север—юг. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,45, ширина 1,10, глубина 1,78 м; длина по уровню пола 1,85 м, ширина 0,92 м. Вдоль восточной стены оставлена ступенька шириной 0,50 м, высотой 0,16—0,18 м.

Устье подбоя и прилегающая к нему часть входной ямы до ступеньки были заложены пятью горизонтальными рядами крупных известняковых плит. В южной части заклад был отвален грабителями и лежал в беспорядке.

Полувальный в плане подбой длиной 2,25, шириной 0,80 м, высотой 0,40 м был вырублен в западной стене. Потолок покатый, плавно смыкается с полом, расположенным ниже пола входной ямы на 6—7 см.

Южная часть подбоя до верха была заполнена песком, в северной — он лишь тонким слоем покрывал пол. Подох сохранившиеся кости и череп взрослой женщины были разбро-

саны в беспорядке в средней части подбоя. У южной стенки его лежали лопатка, ключица и кость ноги барана. Вещей нет.

Курган 8 (табл. II, 2). Высота насыпи 0,38 м, диаметр по оси север—юг 5,66 м, по оси запад—восток 6,80 м.

Овальная входная яма ориентирована по оси север—юг. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,40 м, ширина 1,42 м, глубина 1,56 м; длина по уровню пола 1,88 м, ширина 1,06 м. Вдоль восточной стены оставлена ступенька шириной 0,60 м, высотой 0,22 м.

Полувальный в плане подбой длиной 2,06 м, шириной 0,75 м, высотой 0,28 м вырублен в западной стене. Покатый потолок плавно смыкается с полом, расположенным на одном уровне с полом входной ямы.

Устье подбоя заложено двумя горизонтальными рядами крупных известняковых плит, достигавших размеров 100×70×8 см и 140×67×8 см. В южной части устья заклад разрушен грабителями.

Подбой был засыпан песком и щебнем. Большая часть костей женского и детского скелетов и их черепа лежали в беспорядке в юго-западном углу. In situ сохранились только кости ног женского костяка и фаланги пальцев руки, покоившиеся в области таза. Благодаря этому можно установить, что покойница лежала вытянутой на спине, головой на юг. На фаланге пальца находилось бронзовое кольцо (табл. VI, 5) с плоским ободком, переходящим в конический циток. Среди скопления костей в южной части подбоя обнаружены мелкие фрагменты костяных накладок на лук, обломки круглой железной пряжки с подвижным язычком, маленькие кусочки бронзы и алебастровый сосудик с округлым дном (табл. IX, 6), высотой 3,7 см.

Курган 9. Высота насыпи 0,84 м, диаметр по оси север—юг 7,70 м, по оси запад—восток 8,10 м. В насыпи обнаружен фрагмент стенки и днаца гончарного толстостенного сосуда коричневатого-бежевого цвета. Фрагмент дна того же сосуда найден в заполнении входной ямы.

Входная яма ориентирована по оси север—юг с незначительными отклонениями к западу. На уровне дневной поверхности она имеет грушевидную форму с расширением в южной части, образовавшимся из-за грабительской воронки. На уровне пола она овальная. Длина ямы по уровню дневной поверхности 2,52 м, наибольшая ширина 1,80 м, глубина 2,32 м; длина по уровню пола 1,70 м, ширина 1,06 м. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 0,7 м, высотой 0,15 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, который закрывала известняковая плита размером 80×70×18 см. Вокруг такой же плиты

была отброшена грабителями и лежала у восточной стены ямы. Дно ямы было заложено двумя-тремя горизонтальными рядами известняковых плит, потревоженных грабителями.

Катакомба ориентирована по одной оси с входной ямой (отклонение к востоку составляет 7°). В плане она овальная, длина 1,90 м, ширина 1,15 м, высота 0,70 м. Восточная стенка несколько заглублена по отношению к входу. Потолок прямой, пол находится на одном уровне с полом входной ямы.

Прилегающая к входу часть катакомбы заполнена песком и известняковой крошкой. Кости и черепа двух скелетов — мужского и женского — были сдвинуты к южной стенке. Среди костей найдены следующие предметы: воткнутый в пол железный ножик без металлического навершия и переклестия (табл. IV, 2), длиной 28 см, шириной 3 см, с рукояти которого сохранились следы от деревянных обкладок, а на клинке — следы сгнившего дерева и отпечатки ткани, очевидно, от пожен; множество мелких фрагментов костяных накладок на лук, из них неполностью восстанавливается лишь одна концевая; железный черешковый нож с прямой спинкой, длиной 8,7 см (табл. IV, 12), бронзовое кольцо с плоским ободком (табл. VI, 6), переходящим в овальный расширяющийся циток, и мелкий обломок сосуда, фрагменты которого были ранее найдены в насыпи и входной яме. Здесь же найдены две лопатки, две ключицы и несколько костей ног барана.

Курган 10. Высота насыпи 0,72 м, диаметр по оси север—юг 9,78 м, по оси запад—восток 9,17 м.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси север—восток — юго-запад. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,56 м, ширина 1,18 м, глубина 1,00 м; длина по уровню пола 1,80 м, ширина 0,90 м. Вдоль северной стены оставлена пологая ступенька шириной 0,54 м, высотой 0,30 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, первоначально закрытый вертикально стоящими известняковыми плитами, потревоженными грабителями. Они подирились тремя-четырьмя горизонтальными рядами известняковых плит, которыми было заложено дно входной ямы, также потревоженных грабителями. Наиболее крупные достигали размеров 78×51×10 см.

Катакомба овальной формы, ориентирована по одной оси с входной ямой. Длина ее 2,04 м, ширина 1,26 м, высота 0,66 м. Боковые стенки несколько заглублены по отношению к входу. Потолок прямой, пол находится на одном уровне с полом входной ямы.

Северная часть катакомбы засыпана песком

и известняковой крошкой. Кости и череп взрослого мужчины лежали в ее западной части в беспорядке. In situ найдены лишь кости позвоночника, правой руки и часть ребер. По их положению можно заключить, что покойник первоначально лежал на спине, головой на юг, правая рука покоилась на животе.

В насыпи обнаружены три железных трехлопастных черешковых наконечника стрел плохой сохранности, длиной около 5,2 см, обломок костяной концевой накладки на лук, мелкие фрагменты железа и довольно крупные куски полусгнившего дерева. В юго-восточном углу стоял краспоглиняный красноангобирванный горшок, изготовленный на гончарном круге (табл. VIII, 1). Венчик округлый, слегка отогнут, край венчика прямой, плечи опущенные, наибольший диаметр в нижней трети сосуда. При переходе от венчика к тулову — небольшой углубчик. Высота сосуда 18,5 см, диаметр горла 9 см, диаметр дна 9,4 см.

Курган 11. Высота насыпи 0,58 м, диаметр по оси север—юг 9,40 м, по оси запад—восток 7,65 м.

Овальная входная яма, несколько расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси северо-северо-восток — юго-юго-запад. Длина ее по уровню дневной поверхности пола 2,25 м, ширина 1,20 м, глубина 2,20 м; глубина по уровню пола 2,15 м, ширина 1,00 м. На боковых стенах сохранились следы прямоугольного орудия шириной 3,5 см. Вдоль северной стены вырублена ступенька шириной 0,85 м, высотой 0,20 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложений четырьмя горизонтальными рядами известняковых плит, покосившихся на слое известняковой щебенки, толщиной 0,20 м, покрывающем дно входной ямы. Средняя плита верхнего ряда заклада вынута грабителями и через образовавшееся довольно незначительное отверстие было совершено ограбление.

Катакомба в плане подтрапециевидная, ориентированная по одной оси с входной ямой. Длина ее 2,00 м, ширина 1,10 м, высота 0,80 м. Боковые стенки округлые, несколько заглубленные по отношению к входному отверстию. Потолок прямой, пол на 0,65 м ниже пола входной ямы.

Катакомба заполнена песком, смешанным с известняковой щебенкой. Толщина слоя в ее северной части 40—45 см, в южной — 30 см. Кости скелета и череп взрослой женщины сдвинуты в северо-западном углу. Непотревоженными остались лишь кости ступни одной из ног, по положению которых можно полагать, что покойница лежала головой к юго-юго-западу. В заполнении катакомбы найдены лопатка и кости передней ноги барана. Вещей нет.

Курган 12. Высота насыпи 0,70 м, диаметр 9,50—10,0 м.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси северо-северо-восток—юго-юго-запад. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,40 м, ширина 1,00 м, глубина 1,26 м; длина по уровню дна 1,78 м, ширина 0,85 м. Вдоль восточной стены вырублена ступенька длиной 0,54 м, шириной 0,14 м.

Устье подбоя и дно входной ямы заложены четырьмя горизонтальными рядами известняковых плит. В южной части ямы они были потревожены грабителями. Местами между известняковыми плитами и стенами ямы сохранились куски глиняного раствора без самана.

Овальная в плане подбой длиной 2,26 м, шириной 0,84 м, высотой 0,50 м вырублен в западной стене. Покатый потолок плавно смыкается с полом, расположенным на одном уровне с полом входной ямы.

Подбой практически остался незасыпанным. Кости скелета и череп взрослого мужчины были сдвинуты в кучу у южной стенки. Здесь же найдено расщепленное доце гончарного красноглиняного сосуда. В восточной части подбоя найдены мелкие обломки костяных накладок на лук, концевых и центральных.

Курган 13 (табл. II, 4). Высота насыпи 0,70 м, диаметр по оси север—юг 7,32 м, по оси запад—восток 8,20 м. В насыпи найдено круглое дисковидное пряслице, изготовленное из стенки гончарного красноангобированного сосуда, диаметром 5,2 см.

Овальная входная яма ориентирована по оси юго-юго запад—северо-северо-восток. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,50 м, ширина 1,08 м, глубина 2,28 м; дна по уровню пола 2,18, ширина 0,96 м. На стенках заметны следы прямоугольного орудия типа кирки или мотыги. В заполнении ямы найдена лепная курьльница с округлым дном, несколько расширяющаяся кверху (табл. VII, 14). Она имеет четыре защипа по краям, с двумя отверстиями в противоположных углах. Высота курьльницы 4,9 см, длина устья 5,5 см, ширина 4,5 см.

Подпрямоугольный в плане подбой длиной 2,24 м, шириной 0,96 м, высотой 0,40 м вырублен в западной стене. Потолок покатый, плавно смыкающийся с полом, расположенным на одном уровне с полом входной ямы.

Устье подбоя заложено пятью горизонтальными рядами известняковых плит, соединенных друг с другом и со стенами входной ямы глиняной обмазкой.

Кости и черепа двух скелетов — мужского и женского — лежали в полном беспорядке в западной части подбоя. В некоторых местах под ними прослежена труха от истлевшей органи-

ческой подстилки, возможно, камышовой. Вещей нет.

Курган 14. Высота насыпи 1,40 м, диаметр 10,00—10,70 м.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси север—юг. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,56, ширина 1,22 м, глубина 2,20 м. Стены практически отвесные. На уровне пола яма сужается лишь на 0,20 м. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 1,16 м, высотой 0,32 м.

Дно в южной части ямы заложено четырьмя горизонтальными рядами известняковых плит, соединенных друг с другом глиняной обмазкой. Закад находится на расстоянии 0,15—0,20 м от южной стены. Первоначально он закрывал вход в катакомбу, он был отодвигнут грабителями.

В южной стене вырублен вход в овальную катакомбу, ориентированную по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток. Длина ее 2,40 м, ширина 1,45 м, высота 0,70 м. Потолок прямой, пол находится на одном уровне с полом входной ямы.

Кости и черепа двух скелетов — мужского и женского — были сдвинуты в кучу в северо-восточном углу катакомбы. Среди костей найден фрагмент круглого дисковидного пряслица, изготовленного из стенки гончарного красноангобированного сосуда, и несколько фрагментов костяных накладок на лук, концевых и центральной. Из них не полностью восстанавливаются только две концевые.

Курган 15. Высота насыпи 0,50 м, диаметр по оси юг—север 7,80 м, по оси запад—восток 8,90 м (табл. III, 2).

Прямоугольная входная яма с несколько расширенной южной частью ориентирована по оси север—юг. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,90 м, ширина 1,25 м, глубина 1,92 м; дна по уровню пола 2,00 м, ширина 1,20 м. Вдоль северной стены одна под другой оставлены две ступеньки шириной соответственно 1,00 и 0,90 м, высотой 0,12 и 0,06 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый известняковыми плитами, из которых непотревоженными остались только два нижних ряда, составленных из крупных полуженных плашам плит. Закад занимает также всю площадь ямы до первой ступеньки. Он был положен на тонкий слой известнякового щебня.

Катакомба подтрапециевидная в плане, с округлыми углами, ориентирована по одной оси с входной ямой. Длина ее 2,20 м, наибольшая ширина 1,35 м, в южной части — 0,80 м, высота 0,70 м. Боковые стенки заглублены по отношению к входу. Потолок прямой, пол на 0,10 м ниже пола входной ямы.

Катакомба засыпана песком лишь у самого входа. Кости и черепа женщины и ребенка сдвинуты в кучу у западной стенки. In situ найдены только берцовые кости, по положению которых можно определить, что покойница лежала на спине, головой в южном направлении, вдоль западной стенки. Под костями сохранились следы органической подстилки.

Среди человеческих костей обнаружены кости ноги и лопатка барана. Там же найдено круглое дисковидное присеиде, изогнутое из стенки гончарного сосуда, диаметром 4,5 см.

Курган 16. Высота насыпи 0,62 м, диаметр 9,80 м. В ней обнаружены фрагмент гончарного толстостенного красноглиняного сосуда со следами красного ангоба, фрагменты стенок гончарного красноглиняного красноангобированного сосуда с валиком при переходе от шейки к тулову и бороздкой подним, а также обломки железного меча или кинжала.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси север—юг с незначительным отклонением к западу. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,18 м, ширина 0,96 м, глубина 1,72 м; длина по уровню пола 1,96 м, ширина 0,84 м. На стенах сохранились следы прямоугольного орудия размером 8—12×3—4 см. Вдоль восточной стены оставлена ступенька шириной 0,30 м, высотой 0,28 м.

В заполнении ямы, на глубине 1,20 м от уровня дневной поверхности, обнаружено скелетение костей и череп мужчины, выброшенные грабителями. Под ними находился фрагмент клинка железного меча.

Овальная в плане подбой длиной 2,66 м, шириной 0,96 м, высотой 0,62 м вырублен в западной стене. Потолок покатый, плавно смыкающийся с полом, расположенным на одном уровне с полом входной ямы.

Устье подбоя прикрыто тремя известняковыми глыбами размером 70×35, 140×50 и 150×30 см, соединенными друг с другом и со стенами ямы глиняной обмазкой. Вероятно, грабители, отвалив одну из глыб, затем привалили ее обратно.

Подбой в южной части засыпан песком. Кости мужского скелета лежали в полном беспорядке в западной части подбоя. Среди них найдены обломки линзовидных двояковыпуклых клинков железного меча и кинжала, железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы длиной 5,4 см (табл. IV, 77), обломки железных предметов, две парные костяные копцевые накладки на лук (табл. IV, 3, 7), длиной свыше 22 см, два точильных камня из песчаника — один конической формы, высотой 5,6 см, другой — уплощенной-трапециевидной, длиной 6,7 см, и костяная поделка (табл. VI, 8). Под тазовой костью обнаружены кольцевидная же-

лезная пряжка с подвижным языком (табл. VI, 12) плохой сохранности и обломок рукоятки кинжала с остатками перекрестья.

Курган 18 (табл. II, 1). Высота насыпи 1,30 м, диаметр по оси север—юг 11,50 м, по оси запад—восток 9,70 м. На глубине 0,30—0,40 м от уровня современной поверхности в центральной части ее обнаружена вымостка диаметром 4,0 м по оси юг—север и 5,0 по оси запад—восток, состоящая из расположенных в один ряд известняковых плит (табл. II, 16).

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами, несколько расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси северо-восток—юго-запад. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,80 м, ширина 1,30 м, глубина 2,34 м; длина по уровню пола 2,20 м, ширина 2,14 м.

Прямоугольный в плане подбой длиной 3,50 м, шириной 1,30 м, высотой 0,65 м вырублен в западной стене. Стенки его, особенно южная, заглублены по отношению к соответствующим стенам входной ямы. Потолок прямой, пол — на одном уровне с полом ямы.

Устье заложено известняковыми камнями толщиной до 25 см, скрепленными глиняной обмазкой.

Кости и черепа трех скелетов — женского и двух детских — были сдвинуты в две кучи. В первой, у южной стенки подбоя, лежали преимущественно крупные кости и три черепа, в другой, в центральной части, — небольшие кости. Кроме них, в подбое обнаружено большое количество остатков дерева. Вецей нет.

Курган 20. Высота насыпи 0,40 м, диаметр по оси север—юг 6,10 м, по оси запад—восток 7,32 м (табл. III, 4).

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси север—юг с незначительными отклонениями к западу. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,54 м, ширина 1,26 м, глубина 2,28 м; длина по уровню пола 2,02 м, ширина 0,94 м.

На стенах сохранились следы прямоугольного орудия (размеры 10—14×3—4 см). В западной стене имеются три зарубки полусферической формы, диаметром 14—16 см, глубиной 7—9 см, вырубленные строителями кургана для спуска. Первые две расположены на глубине 0,73 м от уровня дневной поверхности, третья — на глубине 1,02 м.

В южной стене вырублен смещенный к востoku вход в катакомбу, заложённый пятью горизонтальными рядами глиняных глыб размером 10—25×8—15 см. Заклад лежал на слое мелких глиняных комьев толщиной 0,10—0,15 м, покрывавшем дно входной ямы. При разборе заклада обнаружены: круглое дисковидное присеиде из стенки гончарного красно-

ангобированного сосуда, диаметром 5,3 см, лепная курильница с двумя боковыми отверстиями в противоположных стенах и округлым дном, несколько расширяющаяся к устью (табл. VII, 11). Высота ее 3,5 см, длина устья 5,8 см, длина дна 4,7 см. В курильнице находились древесные угольки. Здесь же обнаружен мелкий фрагмент стенки лепного горшка недостаточного обжига. Тесто с мелкими примесями дресвы.

Катакомба, ориентированная по оси северо-запад—юго-восток, в плане приближается к овалу, несколько суженному в южной части. Длина ее 2,02 м, наибольшая ширина 1,62 м, высота 0,65 м. Северо-западная стенка прямая, остальные округлые. Боковые стенки заглублены по отношению к входу. Потолок, прямой, расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Вся катакомба была завалена глиняными глыбами, обвалившимися со стел, а ее северная часть засыпана песком из заполнения входной ямы.

Кости и черепа двух женщин были в беспорядке свалены в северо-восточной части катакомбы. Среди них встречены кости барана. Вещей нет.

Курган 21. Высота насыпи 0,74 м, диаметр по оси север—юг 9,85 м, по оси запад—восток 10,32 м.

Прямоугольная впускная яма с округлыми углами ориентирована по оси север—юг с незначительным отклонением на запад. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,64 м, ширина 1,40 м, глубина 1,68 м; длина по уровню пола 2,60 м, ширина 1,26 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложенный шестью горизонтальными рядами известняковых плит. Размеры плит первого ряда — 65×51×9 см и 65×62×8 см; второго — 65×41×7 см и 78×61×8 см; третьего — 41×44×7 см и 46×29×7 см; четвертого — 69×41×7 см, 59×51×10 см и 72×36×8 см; пятого — 42×28×8 см, 96×56×9 см и 51×29×7 см; шестого — 63×46×8 см, 54×31×8 см и 52×28×7 см. Заклад лежал на слое известнякового щебня, толщиной 0,20 м, покрывавшем дно впускной ямы.

Катакомба, ориентированная по одной оси с входной ямой, в плане имеет подтрапециевидную суживающуюся к югу форму. Длина ее 2,40 м, наибольшая ширина 1,50 м, высота 1,00 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы. Боковые стенки заглублены по отношению к входному отверстию.

Катакомба была засыпана песком из заполнения входной ямы. Кости и черепа двух скелетов — мужчины и женщины — были в беспорядке свинуты в две кучи в северо-западном

и юго-западном углах катакомбы. Отдельные кости встречались по всей поверхности катакомбы. Среди них обломки черепа и несколько детских костей плохой сохранности. По всей поверхности встречались также перегнившие остатки дерева и кожи.

Среди скопления костей в северо-западном углу обнаружены: лепная цилиндрическая курильница (табл. VII, 12) высотой 5 см, длина устья 5,9 см, длина дна 4 см; обломки лепной курильницы с округлым дном и несколько расширяющимися к устью стенками (длина дна 4,4 см); фрагменты лепного кухонного горшка со вздутым туловом, недостаточного обжига, поверхность покрыта жидким раствором светлого ангоба, тесто с примесями мелкой дресвы; цилиндрическая бусина из темной стеклянной пасты с поясками из верхних нитей непрозрачной белой и красной пасты (табл. IX, 2), длина 2,5 см, диаметр 1 см, диаметр отверстия 0,3 см.

В северо-восточной части катакомбы найдены: фрагменты железного меча или кинжала, несколько спешенных железных трехлопастных черешковых наконечников стрел очень плохой сохранности, фрагменты костяных накладок на лук, из которых не полностью восстанавливаются лишь две концевые, железный черешковый нож с прямой спинкой длиной 13,5 см (табл. IV, 11) и круглое дисковидное пряслице из стенки гончарного красноокрашенного сосуда, диаметром 4,4 см (табл. VI, 2).

Курган 22 (табл. III, 3). Высота насыпи 0,80 м, диаметр по оси север—юг 8,90 м, по оси запад—восток 10,30 м.

Овальная входная яма ориентирована по оси юг—север с незначительным отклонением к западу. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,75 м, ширина 1,40 м, глубина 1,78 м; длина по уровню пола 2,30 м, ширина 1,04 м. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 1,55 м, высотой 0,08 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложенный несколькими горизонтальными рядами известняковых плит. Сохранилось пять таких рядов, верхние были потревожены грабителями.

Катакомба в плане овальная, ориентированная по одной оси с входной ямой. Длина ее 2,48 м, ширина 1,35 м, высота 0,75 м. Потолок прямой, пол находится на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба покрыта слоем глины, обвалившейся с потолка. Дна женских костяка лежали в относительном порядке, вытянуто на спине, головами на юг. Под ними частично сохранилась известнявая камышовая подстилка; местами на костях также прослеживались следы ивлевинского камышового покрытия.

Кости рук покойницы, лежащей вдоль западной стенки, были сложены в области живота так, что левая кисть покоилась поверх правой занятости. В области шеи обнаружена рассыпавшаяся нижа бус из двуслойного прозрачного стекла с внутренней позолотой, слюсцато-шаровидной формы. Бусины различаются лишь размерами. Длина крупных 1,7 см, высота 0,9 см, диаметр отверстия 0,4 см; длина мелких 0,9 см, высота 0,7 см, диаметр отверстия 0,3 см. В области шеи, груди, кистей рук и тазовых костей обнаружено множество мелких разложившихся стеклянных бусин, которыми были обшиты ворот и рукава одежды. У правого колена лежало круглое дисковидное пряслице из стенки гончарного красноаглобирванного сосуда, диаметром 4,6 см. В ногах была положена заупокойная нижа — передняя нога барана, покоившаяся на фрагменте лепного кухонного горшка недостаточного обжига, поверхность которого покрыта жидким раствором светлого ангоба. Рядом стояли две курильницы, из одной торчали обугленные веточки. Первая курильница лепная, цилиндрическая, с боковым отверстием, высота ее 4,4 см (табл. VII, 6); вторая — лепная, с боковым отверстием и округлым дном, расширяющаяся к устью, сохранилась в обломках (табл. VII, 7), высота ее 5,1 см. Неподалеку лежали обломки железного черешкового ножа и кости другой передней ноги барана.

У костяка, лежащего вдоль восточной стенки, найдены фрагменты железного предмета плохой сохранности, может быть, пряжки, в области таза и в головах — круглые дисковидное пряслице из стенки гончарного красноаглобирванного сосуда, диаметром 4,8 см (табл. VI, 1).

У входа, рядом с западной стенкой, найдены обломки прямоугольного железного предмета, возможно, пряжки, а посередине — фрагмент стенки гончарного красноглиняного красноаглобирванного толстенного сосуда.

Курган 23. Высота насыпи 1,05 м, диаметр 10,50 м.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами, несколько расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси север-северо-восток—юго-юго-запад. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,50 м, ширина 1,45 м, глубина 2,30 м; длина по уровню пола 2,36 м, ширина 1,36 м. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 1,00 м, высотой 0,30 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый несколькими горизонтальными рядами известняковых плит, нетронутых грабителями и лежащих в беспорядке. Закалад покоился на слое из мелких комьев глины, толщиной до 0,8 м, покрывавшем дно входной ямы.

Катакомба, ориентированная по оси входной ямы с небольшим отклонением к востоку, имеет в плане вытянутую асимметричную форму. Длина ее 2,86 м, ширина 1,72 м, высота 0,78 м. Западная стенка прямая, восточная — округлая, потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба оказалась свободной от заполнения, лишь у входа просочился песок из входной ямы. Кости мужского и женского скелетов были свалены в кучу в северо-восточном углу, за ними, в глубине катакомбы, лежали два черепа. Их положение, а также положение сопутствующего инвентаря позволяет говорить о том, что первоначально умершие лежали головами на юго-юго-запад.

В груди человеческих костей были найдены две лопатки и две кости передних ног барана. Под костями скелетов сохранились нетронутыми остатки лука: костяные накладки (табл. IV, 6) и древесная труха между ними. Расстояние между концевыми накладками 1,30 м, расстояние от северного конца лука до центра 0,6 м. Концевые накладки сохранились не полностью. Можно лишь сказать, что длина одной нары их превышала 26 см. Длина двух боковых средних накладок трапециевидной формы 25,5 см, ширина 3 см. Третья, центральная накладка — срединная прямая и узкая — сохранилась не полностью. Здесь же найдены обломок железного трехлопастного черешкового наконечника стрелы и бесформенный кусочек железа.

У южной стенки катакомбы обнаружены: плоское дисковидное пряслице из стенки гончарного сосуда, диаметром 3,6 см; алебастровый сосудик с узким горлом, шаровидным туловом и уплощенным дном, высотой 3 см, с лежащей внутри него подвеской из раковины; лепная цилиндрическая курильница с боковым отверстием, высотой 4,4 см (табл. VII, 4); бусина веретенообразной формы из черного агата с белыми слоями, образующими глазок многоугольной формы, длиной 2,4 см, шириной 1 см, длиной отверстия 0,15 см (табл. IX, 1); бронзовое зеркало диаметром 12 см, с приклепанной железной ручкой, от которой сохранился лишь обломок (табл. VI, 14). На обратной стороне диска — орнамент в виде трех концентрических окружностей.

Курган 24 (табл. III, 5). Высота насыпи 0,30 м, диаметр по оси север—юг 7,00 м по оси запад—восток 7,50 м.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси север-северо-запад—юго-юго-восток. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,50 м, ширина 1,10 м, глубина 2,04 м; длина по уровню пола 2,25 м, ширина 0,90 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый несколькими горизонтальными рядами потревоженных грабителями известняковых плит. Заклад покоился на подстилке из мелких комьев глины, толщиной до 0,4 м, покрывавшей дно входной ямы.

Катакомба, имевшая в плане форму неправильного круга, ориентирована по оси входной ямы с небольшим отклонением к западу. Диаметр ее по оси север—юг 2,50 м, по оси запад—восток 2,60 м, высота 0,86 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба засыпана песком, проникшим из заполнения входной ямы. Кости черепа двух женских и одного детского скелетов были сдвинуты в кучу у южной стенки. Здесь же найдена лопатка курляндца с округлым дном, несколько расширяющаяся к устью, которое имеет защипы по краю, высотой 5,2 см (табл. VII, 15) и круглое дисковидное пряслице из стенки гончарного красноангобированного сосуда, диаметром 4,7 см. У восточной стенки сохранились *in situ* кости ног одного из костяков. Судя по их положению, покойница лежала вытянута на спине, головой на юго-запад. Под костями прослеживаются остатки истлевшей камышовой подстилки.

Курган 25. Высота насыпи 0,51 м, диаметр по оси север—юг 9,44 м, по оси запад—восток 7,50 м.

Овальная входная яма ориентирована по оси север—юг с незначительными отклонениями к западу. Длина ее по уровню дневной поверхности 3,00, ширина 1,24 м, глубина 2,30 м; длина по уровню пола 2,54 м, ширина 0,95 м. В северо-восточном и северо-западном углах ямы строителями сделаны по две зарубки для пшуса.

В южной стене вырублен вход в катакомбу. Вмeste с прилегающей к нему частью входной ямы он был заложён несколькими горизонтальными рядами известняковых плит, в беспорядке разбросанных грабителями.

Катакомба, ориентированная по одной оси с входной ямой, по форме приближается к неправильному прямоугольнику. Длина ее 2,26 м, ширина 1,60 м, высота 0,62 м. Западная стенка волнистых очертаний, восточная — округлая. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Поверхность катакомбы была покрыта слоем глины, обвалившейся с потолка и стенок. Кости и черепа двух мужчин сдвинуты в кучу к южной стенке. Среди них найдена цилиндрическая лопатка курляндца с двумя боковыми отверстиями в боковых стенках (табл. VII, 1). Она имеет поддон и выступающий венчик, ор-

наментированный кружками; высота курляндца 5,1 см.

У восточной стенки найдены кости от двух передних ног, лопатки и ключица барана. Здесь же находились обломки двух парных костяных концевых накладок на лук длиной до 23 см. В северо-западном углу обнаружены обломки клинка железного меча или кинжала, фрагменты лезвия ножа и обломки центральных накладок на лук, а в северо-восточном — крупная бусина 14-гранной формы из прозрачного зеленого стекла (табл. IX, 4). Ее поверхность выветренная и прирванная. Длина бусины 2,8 см, ширина 2,3 см, диаметр отверстия 0,7 см.

Курган 26. Высота насыпи 0,75 м, диаметр 10,50—11,00 м.

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси юго-юго-восток—северо-северо-запад. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,70 м, ширина 1,40 м, глубина 2,20 м; по уровню пола длина 2,50 м, ширина 1,30 м. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 0,90 м, высотой 0,20 м. В заполнении ямы найдена часть рукояти железного меча с прямым перекрестием.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый четырьмя горизонтальными рядами известняковых плит и кусков глины. Грабителями был снят лишь верхний ряд, в результате чего образовалось небольшое отверстие размером 0,3×0,5 м, через которое и было совершено ограбление.

Катакомба неправильной, вытянутой к югу формы. Длина ее 2,60 м, ширина в северной части 1,32 м, в южной — 0,80 м, высота 0,75 м. Западная стенка ориентирована по оси север—юг. Потолок, прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Кости скелета и череп мужчины были свалены в кучу в северо-западном углу. Среди них и поблизости найдены фрагменты центральных костяных накладок на лук, фрагменты рукояти и части клинка железного меча с прямым перекрестием без металлического навершия. Ширина клинка у рукояти 4,8 см, на нем видны следы дерева и ткани от ножен. Здесь же прослежены небольшие кусочки полунствеленного дерева. Среди человеческих костей обнаружены кости ног и лопатка барана.

Большая часть катакомбы оказалась пустой. Песок и известняковая щебенка из заполнения входной ямы проникли лишь в ту ее часть, которая прилегла к входу.

Курган 27. Высота насыпи 0,25 м, диаметр 7,40 м.

Овальная входная яма, расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси северо-северо-восток—юго-юго-запад. Длина ее по

уровню дневной поверхности 1,52 м, ширина 1,08 м, глубина 1,44 м; длина по уровню пола 1,32 м, ширина 0,94 м. Вдоль восточной стены оставлена ступенька шириной 0,22 м, высотой 0,06 м.

Вырубленный в западной стене подобой длиной 1,40 м, шириной 0,70 м, высотой 0,65 м в плане приближается к полуовалу. Южная стена его заглублена по отношению к стене входной ямы, потолок покатый, пол на несколько сантиметров ниже пола входной ямы. Устья заложено несколькими горизонтальными рядами известняковых плит, потревоженных грабителями.

Подбой засыпан песком и известняковым щебнем из заполнения входной ямы. В его северо-западной части сохранился лишь череп подростка. Вещей нет.

Курган 28. Высота насыпи 0,46 м, диаметр по оси север—юг 9,24 м, по оси запад—восток 8,30 м (табл. II, Э).

Подпрямоугольная входная яма с округлыми углами ориентирована по оси юг—север с незначительным отклонением к западу. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,42 м, ширина 1,28 м, глубина 1,40 м; длина по уровню пола 2,04 м, ширина 0,84 м. Вдоль восточной стены одна под другой оставлены две ступеньки шириной соответственно 0,40 и 0,38 м, высотой 0,14 и 0,08 м.

В заполнении ямы, на глубине 0,35 м от уровня дневной поверхности, обнаружены фрагменты стенок лепного кухонного горшка недостаточного обжига. Поверхность покрыта жидким раствором светлого ангоба. Тесто с примесями древесы.

Полуовальный в плане подобой длиной 2,50 м, шириной 0,70 м, высотой 0,50 м вырублен в западной стене. Стенки его, особенно южная, заглублены по отношению к соответствующим стенам входной ямы. Потолок покатый, пол на несколько сантиметров ниже пола входной ямы.

Северная часть устья подбоя заложена тремя горизонтальными рядами известняковых плит. Южная часть прикрыта вертикально стоящей плитой размерами 99×68×13 см.

Подбой был до самого верха заполнен землей и песком, проникшими из заполнения входной ямы, и кусками глины, отделившимися от стен и потолка. В нем покоились два костяка — юнион и ребенка. Хотя часть костей сдвинута, можно установить, что оба они лежали вытянуто, на спине, головами на юг.

Из инвентаря сохранились: фрагменты костяных концевых и средних накладок на лук, дейавшие за черемом ребенка вдоль южной стенки, из которых не полностью воссоставляются лишь две (табл. IV, Д); фрагмент

клинка железного меча или кинжала — у ребер ребенка; фрагменты железного ножа — среди тазовых костей юнион; железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы очень плохой сохранности и фрагмент неидентифицированного железного изделия (возможно, щипцов) — у его ног (табл. VI, 13). В ногах юнион найдены также лопатка и кости передней ноги барана.

Курган 29. Высота насыпи 0,40 м, диаметр по оси север—юг 8,00 м, по оси запад—восток 7,00 м.

Овальная входная яма ориентирована по оси север—юг с незначительным отклонением к востоку. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,50 м, ширина 1,54 м, глубина 2,22 м; длина по уровню пола 2,26 м, ширина 1,00 м. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 1,04 м, высотой 0,1 м.

В заполнении входной ямы найден фрагмент стенки гончарной красноглиняной красноангобированной фляги с прочерченным циркульным орнаментом.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый вместе с прилегающей к нему частью четырьмя горизонтальными рядами известняковых плит.

Катакомба, в плане приближающаяся к овалу, с расширенной средней частью, ориентирована точно по оси север—юг. Длина ее 2,20 м, наибольшая ширина 1,45 м, высота 0,70 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Большая часть катакомбы была засыпана песком, проникшим из заполнения входной ямы. Кости и череп взрослого покойника лежали в беспорядке у восточной стенки, ребенка — у западной. Еще один детский череп обнаружен у южной стенки. Среди детских костей у восточной стенки найдены фрагменты центральных костяных накладок на лук, круглое дисковидное прислце из стенки гончарного сосуда, диаметром 4,8 см, а также лопатка и кости передней ноги барана.

Курган 30. Высота насыпи 0,40 м, диаметр по оси север—юг 6,60 м, по оси запад—восток 7,70 м.

Входная яма, ориентированная по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток, в плане приближается к овалу. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,20 м, ширина 1,34 м, глубина 1,96 м; длина по уровню пола 2,10 м, ширина 0,90 м. В заполнении ямы встречено несколько фрагментов от горловины гончарного красноглиняного горшка, побывавшего в огне. Край венчика прямой, береток слегка скошенный, при переходе от горловины к тулову имеется небольшой уступчик.

В южной стене вырублен вход в ката-

комбу, заложенный несколькими горизонтальными рядами известняковых плит, потревоженных грабителями.

Катакомба, ориентированная точно по оси север—юг, имеет в плане прямоугольную форму. Длина ее 2,42 м, ширина 1,32 м, высота 0,74 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба засыпана песком из заполнения входной ямы, толщиной до 0,25 м. В ней обнаружены кости и черепа четырех покойников: двух мужчин, одной женщины и ребенка. Один лежал почти неподвиженным вдоль западной стенки, вытянуто на спине, головой на юг. Рядом лежали в беспорядке кости другого покойника, череп третьего находился неподалеку от южной стенки, кости и череп четвертого встречены в куче в северо-восточном углу катакомбы.

Среди них обнаружены фрагменты железной кольцевидной пряжки и лезвие цилиндрической курительницы с угольками внутри (табл. VII, 3). Курительница имеет отверстие в боковой стенке. Тулово сужено в средней части. По верхнему краю сделаны косые насечки. В центральной части катакомбы найден железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы, длиной 4,4 см и фрагменты плоского обода от бронзового колына. Кроме того, в разных местах катакомбы среди человеческих костей встречались кости барана.

Курган 31 (табл. III, 1). Это самый большой курган в группе. Высота насыпи в настоящее время 1,68 м, тогда как в древности она достигала, возможно, 2,00 м. Диаметр насыпи 13,80 м. Ее основа состояла из толстого слоя известнякового щебня и крошки, полностью перекрывавшего входную яму и имевшего форму конуса диаметром по оси север—юг 7,15, по оси запад—восток 6,32 м, высотой не меньше 1,50 м. Вершина кургана была уничтожена грабительской воронкой.

Верхняя часть конуса была покрыта напирем из лежащих пластами известняковых плит. Поверх этой выкладки насыпь состояла из песка с вкраплениями мелкого известняка и материковой глины, попадались мелкие угольки, возможно, от сгоревшего хвороста. Здесь же встречены стенки гончарного сосуда, красноглиняного и красноангобированного, а также его днище и несколько костей животных — возможно, остатки трюны.

Центральную часть насыпи пронзает широкая воронкообразная грабительская «лудка». В ней обнаружены фрагмент клинка железного меча с прямым перекрестьем, шириной 1,5 см, обломок черепа и несколько мелких костей животных.

Овальная входная яма, с расширяющейся южной частью, ориентирована по оси север—юг. Длина ее 2,46 м, ширина в северной части 1,30 м, в южной — 1,65 м, глубина 3,20 м. Стены отвесные.

Вдоль северной и северо-западной части ямы вырублен уступ на глубину 0,25—0,30 м, шириной до 0,40 м, вероятно, для облегчения спуска в яму. С этой же целью в северной стене вырублено три вертикальных ряда ступенчатых ступенек-зарубок по четыре-пять в каждом ряду. Вдоль северной стены одна под другой оставлены две ступеньки шириной соответственно 0,92 м и 1,32 м, высотой 0,08 м и 0,04 м.

В южной стене, со сдвигом к западу, вырублен прямоугольный вход в катакомбу, размером 1,64×1,20 м, заложенный горизонтальными рядами сырцовых кирпичей (табл. III, 1а). Сохранилось семь таких рядов (верхние были уничтожены грабителями). Кирпичи клиновидной формы, длина каждого широкого торца 0,26—0,28 м, длина узкого 0,23—0,25 м, длина боковой стороны 0,36—0,38 м, толщина 0,10—0,13 м. Содержание самана в кирпиче относительно небольшое. Сама кладка довольно небрежная, кое-где вместе с кирпичом положены обломки известняковых плит и куски материковой глины. Глиняный раствор содержит известняковую крошку. Заклад покоился на тонком, толщиной 0,06—0,10 м, слое известнякового щебня, покрывавшем дно входной ямы.

Катакомба ориентирована со значительным смещением к западу по отношению к оси входной ямы и имеет в плане подтрапециевидную форму. Длина ее 2,95 м, ширина 2,80 м, высота 1,70 м. Вдоль восточной стенки идет уступ, верхняя поверхность которого образует как бы полочку. Высота его над полом 1,07 м, ширина 0,25 м. Потолок прямой, пол расположен на несколько сантиметров ниже пола входной ямы.

Северная часть катакомбы заполнена песком, известняковой щебенкой и комьями глины, проникшими из заполнения входной ямы. Кости и череп мужчины лежали в беспорядке в северо-восточном углу. Среди них встречены кости коня. Из инвентаря здесь найдены: обломки железного кинжала с чешуйками пурпурного цвета под ними, возможно, от кожи или ткани волея; ручка гончарного кувшина, овальная, с продольным желобком на внешней стороне, краснопато-коричневого теста со следами красного ангоба и фрагмент стенки того же сосуда со следами огня; а также обломки лезвия цилиндрической курительницы с косыми насечками по верхнему краю, высотой 4,1 см (табл. VII,

10). Кое-где под костями сохранились остатки каменной подстилки. Вдоль восточной стены катакомбы видны следы истлевшего дерева в форме планок — возможно, от погребальных носилок.

Курган 32. Высота насыпи 0,62 м, диаметр по оси север—юг 9,40 м, по оси запад—восток 10,25 м. В отличие от других курганов она воздвигнута на лежащем на древнем такыре слое коричневатого опресованного песка, толщиной 0,25—0,27 м, явно искусственного происхождения.

Овальная входная яма, несколько расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток. Длина ее 2,20 м, ширина в северной части 0,80 м, в южной—1,10 м, глубина 1,85 м. Стены почти отвесные. Вдоль северной стены оставлена ступенька шириной 0,80 м, высотой 0,10 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый несколькими рядами лежащих в беспорядке известняковых плит и кусков глины. В закладе обнаружено острое клинка железного кинжала.

Катакомба неправильной подпрямоугольной формы ориентирована со значительным смещением к востоку по отношению к оси входной ямы. Длина ее 2,20 м, ширина 1,20 м, высота 0,75 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба в основном пуста. Лишь у входа лежал слой песка из заполнения входной ямы. Кости и черепа двух мужских скелетов были сдвинуты в кучу у южной стенки. От инвентаря сохранились круглая железная пряжка с подвижным язычком (табл. VI, 11), а также прямоугольный каменный оселок с отверстием для подвешивания в верхней части (табл. VI, 16), длиной 6,8 см, шириной 1,9 см, острия двух железных кинжалов и мелкие фрагменты костяных накладок на дук, из которых частично восстанавливаются две концевые, обнаруженные среди костей. Здесь же найдены кости ног и две лопатки баранов.

Курган 33. Высота насыпи 0,58 м, диаметр по оси север—юг 10,35 м, по оси запад—восток 9,54 м.

Овальная входная яма ориентирована по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток. На стенах ее заметны прямые и косые следы прямоугольного орудия (размеры 10—14×3—4 см). Длина ямы по уровню дневной поверхности 2,54 м, ширина 1,30 м, глубина 2,26 м; длина по уровню пола 2,20 м, ширина 1,04 м. Для облегчения спуска строителями были вырублены три полу-сферические зарубки, две в западной и одна в восточной стене. Вдоль северной стены, одна

под другой, оставлены две ступеньки шириной соответственно 0,91 и 0,83 м, высотой 0,15 и 0,10 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложённый шестью горизонтальными рядами из глыб глины и известняковых плит, потревоженных грабителями. При его расчистке обнаружена лепная курильница с отверстием в боковой стенке и расширяющимся краем (табл. VII, 5); тулово сужено в средней части, высота курильницы 4 см.

Овальная в плане катакомба ориентирована по одной оси с входной ямой с незначительным отклонением к западу. Длина ее 2,36 м, ширина 1,15 м, высота 0,70 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба покрыта слоем глины, обвалившейся со стенок и потолка. Северная часть ее была засыпана песком из заполнения входной ямы. Большая часть костей и черепа двух скелетов — мужского и женского — сдвинуты в кучу в северо-западном углу. Непотревоженными сохранились лишь кости ног одного из покойников, по которым можно установить, что он лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток.

Рядом с кучей костей, неподалеку от входа, обнаружен красноглиняный красноангобированный гончарный горшок (табл. VIII, 2). Горловина его сохранилась не полностью, венчик слегка отогнут, край венчика и борозок прямые. Шейка прямая, тулово яйцевидное. Высота сосуда 21,4 см, диаметр дна 10 см. Здесь же найдены кости ноги и лопатка барана.

Курган 34. Высота насыпи 0,60 м, диаметр 9,40—9,60 м.

Овальная входная яма, расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,50 м, ширина в северной части 0,80 м, в южной—1,14 м, глубина 1,75 м; длина по уровню пола 2,15 м, ширина 0,90 м.

Овальный в плане подбой длиной 2,15 м, шириной 0,70 м, высотой около 0,80 м вырублен в западной стене. Стенки его заглублены по отношению к соответствующим стенам впускной ямы. Потолок, видимо, прямой — влажающие его известняковые плиты обвалились, пол на 5 см ниже пола входной ямы.

Устье подбоя заложено несколькими горизонтальными рядами известняковых плит и кусков глины, скрепленных глиняной обмазкой. Заклад покоился на слое битой глины толщиной 0,3 м, устилавшем дно входной ямы.

Подбой покрыт рухнувшими с потолка из-

вестняковыми плитами. Погребение совершено на глиняной подсылке толщиной 0,3 м, поверхность проследжены остатки истлевшей органической подстилки. Кости и череп мужского скелета сильно потревожены, но можно установить, что покойник лежал вытянуто на спине, головой на юго-юго-восток. У правого бедра его находился железный клинжал с прямым перекрестием без металлического навершия, длиной 38 см, шириной у рукояти 4,2 см (табл. IV, 1). У рукояти клинжала — каменный прямоугольный оселок с отверстием в верхней части, длиной 8,6 см, шириной 1,9 см (табл. VI, 17). Справа от костяка обнаружены фрагменты костяных накладок на лук, боковой срединной, трапециевидной формы, длиной свыше 21 см (табл. IV, 8) и концевой (табл. IV, 5). Ниже тазовых костей — три железных трехлопастных черешковых наконечника стрел (табл. IV, 13—15), длиной 6 см (длина головки 3 см), железная пряжка (табл. VI, 10). Среди костей скелета найдены также кости барана.

Курган 35. Высота насыпи 0,96 м, диаметр по оси север—юг 9,00 м, по оси запад—восток 10,40 м.

Овальная входная яма, расширяющаяся в южной части, ориентирована по оси юго-запад—северо-восток. Отличительной ее особенностью было то, что она начиналась непосредственно с известнякового слоя, для чего специально расширена горизонтальная площадка, а корка древнего такыра, которая, видимо, была очень слабой, содрана. Длина ямы по уровню дневной поверхности 2,40 м, ширина в северной части 0,90 м, в южной — 1,30 м, глубина 2,10 м; длина по полу 1,85 м, ширина 0,85 м.

В юго-западной стене вырублен вход в катакомбу, заложенный несколькими рядами известняковых плит и кусков глины, потревоженных грабителями.

Катакомба, в плане приближающаяся к овалу, ориентирована по одной оси с входной ямой. Длина ее 2,40 м, ширина 1,68 м, высота 0,70 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Северная часть катакомбы засыпана песком и комьями глины из заполнения входной ямы. Кости и черепа двух скелетов — мужского и женского — оказались сдвинутыми в юго-восточном углу, отдельные кости лежали близ входа. У юго-восточной стены найдены кости передних ног и две лопатки барана.

Среди кучи костей обнаружены две ленивые курильницы. Одна прямоугольная с заплатами по краям, высотой 3,1 см (табл. VII, 16), другая цилиндрическая, на круглом поддоне, с отверстием в боковой стенке

(табл. VII, 2). Верхний край орнаментирован кружками, разделенными насечками, высота 4,6 см. Здесь же найдены: фрагменты костяных накладок на лук, из которых не полностью восстанавливаются две концевые и одна боковая срединная; железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы длиной 5,8 см, фрагменты клинка железного меча и круглое дисковидное пряслице, изготовленное из стенки гончарного красноангобированного сосуда, диаметром 4,1 см.

Курган 36. Высота насыпи 0,42 м, диаметр по оси юг—север 6,85 м, по оси запад—восток 8,20 м.

Овальная входная яма ориентирована по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток. Длина ее по уровню дневной поверхности 2,60 м, ширина 1,40 м, глубина 1,92 м; длина по уровню пола 2,24 м, ширина 1,14 м. Вдоль северной стены одна под другой оставлены две ступеньки шириной соответственно 1,30 м и 0,89 м, высотой 0,16 м и 0,12 м.

В южной стене вырублен вход в катакомбу, заложенный несколькими рядами известняковых плит и кусков глины, потревоженных грабителями.

Катакомба овальной формы, несколько сужающаяся к югу, ориентирована по одной оси с входной ямой. Длина ее 2,15 м, ширина 1,36 м, высота 0,76 м. Потолок прямой, пол расположен на одном уровне с полом входной ямы.

Катакомба была засыпана песком и комьями глины из заполнения входной ямы. Кости и черепа двух взрослых покойников — мужчины и женщины — лежали в беспорядке вдоль восточной и западной стенок. In situ сохранились только кости ног костяка, лежавшего вдоль западной стенки. По ним можно установить, что покойник лежал на спине, головой на юго-восток.

Из инвентаря сохранилось лишь круглое дисковидное пряслице из стенки гончарного красноангобированного сосуда, диаметром 4,6 см, обнаруженное у восточной стенки катакомбы.

В том же 1966 г. были проведены рекогносцировочные раскопки курганов в третьей, западной группе могильника Туз-гыр. Она состоит, примерно, из 100 расположенных несколькими цепочками в западной части возвышенности насыпей. Точное число курганов определить невозможно, так как некоторые из них практически не имеют насыпей и читаются на поверхности с трудом. В то же время встречались исключенные типа курганов, оказавшиеся естественными образованиями. В западной группе раскопано пять курганов, которые по обряду и погребальному инвен-

тарю дали материал, идентичный полученному при раскопках курганов юго-западной группы.

Курган 1 (табл. V, 1). Насыпь полусферической формы, высота 0,46 м, диаметр 6,50 м.

Входная яма овальной формы ориентирована по оси юго-юго-запад—северо-северо-восток с отклонением к западу на 20° от оси север—юг. Длина могильной ямы на уровне дневной поверхности 2,40 м, ширина до 0,98 м. Длина ямы на уровне пола 2,00 м, ширина 0,92 м, глубина 1,39 м. В западной стене—подбой, вход в который заложен четырьмя горизонтальными рядами плит из песчаника размером 35×24×9 см, 30×21×6 см, 27×20×17 см и т. д.

Пол могильной ямы плавный, без ступеньки, переходит в пол подбоя. Длина подбоя 2,40 м, наибольшая ширина 0,52 м, высота 0,70 м. В подбое находился скелет подростка, который был положен на спину в вытянутом положении, головой на юг, руки вытянуты вдоль тела, правая нога согнута в колене, левая—вытянута. Погребальный инвентарь в подбое не обнаружен. Лишь в заполнении могильной ямы встречено несколько костей барана. Погребение не ограждено.

Курган 2. Насыпь полусферической формы, высота ее 0,28 м, диаметр 7,10 м.

Входная яма овальной формы, ориентирована по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток, с отклонением по оси север—юг на 21°. Длина могильной ямы на уровне дневной поверхности 1,94 м, ширина 0,76 м. Длина ямы на уровне по дну 1,40, глубина ямы до ступеньки 1,62 м, ширина ступеньки 0,42 м, высота ступеньки 0,16 м. Глубина ямы до ее дна 1,78 см. Дно ямы переходит в дно подбоя, который находится в западной стене. Вход в подбой заложен плитами известняка в два горизонтальных ряда, поверх которых с глубины 0,80 м от поверхности набросаны в беспорядке бесформенные куски известняка, песчаника и глины.

Потолок подбоя полусферической формы, переходящий ко дну. Высота подбоя 0,44 м, длина 1,93 м, ширина 0,68 м. В подбое головой на юг похоронен подросток. Он лежал на спине, руки вытянуты. Кости плохой сохранности. Между бедренными костями найден железный нож, около костей левой ноги—бронзовое височное кольцо из витой проволоки с захватными концами (табл. VI, 4). Около плеча обнаружено керамическое прислание из стенки сосуда, у правой ноги—кости барана плохой сохранности. Погребение не ограждено.

Курган 3. Насыпь кургана полусферической формы, немного оплывшая к югу, так как курган находится на самом краю плато.

Высота насыпи до 0,8 м, диаметр по оси север—юг 12,0 м, по оси восток—запад 9,3 м.

Входная яма овальной формы, с некоторым расширением в южной части, ориентирована по оси северо-запад—юго-восток, с отклонением от линии север—юг на 30°. Длина могильной ямы на уровне дневной поверхности 2,90 м, наибольшая ширина 1,56 м; длина ямы на уровне пола 2,36 м, наибольшая ширина 1,27 м, глубина 2,85 м. На стенах ямы видны следы прямоугольного орудия типа мотыги или кирки длиной 10—13 см и шириной 3—4 см.

В яме две ступеньки: первая на глубине 2,50 м, в 0,93 м от северной стены могильной ямы, высота ее 0,14 м; вторая—на расстоянии 1,20 от северной стены ямы, высотой 0,20 см. Ниже дно ямы плавное переходит в дно катакомбы, вырубленной в южной стене. Устья катакомбы прямоугольной формы было заложено шестью горизонтально лежащими рядами известняковых плит и кусками глины. Заклад устья катакомбы оказался сдвинутым и частично разобранным грабителями. Высота катакомбы 0,80 м, потолок прямой, длина ее 1,78 м, наибольшая ширина 1,38 м. Рядом со входом у западной стены катакомбы находились две кучи костей и мужской череп. Среди костей обнаружено несколько спешкиных железных трехлопастных черешковых наконечников стрел (табл. IV, 18); в заполнении могильной ямы на глубине 1,94 м найден плохо сохранившийся обломок железного княжата.

Курган 4 (табл. V, 2). Насыпь полусферической формы. Высота ее 0,58 м, диаметр 8,40 м. Входная яма прямоугольной формы со скругленными углами, стены ее отвесны, длина по уровню дневной поверхности 2,24, по уровню пола 2,16 м. Ширина соответственно 1,00 м и 0,94 м. Глубина ямы 1,92. У самого дна имеется высокая ступенька (высота 0,4 м) в 0,5 м от восточной стены ямы. Дно ямы плавное переходит в дно подбоя, вырубленного в западной стене. На глубине 1,00 м и ниже могильная яма была заложена на всю площадь известняковыми плитами и кусками глины, которыми прокладывались промежутки между плитами. Закладка состояла из пяти горизонтально расположенных рядов плит и закрывала вход в подбой. Высота подбоя 0,66 м, потолок полусферической формы. Подбой имел форму овала. Длина его 2,50 м, ширина 0,47 м. В подбое у западной стены вытянуто на спине, головой на юг была погребена женщина. Костяк лежал в правильном анатомическом порядке. Он был, вероятно, накрыт либо досками, либо носилками: на плечевых костях, ребрах, на правой руке и на поз-

вожках обнаружены остатки истлевшего дерева.

У южной стены неподалеку от головы покойницы стоял небольшой красноглиняный красноангобированный кувшинчик (табл. VIII, 5) шаровидной формы с узким горлом и небольшим оттянутым венчиком, с узким дном (6 см). Ручка кувшина начинается непосредственно от венчика, резко подрезана в корневой части и по виду напоминает львиноголовые ручки хорезмийских сосудов.

Около фаланг пальцев правой руки погребенной лежало керамическое пряслице, сделанное из стенки сосуда. В ногах найдены лопатка и ребра барана. Могила не подвергалась ограблению.

Курган 5 (табл. V, 3). Насыпь полусферической формы. Высота 0,54 м, диаметр 7,3 м. Входная яма прямоугольной формы с немного скругленными углами. Стены ямы почти отвесны. Длина ее по дневной поверхности 1,98 м, по уровню пола 1,74 м, ширина соответственно 0,86 м и 0,80 м. Глубина ямы 2,50 м. В яме имеется ступенька у самого дна высотой 16 см, которая отстоит от восточной стены на 0,52 см. Пол ямы плавно переходит в пол подбоя, который вырублен в западной стене. Подбой был заложен большими кусками материковой зеленой глины. В заполнении ямы и на ее стенках, а также на краях входной ямы прослежены остатки истлевшего дерева или камыша. Вероятно, могильная яма имела перекрытие, которое затем рухнуло.

Подбой невысокий — 0,45 м. Потолок прямой. Форма подбоя овальная, длина его 2,04 м, ширина 0,72 м. В подбое находился костяк очень плохой сохранности. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на юг. В головах стоял небольшой гончарный горшок шаровидной формы, красноглиняный, с двусторонним светлым ангобом (табл. VIII, 6), с относительно широким горлом, несколько оттянутым венчиком и узким дном. У предплечья найдено несколько фрагментов железного изделия, а также кости барана. Могила не подвергалась ограблению.

Несмотря на то что почти все раскопанные курганы оказались разграбленными, полученный материал дает возможность восстановить в основных чертах устройство погребальных сооружений и погребальный ритуал.

В раскопанной нами юго-западной курганной группе подбойные и катакомбные захоронения содержат 34 кургана. Подбой обнаружены в 15 курганах и катакомбы в 19. Оба вида захоронений размещаются попеременно. Можно только отметить, что подбой преобладают в восточной части курганной группы (12 подбоя и 5 катакомб), а катакомбы —

в западной (14 катакомб и 3 подбоя). И одиночные, и парные, и коллективные захоронения встречаются как в подбоях, так и в катакомбах. В подбоях обнаружено 10 одиночных погребений (№ 1—5, 7, 12, 16, 27, 34), четыре парных (№ 6, 8, 13, 28) и одно с тремя костяками (№ 18). В катакомбах — четыре одиночных захоронения (№ 10, 11, 26, 31), 12 парных (№ 9, 14, 15, 20, 21, 22, 23, 25, 31, 33, 35, 36) и три коллективных (№ 24, 29, 30). Всего в подбойно-катакомбных погребениях юго-западной группы обнаружено 14 одиночных, в том числе восемь мужских (№ 2, 4, 10, 12, 16, 26, 31, 34), четыре женских (№ 1, 5, 7, 11) и два детских (№ 3, 27); 16 парных, среди них 10 захоронений мужчины и женщины (№ 6, 9, 13, 14, 21, 22, 23, 33, 35, 36), четыре однополых — по два мужских (№ 25, 32) и женских (№ 20, 22) погребения и два погребения взрослого с ребенком (№ 8, 28); № 28 — юноша с ребенком; три захоронения с тремя покойниками: женщина с детьми (№ 18), взрослый (пол не выяснен) с детьми (№ 29) и две женщины с ребенком (№ 24); одно захоронение с четырьмя костяками (№ 30) — два мужских, женский и детский.

В западной группе из пяти раскопанных курганов четыре подбоя (№ 1, 2, 4, 5) и одна катакомба (№ 3). Все четыре подбоя не ограблены, а катакомба подвергалась ограблению. Все захоронения одиночные. В подбоях похоронено две женщины (№ 4, 5) и два подростка (№ 1, 2). Катакомбное погребение мужское (№ 3). И в подбоях, и в катакомбах встречен сходный набор вещей, положенных в могилу с покойником. Судя по погребальному инвентарю курганов юго-западной группы, количественное соотношение одинаковых типов вещей в подбоях и катакомбах было примерно равным. Так, княжалы встречены в шести катакомбах и в четырех подбоях, наконечники стрел соответственно в пяти и пяти, накладки на лук в 10 и в семи и курильницы — в 11 и в трех катакомбах и подбоях. Такое равномерное распределение сходного инвентаря (в последнем случае соотношение несколько нарушено) в подбоях и катакомбах, а также сходный ритуал захоронения указывают на вероятную одновременность существования обоих типов погребений.

Все подбой вырублены в западной стене входной ямы и ориентированы в одном с ней направлении.

Катакомбы были ориентированы по одной оси с входной ямой или с небольшими отклонениями к западу или востоку. Небольшое прямоугольное входное отверстие вырубалось

в южной стене входной ямы. Дромос практически отсутствовал.

И в подбоях, и в катакомбах покойников хоронили вытянуто на спине, головами на юг, иногда с небольшими отклонениями к западу или востоку. В отдельных случаях (курганы 8, 10, 22) удалось проследить, что руины их располагались в области живота или на лобке. Судя по непотревоженным участкам подбоев и катакомб, покойников клали на органическую подстилку, вероятно, камышовую. Во многих погребениях встречены куски истлевшего дерева — назначение их неясно. В катакомбе кургана 31 они сохранили форму планок, возможно, от погребальных носилок.

Мужчинам в могилу клали прежде всего оружие. Предметы вооружения обнаружены в 21 кургане, погребения которых содержали мужские захоронения (одиночные и парные — разнополюе и однополюе). Исключением является курган 8, где похоронены женщина с ребенком, — там найдены обломки концевых наклеек лука.

Женщинам клали предметы хозяйственного назначения, главным образом пряслица. Курильницы встречены как в женских, так и в мужских захоронениях, но преимущественно в катакомбах.

Непрерывной чертой погребального ритуала было положение заупокойной пищи в виде передней ноги и лопатки барана в ногах покойника. Лишь в катакомбе кургана 31, выделявшегося своими размерами, вместо бараньих костей были найдены кости коня.

Устья подбоев и входные отверстия в катакомбы закладывались подручным материалом, т. е. несколькими горизонтальными рядами известняковых плит и кусков глины, иногда скрепленных друг с другом и со стенами входной ямы глиняным раствором. Часто заклад занимал также прилегающую часть дна входной ямы, обычно до ступеньки.

Входная яма засыпалась вырытым при сооружении погребения грунтом. Сверху возводили насыпь из песка. Ни у одной из вскрытых насыпей проследить ровик не удалось. Насыпи курганов 18 и 31 по своему устройству несколько отличаются от остальных. В их центральной части имелись вымостки из расположенных в один ряд известняковых плит. Следует также отметить, что это самые высокие насыпи.

Как уже говорилось, все погребения, кроме четырех захоронений западной группы, были разграблены, что создало определенные трудности при их анализе. Судя по половозрастному составу погребенных, и подбой, и катакомбы служили усыпальницами малых семей. Несколько настораживает только неожиданно

большой процент однополюх коллективных погребений. Кроме того, поскольку подавляющее большинство покойников было потревожено грабителями, непонятым остался вопрос об одновременности или разновременности парных и коллективных захоронений. Разграбление курганов юго-западной группы и непотревоженность погребений западной группы дают возможность предположить, что первые были более богатыми, а вторые принадлежали рядовым членам общества. Это тем более вероятно, что даже после ограбления курганы юго-западной группы сохранили достаточно внушительный набор предметов погребального инвентаря, не идущий ни в какое сравнение с материалом из неограбленных курганов западной группы.

Мечи и кинжалы (табл. IV, 1, 2). В большинстве случаев сохранились в небольших фрагментах и только два из них, из катакомбного захоронения кургана 9 и подбоя кургана 34, почти целые. Все найденные экземпляры *двулезвийные, лнзвидные в сечении, с рукоятью-штырем, без металлического навершия*. Они представлены двумя типами: с прямым железным перекрестием (курганы 16, 26, 31, 34) и без металлического перекрестия, с треугольным основанием клинка, плавно переходящим в рукоять-штырь (курган 9). Оба типа мечей и кинжалов хорошо известны по многочисленным находкам в Средней Азии и в сарматском мире и сосуществуют одновременно, хотя между ними и наблюдаются некоторые хронологические различия.

Мечи и кинжалы с прямым перекрестием без металлического навершия появляются в последние века до н. э.⁷ В первые века нашей эры они постепенно выходят из употребления. В Средней Азии они встречены в Кую-Мазарском⁸, Лявандакском⁹ и Тулхарском¹⁰ могильниках, в погребениях II в. до н. э.—II в. н. э. В более позднее время они не встречаются.

⁷ В Средней Азии наиболее ранние — меч, найденный вместе с кинжалом с серповидным навершием (Объявченко О. В. Кую-Мазарский могильник. — ТИИА, 1956, вып. VIII, с. 210) и меч, найденный вместе с кинжалом с дуговидным перекрестием и кольцевым навершием (Объявченко О. В. Лявандакский могильник. — ИМКУ, 1961, вып. 2, с. 104). У сарматов они известны начиная с прохоровского времени.

⁸ Объявченко О. В. Кую-Мазарский могильник, с. 220—221, рис. 16; *Он же*. Курганные погребения перных веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. — Труды САГУ, Нов. сер. Историческая наука, 1957, кн. 25, вып. XXI, с. 119.

⁹ Объявченко О. В. Лявандакский могильник, с. 131, рис. 8.

¹⁰ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136, с. 102, табл. XXXIX, 1, 2.

Напротив, мечи и кинжалы с треугольным основанием клинка, без металлического перекрестья, хотя и известны с последних веков до нашей эры, наиболее характерны именно для двух первых веков нашей эры и довольно хорошо представлены в подобных же и катакомбных погребениях Средней Азии. В III—IV вв. они еще встречаются, но реже: господствуют мечи, клинки которых образуют прямой угол с рукоятью-штырем.

Луки (табл. IV, 3—10). Найдены в погребениях в довольно большом количестве. Хотя, как правило, в погребениях сохранились лишь обломки костяных накладок, мы можем реконструировать их довольно точно. Луки были асимметричными и имели в длину 1,3—1,4 м, судя по замерам в катакомбе кургана 23. У них по семь костяных накладок: две парные концевые и три центральные. Концевые накладки, длинные и изогнутые, первоначально должны были достигать длины около 25 см.

Одни концевые накладки имели округлый край и прямоугольный вырез для тетивы (курганы 4, 14, 16, 21, 23, 28, 32), другие — напротив, прямоугольный расширяющийся край и округлый вырез для тетивы (курганы 4, 10, 34). На первых тетива крепилась напроц, а сами они были более длинными, а вторые, более короткие, — лишь перед стрельбой.

Боковые срединные накладки по форме приближались к трапецевидным. Длина их первоначально равнялась около 25 см, ширина — 3 см. Между ними располагалась узкая прямая накладка.

Таким образом, луки найденные в тузгирских погребениях, представляют собой обычные луки, так называемого гунского типа, широко распространенные в первые века нашей эры в Средней Азии и сопредельных странах¹¹.

Концевые накладки на лук были найдены и на ряде памятников Хорезма: Кой-Крылганкале, в слоях первых веков нашей эры¹², Тонрак-кале, во дворе, относящемся в III в. н. э.¹³; на городище Куля-Уаз, верхний слой которого датируется III—началом IV в. н. э.¹⁴

А. А. Гаврилова разделила по форме концевых накладок такие луки на две группы: к первой она отнесла экземпляры с длинными, сильно изогнутыми накладками, характерные для района Центрального Тянь-Шаня; ко второй — луки с короткими, мало изогнутыми накладками, характерные для гунских и сарматских памятников¹⁵. Следуя этой классификации, тузгирские луки можно отнести к первой группе.

Наконечники стрел (табл. IV, 13—18). Представлены одним типом — все они трехлопастные, железные, черешковые, с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку.

Длина наконечников равняется 5—6 см, длина черешка равна длине головки или немного меньше ее.

Такие наконечники в последние века до нашей эры и первые века нашей эры чрезвычайно широко распространяются в Средней Азии, в областях, занятых сарматами, и в других районах. Обращает на себя внимание отсутствие крупных наконечников, которые обычно появляются вместе с луками «гунского» типа. Но имеющийся материал пока весьма невелик, и находка в дальнейшем более крупных экземпляров в погребениях могильника Тузгыр не исключена. К тому же мелкие наконечники стрел в Средней Азии доживают до III—IV вв. н. э.¹⁶, а в Беграме сравнительно мелкие наконечники попадаются наряду с крупными в слоях III—IV вв. н. э.¹⁷

Исключение составляет железный наконечник стрелы из кургана 10. В отличие от других он втульчатый трехлопастной, т. е. должен быть значительно ранним, чему противоречит остальная инвентарь и обряд захоронения, ничем от прочих не отличающийся. В качестве одного из возможных объяснений следует напомнить, что у сарматов зафиксировано несколько случаев, когда в погребениях клали наконечники стрел давно вышедших из употребления типов.

Ножи (табл. V, 11, 12). Найдено девять. Они встречаются как в мужских, так и в женских погребениях. Все ножи железные, однолезвийные, с прямой спинкой и черешком, вставившимся в деревянную рукоять. Такие ножи бывали в течение длительного времени на весьма обширной территории. Это обычные

¹¹ Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.

¹² Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХЗ, т. V, 1967, с. 137.

¹³ Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1949 гг.). М., 1953, с. 34—35.

¹⁴ Равак Е. Е. Археологическое обследование городища Куля-Уаз в 1952 г. — ТХЗ, 1958, т. II, с. 375.

¹⁵ Гаврилова А. А. Могильник Кудургаг как исторический источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, с. 31.

¹⁶ Литвинский В. А. Среднеазийские железные наконечники стрел. — СА, 1965, № 2, с. 82.

¹⁷ Ghirshman R. Bagram Memoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris, 1946, т. XII, p. 77, tabl. XXI, 13, 15—19.

находки и подбойных и катакомбных погребениях Средней Азии, где они встречаются вместе с ладукошной пищей¹⁸. Это же наблюдается и в Туз-гырском могильнике.

Пряжки. Железные, круглые, с подвижным язычком (табл. VI, 11, 12). В последние века до нашей эры — первые века нашей эры они господствуют в Средней Азии¹⁹, Южном Приуралье и Нижнем Поволжье, часто встречаясь в подбойных и катакомбных захоронениях. Аналогичные бронзовые пряжки найдены на Куны-Уазе и датируются III—IV вв. н. э.²⁰

Осежки (табл. VI, 15—17). Каменные, прямоугольные или сигаровидные, с отверстием для подвешивания в верхней части, также распространены чрезвычайно широко, а в Средней Азии являются обычной находкой в погребениях последних веков до нашей эры — первых веков нашей эры.

В качестве точильных камней могли использоваться камни из песчаника, встреченные в кургане 16 (табл. VI, 18, 19), но они могли иметь и магическое назначение. Положение таких камней в могилу с магической целью характерно для многих народов²¹, в частности для сарматов²².

Пряслица (табл. VI, 1—3). Весьма своеобразны. Все они круглые, дисковидные, изготовленные из стенок гончарных, обычно красноангобированных сосудов. Такие пряслица не характерны ни для сарматов, ни для подбойных и катакомбных погребений Средней Азии, где преобладают биконические пряслица из хорошо отмученной глины, встречающиеся и на многих поселениях²³. Зато они хорошо известны в Хорезме²⁴, откуда, безусловно, и были заимствованы населением, оставившим описываемые погребения могильника Туз-гыр.

Зеркало (табл. VI, 14). Точные аналогии зеркалу, найденному в кургане 22, нам неизвестны. Зеркало с таким же гравированным орнаментом найдено в кургане 27 могильника Тура-Таш, датированном первыми веками до нашей эры — первыми веками нашей эры, но оно имеет короткий бронзовый штырь с отвер-

ствием²⁵. Бронзовые зеркала с железными рукоятками известны в сарматских памятниках. Такие зеркала характерны для первых веков нашей эры²⁶.

Бусы (табл. IX, 1—4). Представлены различными типами. Бусины из стекла с внутренней позолотой, обнаруженные в кургане 22, являются в Египте еще в IV в. до н. э. и широко распространяются в эллинистическое и римское время. Они известны в городах Северного Причерноморья, в скифо-сарматском мире, в Средней Азии, в частности в Лавандакском могильнике²⁷. В Хорезме подобные бусы встречены в среднем горизонте Кой-Крылган-кала²⁸.

Бусины, найденные в курганах 21, 23, встречаются также весьма широко в эллинистическое и римское время²⁹.

Что касается крупной 14-гранной бусины из кургана 25, то она, очевидно, служила навершием меча, обломки которого были найдены в том же погребении. Подобные навершия мечей и кинжалов характерны для первых веков нашей эры.

Курильницы (табл. VII). Довольно многочисленны. Все они лепные, сероглиняные или красноглиняные, иногда имеют одно или два отверстия в боковых стенках. Среди них выделяются несколько типов.

Наиболее многочисленны цилиндрические курильницы, представленные несколькими разновидностями: цилиндрические курильницы с уплощенным дном и прямыми боковыми стенками (курганы 21, 22, 23, 31); цилиндрические курильницы с уплощенным дном и боковыми стенками, несколько сужающимися в средней части (курганы 18, 30, 33); курильницы с округлым дном и боковыми стенками, несколько расширяющимися к устью (курганы 13, 20, 21, 22, 24, 29); цилиндрическая курильница с поддоном, прямыми боковыми стенками и выступающим венчиком (курган 25).

Цилиндрические курильницы в различных вариантах имеют довольно широкий ареал распространения и бытуют продолжительное время. Особенно характерны они для последних веков до нашей эры и первых веков н. э.³⁰

¹⁸ *Мандельштам А. М.* Кочевники..., с. 115, табл. XLVIII.

¹⁹ Там же, с. 112, табл. XLIII, 2—5, 7, 16, 18; *Он же.* Памятники кочевников Кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, табл. XIV, 11, 12; XXXI, 3; XXXII, 2.

²⁰ *Нерзак Е. Е.* Археологическое обследование..., с. 387—388, рис. 40, 1.

²¹ *Чурсин Г. Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала, 1925, с. 212.

²² *Шлюв В. П.* Калининский курганный могильник. — МИА, 1959, № 60, с. 430.

²³ *Сорокин С. С.* Среднеазийские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. — СА, 1956, XXVI, с. 107.

²⁴ Кой-Крылган-кала..., с. 166—167.

²⁵ *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткина и Ляйлика. Фрунзе, 1962, с. 58, табл. XV, 7.

²⁶ *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, с. 64.

²⁷ *Обельченко О. В.* Ляндакский могильник, с. 155.

²⁸ Кой-Крылган-кала..., с. 152, табл. XVII, 23—25.

²⁹ *Погребова И. И.* Бусы Боснора. — Архив ИА АН СССР, № 911.

³⁰ *Шлюв В. П.* Калининский курганный могильник, с. 450, 480; *Валыгина М. И.* Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 227, табл. 111, 4.

Цилиндрическая курильница на круглом поддоне и с прямыми боковыми стенками (курган 35) близка, но не идентична некоторым курильницам, найденным в Кую-Мазарском могильнике³¹.

Прямоугольные курильницы с широким дном и низкими боковыми стенками (курганы 6, 35) также распространены весьма широко, встречаются в Средней Азии и у сарматов. Ближайшие аналогии — в Лявандакском могильнике³².

Небольшие прямоугольные курильницы встречаются в среднем и верхнем горизонтах Кой-Крылга-калы³³.

Во многих курильницах либо в противоположных стенках, либо в заступах углов по диагонали имеются по два отверстия, вероятно, для подвешивания.

Курильницы встречены как в мужских, так и в женских погребениях. Их ритуальное назначение не вызывает сомнений. В некоторых из них обнаружены угольки и обгоревшие веточки, что свидетельствует о том, что они играли определенную роль в погребальном обряде.

Керамика (табл. VIII). Весьма немногочисленная, большая ее часть найдена в обломках. Все гончарные сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины, красноватого цвета, их поверхность покрыта красным ангобом. Среди них выделяются горшки со слегка отогнутыми венчиками и уступом при переходе от шейки к тулову (курганы 10, 16, 30). От них отличается горшок из кургана 33 с яйцевидным туловищем.

Точных аналогий таким горшкам мы не знаем. По внешнему облику, пропорциям, характеру подрезки дна они напоминают ферганские³⁴.

Обломки фляги (курган 29) относятся к общераспространенному в Средней Азии к кушанское время типу.

Ручка кувшина из кургана 31 имеет прямые аналогии в кушано-афригидском слое городища Куя-Уаз³⁵. Остальные фрагменты гончарных сосудов невыразительны.

Многочисленные фрагменты лепной керамики относятся к грубым кухонным горшкам.

Хотя точных аналогий явно недостаточно, можно сказать, что керамика исследованных погребений стадияльно соответствует той, ко-

торая бытует в Средней Азии во II—IV вв. н. э.

Если мы на основе проведенного анализа попытаемся датировать могильник в целом, то его погребальный инвентарь характерен для первых веков нашей эры, особенно для I—II вв. н. э. На это указывают мечи с прямыми перекрестием без металлического навершия, бронзовое зеркало, круглые пряжки с подвижным язычком, мелкие железные наконечники стрел, отсутствие крупных наконечников стрел и мечей, у которых основание клинка образует прямой угол с рукоятью-штырем. Последние были характерны для III—IV вв. н. э. В то же время керамика в целом более типична для II—IV вв. н. э. Поэтому представляется целесообразным датировать пока эти погребения I—III вв. н. э. с учетом того, что дальнейшие раскопки уточнят эту датировку.

В культурном отношении подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр наиболее близки к аналогичным погребениям Бухарского оазиса. Эта близость, иногда доходящая до тождества, наблюдается в устройстве погребальных сооружений, в обряде захоронения, в инвентаре и, вероятно, в хронологическом отношении.

В связи с этим встает вопрос об этнической принадлежности племен, оставивших исследованные погребения. Очевидно, они оставлены пришлыми племенами, а не коренным населением Хорезма. Даже культурное влияние Хорезма, вполне вероятное, по материалам этих погребений прослеживается пока слабо. В свое время О. В. Обельченко отнес погребения Бухарского оазиса к сарматам³⁶. Хотя мы не можем полностью разделить это мнение, выраженное в весьма категорической форме, в нем, вероятно, имеется зерно истины. Действительно, в культурном отношении подбойные и катакомбные захоронения Бухарского оазиса, равно как могильника Туз-гыр, наиболее близки к захоронениям приаральских сарматов. Эта близость в отношении тузгирских захоронений прослеживается и на антропологическом материале³⁷.

Все это позволяет говорить о присутствии определенного сарматского или сарматоидного элемента среди населения, оставившего указанные погребения в обоих районах. Однако пока преждевременно судить, являлся ли этот элемент результатом тесных культурно-этнических связей или прямого включения некоторых групп сарматов в среднеазиатскую кочевую среду.

³¹ Обельченко О. В. Курганные погребения... рис. на с. 114, 118.
³² Обельченко О. В. Лявандакский могильник, рис. 17.
³³ Кой-Крылга-кала..., с. 128, табл. XIV, 3, 5, 13.
³⁴ Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. — СА, 1954, XX, рис. 4, 6; Варшвин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники..., табл. IV; IX.
³⁵ Первак Е. Е. Археологическое обследование..., рис. 9.
³⁶ Обельченко О. В. Лявандакский могильник, с. 172.
³⁷ Трофимова Т. А. Черта из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-гыр (Кую-Западные Приаралье). — В кн.: Раскопательские процессы в этнической истории. М., 1974, с. 154—178.

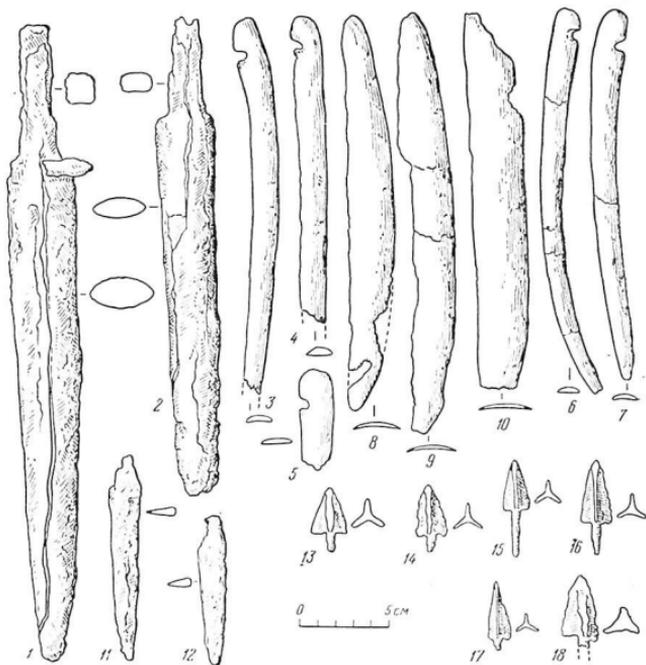
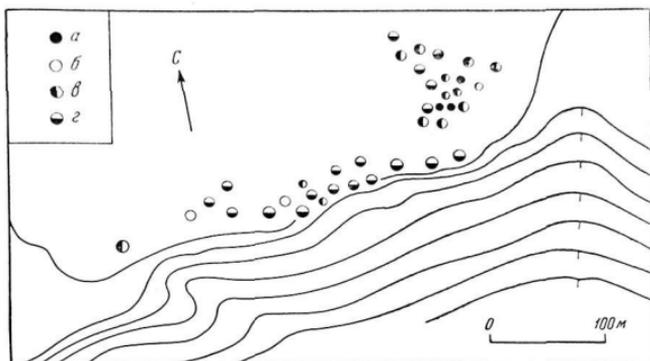

Таблица I. План юго-западной группы могильника Тууз-гыр

а — грунтовые погребения; б — нераскопанные курганы;
в — курганы с пологом; г — курганы с платформой

Таблица IV. Предметы вооружения из погребений могильника Тууз-гыр

1, 2 — железные викидалы; 3—7 — концевые накладки из кости на лук; 8—10 — средние накладки из кости на лук; 11, 12 — железные ножи; 13—18 — железные наконечники стрел; 1—12 из курганов юго-западной группы; 1, 2, 8, 13—16 — курган 34; 2, 12 — курган 9; 3, 7, 17 — курган 16; 4 — курган 28; 6 — курган 23; 9 — курган 25; 10 — курган 26; 11 — курган 21; 16 — курган 4; 18 — курган 3 (западная группа)

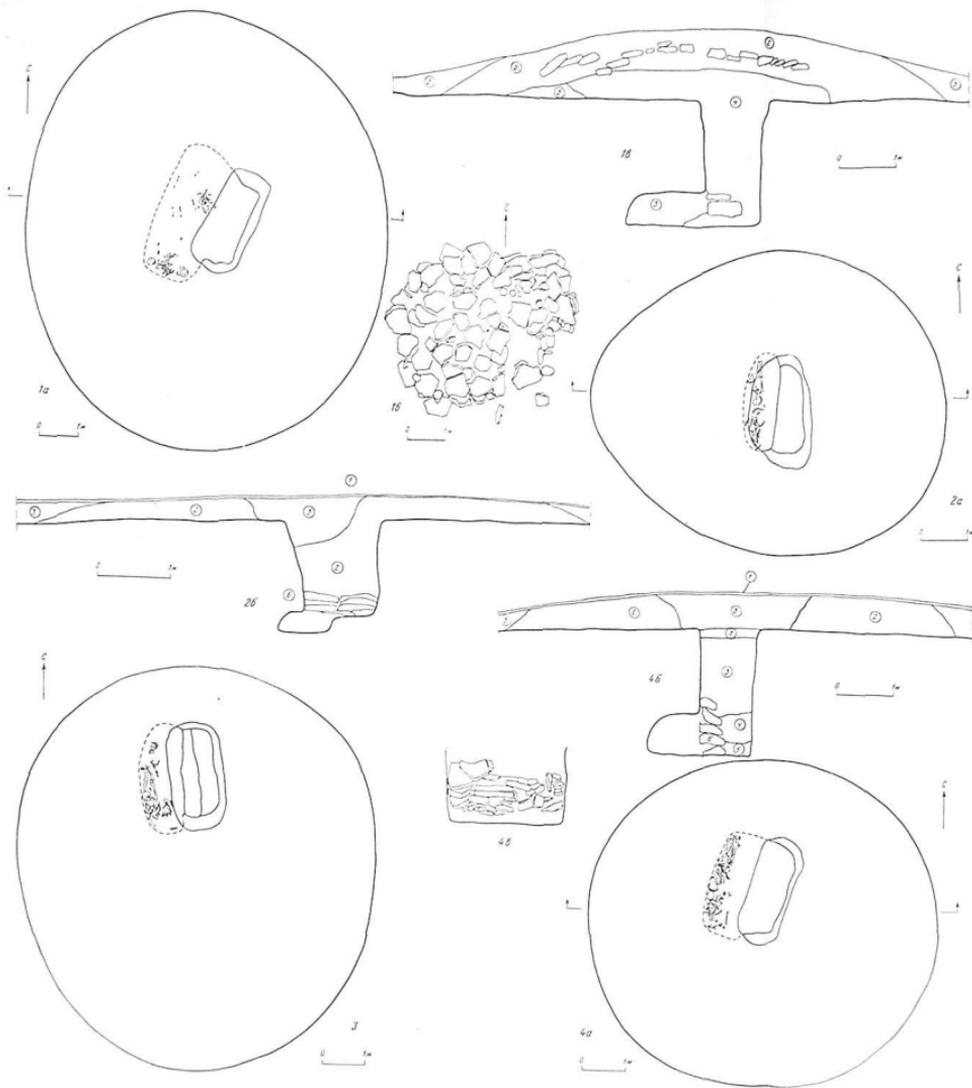

Таблица II. Планы и разрезы кургана с подобными захоронениями юго-западной группы могильника Туртыр

1 — курган 18 (а — план, б — выкопана в земле, в — разрез);
 2 — курган 13 (а — план, б — разрез); 3 — план захоронения
 кургана 12, 4 — курган 12 (а — план, б — разрез, в — выкопана

облиц). Условные обозначения и разрезы кургана: 1 — тачка;
 2 — валистый пояс и прилегающая валистая облицовка, 3 —
 валик или валистый пояс; 4 — сруб с валистыми
 валичками и валистой облицовкой, 5 — валистый пояс;
 6 — плита валистая, облицовка облицовка или облицовка (стр.
 гма 18) — плытый пояс

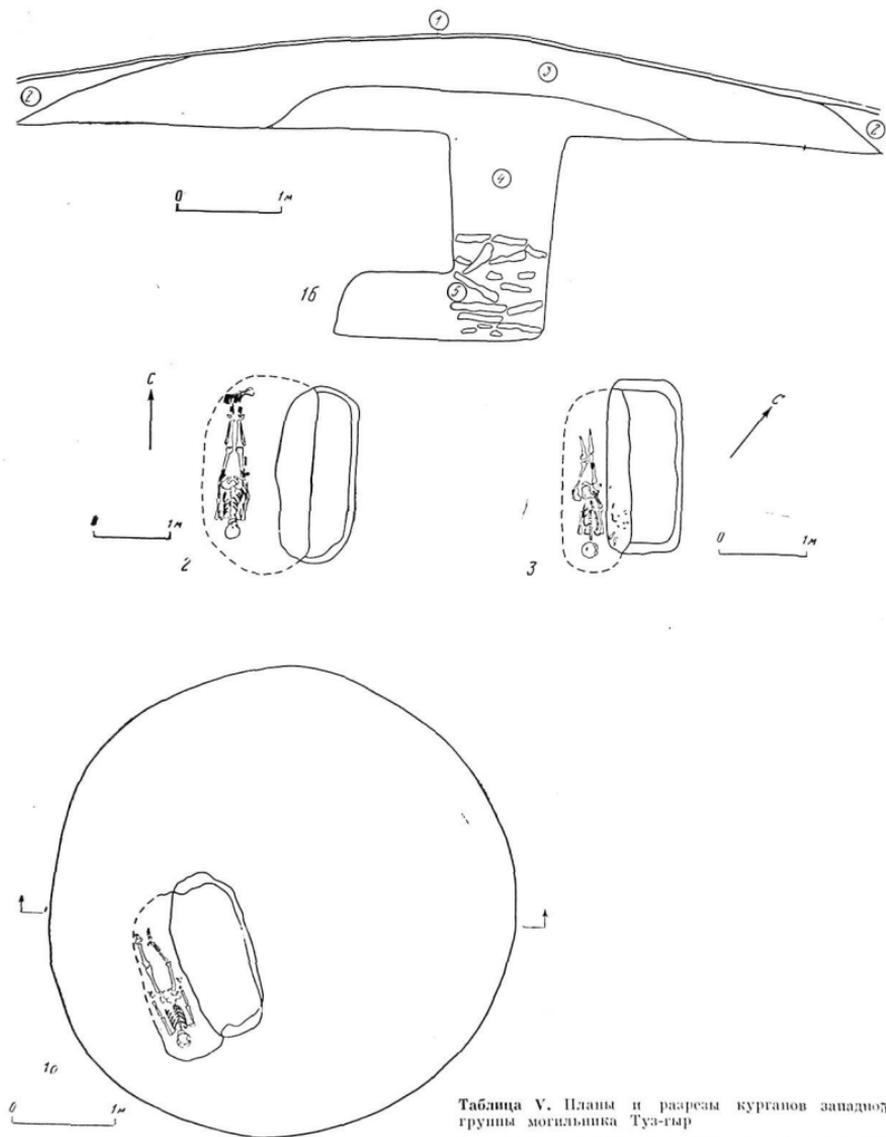

Таблица V. Планы и разрезы курганов западной группы могильника Туз-гир

1 — курган 1 (а — план, б — разрез); 2 — план погребения кургана 2; 3 — план погребения кургана 3; Условные обозначения в разрезе кургана 1: 1 — таптар; 2 — песок; 3 — насыпной песок с примесью известковой щебенки; 4 — плотный песок; 5 — плиты известняка, засыпаны подбой

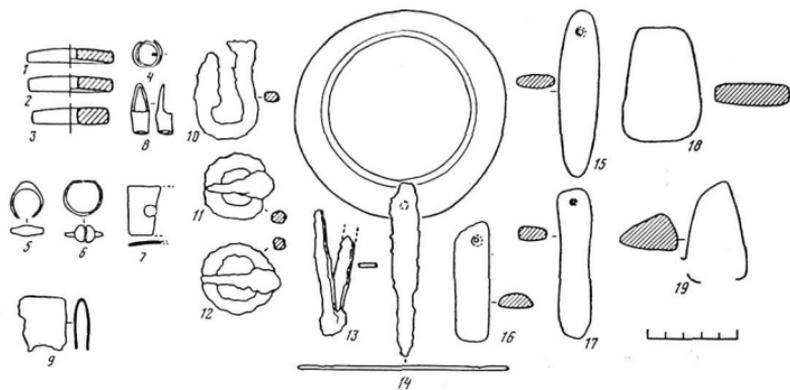

Таблица VI. Инвентарь из подбойных и катакомбных погребений могильника Туза-гыр

1—3 — керамические тарелки; 4 — бронзовое височное кольцо; 5, 6 — бронзовые плектры; 7, 8 — изделия из кости; 9 — железная ободка; 10—12 — железные привинты; 13 — бронзовое зеркало с железной ручкой; 14—17 — каменные наконечники; 18, 19 — каменные терошники; 1, 2, 5—19 — курганы юго-западной группы; 3, 4 — курган 2 западной группы; 1 — курган 22; 2 — курган 21; 5, 7 — курган 8; 6 — курган 9; 8, 12, 18, 19 — курган 16; 9 — курган 24; 10, 17 — курган 34; 11, 16 — курган 32; 13 — курган 28; 14 — курган 23; 15 — курган 10

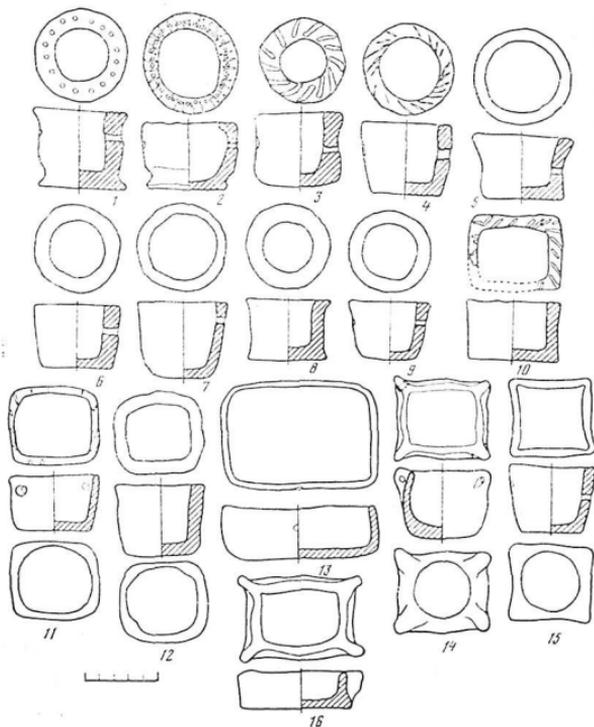

Таблица VII. Курильницы из подбойных и катакомбных погребений юго-западной группы могильника Туза-гыр

1 — курган 25; 2, 16 — курган 35; 3 — курган 30; 4 — курган 23; 5 — курган 33; 6 — 7 — курган 22; 8 — курган 28; 9 — курган 29; 10 — курган 31; 11 — курган 20; 12 — курган 21; 13 — курган 6; 14 — курган 13; 15 — курган 24

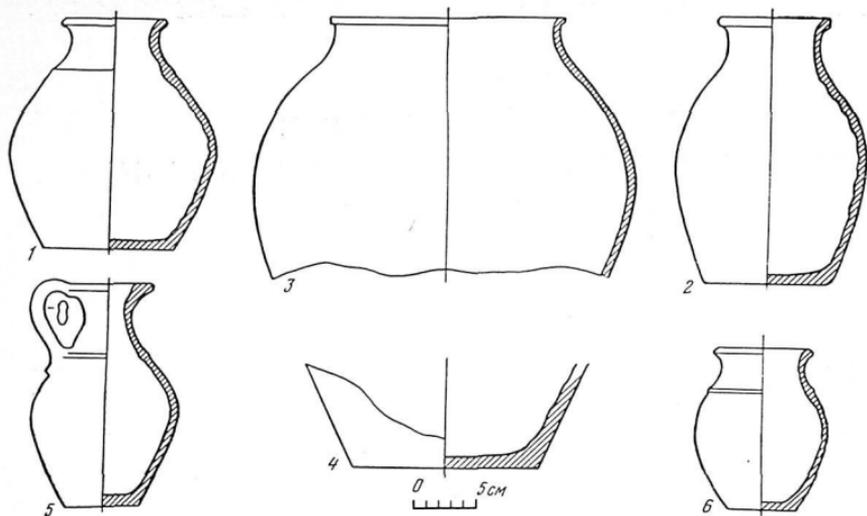

Таблица VIII. Керамика из подбойных и катакомбных погребений могильника Туз-гыр

1—4 — курганы юго-западной группы (1 — курган 10; 2 — курган 33; 3 — курган 22; 4 — курган 9); 5, 6 — курганы западной группы (5 — курган 4, 6 — курган 5)

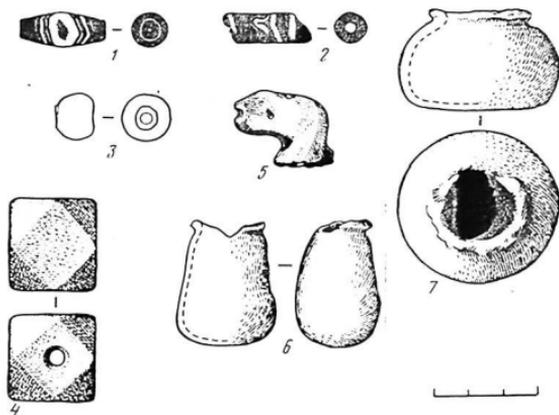

Таблица IX. Бусы и алебастровые сосудики

1—4 — бусины (1 — агатовая, курган 23; 2 — из темной стек­ляной пасты, курган 21; 3 — стеклянная с внутренней мозаи­кой, курган 22; 4 — 14-гранная из прозрачного зеленого стекла, курган 25; 5 — подвеска из раковины, курган 23; 6, 7 — алебастровые сосудики (6 — курган 8; 7 — курган 23)

В. А. ЛОХОВИЦ

ПОДВОЙНО-КАТАКОМБНЫЕ И КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ТУМЕК-КИЧИДЖИК

В 1971 г. археологический отряд Института истории им. Шота Руставели АН Туркменской ССР обнаружил курганный могильник на небольшой возвышенности Тумек-кичиджик, находящийся в 15 км северо-западнее крепости Шах-Сенем. В том же году сотрудниками Хорезмской экспедиции ИЭ АН СССР была произведена аэрофотосъемка и топографическая съемка могильника, а также проведены рекогносцировочные работы — раскопаны два кургана (43, 50). Эти заметки послужили началом дальнейших работ на курганном могильнике Тумек-кичиджик. В ходе их выявлены два одновременных погребения. В кургане 43 оказалось наземное захоронение на древнем горизонте со столбовыми ямками по кольцу, датированное VI—V вв. до н. э. и отнесенное к погребениям куясайской культуры¹. Курган 50 содержал детское захоронение в яме с подбоем в западной стене.

В 1972 г. на курганном могильнике Тумек-кичиджик были проведены раскопки². Из 56 курганов, зафиксированных в 1971 г., раскопано 40; из них пять подбойных захоронений, три катакомбных, одно захоронение в яме без подбоя, но с материалом, идентичным подбойно-катакомбным могилам и, наконец, четыре коллективных захоронения, судя по найденному в них погребальному инвентарю, синхронных по времени подбойно-катакомбным погребениям, однако по форме и существу обряда совершенно отличных от них³.

В 1974 г. при раскопках неолитического могильника, находящегося на возвышенности

Тумек-кичиджик, были обнаружены и раскопаны еще два подбойных погребения, 60 и 61.

Курганы могильника Тумек-кичиджик вытнуты ценочкой от северного склона возвышенности в направлении с северо-запада на юго-восток. Все они имеют насыпи небольших диаметров, высотой 20—30 см, очень немногие достигают 60—70 см. Диаметр подавляющего большинства насыпей колеблется в пределах 10 м, лишь у некоторых он достигает 15 м. Внешние курганы почти сливаются с окружающей местностью: покрыты слоем такрывидного суглинки или поросли невысокой травой. На поверхности видны следы известковой щебенки.

Все курганы подбойно-катакомбного типа сложены из серовато-коричневого песчаного слоя с включением известковой щебенки. Почти все они ограблены, поэтому у многих сверху, а у некоторых сразу же при расчистке отчетливо различимы грабительские дудки в виде воронки. По краям ямы на дневной поверхности всегда можно проследить небольшие валики, высотой не более 20 см и не далее 1 м от входной ямы, состоящие из известковой щебенки или зеленой материковой глины, — выброс из могильной ямы — результат ограбления.

Погребальные ямы выкопаны в небольшом слое древнего такрыра (15—20 см), за ним — в известковой толще (от 50 см до 100—120 см), а затем в плотной зеленой материковой глинке. Чаще всего подбой и катакомбы вырубались в слое материковой глины и лишь изредка в известняке. Ямы делали с несколько наклонными стенками так, что размеры ямы поперу заметно отличаются от размеров на дне ее.

Описание курганов подбойно-катакомбного типа и коллективных захоронений могильника Тумек-кичиджик.

Курган 22. Насыпь подусферической формы, высота 0,24 м, диаметр 7,60 м. Окружена ровиком с одной внутренней стенкой, глубина ко-

¹ О работах на захоронениях куясайского времени на могильнике Тумек-кичиджик в 1972 г. см. статью Б. И. Вайнберг в настоящем сборнике, с. 27 и сл.

² Вайнберг Б. И. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973, с. 475—476.

³ См. в статье Б. И. Вайнберг на с. 66 табл. XVI в настоящем сборнике.

того 30—40 см. Дно выходит на материк. В ровике встречены угольки. Овальная входная яма ориентирована по оси север—юг (табл. I, 8). Длина ее по уровню древней дневной поверхности 2,40 м, ширина 1,65 м, длина по уровню пола 1,4 м, ширина 1,15 м, глубина 1,40 м. В западной стене вырублен подбой в материковой зеленой глине. Дно подбоя на 15 см ниже дна ямы. Подбой в плане имеет форму фасолы, длина 1,80 м, ширина 0,48 м. Потолок обвалился, и поэтому нельзя определить высоту подбоя.

На дне подбоя лежал скелет девочки, погребенной на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на юг. Кости очень плохой сохранности, нижняя часть костяка отсутствует. У правого плеча найдено керамическое прилище, сделанное из стенки хорошо обожженного сосуда, справа у черепа — бронзовая проволочная серьга. В ногах найдена лопатка барана плохой сохранности.

В южной стене расчищен подбой или катакомба длиной в 1,20 м и шириной в 1,20 м на уровне дна ямы. Высоту определить нельзя из-за обвала материковой глины. Неясно назначение подбоя; возможно, что предполагали сделать катакомбу, но обвал помешал этому и тогда решили использовать уже вырытую входную яму для небольшого подбоя, в котором погребли ребенка. Четкая граница между слоями обвалившейся насыпи и обвала в подбое в западной стене говорит о том, что обвал произошел раньше.

Курган 39. Насыпь полусферической формы. Высота 0,3 м, диаметр 7,20 м. Входная яма удлиненно-овальной формы, ориентирована по оси север—юг (табл. I, 1). Длина на дневной поверхности 2,15 м, ширина 1,50 м, глубина 1,52 м до ступеньки. Длина ямы по уровню ступеньки 1,90 м, ширина 1,20 м. Ширина ступеньки 0,45 м, высота 0,42 м. Общая глубина ямы 1,94 м. В западной стене подбой длиной 2,40 м. По дну он смыкается с дном ямы, на дне которой (ширина дна 1,20 м) лежит скелет и при нем — погребальный инвентарь. Подбой выбит всего лишь на 0,58 м, высотой 0,46 м. Форма потолка полусферической, плавно переходящая к полу. Устье подбоя закрыто в центральной части каменными плитами, длина закладки 0,8, высота 0,55 м. Размер плит 0,20—0,40. Плиты положены без определенного порядка. Скелет в подбое принадлежит молодой (около 20 лет) женщине, положенной на спину, головой на юг, ноги вытянуты, колени сведены, руки согнуты в локтях, кисти рук выходят одна за другую, лежат на животе. Скелет лежал в гробовине со скругленными углами, с семью поперечными деревянными плахами. Промежутки между пла-

хами неодинаковы, ближе к ногам они больше. Длина гробовины 1,78 м, ширина 0,50 м. Сохранность дерева очень плохая. Гробовицу можно реконструировать, главным образом по отпечаткам на глиняном дне подбоя и ямы. Погребальный инвентарь довольно богатый по сравнению с другими подобно-катакомбными захоронениями этого района (могильник Туз-гыр)⁴. В пределах гробовины найдены: бронзовая печатка, алебастровая женская статуэтка, серьги в виде бронзового колечка с заходящими краями. При разборке скелета найдено много бусин: костяные, стеклянные, бисерные, настовые различной формы — округлые, бочковидные, двоянные, строенные пронизки, главным образом темного цвета, покрытые патиной. Сохранность бусин плохая. Собрано более 50 шт. В области шейных позвонков обнаружены бронзовые пуговицы. Остальные находки — вне гробовины. Справа от головы крупный розового теста ремесленный горшок со следами маленьких ручек. В ногах стояла деревянная шкатулка округлой формы диаметром 0,3 м, высотой 0,1 м. Остался лишь след прогнившего дерева, однако можно полностью восстановить форму и размеры предмета по четкому отпечатку в плотной глине. Крепились шкатулка железными заклепками (найден несколько гвоздиков). В шкатулке лежали различные предметы: обломок бронзового зеркала с железной ручкой и деревянной обкладкой; довольно крупный земляной горшок (разбитый) с розовой поверхностью и темной в изломе; сероглиняный туалетный кувшинчик высотой 3 см; черный кувшинчик с узким расширяющимся к венчику горлом, высотой 8 см; белое мраморное прилище с дырочкой, в которую был, вероятно, воткнут деревянный стержень, видимо, веретено (к сожалению, сохранился лишь след на глине); два железных трехлопастных черешковых наконечника стрел, один из них с отломанным черешком; обломок алебастровой фигурки — нижняя часть ног (он не имеет отношения к статуэтке из гробовины).

Рядом со шкатулкой стоял деревянный сосуд — от него также сохранился лишь след, но по содержанию горшка (плотной супеси) можно определить его размеры и форму: банковидная, высотой около 0,1 м, диаметр также около 0,1 м.

Справа от скелета лежали кости барана: ребра, две лопатки (узкими концами друг к другу) и две кости ног.

В ногах костяка, у северной стены подбоя, помещалась крупная красноглиняная фляга

⁴ См. статью В. А. Лоховица и А. М. Хазанова в настоящем сборнике, с. 111—129.

с узким горлом и уплощенной одной из сторон, на плечиках — небольшие рельефные выступы, имитирующие ручки, рядом — темный лентной горшок со следами копоти.

Птак, погребение неограбленное. Входная яма имела деревянное перекрытие, от которого сохранились на такыре следы перегнившего дерева и деревянная крошка. Пасыль над перекрытием впоследствии просела во входную яму. Устье подбоя было заложено каменной кладкой. Скелет лежал в гробовине в анатомическом порядке, погребальный инвентарь не потревожен.

Курган 41. Пасыль полусферической формы, усеяна известковой щебенкой. Высота ее 0,2 м, диаметр 7,90 м. Входная яма в форме прямоугольника со срезанными юго-восточными и северо-западными углами (табл. I, 6). Длина на уровне дневной поверхности 2,0 м, ширина 1,0 м. Стены ямы почти отвесны, длина ее по дну 1,90, ширина 0,9 м. Глубина ямы до ступеньки 1,60 м, до пола 2,26 м. Ширина ступеньки 0,35 м, высота около 0,6 м. В западной стене — подбой, глубина которого 0,76 м, высота 0,8 м. Потолок полусферической, плавно переходящий к полу. Пол ямы смыкается с полом подбоя. Верх подбоя обрушился, увеличив его высоту на 0,4 м. Вход в подбой был перекрыт деревянной решеткой: ясно видны следы и остатки перегнившего дерева вдоль западной стены. Погребение в подбое, очевидно, неограбленное: кости лежат в анатомическом порядке. Погребенная была положена головой на юг, на спине, руки вытянуты вдоль тела. Вокруг косяка прослежен тонкий слой перегнившего дерева (от гробовины или посылка), сохранившийся не везде из-за рухнувшего свода подбоя. Инвентарь находился за пределами гробовины. В головах стоял большой красноглиняный кувшин с сильно раздутым туловом, с узким горлом и отогнутым краем. Около него лежали ребра, лопатка и кости ног барана, а возле них — железный однолезвийный нож со штырьком, конец которого немного обломан. Справа от головы погребенной обнаружено керамическое пряслице из стенки светло-серого сосуда с красным ангобом и лощенем. Здесь же найдены бронзовые проволочные серьги в виде колец с заходящими концами. В заполнении входной ямы на глубине 0,65 м от дневной поверхности помещался скелет мужчины в скорченном положении, в правильном анатомическом порядке (череп ниже костей ног на 25 см). Погребенный лежал головой на юг, на локте правой руки с поворотом на восток (налево). Левая рука была согнута в локте, кисть — под животом, ноги согнуты, но не подтянуты к животу. Погребального инвентаря около скелета нет. На стенах ямы за-

мечены следы рубящего орудия с шириной лезвия 6—7 см. На такыре возле входной ямы отмечены следы темно-коричневого ислетвевого дерева — по-видимому, яма была перекрыта. Судя по всему, захоронение мужчины более позднее, впускное.

Курган 49. Пасыль полусферической формы, высота 0,45 м, диаметр 9,95 м. Входная яма удлиненно-овальной формы (табл. I, 3). Ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад с отклонением от оси север—юг на 20°. Длина ямы 1,90 м, ширина 0,60 м. К дну ямы заметно расширяется за счет того, что восточная стена вырублена вовнутрь до 15 см, а западная до 30 см. На глубине 0,6 м от дневной поверхности у западной стены обнаружена кладка из необработанных известковых плиток разных размеров. Встречаются довольно крупные — 50×40×15 см. В южной части — кладка на всю ширину ямы, в северной — около 0,40 см. Высота кладки 0,4 м. Плиты положены без определенного порядка. На глубине 1,25 м ступенька шириной 0,26 м. Дно ямы на 0,40 м ниже. В западной стене — подбой. Высоту его трудно определить из-за обвала края свода, но она не менее 0,75 м. Дно ямы гладко переходит в пол подбоя, длина которого 2,20 м, ширина 0,75 м. В подбое помещался мужской скелет плохой сохранности. Погребенный лежал на спине, головой на юго-юго-запад, руки вытянуты вдоль тела. Под скелетом не прослежены следы подстилки или посылка. Правее черепа была поставлена на ребро большая известняковая плита, отгораживавшая голову от входной ямы.

Слева от скелета, вдоль западной стены подбоя, лежал железный кинжал длиной 0,35 м с прямым горизонтальным перекрестием и обломанным навершием. Хотя навершие сохранилось частично, можно уверенно считать, что оно было в виде кольца. Между кинжалом и левой рукой погребенного помещался железный нож с небольшой ручкой. Поверх кинжала и ножа лежали две небольшие кости барана.

Курган 50. Открыт во время разведочных работ 1971 г. Пасыль полусферической формы, высота 0,33 м, диаметр 5,40 м. Входная яма овальной формы ориентирована с северо-востока на юго-запад с отклонением от оси север—юг на 40°. Длина ямы 1,45 м, ширина 0,6 м. На глубине 1,30 м ступенька шириной 0,27; высота ступеньки 0,50 м; ширина второй ступеньки 0,18 м, высота 0,15 м. Глубина до дна ямы от дневной поверхности 1,95—2,0 м. Дно ямы плавно переходит в дно подбоя, вырубленного в западной стене. Подбой был заложен мелкими известняковыми плитками и кусками зеленой материковой глины. Кладка сделана без определенного порядка на всю ши-

рипу и длину входной ямы, начиная с 1,00 м от уровня дневной поверхности и до глубины 1,55 м.

Высота подбоя 0,6 м, длина 1,10 м, ширина 0,4 м. В подбое была захоронена девочка 2—3 лет. Сохранился лишь череп и некоторые крупные кости в очень плохом состоянии. Найдены лишь небольшой красноглиняный сосуд и бронзовая серьга в виде проволочного кольца с заходящими краями.

Под скелетом не обнаружены следы подстилки или носилок.

Курган 60. Могильная яма овальной формы с расширением в южной части. Ориентирована с северо-запада на юго-восток с отклонением от оси север—юг на 27°.

Длина ямы 2,1 м, ширина 0,8 м. Могильная яма была перекрыта: сохранились ислевшие остатки трех балок, перекинутых с восточной стенки на западную; толщина балок 10—12 см. Глубина ямы 1,56 м; у дна — ступенька шириной 0,28 м, высотой 0,3 м. Пол ямы плавно переходит в дно подбоя, вырубленного в западной стене. Подбой был закрыт деревянной решеткой. Высота подбоя 0,64 м, длина 2,1 м; ширина дна ямы до ступеньки 1,06 м. В подбое находился костяк молодой женщины. Погребенная лежала на спине вытянута, головой на юг. Левая рука вытянута, правая слегка согнута в локте и кисть на лобке. Хотя погребение не было ограблено, инвентарь бедный: два височных бронзовых кольца с заходящими друг за друга концами (одно — в заполнении ямы, другое — около головы), керамическое пряслице, сделанное из стенки сосуда, железный однолезвийный нож с прямой спинкой. На дне ямы, на боку, лежал маленький глиняный сосуд, сделанный на круге, шаровидной формы с наибольшим диаметром в нижней трети, относительно широким и невысоким горлом с несколько оттянутым венчиком и плоским небольшим дном. Тесто коричневатое, ангоб светлый. Под скелетом обнаружена тростниковая подстилка, а также носилки, имевшие шесть поперечных перекладин сечением 4—5 см и две продольные.

Курган 61. Могильная яма овальной формы ориентирована по оси север—юг с отклонением к востоку на 10°.

Длина 1,4 м, ширина 0,74 м. Обнаружены следы рухнувшего перекрытия. Глубина ямы 1,05 м; у дна — ступенька шириной 0,28 м, высотой 0,30 м. Дно плавно переходит в дно подбоя, вырубленного в западной стене. Высота подбоя 0,62 м, длина 1,4 м, ширина 0,5 м. В подбое находился костяк ребенка 6—8 лет. Он лежал на спине вытянута, руки вдоль тела, головой на юг. У западной стены обнаружены кости барана. В головах стоял кувшин без

ручки, красноглиняный, красноангобированный, шаровидной формы, с наибольшим диаметром в верхней трети, с относительно широким и невысоким горлом, оттянутым венчиком и плоским дном.

Курган 31. Насыпь полусферической формы, высота 0,61 м, диаметр 15 м. В 5,2—5,4 м от центра насыпи вокруг кургана прослежен ров шириной 0,8—1,2 м, глубиной до 0,2—0,3 м. Насыпь оыла в ров. В центре насыпи, на глубине 30 см, выявлены остатки конструкции. Входная яма грушевидной формы, вытянута по оси северо-северо-запад—юго-юго-восток с отклонением от оси север—юг около 30° (табл. 1, 2). Длина ямы 2,5 м, ширина 1,1 м, глубина 2,4 м. Это самая большая яма среди погребений могильника Тумек-кичиджик. Она имеет еще одну особенность: в юго-восточной и северо-западной стенах вычищены закраины в виде крыльев — на юго-восточной на глубине 0,4—0,5 м площадью 1,40×1,30 м и с другой стороны, на глубине 0,65—0,75 м, размером 1,00×0,85 м. Назначение их трудно объяснить. Входная яма была перекрыта. Фрагмент перекрытия в виде ислевшего камня и дерева обнаружен на глубине 1,30—1,40 м. На глубине 1,90 м — ступенька шириной 0,80 м, высотой 0,2 м. Вторая ступенька — на глубине 2,10 м, высотой 0,3 м. Дно ямы смыкается с дном катакомбы, вырубленной в юго-западной стене. Потолок катакомбы у входа в нее обвалился, поэтому можно предположить, что высота ее была около 1,00 м. Потолок полусферический, плавно переходящий к полу катакомбы. Длина катакомбы 2,0 м, ширина 1,10—1,30 м. В заполнении ямы и насыпи встречаются фрагменты лепных сосудов.

В глубине катакомбы, у южной ее стенки, в скоплении лежали кости и череп ребенка; тут же — кости и лопатка барана. У входа в катакомбу находились кости ног взрослого человека, ориентированные по оси север—юг. Сохранились лишь кости голени, лежащие *in situ*, причем, судя по ним, голова находилась на юге. Около ног найдены пряслице, сделанное из стенки античного поливного сосуда, и обломки плохо обожженного лепного сосуда. Вход в катакомбу был закрыт деревянной перегородкой, остатки которой обнаружены в виде перегибших тонких жердей (1—2 см), вероятно, покрытых камышовым настилом. На дне ямы у входа в катакомбу, около нижней ступеньки, прослежена выемка шириной 0,18—0,20 м, глубиной 4—6 см, предзнаменовавшая, видимо, для нижнего края деревянной перегородки. Следов подстилки нет.

В катакомбе, вероятно, сначала был захоронен ребенок, а потом взрослый человек, погребенный по оси север—юг. Ему, видимо, при-

надлежит приспиче и плохо обожженная керамика. Вход был перекрыт деревянной решеткой из жердей. Могила ограблена, скелет выброшен, а вещи похищены.

Курган 44. Насыпь практически отсутствует: высота ее не более 10 см. Покрыта известковой щебенкой. Диаметр 5,20 м. Входная яма овальной формы (табл. 1, В). Длина на дневной поверхности 2,10 м, ширина 1,00 м. На глубине 1,50 м проследжена ступенька, полого спускающаяся ко дну ямы и имеющая ширину 0,90 м. Глубина до дна ямы 2,00 м. Дно ямы плавно переходит в дно катакомбы, вырубленной в южной стене. На глубине 0,8 м, вдоль южной стены, помещалась деревянная решетка, закрывающая вход в катакомбу. Жерди толщиной 3—5 см лежат на южной стене, длина их 0,9, 0,55, 0,15, 0,3 м. Промежутки между наиболее крупными жердями 0,2—0,25 м. Встречаются и тонкие палочки сечением 1—2 см. Катакомба грушевидной формы, ориентирована, как и входная яма, по оси север—юг. Ширина катакомбы 1,25 м, глубина 0,9 м, высота 0,5 м. В катакомбе два скелета: один детский — в западной части, ориентация южная, лежал на спине, ноги вытянуты (сохранились только бедренные кости), руки вдоль ног; в восточной части — кости взрослого человека, лишь череп и позвоночник дают возможность определить ориентировку — головой на юг.

У западной стены около входа — кости барана, неподалеку от них бронзовая пластинка. Других находок нет. Следов подстилки не обнаружено. Судя по тому, что решетка не тронута, можно предположить, что сначала захоронили взрослого человека; при погребении девочки — скелет сдвинули.

Курган 52. Форма насыпи полуэллиптическая, высота 0,65 м, диаметр 10,3 м. Входная яма в виде неправильного овала (табл. 1, Г) сдвинута от оси север—юг к западу на 15°. Длина ямы по дневной поверхности 1,8 м, ширина 0,8 м. Внизу длина 1,70 м, ширина 0,75 м. На глубине 1,2 м — первая ступенька шириной 1,00 м, ниже на 0,4 м — вторая ступенька шириной 0,42 м, высота которой 0,25 м. Дно ямы переходит в дно катакомбы, вырубленной в южной стене. Высота катакомбы 1,00 м, длина 2,30 м, ширина 1,10 м. Потолок полуэллиптической, плавно переходящий к полу. Около устья катакомбы обнаружено несколько крупных кусков материковой и красной глины, видимо, вырубленной из таковой поверхности. Куски округлой формы, размером около 0,2 м, которые, вероятно, до ограбления закрывали вход в катакомбу. На нижней ступеньке обнаружены остатки ислесившего дерева, наверно, от закладки входа в катакомбу. Однако следов

ограбления ни в насыпи, ни в катакомбе не замечено. На дне катакомбы лежал погребенный в вытянутом положении, головой на юг. Руки вдоль тела. Скелет не поврежден, за исключением нижних частей ног. Кости очень плохой сохранности. Скелет ориентирован в том же направлении, что и входная яма, а катакомба сдвинута немного к западу от оси север—юг около 18°. Слева от костяка — кости передней ноги барана и лопатка. Других находок нет. Следов подстилки не обнаружено.

Курган 40. Насыпь почти не выделяется. Разница высот между подножием и наиболее высокой точкой кургана не превышает 10 см. Он смотрится как округлое пятно, усыпанное белой каменной щебенкой. Диаметр 5,5 м. В кургане детское захоронение в грунтовой яме (табл. 1, Д), выбитой с уровня дневной поверхности — древнего такыра на глубину 1,30 м. Яма режет материковые слои: такыр — 0,2 м, тонкий зеленоватый песок — 0,4 м и зеленая глина — 0,7 м. Яма овальной формы ориентирована с северо-востока на юго-запад. Размеры ямы по продольной оси 1,50 м, ширина 1,10 м. Заполнение однородное — красноватая сугесь с вкраплениями зеленой глины и каменной материковой крошки. Вдоль стен встречаются кусочки перегибшего дерева на глубине 0,65 м. Вдоль северо-западной стены полого спускается рухнувшее перекрытие — слой светлого пещельного камня на деревянной основе. Под ним — просочившийся сквозь перекрытие желтый песок.

На дне ямы, на камышовой подстилке лежал скелет ребенка. Сохранность костей очень плохая, как у всех детских костяков могильника Тумек-кичидик. Погребенный был положен в направлении длинной оси ямы головой на юго-запад, на спине, ноги вытянуты. Бедренные кости скелета параллельны, берцовые кости — под углом друг к другу. Скелет сдвинут к северо-западной стене. Правее черепа стоял красноглиняный кувшин без ручки, с узким горлом, раздутым шарообразным туловом и отогнутыми краями. Сосуд покрыт светлым ангобом. Около сосуда помещались кости барана — ребра и кости ног. На стенах ямы видны следы рубящего орудия (ширина лезвия около 4 см).

Хотя курган 40 не имеет ни подбоя, ни катакомбы, мы уверенно относим его к этой группе курганов. Основанием служит ориентация скелета, а также погребальный инвентарь — бараньи кости и сосуд, почти тождественный сосудам из соседних с курганом 40 погребений 39 и 41, которые имеют подбой.

Курган 38. Большое для данного могильника округлое светлое пятно насыпи, усыпанное мелкой щебенкой из известняка. Высота

насыпи 0,4 м, диаметр 7,0 м. В северо-восточной части насыпи — небольшое скопление крупных камней, уходящих в глубину насыпи. Яма прямоугольной формы с округлыми углами, ориентированная по оси север—юг (табл. II, 1). Размеры ее с севера на юг 4,20, с запада на восток — 3,75 м. Слои, перекрывающие яму, мало похожи на насыпь: верхний — дерновый слой с редкой кустарниковой растительностью; далее — желтый песок, перекрывающий края ямы, вероятно, засыпка; основное заполнение очень плотный суглинистый слой с соевыми прожилками, угольками и мелкими горелыми костями. Плотный суглинистый слой в разрезе дает волнистый профиль. Создается впечатление, что он был многократно потревожен. Каменные плиты, лежащие в насыпи, закрывали проход в погребение. Некоторые из камней с северной стороны упали или сползли из-за подмыва суглинистого слоя. Вход в погребение находился в северо-восточной части. У прохода просматриваются столбовые ямки. В кургане содержалось коллективное захоронение в яме, заглубленной в материк на 0,4—0,45 м. Стенки ямы почти отвесные. Длина входа 0,75 м, ширина, ближе к погребению, 1,10 м, у входа — 0,75 м. Выход на древний такыр без ступенек. Дно ямы неровное из-за неоднократных подтопок при захоронениях. Вероятно, это что-то вроде семейного склепа, в котором хоронили покойников в течение длительного времени. В относительно небольшой яме захоронено не менее 22 человек (число умерших определено по количеству черепов и челюстей). При каждом новом похоронении расчищалось место для покойника. Ранее захороненных небрежно сдвигали в сторону или сбрасывали в кучу, как, например, вокруг черепов 14, 20, 21. Основные скопления костей приходятся на юго-восточную часть ямы.

У восточной стены, под грудой сброшенных костей, сохранился скелет женщины 25—30 лет, лежащий в анатомическом порядке на носилках или в гробовине (темно-коричневый слой перегнившего дерева уходит под костяк). На нем лежит скелет девочки (№ 2), сохранившийся только до пояса; на костях правой руки — керамическое пряслице, сделанное из стенки красноглиняного сосуда. На черепе и у шейных позвонков — настовые бусины под бирюзу (более 25 шт.) и мелкие светлые бирюзовые бусины (5 шт.), одна рубчатая пронизка. Слева от скелетов 1 и 2 — обломки лещинового сероглиняного сосуда. В ногах у скелета 1 лежали кости грудного ребенка. Разобраться в расположении остальных скелетов, с колкажением, нельзя — они представляют собой хаотическое нагромождение костей. Под челюстью 22 в юго-западной части ямы найден фрагмент

темного лещинового горшка, сильно пережженного и законченного. Около черепа (№ 21) найдена бронзовая серьга — проволоочное колечко с заходящими концами. Аналогичная серьга обнаружена в скоплении костей у черепа 12.

В кургане 38 погребенные лежали на полу или на подстилке, лишь в одном случае зафиксированы остатки деревянных носилок или гробовины. Умерших засыпали землей, которую приносили вместе с угольками и мелкими костями — остатками тризны, проходившей где-то на стороне. При захоронении, видимо, не очень считались с ориентацией скелета. Место для вновь погребенного освобождали, сбрасывая кости ранее захороненных в одну кучу, что приводило к беспорядочному нагромождению костей, паслоению скелетов один на другой. Среди большого количества человеческих костей встречаются кости барана (лопатки, кости ног, ребра). Принадлежность небольшого числа вещей, найденных в погребении, к определенному скелету выяснить невозможно, исключая бусины. Вход в погребальную яму завален крупными плитками известняка.

Курган 47. Насыпь полусферической формы, высотой 0,5 м, диаметром 9,0 м. Яма круглая с диаметром 4,60 м (табл. II, 2). Глубина ямы 0,5 м, стены отвесны. С самого верха в насыпь попадались кости человека, а в центральной части — крупные плитки известняка. Выявлено, что в кургане несколько захоронений, причем кости предыдущих погребенных сдвигались в сторону, разрушались, сбрасывались в кучу. В западной половине кургана остатки разрозненных скелетов лежали на материке в границах, заключенных в развал камней и в «ровник». Встречены лишь части скелетов в анатомическом порядке. В восточной половине аналогичные захоронения были сделаны в слегка заглубленной в такыре яме. С юга и в центре часть ямы перекрыта кладкой из крупных плит необработанного камня. С севера, в стороне от ямы, стояла изолированная груша камней на ребре. В восточной половине, судя по развалу костей и частям сохранившихся скелетов, можно фиксировать юго-юго-западную ориентировку костяков.

По количеству черепов и челюстей можно определить, что погребенных было более 20 человек. Сохранность черепов различная. Длинные кости обнаружены лишь в восточной половине.

В погребении собрано несколько вещей, из которых лишь некоторые можно связать с определенными скелетами. Среди них: лещина курьинца подчетырехугольной формы с плоским дном и с краем с зарубками; фрагменты лещинового сосуда под черепом (№ 25) в западной половине кургана; низка настовых бус у по-

звонков костика рядом с этим же черепом; у этого же скелета бронзовое кольцо из свернутой проволоки; приспиче, сделанное из стенки гошарного сосуда; железный перстень в юго-восточной части ямы и здесь же фрагменты бронзовой серьги. Кроме того, в насыпи встречались фрагменты расколовшегося розовоглиняного гошарного сосуда. Аналогичные фрагменты встречены на поверхности.

Следует сказать, что в разрезе кургана четко прослеживается слой разрозненных костей в плотном грунте, перерезанный слоями песчано-глинистых намывов. Судя по ним и учитывая, что кладка камней имела напуск внутрь ямы, погребение могло первоначально иметь вид склепа, открытого сверху. Ровик (глубина 0,2 м), зачищенный в западной половине, служил, вероятно, основанием для каменной ограды. Аналогичные, но более узкие и глубокие ровики обрамляли вход с северной стороны. Именно между ними и находилась развалка камней на ребре. Таким образом, здесь ялцо коллективное разновременное захоронение.

Любопытно, что это коллективное захоронение введено в яму более раннего погребения. Яма первоначально имела овальную форму, длина 2,05 м, ширина 0,90 м, глубина до 1,90 м. На глубине 0,8 м сохранились остатки костика (лишь длинные кости ног). Ориентировка погребенного — головой на юго-запад, как и всей ямы. В западной стене выбит подбой, ничем не заполненный, возможно, он ограблен при погребении впускника, лежащего на глубине 0,8 м, а возможно, это кенотар. Может быть какие-либо другие причины помешали захоронению умершего в подбой.

Итак, в кургане яма с подбоем без скелета, впускное погребение во входной яме на ее заднем конце толщиной около 1,0 м и, наконец, над всем этим коллективное захоронение.

Курган 56. Насыпь полусферической формы, высота 0,4 м, диаметр 0,4 м. Насыпь из серовато-коричневого песчаного слоя с мелкими известковыми вкраплениями. В центре кургана еще поверху прослеживались обломки известняковых плиток. При зачистке выяснилось, что это кладка из необработанных плит известняка различной формы и размеров, вытянутая в направлении северо-восток—юго-запад, длиной до 4,0 м. Наиболее плотная кладка расположена у входа, причем набросана, а не уложена. Трудно проследить ее конструкцию. Там, где в разрезе кургана прослежена кладка, идет не серый насыпной слой, а слой зеленого песка, которым заполнена вся яма. Лишь в южной части, где нет кладки, яму, заполненную зеленоватым песком, перекрывает сероватый насыпной слой. Яма подквадратной формы с не-

сколько скругленными углами (табл. II, 4). Ориентирована по оси север—юг с небольшим отклонением к западу. Размеры ямы по оси север—юг 3,6 м, по оси запад—восток 3,35 м, глубина 0,25—0,35 м.

В яме на глубине не более 0,15—0,2 м от уровня такыра лежит в беспорядке большое количество костей человека. Сохранность их плохая. Найдено восемь черепов, из них пять детских, два юношеских и лишь один принадлежит взрослому мужчине. Длинные кости немного. Около черепа мужчины найдены бараньи кости, три костяные накладки лука, две из них срединные, а одна концевая с вырезом для тетивы. Кроме этого, среди нагромождения человеческих костей обнаружено еще несколько костей барана, а также три фрагмента от двух керамических сосудов — гошарного из красноватой глины и лепного, плохо обожженного, из серой глины. Форму и размер сосудов по этим фрагментам определить невозможно. Нельзя также установить первоначальное положение покойников и выяснить, хоронили ли их одновременно или одних раньше, а других позже, было ли ограбление камеры.

Курган 59. Насыпь полусферической формы. Высота 0,4 м, диаметр 8,2 м. Поверху светлое пятно с известковой щебенкой. Насыпь состоит из дерново-такырного слоя (0,1 м), сусеочного зеленоватого слоя и плотного глиняного слоя с известковыми вкраплениями. При зачистке в северной части обнаружена кладка из плиток известняка. Яма подквадратной формы ориентирована по оси север—юг (табл. III, 3). В северной части имеется вход, заложенный плитками известняка разных размеров. Размеры ямы по оси север—юг 3,30—3,40 м, по оси запад—восток 3,60 м. Вход в центре северной стенки ямы с небольшим сдвигом к востоку. Длина входа 1,30 м, ширина 0,9 м. Заложка из плиток расположена у конца входа в погребальную яму шириной около 0,5 м. Яма заглублена от дровенного такыра на 0,3—0,35 м. В ней обнаружено 13 черепов. Некоторые скелеты лежат в анатомическом порядке, у других он нарушен. Ряд костяков положен в гробовину, например III и IV. Здесь можно выделить пять разновременных погребений, при этом в погребении I было захоронено три человека, а в погребении III один. Погребение I, вероятно, самое позднее, так как перекрывает погребение III; последнее, в свою очередь, перекрывало погребение V и сдвинуло погребения IV и II. Следует также отметить, что некоторые черепа (№ 8, 9, 12, 13) лежат среди небольшого количества костей, расположенных в беспорядке. Умершие ориентированы по-разному: в погребениях II и III — головой на восток; в погребении IV — на восток—юго-восток, в погребении V — на юг;

в погребении I они положены вalem, один головой на юг и два (взрослый и ребенок) на север. Среди человеческих костей встречены кости барана. Найдены два керамических сосуда — кувшины из красной глины гончарного производства и маленький сосудик из серой глины, также сделанный на круге. Среди находок следует отметить бронзовые серьги из проволоки, бусины из пасты, а также несколько фрагментов костяных обкладок лука, одна из них срединная и две концевые с отверстиями для тетивы.

Остается упомянуть найденные в яме столбовые ямки. Две из них, у северной стены по обе стороны входа, видимо, имели какое-то отношение к входной части погребальной камеры. Две другие обнаружены у южной стены ямы. Они расположены параллельно ямкам у входа.

Итак, на могильнике Тумек-кичиджик можно выделить небольшую группу курганов, которую объединяет близость обряда и погребального инвентаря (подобные и катакомбные погребения), или единство погребального инвентаря при незначительном различии обряда (погребение в грунтовой яме, курган 40), либо принципиально отличные по обряду коллективные захоронения.

Среди раскопанных курганов — семь подбоев (восьмой — под коллективным захоронением в кургане 47) и три катакомбы. Многие могилы ограблены. Большинство захоронений одиночные, но есть и парные. И одиночные, и парные захоронения встречены как в подбоях, так и в катакомбах. Однако во всех парных захоронениях можно проследить их неодновременность. В катакомбе 31 сначала лежал ребенок, потом его кости сдвинули и захоронили взрослого. В катакомбном погребении 44 была обратная последовательность: сначала положили взрослого, а к нему подхоронили ребенка. В кургане 41 в подбье лежала женщина, а во входной яме, на высоте 1,60 м от ее дна, был погребен мужчина, причем женское погребение не было сдвинуто. Возможно, что мужчина был похоронен вскоре после женщины. Оба типа погребений размещены в могильнике попеременно. Погребальный инвентарь и ритуал захоронений в подбоях и катакомбах указывает на их одновременность. О том, что подобные и катакомбные захоронения принадлежат одной племенной группе, свидетельствует курган 22.

В южной стене входной ямы этого кургана была сделана попытка вырыть катакомбу. Однако ее оставили (вероятно, из-за обвала слоев материковой глины) и выбили подбой в западной стене входной ямы, где и захоронили покойника.

Что касается парных захоронений, то, по-видимому, они разновременны.

Все подбои были вырублены в западной стене входной ямы и ориентированы по одной оси с входной ямой или с небольшими отклонениями к западу или к востоку. Катакомбы вырубались в южных стенах входных ям в виде небольшого прямоугольного отверстия. Дромоса практически нет.

Вход в подбой и катакомбу закрывали либо известняковыми плитами, положенными без особого порядка (№ 39, 49), либо деревянной решеткой из тонких жердей с камышом (№ 31, 41, 44). В двух курганах использованы для закладки куски материковой зеленой глины: в одном случае вместе с мелкими плитками известняка (№ 50) и в другом совместно с кусками тапера и деревянными жердями (№ 52).

В ряде курганов прослежены остатки перекрытий (№ 31, 39, 40, 41), на которых возводилась насыпь. У двух насыпей выявлены ровники: у одного кургана (№ 22) лишь с внутренней стеной, глубиной 30—40 см, у второго (№ 31) — шириной 0,8—1,2 м и глубиной 0,2—0,3 м.

Заклады отмечены у всех курганов подобно-катакомбного типа, перекрытия и ровники — лишь у некоторых, но и то и другое встречено как в курганах с подбоем, так и в захоронениях с катакомбой.

И в подбоях, и в катакомбах покойников хоронили вытянуто на спине, головами на юг, иногда с небольшими отклонениями к западу или востоку. Руки были положены на животе или лобке, но чаще вытянуты вдоль тела. В отдельных случаях удалось проследить остатки гробовины или носилок, в других — следы органической подстилки, вероятно, камышовой. При погребении мужчин сопровождало оружие (№ 49), а женщин — предметы хозяйственного назначения (№ 39, 41). Почти неизменной чертой погребального ритуала была заукопная ниша в виде передней ноги и лопатки барана.

Что касается коллективных захоронений, то они имеют необычную форму и, в отличие от подобно-катакомбных погребений, не находят себе аналогий.

Это неглубокие (0,25—0,4 м) подквадратные ямы, имеющие вход с северной стороны. Вход выложен из плит известняка. Ямы в отдельных случаях по краям перекрыты такими же плитками известняка, образуя что-то вроде склепов. В ямах производились захоронения от 10 (№ 56, 59) до 20—25 человек (№ 47, 38). Захоронения, видимо, были разновременными. Кости ранее захороненных при последующих погребениях сдвигались с места, сбрасывались в кучу. Исключением служат

курган 59, где даже удалось проследить ориентировку погребенных. Определенной ориентации нет. Умерших клали головой на север, на юг и на восток. Судя по этому кургану, и коллективные захоронения постепенно подхоранивали других покойников. Погребения подвергались обработке (исключение составляет погребение 59). Возможно, часть инвентаря исчезла при повторных погребениях.

Описание погребального инвентаря. Небольшое количество погребального инвентаря и тот факт, что ряд курганов был ограблен, не позволяют нам дать развернутой его характеристики.

Меч. В кургане 49 найден железный меч с кольцевым навершием и с прямым перекрестием (табл. III, 10). Длина его 0,35 м, ширина лезвия 3,5 см, ширина перекрестия 5 см. Клинок двулезвийный, в сечении лизовидный. Такие мечи широко представлены в сарматских памятниках⁵, но почти не встречаются в Средней Азии⁶. Известен лишь меч из Лявандакского могильника, но он более ранней формы, так как имеет дугообразное перекрестие⁷. Мечи и клинки с кольцевидным навершием и прямым перекрестием господствуют в сарматском мире в сусловское время, среднесарматский период и датируются I в. до н. э.—I в. н. э. На востоке, в отличие от западных районов, они не исчезают в первые века нашей эры, а бытуют значительно дольше⁸.

Лук. Костяные накладки на лук найдены в трех курганах с коллективными захоронениями — 47, 56 и 59 (табл. III, 1—6). Среди них три концевых с вырезом для тетивы, три срединные накладки и несколько небольших обломков.

Накладки на лук, обнаруженные на Тумеккичидике, относятся к лукам «гунского типа», широко распространенным в первые века нашей эры в Средней Азии и сопредельных странах⁹ и в большом количестве найденным на могильнике Туз-гыр¹⁰.

Две концевые накладки из могильника Тумеккичидик сохранились полностью. Одна

длинной 24,5 см, другая — 17 см. Если длина первой накладки типична для гунского лука, общая длина которого 1,20—1,60 м, то длину второй можно объяснить тем, что он принадлежал, по-видимому, подростку. Концевые накладки и одна срединная лежали рядом с костями подростка, правда, несколько потревоженными, и можно предположить, что длина этого лука была 0,90—1,00 м.

На обратной стороне накладок сделаны косые насечки крест-накрест, что не прослеживается ни на одной из накладок с Туз-гыра. Эти насечки сделаны для большей прочности при склеивании костяных пластин с деревянной основой лука¹¹.

Как уже отмечалось, все накладки были найдены в коллективных захоронениях. Из этого можно было бы заключить, что для погребений подобно-катакомбного типа лук с накладками не характерен. Однако это, видимо, не так. Во-первых, нами открыто лишь одно мужское подобное захоронение среди 40 раскопанных погребений, в котором не было накладок, но не было и наконечников стрел. Во-вторых, в кургане 47, содержавшем коллективное погребение, прозавшее более раннее подобное, на дне входной ямы был найден невзрачный обломок накладки на лук. Впрочем, вероятно, что он относился к разграбленному первоначальному захоронению в подбее.

Наконечники стрел (подбой, курган 39, табл. III, 7—8). Представлены одним типом — трехлопастные железные черешковые с треугольной головкой и лопастями, срезанными под прямым углом к черешку. Длина наконечников (их два) равняется 5,5 см, длина черешка равна длине головки или немного меньше ее. Наконечники этого типа в последние века до нашей эры — первые века нашей эры широко распространяются в Средней Азии¹² и в других областях, занятых сарматами. Интересно, что в Тумеккичидике, так же как и на Туз-гыре, нет крупных наконечников стрел, которые обычно появляются с луками гунского типа. Относительно мелких наконечников стрел в Средней Азии есть две точки зрения: что они исчезают после I в. н. э.¹³ и что доживают до III—IV вв. н. э.¹⁴

Пожи (табл. III, 9). Найдено три пожа (курганы с подбоями — 39, 49, 60). Все они однолезвийные с прямой спинкой и ручкой-

⁵ Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 5—12.

⁶ Хазанов А. М. Очерки... с. 9.

⁷ Обельченко О. В. Лявандакский могильник, с. 105—106, рис. 4, 15; табл. VII, 1; Хазанов А. М. Очерки... с. 9.

⁸ Хазанов А. М. Очерки... с. 10—11.

⁹ Хазанов А. М. Слоянские луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху. — В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966; Гаврилова А. А. Могильник Бударгэ как исторический источник по истории аттавских племен. М.—Л., 1965, с. 31.

¹⁰ Лохвиц В. А., Хазанов А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, табл. IV, 3—10 настоящего сборника.

¹¹ Шилов В. П. Калининский курганный могильник. МИА, 1959, № 60, с. 496.

¹² Хазанов А. М. Очерки... с. 37—38.

¹³ Сорокин С. С. О датировке и толковании Кенколского могильника. — КСИИМК, 1956, вып. 64, с. 11.

¹⁴ Литвинский В. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел. — СА, 1965, № 2, с. 82.

штырем. Это частая находка в подбойно-катакомбных погребениях Средней Азии¹⁵, обычно вместе с заупокойной пищей¹⁶ (рядом с косями бараха). Встречаются такие ножи и на территории Хорезма, в частности, на городище Кой-Крылган-кала¹⁷. Много подобных ножей найдено в подбойно-катакомбных погребениях могильника Туз-гыз.

Оселок (курган 42). Каменный, прямоугольной формы, с дырочкой для подвешивания в верхней части. Оселки, так же как и ножи, часто встречаются в Средней Азии, в том числе в Хорезме. Это обычная находка в среднеазиатских захоронениях, относящихся к первым векам до нашей эры—первым векам нашей эры¹⁸.

Пряслица. Найдено несколько пряслиц различного типа. Наиболее распространенный вид — круглые, дисковидные, сделанные из стекловатых гончарных сосудов из хорошо отмученной глины. Такие пряслица встречаются как на городищах Хорезма¹⁹, так и в подбойно-катакомбных погребениях Туз-гыз.

Найдено также дисковидное круглое пряслице из камня. Встречены еще два каменных пряслица — одно полусферической формы, другое (имеется лишь половина) усеченно-коническое. Такие каменные пряслица, так же как и керамические, встречаются на поселениях Хорезма²⁰. В кургане 31 найдено дисковидное пряслице из стенки керамического поливного парфянского сосуда. Полива зеленая. Интересно, что и в другом кургане (№ 59) также найден фрагмент стенки такого же сосуда (а возможно, и того же) с небольшим отверстием, но неопределенной формы. Вероятно, из него также собирались сделать пряслице.

Зеркала (табл. IV, 13—14). В погребениях Тумек-кичиджика найдено два бронзовых зеркала. Одно из них (курган 39, подбой), диаметром 11 см с нечетко выраженным валиком по краю и прикрепленной железной ручкой. Такое зеркало, по классификации сарматских зеркал, можно отнести к среднесарматскому периоду — I в. до н. э.—I в. н. э.²¹

Другое зеркало (курган 59, коллективное погребение) можно отнести к тому же времени. Диаметр 10 см. У него очень слабо вы-

раженный валик. Вероятно, была ручка-штырь, которая отломана у самого основания²².

Следует добавить, что первое зеркало найдено разбитым в неогрубленном погребении кургана 39. Как известно, обычай порчи зеркал был широко распространен у сарматов²³.

Височные кольца (табл. IV, 2—5). Их найдено 13 штук. Они сделаны из круглой в сечении проволоки. По форме это височные кольца с заходящими концами. В сарматском мире известны с начала V в. до н. э., наибольшее распространение получают в прохоровское время. В Хорезме они встречены в усадьбе архаического времени Дингильдже (V в. до н. э.), в курганах около Базар-калы (IV—III вв. до н. э.)²⁴. Наиболее поздняя датировка этих находок в памятных долинах реки Или — III в. до н. э. — I в. н. э.²⁵

В кургане 39 было найдено несколько (большинство из них рассыпалось при расчистке) небольших (0,5 см) круглых бронзовых пуговиц. Некоторые из них имели маленькое отверстие для пришивки к одежде.

Две другие находки из бронзы единичны.

Первая — перстень с овальным шитком с шишкой, расширяющейся к штичку (табл. IV, 8). Такие находки очень часты в погребениях конца I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. среднеазиатских курганов²⁶ и более четкой даты не дают. Вторая — бронзовая печать (табл. IV, 1), перегородчатая; бороздки между перегородками дают определенный орнаментальный рисунок. На обратной стороне ее — небольшая ручка с отверстием на конце. Печать имеет безусловное, хотя и несколько отдаленное, сходство с печатью, найденной на поверхности развалин дома архаического времени возле хорезмийской усадьбы Дингильдже²⁷.

В курганах Тумек-кичиджика, помимо наклеек на лук, найдено еще несколько костяных изделий. Наибольший интерес представляет (табл. IV, 12) костяная полая трубочка длиной 3 см и диаметром 1 см. Верхняя часть (1,5 см) ее спиленна, и оставлена лишь задняя стенка с заостренными концами. Назначение

¹⁵ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 130.

¹⁶ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136, с. 115, табл. XLVIII.

¹⁷ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. — ТХЗ, 1967, т. V, с. 159, рис. 63, 6.

¹⁸ Мандельштам А. М. Кочевники..., табл. LI, 6, 7.

¹⁹ Кой-Крылган-кала..., с. 166—167.

²⁰ Кой-Крылган-кала..., с. 166—168.

²¹ Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4, рис. 3, 2.

²² Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал, с. 58—59.

²³ Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. — СЭ, 1964, № 3, с. 89; см. также: Литвинский В. А. Зеркала в верованиях древних германцев. — Там же, с. 97.

²⁴ Воробьева М. Г. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973, с. 163—164.

²⁵ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура сарков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 179, 189.

²⁶ Мандельштам А. М. Кочевники..., табл. LVI, 12.

²⁷ Воробьева М. Г. Дингильдже..., с. 14; рис. 2, 3; с. 191, табл. II, А, 5, В 5.

трубочки не ясно. Может быть, она имеет отношение к музыкальным инструментам. Любопытно, что абсолютно такой же по форме и размерам предмет обнаружен в кургане 16 могильника Туз-гыр²⁸.

Найдена также обработанная полая трубочка из кости длиной 7 см и диаметром 1 см.

Другой находкой является изделие из кости, по-видимому, представлявшее собой квадрат со стороны в 3 см и круглым отверстием в середине диаметром 1,5 см. Толщина 0,2—0,3 см. Изделие сохранилось лишь нановину. Следует отметить также астрагал в погребении II кургана 59.

Бусины найдены в курганах 38, 39, 59 (всего около 150 шт.). Подавляющее большинство их стеклянные. Многие бусины разлозились, покрылись патиной и утратили цвет. Значительная часть из тех, что сохранились лучше, — желтого и голубого цвета, шаровидной и бочковидной формы. Некоторые из них с внутренней позолотой. Встречаются бусины в виде двоясных и строганных пропизок. Наибольшее количество мелких бусин из стеклянной массы под бирюзу. Такие бусы были широко распространены в эллинистическое и римское время²⁹. Найдено несколько бусин из кристалла прямоугольного пирита. Они нередко встречаются в захоронениях Средней Азии первых веков нашей эры³⁰; их находили также и на памятниках Хорезма начала нашей эры³¹. В кургане 39 найдено несколько галтовых бусин, которые также были распространены в то время в Средней Азии³².

Интересна подвеска из морской раковины спиралевидной формы с отверстием на конце. Такие подвески встречались и в сарматских могилах среднесарматского времени³³, а одна найдена на могильнике Туз-гыр³⁴.

В кургане 39, в женском погребении, обнаружены две алебастровые статуэтки (табл. IV,

20—21). Обе сохранились не полностью, хотя и встречены в неогорбленном кургане. По-видимому, они были положены в могилу в сломавшем виде. Одна из них — обнаженная женская фигурка — сохранилась лишь до пояса. Лицо фигурки сильно потерто, и различим лишь нос; грудь выражена отчетливо. Вторая статуэтка изображает нижнюю часть тела человека (от пояса и ниже). Выяснить пол по этому фрагменту невозможно. Еще в худшем состоянии обнаружен кусочек алебастровой статуэтки (?) в кургане 59. По нему едва можно наметить голову и плечи человека. Наиболее ранние алебастровые статуэтки в Хорезме найдены в среднем слое Кой-Крылганкалы (II—III в. н. э.)³⁵ и широко представлены в Хорезме и в других районах Средней Азии в кушанское время³⁶.

В исследуемых погребениях могильника Тумек-кичидик встречены всего две курильницы (табл. V, 1—3). Это немного, если учесть, что на соседнем Тузгырском могильнике их более полутора десятков. Обе курильницы найдены в кургане 47 (коллективное погребение). Одна из них обнаружена в слое под впускной могилкой и, возможно, имеет отношение к более раннему захоронению в подбье, в котором, как уже говорилось, ни погребенного, ни вещей найдено не было. Может быть, подбье был ограблен при последующем захоронении. Курильница, найденная здесь, лентная, из серой глины, цилиндрической формы, с уплощенным дном и прямыми боковыми стенками. По верхнему краю сосуда сделаны многочисленные насечки. Различные типы цилиндрических курильниц имеют довольно широкое распространение и существуют продолжительное время и особенно характерны для последних веков до нашей эры³⁷. Встречаются они и в среднеазийских подобно-катакомбных погребениях³⁸. Подобная курильница также была обнаружена на Тузгырском могильнике³⁹.

Другая курильница найдена в коллективном погребении кургана 47. Она сохранилась не полностью (есть два больших фрагмента). Это прямоугольная лентная курильница, по углам ее идут защипы. На одной из стенок —

²⁸ Логовцу В. А., Хазанов А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, табл. VI, 8 настоящего сборника.

²⁹ Позрובה И. И. Бусы Боспора. — Архив ИА АН СССР, № 911, с. 66; Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, 1975, вып. Г1—12, с. 36.

³⁰ Мандельштам А. М. Кочевники... с. 130—131; *Он же*. Памятники кочевников Кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с. 122.

³¹ Пташников И. В. Бусы древнего и средневекового Хорезма. — ТХЗ, 1952, т. I, с. 107—108.

³² Мандельштам А. М. Кочевники... с. 130—131; *Он же*. Памятники... с. 122.

³³ Силицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1954 гг.). — МИА, 1959, № 60, с. 152, рис. 51, в.

³⁴ Логовцу В. А., Хазанов А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, табл. IX, 5 настоящего сборника.

³⁵ Кой-Крылган-кала... с. 207—208.

³⁶ Кой-Крылган-кала... с. 214; Крузикова И. Т. Исследования в Дильбердяна. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 86—91.

³⁷ Шильов В. П. Калиновские курганские могильники... с. 450, 480.

³⁸ Обельченко О. В. Курганские погребения первых веков н. э. и некрополи Кую-Мазарского могильника. — Труды САГФ. Нов. сер. Исторические науки, 1957, вып. III, кн. 25, с. 114, 118.

³⁹ Логовцу В. А., Хазанов А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, табл. VII, 4 настоящего сборника.

отверстие. Она отдаленно напоминает прямоугольные курьильницы с Лявандакского⁴⁰ могильника и из могильника Туз-гыр⁴¹. Она крупнее, сделана более грубо, с большими примесями шамота в глиняном тесте и очень плохо обожжена.

Кроме того, в кургане 31 найден поддон большой лепной чаши, плохо обожженной, с большой примесью шамота в глиняном тесте. Этот поддон имеет следы копоти и, вполне вероятно, использовался также в качестве курьильницы.

Керамики в погребениях могильника немного. В основном она из погребений, которые не подвергались ограблению. Это главным образом целые сосуды.

Гончарные сосуды изготовлены из хорошо отмученной глины красноватого цвета.

Лишь один из них имеет некоторое сходство с сосудами, имевшими распространение в Хорезме. Это небольшой кувшинчик (курган 50) шаровидной формы с небольшим плоским дном и несколько оттянутым венчиком с двумя петлевыми горизонтальными ручками, расположенными в середине тулова, и со слабо выраженным валиком по плечикам сосуда и в районе ручек. Он очень схож с кувшином, описанным М. Г. Воробьевой в раннеангийское время (IV—II вв. до н. э.)⁴². Однако следует учесть, что он был найден в захоронении ребенка 2—3 лет и мог быть вторично использован и положен в погребение в качестве игрушки. Добавим также, что такие кувшины, по словам М. Г. Воробьевой, очень немногочисленны.

Другой сосуд, имеющий аналогии с известной нам керамикой, — красноглиняный кувшин без ручки из кургана 41. Он краснообгореванный, из хорошего теста красного цвета, с яйцевидным туловом, тремя слабо выраженными валиками: одним — по плечикам и двумя — в середине тулова. Дно плоское, небольшое (7 см). Горло несколько шире (9,5 см), венчик слегка отогнут. Этот сосуд напоминает кувшины из Тузгырского могильника⁴³, хотя у него более четко выраженный венчик и сам он лучшего обжига и теста. Некоторую близость к нему, а также и к кувшину Туз-гыра имеет сосуд из кургана 59. Он красноглиняный, тесто хорошего обжига крас-

ного цвета; шаровидной формы со слегка выраженным валиком у перехода от шейки к тулову, плоским дном и оттянутым венчиком. Отличается он от предыдущего широким толстым дном. Этот сосуд, так же как и тузгырские кувшины, хотя и не имеет точных аналогий, но по внешнему виду, подрезке дна, пропорциям несколько напоминает некоторые ферганские сосуды⁴⁴.

Следующая группа сосудов наиболее многочисленная (курганы 39, 40, 41, 60). Все сосуды красноглиняные, тесто хорошего обжига. Форма бомбовидная с небольшим диаметром в нижней трети тулова. У трех из них (табл. VI, 4, 7, 8) заметен резкий переход к дну; у одного (табл. VI, 6) — переход более плавный; дно сосудов плоское, граница дна четкая; горло невысокое и широкое. Край сосудов отогнут наружу. Венчик выражен четко, исключая сосуд из кургана 41. Один из сосудов имеет две вертикальные петлевидные ручки. Определенную близость с этими горшками имеет и сероглиняный небольшой сосудик из кургана 59 (табл. VII, 2). Однако у него наибольший диаметр проходит несколько выше, чем у других сосудов из этой группы. Хотя прямых аналогий этим горшкам нет, определенное сходство они находят с горшками из Карабулакского могильника (Киргизия)⁴⁵.

Две фляги гончарного производства из курганов 39 и 47 (табл. VI, 1; VII, 3) почти сходны между собой и отличаются размерами. Обе они красноглиняные, хорошо обожжены, имеют узкое горло и уплощенную одну из сторон, причем уплощение начинается в месте перехода от плечика к тулову. Край горла фляг несколько оттянут наружу. У большей фляги (курган 39) на плечиках имеются выступы, имитирующие ручки. У фляги меньших размеров выступы выражены более определенно, даже намечены отверстия. Аналогии этим флягам не известны.

Лепной керамики в погребениях мало. Это два целых горшка и несколько фрагментов из разных курганов. Оба горшка из кургана 39 (табл. VI, 2, 3). Один из них имеет высоту 12 см, невысокую шейку, отогнутую наружу, диаметр горла 11 см, шаровидное тулово, скругленное дно. Тесто сосуда темное, с примесью шамота. Сосуд сильно закопчен с обеих сторон. Не исключено, что его использо-

⁴⁰ Обельченко О. В. Лявандакский могильник, рис. 47.
⁴¹ Лозовиц В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, табл. VII. В настоящего собрания.

⁴² Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — УХЗ, 1953, т. IV, с. 100, рис. 12, 8.

⁴³ Лозовиц В. А., Хазанов А. М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, табл. VIII, 2 настоящего собрания.

⁴⁴ Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологическое памятники Баткена и Ляйлика, табл. IV; IX; Сорочкин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. — СА, 1954, XX, рис. 4, 6.

⁴⁵ Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник. — Известия АН Киргизской ССР, сер. общественных наук (Фрунзе), 1961, т. III, вып. 3.

вали как курильницу. Второй сосуд того же типа, но значительно меньших размеров. Его высота 7 см, диаметр горла 6 см. Тесто сосуда темное, с примесью шамота, обжиг хороший. Найден в погребении кургана 38.

Эти сосуды напоминают некоторые сарматские горшки из могильников Нижнего Поволжья⁴⁶ и Приуралья.

Из фрагментов керамики следует отметить стенку большого лентного сосуда из кургана 31 с двусторонней красной поверхностью, типичной для горшков куясайской культуры. Вероятно, он, так же как и большой фрагмент куясайского горшка из Туз-гырского могильника⁴⁷, был использован вторично. Наконец, следует сказать о миниатюрном глиняном лентном кубышничке из женского погребения кургана 39 (табл. IV, 6) из серой глины, высотой 2,5 см, являвшимся туалетным сосудиком.

В заключение можно сказать, что, несмотря на отсутствие четких аналогий сосудам подобно-катакомбных захоронений, все же есть некоторые основания датировать керамику из раскопанных нами погребений могильника Тумек-кичиджик первыми веками нашей эры.

Подобные и катакомбные погребения могильника Тумек-кичиджик по инвентарю очень близки к коллективным захоронениям.

Сходство проявляется в следующем.

Керамика. Фляги (подбой, курган 9) и коллективное захоронение, курган 47); гончарные бомбовидные сосуды (соответственно курганы 39, 41 и 59); лентные горшки (курганы 39 и 38); поливное пряслице (курган 31) и заготовка пряслица из такого же сосуда (курган 59).

Височные кольца (курганы 39, 41, 50, 60 и 47, 59); алебастровые статуэтки (курганы 39 и 59); бусы (курганы 39 и 38, 59); зеркала (курганы 39 и 59).

По-видимому, несмотря на различие в образе захоронения, оба типа погребений относятся к одной культуре.

В ходе анализа инвентаря мы часто сравнивали материал из могильника Тумек-кичиджик с находками из подобно-катакомбных захоронений Туз-гыра. Обряд подобно-катакомбных погребений этих могильников почти одинаков: подбой — в западных стенах входных ям; катакомбы — в южных стенах; погребенные лежат вытянуто на спине, головой на

юг; близость почти по всем компонентам инвентаря; наличие почти во всех погребениях костей жертвенного животного — барана.

Есть и некоторые отличия. Многие могилы Тумек-кичиджика имеют перекрытие. На Туз-гыре перекрытие прослежено лишь в одном кургане западной группы (№ 5). Большинство покойников Тумек-кичиджика положены либо на подстилку, либо на носилки, или в гробовицу. На Туз-гыре подстилка есть в единичных случаях. Закладка подбоев и катакомб на Туз-гыре производилась горизонтально уложенными в ряды известняковыми плитами. На Тумек-кичиджике они закрывались чаще деревянными решетками и лишь в двух случаях плитами и кусками материковой глины. На Туз-гыре много кирпичалов и все без наверхши, а на Тумек-кичиджике — лишь один и с кольцевым наверхшем. На Туз-гыре много курильниц в мужских и женских могилах, на Тумек-кичиджике они найдены лишь в одном кургане. На Туз-гыре очень мало керамики, на Тумек-кичиджике ее больше, но лишь однажды сосуда имеют сходство с тузгырской посудой.

В то же время оба комплекса, не имея прямых аналогий, все же тяготеют к керамике из Ферганы. Дата тузгырских погребений I—II, может быть, I—III вв. н. э.

Датировать погребения Тумек-кичиджика несколько сложнее.

Есть материалы, говорящие о более ранней дате — I в. до н. э.—I в. н. э. Это меч с кольцевым наверхшем, зеркала, височные кольца, наконечники стрел, курильницы. В то же время алебастровые статуэтки, керамика, накладки на лук свидетельствуют о более поздней дате — I—II вв. н. э. По-видимому, погребения могильника Тумек-кичиджик I в. до н. э.—II в. н. э.

Что же касается этнической принадлежности носителей обряда подобно-катакомбных захоронений, то не вызывает сомнения, что они принадлежат к пришлому населению. Прежде всего потому, что на материалах Тумек-кичиджика почти не сказывается влияние оседло-земледельческой культуры Хорезма. Инвентарь из погребений могильника и особенно керамика не имеют ничего общего с керамикой античного Хорезма. По всей вероятности, это кочевые племена, недавно находившиеся в районе возвышенности Тумек-кичиджик и оставившие небольшое число могил. В какой-то степени о хозяйственном укладе этих племен говорит и наличие в каждом относительно хорошо сохранившемся погребении костей барана.

Сходство исследованных погребений с погребениями могильника Туз-гыр подтвержда-

⁴⁶ Силицын И. В. Археологические исследования... , рис. 30а, 8; 36, 8.

⁴⁷ Лозовец В. А., Хазанов А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, с. 129 настоящего сборника.

ется антропологическими материалами⁴⁸. Ближайшие аналогии погребениям Туз-гыра и Тумек-кичиджика дают подбойно-катакомбные захоронения Бухарского оазиса.

В то же время в материалах наших памятников много общего с сарматскими могильниками Нижнего Поволжья и Приуралья. Эта близость прослежена Т. А. Трофимовой и на антропологическом материале⁴⁹. По-видимому,

если могильники западной части Средней Азии (Лявандакский, Кую-Мазарский, Тузгырский, Тумек-кичиджикский) нельзя непосредственно отнести к сарматам, то они безусловно указывают на присутствие сарматского или сарматоидного элемента в культуре скотоводческого населения окраин Хорезмского оазиса в последние века до нашей эры — первые века нашей эры.

⁴⁸ Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумек-кичиджик (предварительные данные). — СЭ, 1974, № 5.

⁴⁹ Трофимова Т. А. Черепа из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-гыр (Юго-

Западное Приуралье). — В кн.: Раскопательские процессы в этнической истории. М., 1974, с. 154—158.

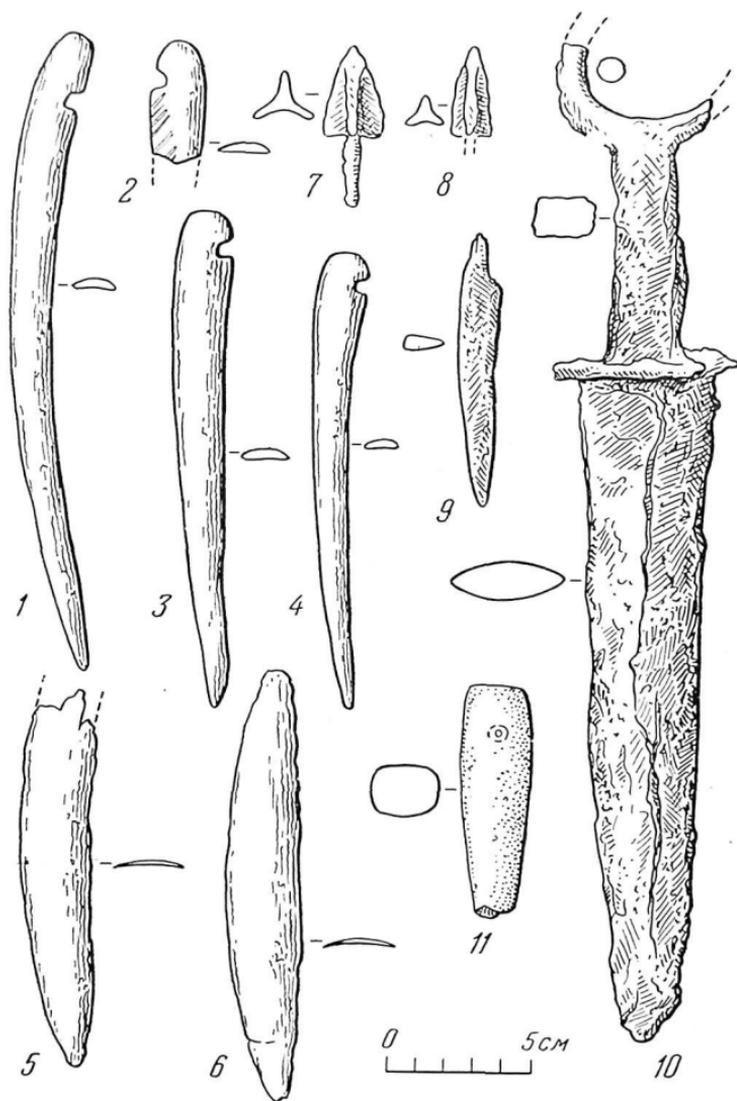

Таблица III. Инвентарь из подбойно-катакомбных и коллективных погребений могильника Тумек-кичиджик
 1—4 — костяные концевые накладки на лук; 5, 6 — костяные средние накладки на лук; 7, 8 — железные наконечники стрел; 9 — железный нож; 10 — железный кинжал; 11 — каменный оселок; 1 — курган 56; 2—6 — курган 59; 7, 8 — курган 39; 9, 10 — курган 49; 11 — курган 42

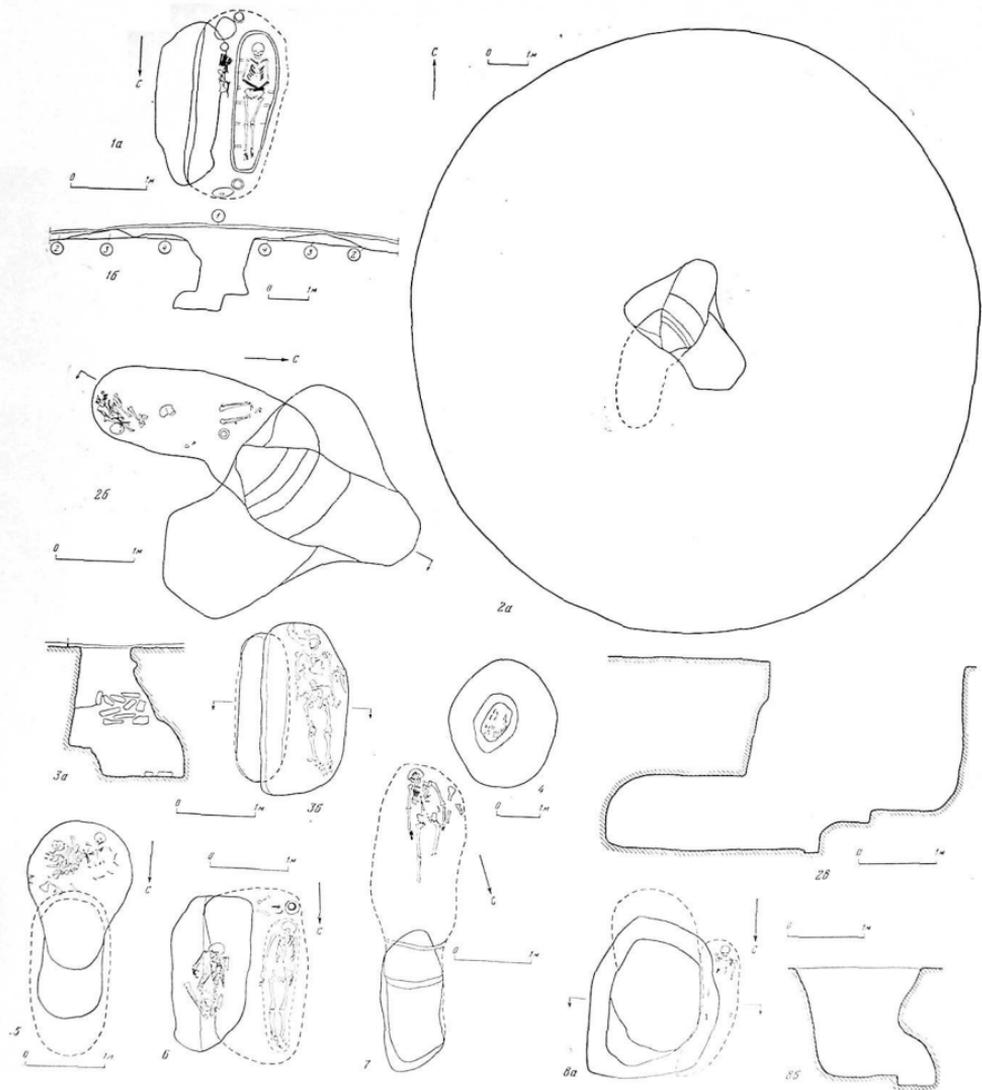

Таблица I. Планы и разрезы изобретных и катановых насекомых поименования Турецких насекомых:
 1 — курган 29 6а — план изобретной, 6 — разрез кургана;
 2 — курган 21 6а — план кургана, 6 — план изобретной, 6 — разрез изобретной; 3 — курган 42 6а — план изобретной, 6 — разрез изобретной; 4 — план кургана 42, 6 — план изобретной;

кургана 41; 5 — план изобретной; 6 — разрез изобретной; 7 — план изобретной кургана 52; 8 — курган 22 — план изобретной, 6 — разрез изобретной; 8б — плановые обозначения и разрезы курганов: 1 — танка; 2 — выходящий носок; 21 — выходящий носок мажоранной танки; 4 — сдвиг мажоранной изобретной

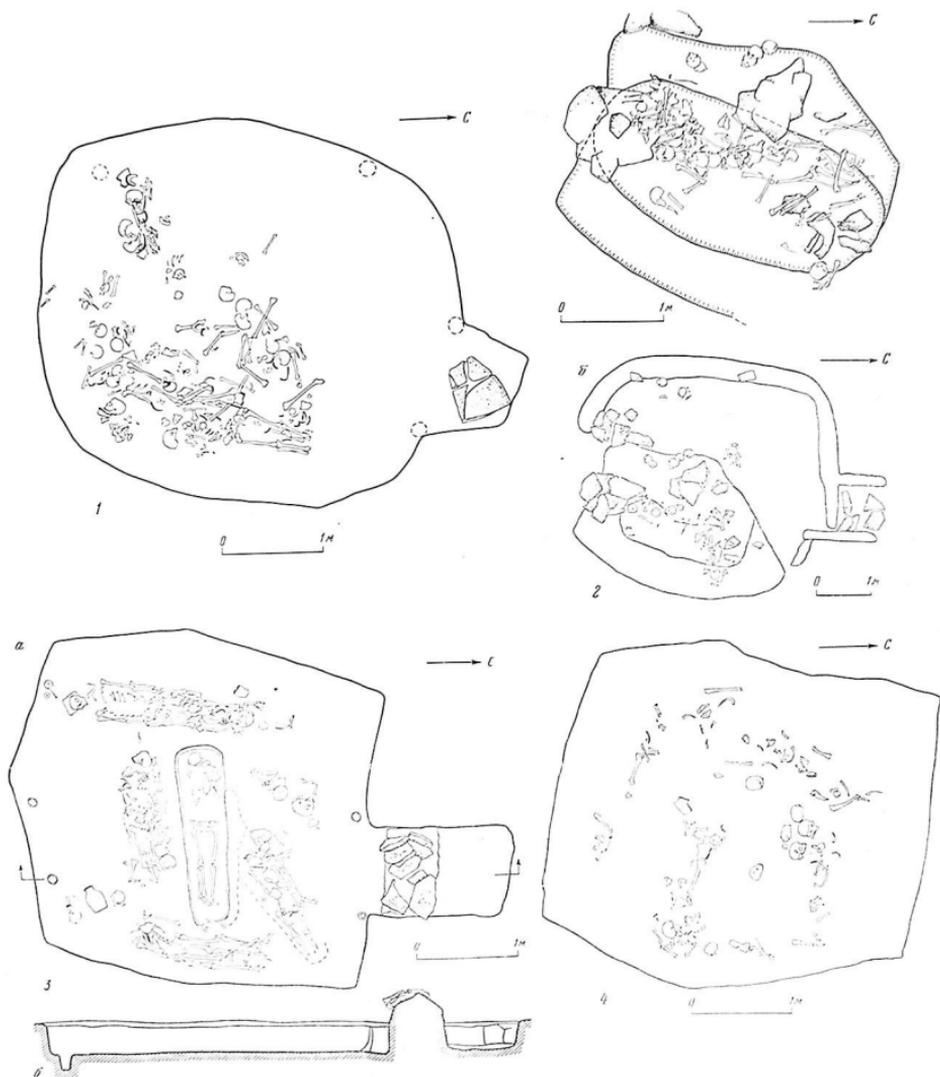
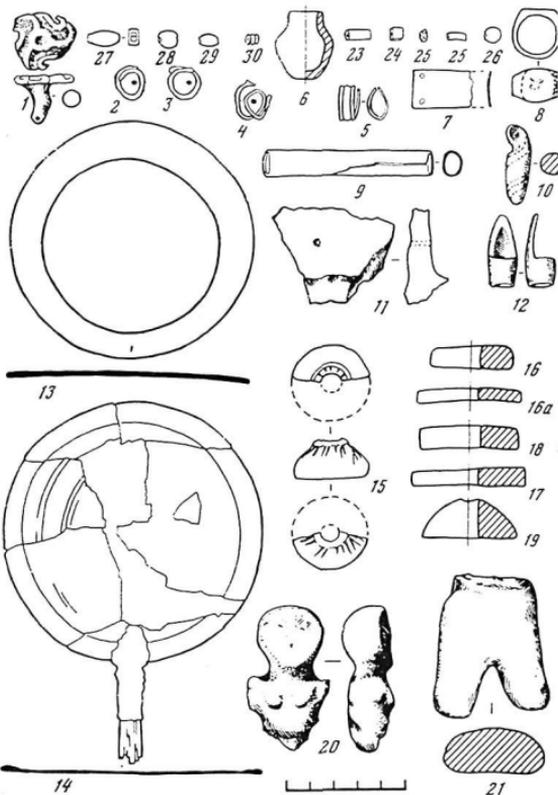

Таблица II. Планы и разрезы коллективных погребений могильника Тумэн-хендиин: 1 — план кургана 38; 2 — курган 37 — план погребения 30; 3 — план кургана 36; 4 — курган 35 — план погребения 20; 5 — курган 39 — план погребения 20; 6 — план по дну коллективного погребения.

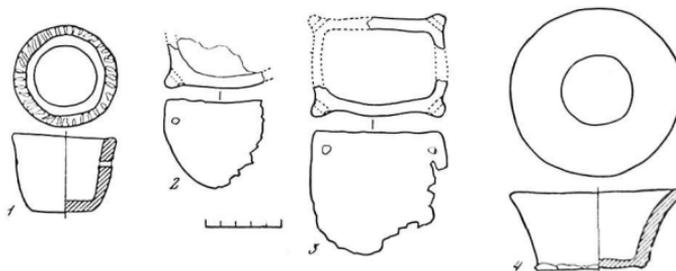
Таблица IV. Инвентарь [из подбойно-катакомбных и коллективных погребений могильника Тумек-кичиджик

1 — бронзовая печать; 2—5 — височные кольца; 6 — миниатюрный керамический сосудик; 7 — бронзовая пластина; 8 — бронзовый перстень; 9 — костяная трубочка; 10 — подвеска из раковины; 11 — фрагмент поливного сосуда; 12 — изделие из кости; 13 — бронзовое зеркало; 14 — бронзовое зеркало с железной ручкой; 15, 16, 19 — каменные пряслица; 16a, 17 — керамические пряслица; 18 — пряслице из стенки поливного сосуда; 20, 21 — алебастровые статуэтки; 22—30 — бусы; 1, 4 — курган 47; 2 — курган 50; 3—16 — курган 59; 16a, 27—30 — курганы 38, 59; 17 — курган 41; 18 — курган 31; 19—26 — курган 39

Таблица V. Курильницы из подбойно-катакомбных и коллективных погребений могильника Тумек-кичиджик

1—3 — курган 47; 4 — курган 41 (поддон лешого сосуда)

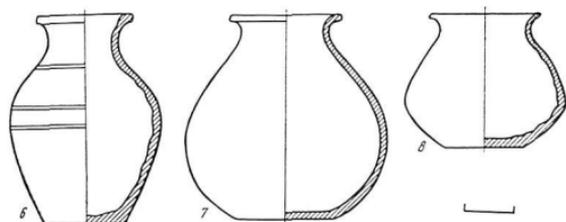
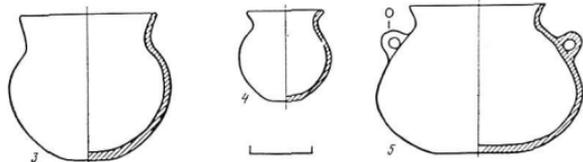
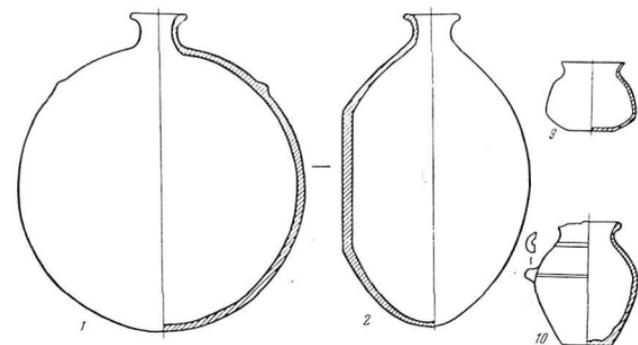

Таблица VI. Керамика из под-
бойно-катакомбных погребений
могилища Тумек-кичиджик

1—4 — курган 39; 5 — курган 61;
6 — курган 41; 7 — курган 40; 8 —
курган 60; 9, 10 — курган 50

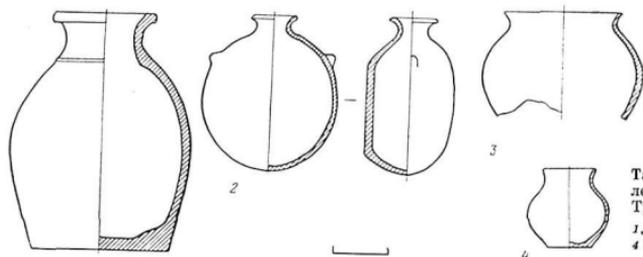

Таблица VII. Керамика из кол-
лективных погребений могильника
Тумек-кичиджик

1, 2 — курган 59; 3 — курган 47;
4 — курган 38

КУРГАНЫ НА ВОЗВЫШЕННОСТИ ЧАШ-ТЕПЕ

Возвышенность Чаш-тепе расположена в Ташаузской области Туркменской ССР, в 40 км западнее районного центра Куля-Ургенч. Это отделенная седловиной оконечность одного из мысов плато Устюрт. Она вытянута с востока на запад, длина около 12 км, ширина до 3 км. С юга под возвышенностью проходит одно из старых русел Амударьи — Дарьялык; с севера к ее обрывам сейчас почти вплотную подступают хлопковые поля. Поверхность Чаш-тепе плоская, поднятая над окружающей равниной на 20—25 м. На этом плато находится множество больших и малых курганных насыпей, тянущихся полосой в длину 6 км при ширине 2,5 км (рис. 1).

Это курганное поле было открыто во время Устюртского маршрута Хорезмской экспедиции в октябре 1947 г. С. П. Толстов тогда предварительно отнес комплекс к раннесредневековому времени, отметив необходимость раскопок для уточнения датировки¹. В апреле 1963 г. на Чаш-тепе были проведены археологические работы, результатам которых посвящена предлагаемая статья. В том же году курганы были сфотографированы с воздуха². Курганы на возвышенности Чаш-тепе расположены отдельными, хотя и соприкасающимися иногда, группами, в составе которых можно наблюдать определенную закономерность.

Центром группы обычно является своеобразное сооружение в виде большого прямоугольного двора, ограниченного валом. Длина большинства таких оград примерно 100 м при ширине около 50 м. Они ориентированы длинной осью с севера на юг или с северо-запада на юго-восток. Примечательно, что отклонение

оси к западу, как правило, тем больше, чем ближе к западному краю курганного поля находится ограда. В узких отрезках валов оставлены проходы, ограниченные курганобразными насыпями. Одна из подобных оград имеет усложненный план: от середины длинных сторон, перпендикулярно к ним, отходят валы, закапчивающиеся курганами. В небольших оградах сейчас заметен лишь один вход (за одним исключением он находится с южной стороны). Всего нами зафиксировано 20 дворов-оград.

Как правило, их окружают или примыкают к ним цепочки небольших насыпей, диаметр которых около 10 м и высота около 0,5 м. Многие такие курганы размыты, и заметить их нелегко. Число небольших насыпей достигает приблизительно тысячи.

В каждой группе есть несколько курганов средней величины (их высота около 2 м, диаметр 25—30 м) и в семи случаях — один большой курган. Высота последних 5—8 м. Выделяется огромный курган, высота которого сейчас достигает 16 м, а диаметр равен 100 м (рис. 2). Во всех больших курганах отчетливо виден широкий грабительский котлован. Следует подчеркнуть, что наиболее крупные насыпи всегда расположены неподалеку от оград и непременно с восточной ее стороны. Большие курганы иногда находятся около «дворов», площадь которых сравнительно невелика. Поэтому достаточно вероятно, что и курган средней величины вместе с «оградой» мог составлять первоначальное ядро курганной группы.

На поверхности плато отмечено несколько невысоких кольцевых насыпей. Большинство из них попарно расположено севернее оград. Чрезвычайно интересны фигуры в форме «вихревых сваптик», также образованные невысокими насыпными валками. Поперечник одной из таких фигур достигает 40 м (рис. 3).

Безлюдное курганное поле с сотнями насы-

¹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 312, рис. 402.

² Винон П. И. Исследование археологических памятников по материалам крупномасштабной аэрофотосъемки. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1963, с. 263—264, рис. 4.

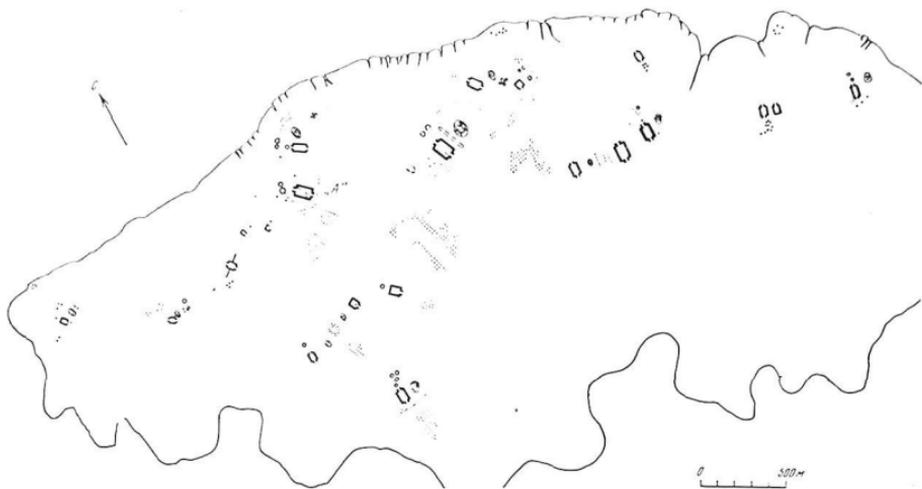

Рис. 1. Курганный комплекс на возвышенности Чаш-тепе

А — курганная группа, исследованная в 1963 г.

пей, иногда очень высоких, производит своеобразное и сильное впечатление. Естественно, что с ним связан ряд легенд. Наиболее распространенная из них такова. Некогда на возвышенности лежали плодородные поля, орошаемые гигантскими чигирями. Владельцы этих полей жили в усадьбах-хаули, остатками которых и являются прямоугольные валы. Громадные запасы хлопка были нагромождены на хирманах, а масса зерна сыпана в большие и малые кучи. Остановившийся здесь на почле под видом бедного странника Хазрет Али попросил хозяина всех этих богатств накормить своего коня. Однако в торбу были насыпаны мелкие камни. Узнав об этом, разгневанный святой обратил местность в пустыню, горы хлопка — в большие курганы, а кучи зерна — в груды мелких камней³. Следует сказать, что белые от материкового известняка большие курганы и усеянные мелкими желто-

ватыми камешками цепи насыпей хорошо гармонируют с образом заколдованной местности, созданным народной фантазией. Заслуживает внимания, что ни в одной легенде курганы на Чаш-тепе не рассматриваются как погребальные сооружения и что окрестные жители были убеждены, что при раскошках здесь ничего, кроме камней, найти невозможно. Это, очевидно, свидетельствует о том, что большие курганы были разрыты давно, а при естественном разрушении маленьких насыпей сколько-нибудь отчетливые следы захоронений не проступают. Следует добавить, что при осмотре огромного курганного поля удалось поднять лишь несколько небольших фрагментов керамических сосудов.

Раскопки 1963 г. были сосредоточены в пределах одной курганной группы, чтобы получить возможно более полное представление о комплексе насыпных сооружений, характерном для Чаш-тепе. Избранная для исследования группа, расположенная у северо-западного края возвышенности («А» на рис. 1), не включала в себя большого кургана (раскопки его были бы все равно нам не по силам). Зато привлекало множество цепочек мелких насыпей, которые, как казалось, сразу могли дать большую крапиологическую серию и погребальный инвентарь (рис. 4; 6).

В исследованную группу вошли: ограда, расположенная в 500 м южнее обрыва (рис. 4; I), курганы средней величины (рис. 4, II, III), курган № 2, заключающий в себе каменный склеп (рис. 4, IV), каменное

³ Как ни странно, владельцем местности — наказанным скудом — называют некоего Нулаж-бабу, почитаемый мазар которого расположен на юго-восточном склоне возвышенности Чаш-тепе, именуемой иногда Нулаж-гяр. Другая легенда, не связанная с ноуларным в Средней Азии образом халифа-странника Али, считает хозяином плато Кер-оглы: самый большой курган — его замок, другие курганы — замки дружины, «ограды» — усадьбы героев тюркского эпоса.

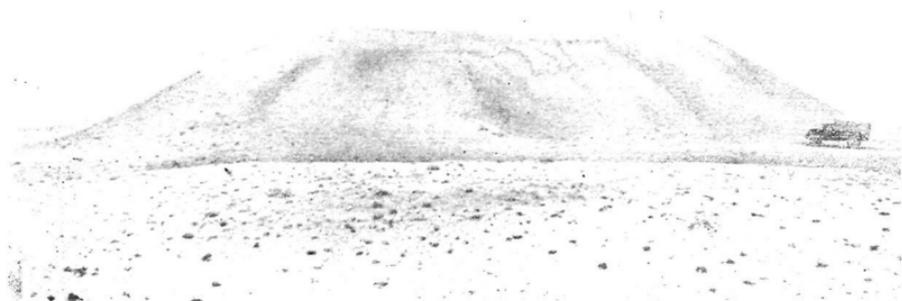

Рис. 2. Большой курган

Рис. 3. Одна из оград, большой курган и «вихревая свастика»

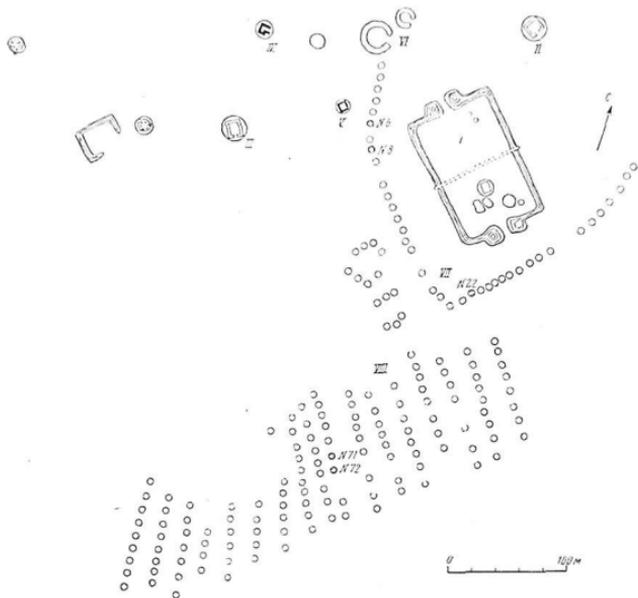

Рис. 4. Курганная группа, исследованная в 1963 г. Схематический план

I — ограда; II — курган 1; III — курган 3; IV — курган 2 (сильп); V — каменная ограда (с курган 4-ю); VI — кольцевые валы; VII — насыпи у ограды; VIII — южная группа насыпей (6, 8, 22, 71, 72 — раскопанные насыпи)

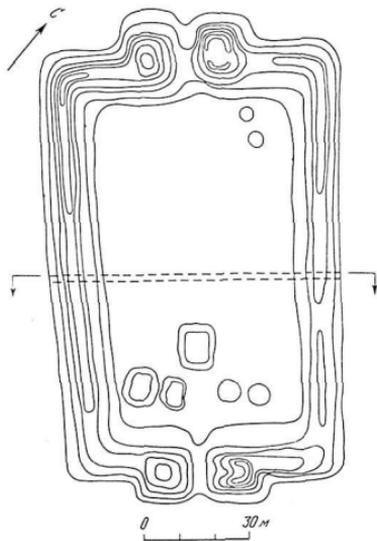

Рис. 5. Ограда и курганы внутри нее. План. Пунктиром обозначена граница траншеи и полоса зачистки

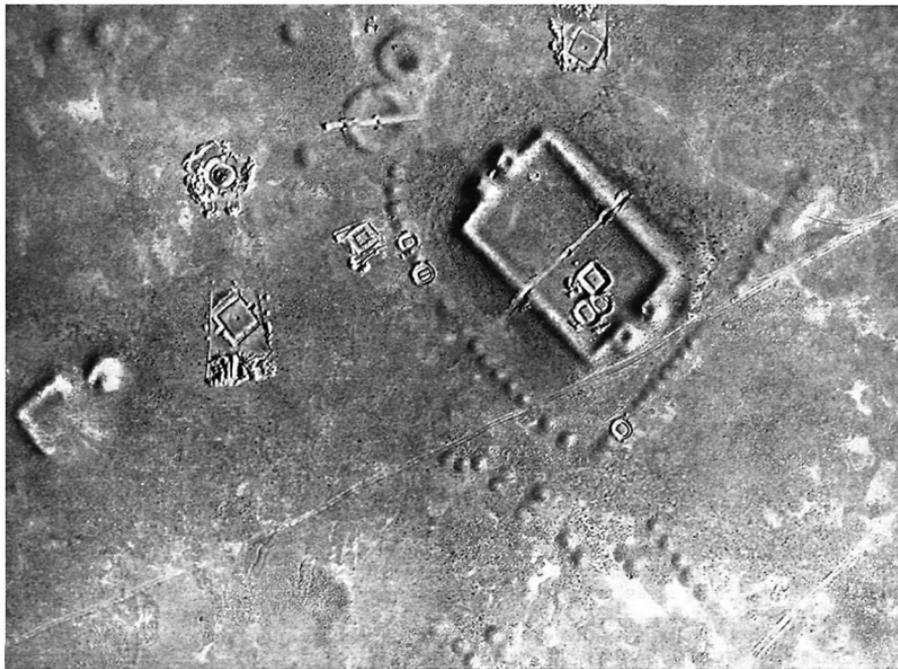

Рис. 6. Курганная группа после раскопок 1963 г.

сооружение (рис. 4, V), два кольцевых вала (рис. 4, VI), цепочки небольших насыпей, вытянутые вдоль валов ограды (рис. 4, VII) и южная группа небольших насыпей (рис. 4, VIII).

Ограда и курганы внутри нее. Ограда представляет собой прямоугольник размером 105×68 м, ограниченный земляным валом (рис. 5). Длинной осью он ориентирован с северо-запада на юго-восток. В середине юго-восточного и северо-западного участков вала оставлены проходы, по сторонам которых расположены курганные насыпи, напоминающие разрушенные башни. Ширина вала сейчас достигает 12 м, высота 1,8 м. Насыпи у ворот выступают примерно на 5 м за линию вала и достигают 2,3 м высоты. Как показали раскопки (юго-западный вал был разрезан двухметровой траншеей), вал состоит из глинисто-песчаного грунта, который был взят с окружающей поверхности. Для этого на довольно обширной площади была снята глинистая тапырная корка и немного затронуты выходы коренного известняка плато. Следов рва нам

обнаружить не удалось; камня в валу мало, что также подтверждает, что ров не прорубался. Возможно, что поверхность вала, толщина которого до начала разрушения не превышала 7,5 м, была засыпана белым камнем⁴. Насыпан вал на древней дневной поверхности. Башнеобразные курганы, как показала шурфовка одного из них, также состоят из насыпного грунта, каких-либо помещений или конструкций под насыпью не содержат и лежат на нетронутом материке. По всей вероятности, эти насыпи имели прямоугольные очертания и усеченно-пирамидальную форму. Ширина проходов, как оказалось, весьма невелика — около 1 м.

Поверхность, ограниченная валом, — сероватый тапыр, заросший мелкими кустиками. Отсутствуют следы каких-либо стен, кострщ,

⁴ На одной из восточных оград комплекса такая насыпка установлена.

нет выходов культурного слоя. Между юго-западным и северо-восточным валами зачищена полоса шириной в 2 м, прошедшая через центр «городища». В ее пределах раскрыта материковая поверхность, никаких следов погостов, культурного слоя, кострищ или ям не обнаружено.

На площади двора заметны невысокие распахившие насыпи, такие же как десятки других, окружающих ограду. Пять из них расположены около юго-восточного вала, две — в северном углу. Как показали раскопки, это захоронения обычного для всего комплекса типа. Тем не менее нам представляется, что вал возводился не для того, чтобы «защищать» эти кургачники. Утверждать это позволяют такие наблюдения: внутри большинства других оград насыпей нет; в рассматриваемом случае единичные насыпи расположены бессистемно по краю обширного двора; насыпи слишком немногочисленны и малы, чтобы их можно было считать ядром комплекса, охваченного огромным валом.

Все это заставляет полагать, что захоронения внутри вала относятся к последним из числа совершенных в древности на Чаш-тепе, когда уже не практиковались сложные обряды, сопровождавшие погребение. Именно для подобных обрядов, как представляется, и предназначались дворы, охваченные валами.

Действительно, расположение оград на бесплодном маленьком плато уже само по себе отвергает возможность обитания в них земледельцев или скотоводов. Вероятно, ограды имитируют какие-то укрепления, но для того, чтобы быть родовыми убежищами, они слишком слабы. Расположение оград среди многочисленных погребальных насыпей и курганов заставляет считать их как-то связанными с погребальным культом.

Нам представляются возможными такие предположения: ограда рассматривалась как место обитания, убежище для душ членов рода, погребенных вокруг; внутри ограды собирались соплеменники для совершения обрядов в память умерших (ритуальной трапезы, агонических игр и т. п.);⁵ валы должны были ограждать тело умершего в момент совершения над ним каких-то обрядов, предшествовавших окончательному захоронению.

Последнее допущение кажется нам наиболее вероятным, так как универсальным являлось представление о том, что в первые часы и дни после смерти идет напряженная борьба

за душу умершего между добрыми и злыми силами. В кодексе, призванном научить бороться с козлыми дьяволами. — Видевдате, вошедшем в зороастрийский канон, рассказывается о том, как различная нечисть устремляется к телу. Эти злые силы неизбежно захватят беспомощную душу, если ей своевременно не помочь. Они опасны и для тех, кто совершает обряд, и для жителей округи. Поэтому в зороастризме (как и во многих других верованиях) проявляется отчетливое стремление как-то оградить умершего и всякое место, где совершаются разного рода очищения и прочие магические обряды. Очень часто этого «достижения» оковыванием, окружением бороздой и т. п.⁶ Вал, канава, борозда могут рассматриваться либо как «поис обороны», препятствующий вторжению злых духов внутрь «огороженного» пространства, либо как защита окружающей земли от распространения этих темных сил. В последнем случае упомянутые валы или борозды лучше сопоставить с осадными укреплениями.

Ближайшей аналогией чаштепским оградкам, несомненно, являются прямоугольные обширные площадки, обведенные валами и рвами, которые зафиксированы на многих курганных комплексах древней сьрдарынской дельты (могильники предсакского и сакского времени на плато Тагискен, Сентгир-там и др.). Нечто подобное можно видеть в прямоугольных земляных сооружениях, отмеченных на некоторых курганных группах Оренбургской области⁷. Как показали раскопки на Тагискене, из грунта, полученного при вырубке рва, вал был насыпан по его внешней стороне. Таким образом, «осадный» характер для тагискенского сооружения более вероятен, чем для чаштепских оград с их выдвинутыми наружу банями.

У нас нет достаточных данных для суждения об обрядах, совершавшихся на площадках. Поскольку, как мы увидим, под насыпями захоранивались остатки погребальных кострищ, можно было бы ожидать, что внутри оград совершалась кремация. Однако найти следы кострищ в ограде на Чаш-тепе не удалось.

Впрочем, здесь могли совершаться какие-то символические, магические обряды, в результате которых душа вступала в иной мир. Наличие двух ворот (входа и выхода) может свидетельствовать о том, что уносимому с площадки умершему приписывались какие-то новые качества. Передко постройка, в которых

⁵ Размеры оград допускают сопоставление их с «майданами» — площадками для игры в поло (ср.: *Иностранцев К. А. Саянские этюды*. СПб., 1909, с. 72).

⁶ *The Sacred Booccs of the East*. Oxford, 1880. Vol. IV, p. 119, 122, note 1.

⁷ *Смирнов К. Ф., Лонов С. А.* Сарматское святилище овя. — В кн.: *Древности Восточной Европы*. М., 1963, с. 210, 216.

совершаются обряды инициации, имеют две двери: через одну из них посвящаемые входят, что символизирует их смерть, а через вторую — появляются «возрожденными», точнее говоря, «другими» людьми⁸. Обряд инициации всегда включает элементы погребального обряда, инсценировку легенд о потустороннем мире. С другой стороны, известно, что погребение рассматривается как своего рода инициация, призванная обеспечить новую жизнь души.

Перейдем к описанию раскопок насыпей внутри ограды. Первая из них была расположена на продольной оси двора, примерно в 20 м от юго-восточного вала. Высота насыпи не превышала 45 см, тогда как диаметр достигал 14 м. После снятия насыпи под ее полами обнаружен ров, охватывающий площадку прямоугольных очертаний. Площадка, лежащая под насыпью, — это просто окананный участок древней поверхности размером 9×7 м, ориентированной длинной осью с северо-запада на юго-восток. Насыпь состояла из грунта, взятого в основном из рва, и оказалась прорытой в центральной части grabителями. Последние не только «проскреблили» всю середину площадки, но и пробрили небольшой шурф в центре ее. При разграблении на стенки воронки и в окружающий насыпь ров были выброшены лежащие на поверхности площадки угли. К счастью, часть «кострища» уцелела на месте — в северо-восточной части площадки. Это узкая (до 35 см) полоса метровой длины с золой и углями. Следует сказать, что остатками костра, сгоревшего здесь же на площадке, считать этот слой, видимо, нельзя. Древний такыр под углями приобрел чуть розоватую окраску, следы сколько-нибудь значительной прокаленности грунта вряд ли могли быть уничтожены бесследно на всей площадке. Поэтому следует полагать, что на площадку были перенесены еще горячие угли погребального костра, сожженного где-то в другом месте.

В сохранившемся угольном слое была найдена пряжка (рис. 7), позволяющая довольно точно определить время погребения. Длина пряжки 2,6 см. Она имеет рамку в виде овальной кольца размером 1,7 см×1,3 см, утолщенного спереди и несколько спрямленного и стертого с противоположной стороны, охваченной петелькой подвижного язычка и напаянной обоймой. Рамка и язычок сделаны из круглого в сечении дрота. Язычок хоботовидный, суживающийся к загнутому, почти не выступаю-

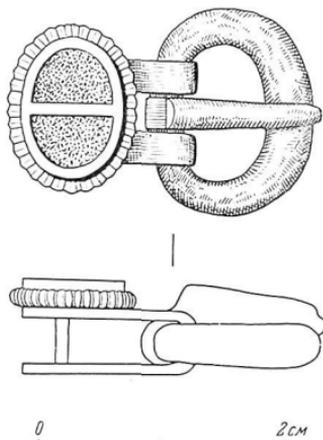

Рис. 7. Пряжка, найденная в кургане 1, внутри ограды

щему за рамку кольца, на спинке — едва заметный прогиб. Овальная обойма сделана из согнутой вдвое серебряной пластинки, в месте сгиба которой прорезаны две петельки, соединяющие ее с кольцом рамки. Внутри обоймы вставлялся узкий ремешок, закреплявшийся двумя серебряными гвоздиками.

Пряжка украшена перегордчатой инкрустацией. Верхний щиток обоймы размером 1,3 см×0,9 см покрыт тонким золотым листком, видимо, закрепленным теми же двумя штифтиками. На него напаян овальный золотой лоточек с поперечной перегордочкой. В гнездах сохранились плоские полуовальные вставки из иризованного синего стекла. Лоточек обведен напаянным ободком из рубчатой золотой проволоки с чередующимися мелкими и более глубокими насечками.

Пряжка принадлежит к кругу ювелирных изделий полихромного стиля и находит аналогии среди вещей керченских склепов, вскрытых в 1904 г. на Госпитальной улице. Подобные пряжки служили застегивкам обуви⁹. Ближе всего она напоминает пряжки из керченского склепа 1896 г. на Глиннице¹⁰.

⁹ Шкорниа В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. — ИАК, 1907, вып. 25, с. 32—36; Спицын А. А. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. — ИАК, 1906, вып. 17, с. 115—116, рис. 12, 14, 16, 24.

¹⁰ Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства. ЗООИИД, 1897, т. XX, с. 4, табл. 1, 11, 13, 17.

⁸ Лежащее в основе этого действия представление о волеизъявлении и изыпании души подробно рассмотрено в кн.: Пранн В. Я. Исторические корни русской волшебной сказки. Л., 1946.

Рис. 8. Курган 1. Площадка после снятия курганной насыпи

Пряжка датируется IV—началом V в. н. э.¹¹ Следует подчеркнуть, что большая часть уголков и несколько фрагментов керамики найдены во рву. Это свидетельствует о том, что он не был, как сейчас, после размыва насыпи, перекрыт ею. Таким образом, до разрушения насыпи, очевидно, соответствовала по основанию размерам площадки и была четырехгранной. Сходились ли наклонные грани или сверху насыпь была уплотнена — сказать трудно. Для того чтобы не повториться при дальнейших описаниях, отметим, что такой же вид должны были иметь первоначально все небольшие насыпи.

Вторая раскопанная нами насыпь располагалась в южном углу «двора». Диаметр ее достигал 10 м, высота 40 см. Под насыпью обнаружена обведенная рвом тақырная прямоугольная площадка размером 8×5,5 м. Она вытянута с северо-запада на юго-восток, но несколько отклоняется от ориентировки валов ограды. Глубина рва не превышала 40 см, ширина его сверху около 2 м, внизу приблизи-

тельно 1,2 м. Внешние стенки рва отклоняются от прямых линий и образуют округлый контур. Насыпь, как показали разрезы, дважды была перекопана. Поверхность площадки сильно повреждена. Большая часть насыпи отброшена в юго-западную часть рва. В этом отвале найдено много золы и уголков. Во рву найдено также немного керамики. Отметим фрагменты большого, сделанного на круге, тонкостенного сосуда. Поверх серовато-коричневой глины нанесен светлый ангоб, перекрытый красной небрежной росписью. Обнаружены также фрагменты большого лепного горшка. Тесто его содержит много дресвы и шамота, обжиг неполный.

Еще одна насыпь находилась рядом с предыдущей, восточнее ее. Диаметр около 8 м, высота примерно 30 см. Под насыпью оказалась тақырная подпрямоугольная площадка (7×4,5 м), ограниченная рвом и ориентированная длинной осью с северо-запада на юго-восток. Ров неправильных очертаний местами имел ширину менее 1 м, при глубине 20—25 см (это уже не ров, а нечто вроде борозды). В заполнении рва — выбросе с площадки — местами четко прослеживался углесто-золистый слой. Здесь же найдены керамические обломки, в том числе фрагменты сосудов из хорошего розового теста, сделанных на круге и покрытых ярким красным ангобом.

Курган 1 (рис. 4, II). Находился в 50 м к северо-северо-востоку от ограды, т. е. зани-

¹¹ Засецкая И. П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья. — СА, 1968, № 2, с. 54—55; Она же. Золотые украшения гунской эпохи. Л., 1975, с. 19; Ажаров А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 102, рис. 2, 7, 8, 13.

мал по отношению к ней примерно такое же положение, как большие курганы к своим «дворам». Если предположить, что эти два вида насыпных сооружений взаимосвязаны и возводились одновременно, курган 1 можно считать древнейшим в исследуемой группе. До раскопок он представлял собой довольно правильный круглый холм диаметром около 23 м, высотой до 1,3 м. Поверхность была усеяна мелкими известняковыми отложениями, грабительская воронка не прослеживалась. Под насыпью находилась окомуренная рвом площадка — участок древнего такыра (рис. 8). Площадка квадратная, со сторонами длиной около 14,5 м (площадь ее свыше 210 кв. м), ориентирована углами по странам света (азимут диагонали север—юг 345°). Ров, ограничивавший площадку, шириной около 1,5 м и глубиной около 0,4 м. Таким образом, он не шире и не глубже рвов маленьких насыпей. В середине юго-восточной стороны площадки ров не сомкнут — здесь оставлена перемычка из естественного грунта, своего рода «мостик», соединяющий площадку с окружающей местностью. Ширина мостика около 2,5 м, длина, соответствующая ширине рва, 1,4 м.

Насыпь была возведена из грунта, вынужтого из рва и, очевидно, дополнена землей, взятой с окружающей поверхности. До разрушения контур насыпи соответствовал сторонам площадки, т. е. насыпь была пирамидальной, вероятно, усеченно-пирамидальной формы. В разрезах удалось отчетливо проследить границы грабительской запильшей воронки, диаметр которой поверху достигал 5 м. Воронка доведена до уровня древней дневной поверхности — поверхности площадки. Захоронение, находившееся, скорее всего, на площадке, было уничтожено полностью. Как и во рвах под маленькими насыпями, во рву кургана 1 найдены угольки. На поверхности площадки найден астрагал и еще одна косточка — во рву. Там же найдены два фрагмента от стенок керамических сосудов. Оба они круговые, один светлоглиняный, другой из розового плотного и хорошо обожженного теста, краснообожженный.

Курган 3 (рис. 4, III) расположен примерно в 150 м западнее ограды. Высота его 2 м. Он имел овальные очертания. По оси север — юг насыпь прослеживалась на протяжении 34 м, по оси запад — восток 30 м. Была заметна впадина от грабительской воронки. После снятия насыпи выяснилось, что основная часть ее лежит на древней дневной поверхности — плотном красноватом такыре. Участок такыра был окапан ровом таким образом, что окомуривалась квадратная площадка со сторонами длиной около 16 м и площадью

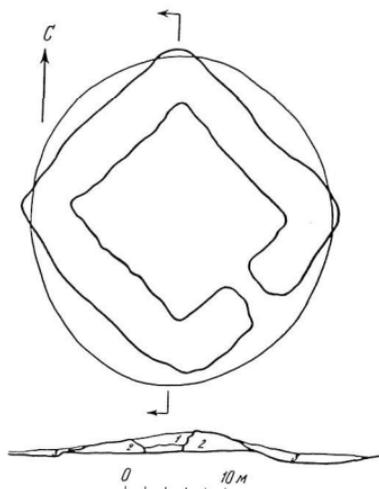

Рис. 9. Курган 3. План и разрез

1 — перемещенный грунт насыпи; 2 — насыпь; 3 — натечные слои

свыше 250 кв. м. Площадка ориентирована диагоналями по странам света (рис. 9). С юго-восточной стороны, в центре, ров не сомкнут, здесь оставлена материковая перемычка шириной около 2,5 м. Ширина рва около 5 м, глубина до 60 см, внутренняя его стенка, т. е. стенка площадки, круче и выше внешней. Снаружи за рвом древний такыр не сохранился. Очевидно, он был снят на большой площади вокруг кургана для возведения насыпи. Часть грунта для нее несомненно взята из рва (на некоторых участках ров пробит в каменистом грунте, вынутый из рва дробленый известняк хорошо заметен в прилегающих участках насыпи). Характер заполнения рва не оставляет сомнения, что первоначально он стоял открытым, ограничивая курганную насыпь. Вероятно, здесь квадратным очертаниям площадки соответствовала пирамидальная, а не конусообразная форма насыпи. Пирамида, по-видимому, была усеченной, если же грани сходились вверх, высота ее могла достигать 8 м.

Никакого инвентаря при раскопках не обнаружено. Два маленьких керамических обломка имеют хорошее розовое тесто, свойственное античной хорезмийской посуде.

Судить с уверенностью о способе захоронения в этом кургане мы не можем; хорошо прослеженная в разрезе грабительская воронка (диаметр ее поверху свыше 5 м) была

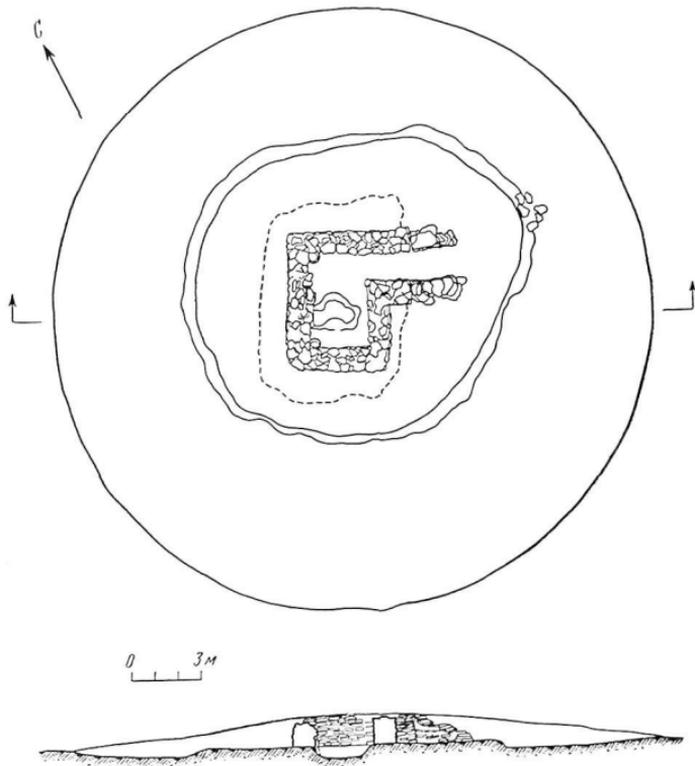

Рис. 10. План и разрез кургана 2

доведена до уровня площадки и уничтожила погребение. Был ли под насыпью на такыр положен умерший или помещены остатки трупосожжения, перенесенные со стороны, — сказать трудно. Во всяком случае, кремация на самой площадке не производилась, так как в этом случае древний такыр (он грабителями не разрушен) был бы прокален.

Одна особенность, выявленная при раскопках курганов средней величины, обращает на себя внимание — это «мостик». Можно допустить, что он оставлен для того, чтобы было удобнее перенести останки умершего на площадку, пройти на нее участникам погребальной церемонии. В таком случае мы должны предположить, что сначала грунт из рва бросали на его внешний край и лишь потом засыпали площадку с захоронением. Учитывая

пятиметровую ширину рва, следует думать, что это был бы нелегкий труд. Возможно и другое предположение: землю из рва сразу набрасывали на площадку и уже поверх нее совершалось захоронение и соответствующая церемония; мостик при этом служил бы основанием своего рода пандуса. Затем погребение перекрывалось землей, собранной с поверхности вокруг кургана. Предположение о том, что захоронение располагалось над материковой поверхностью, на насыщенном грунте, может быть и объясняет столь полное уничтожение его при разграблении.

Курган 2 (рис. 4, IV) расположен примерно в 130 м северо-западнее ограды. Его насыпь мало отличалась от насыпей двух предыдущих курганов: это был расплывшийся холм высотой около 1,5 м и диаметром до 25 м. Можно было отметить лишь большее число камней на поверхности. Однако раскопки показали, что под насыпью заключена совер-

шенно иная конструкция: остатки каменного наземного склепа (рис. 10).

Камера склепа прямоугольная в плане (внутренние размеры $3,9 \times 2,25$ м) и ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. В восточном углу камеры оставлен проход шириной 1,1 м, юго-восточная стена здесь не сомкнута с северо-восточной. Последняя на 2 м продолжена за пределы камеры, а параллельная ей стенка, отходящая от юго-восточной, образует вторую сторону входного коридорчика. Вход в склеп, таким образом, ведет с юго-востока. Стены имеют метровую толщину и сохранились на высоту 1,3 м. Они сложены из каменных плиток (рис. 11), которые легко выламываются в слоях известняка, выходящих на обрыве возвышенности. Форма плиток неправильная, длина от 40 до 70 см (в среднем 50 см), толщина 8—15 см. Они положены на глиняном растворе, внутренние поверхности стен выведены довольно ровно и, видимо, были покрыты глиняной обмазкой; наружная сторона менее гладкая. Совершенно иной характер имеет кладка, приложенная к торцам стенок входного коридорчика и удлиняющая последний еще на 2 м. Это большие плиты метровой длины (ширина их до 60 см, толщина до 20 см), положенные друг на друга без раствора. Наружный торец этой кладки выведен с наклоном, несомненно повторяющим уклон курганной земляной насыпи. Отметим также, что эти отрезки кладки даны с некоторым наклоном наружу, т. е. они опирались на земляную насыпь.

Все сооружение расположено на такырной площадке овальных очертаний (13 и 11 м по осям), ограниченной рвом, ширина которого примерно 4,5 м при глубине до 0,5 м. Внешние стенки этого рва полные (возможно для насыпи был снят верхний слой почвы и за пределами рва).

Курган неоднократно подвергался разграблению. Это стало ясно уже при расчистке входа, когда было установлено, что закладка разобрана, а плитки, ее составляющие, выброшены на насыпь. Часть этих плиток оказалась лежащими напротив входа, во рву (повидимому, ровик еще не затянута к моменту ограбления).

Камера была засыпана песком, в котором попадались разбитые известняковые плитки. Пол оказался пробитым неглубокой ямой неправильных очертаний, очевидно, своего рода грабительским шурфом. В трех углах камеры вскрыты округлые ямки диаметром и глубиной около 0,5 м. Вероятно, это угловые столбовые ямы (подобные находимым в некоторых сакских погребениях Жанадари и Кувандари) или их традиционная имитация.

Пол в камере на отдельных участках прокален, обожжены кое-где стены. Два отчетливых прокаленных слоя отмечены в проходе на участке между плитами дополнительной кладки.

Над полом у юго-восточной стены, около входа, найдены сломанные и бесприродно лежащие трубчатые кости человека; их немного, и следов огня они не несут. Нам представляется, что эти кости остались после разграбления сравнительно позднего, впускного погребения. Единственной находкой в камере оказались очень маленькие медные пластинки, точнее, отрезки плоской проволоки, длина их около 20 мм, ширина 2 мм.

Вдоль внешних стен склепа, над древним такыром, лежал слой перегнившего камыша, в котором и, главным образом, под которым попадались довольно многочисленные кости животных. Этот слой перекрыт земляной насыпью.

Как образовался слой с костями и камышом (толщина его до 30 см, ширина полосы вокруг стен до 1,5 м), с уверенностью сказать трудно. Можно предположить, что к стенам еще незавершенного склепа были брошены части туш жертвенных животных или кости, оставшиеся после трезины; они были переставлены камышом и погребены вместе со склепом под насыпью. Однако один факт препятствует такому пониманию стратиграфии: края слоя лежат поверх такого же грунта, какой составляет насыпь. Это заставляет допустить, что в какой-то момент насыпь (ее масса очень велика) была отброшена от стен и склеп оказался стоящим на дне грабительской воронки, в нее через стены были брошены из камеры камыш и кости. Может быть, именно тогда удлинили дополнительную кладку прохода¹², произвели и заложили новое захоронение и возвели новую насыпь.

Плохая сохранность постройки затрудняет ее реконструкцию. Вероятнее всего, под конической насыпью, контур которой примерно соответствовал овальному контуру рва, стояло не заполненное грунтом плоскоперекрытое помещение высотой 2—2,5 м. Обрамленный белыми плитами проход в камеру был заложен.

Еще с меньшей уверенностью мы можем говорить о характере погребения. Возможно, это кремация — за нее говорят следы прокаленности на стенах и полу. Однако в пользу наземного труположения свидетельствуют найденные, правда во вторичном залегании, необожженные кости человека. Для датировки кургана также нет определенных данных, если

¹² Отметим, что слой камыша лежит лишь у основных стен прохода.

не считать известного сходства с «курганом 4», где найдено сравнительно много керамики.

Каменная ограда («курган 4»). Это сооружение расположено в 50 м к западу от ограды (рис. 4, V). До начала раскопок оно выглядело как плоский (не выше 40 см) бугор прямоугольных очертаний. Поверхность была усыпана разрозненными известняком, вокруг лежали сравнительно многочисленные обломки керамики.

Раскопки легко обнаружили внутри бугра сложенную из камня прямоугольную камеру (рис. 12), размеры которой 6,75×5,6 м. Поскольку толщина стен приблизительно 1 м, то наружные размеры постройки соответственно около 9,0×7,5 м. Сооружение ориентировано длинной осью с северо-востока на юго-запад, а углами — по странам света. В северо-восточной стене, в восточном углу постройки, находился дверной проем.

Стены сложены из известняковых плиток неправильной формы (средний размер около 50×50 см) и сохранились на небольшую высоту (до 30—40 см). Рва вокруг постройки нет, и она, очевидно, не была засыпана курганом.

Внутри камера сверху заполнена наносным песком с разрушенным плитняком, под ним — слой такыровидного суглинка, еще ниже — культурный слой. Пол камеры лежал на 15 см ниже древнего такыра, на котором стояли стены; тот же древний такыр обрывался у входа, давая 15-сантиметровый порожек. Пол помещения во многих местах поврежден, возможно, грабителями, однако на многих участках он сохранил следы интенсивного горения; охалена двухметровая полоса у северо-восточной стены; остатки большого кострища отчетливо видны в центре камеры: здесь много белой золы, угольки, местами грунт ошлакован. Прокаленные участки встречены и за пределами камеры, главным образом за северо-западной стеной.

Внутри камеры найдено большее, чем в других раскопках, число керамических фрагментов, не позволяющих, однако, восстановить форму сосудов. Встречена грубая лепная керамика с темно-серым тестом и посуда гончарная из розового плотного хорошо обожженного теста без грубых примесей. Часть черепков из последней группы покрыта светлым, реже — красным, ангобом, есть фрагменты сосудов, расписанных красным по светлomu ангобу. Элементами росписи были круги, или спирали. Внутри камеры вместе с керамкой встречался перегнивший камыш, такой же слой прослежен снаружи у стен: несомненно, это выброс из камеры. На полу найден обло-

мок довольно крупной костяной ложки, а в центральном кострище — каменное точило.

Е. Е. Перазик, ознакомившись с материалами из раскопок Чаш-тепе, отметила среди собранных около каменной ограды фрагментов обломки зеленоглазобитых сосудов из пористой глины с известковыми включениями, идентичных своеобразной группе керамики с некоторых памятников Беркут-калинского и Якке-паранского оазисов и из верхнего слоя Куния-Уаза. Керамику с этого памятника упоминают и некоторые фрагменты с росписью, обнаруженные при раскопках «кургана 4», который Е. Е. Перазик на основании этих сопоставлений относит к III—IV вв. н. э.¹³

При попытке реконструировать сооружение, следует обратить внимание на малую высоту стен и незначительное число плитняка в завале. Мало вероятно, что этот, легкодоступный на Чаш-тепе материал был растащен. Скорее всего, высота каменной ограды не превышала 1 м — 1,5 м и тогда внутреннее пространство перекрыто не было. Не исключено, однако, что каменная кладка служила основанием для глиняных стен достаточно высокой постройки. Назначение сооружения не вполне ясно. Быть может оно предназначалось для кремации, возможно даже многократно повторявшейся. Не исключено, что более низкий, чем окружающая почва, уровень пола — результат разрушения такыра огнем и последующих подчисток. Однако отсутствие кальцинированных костей человека никак не позволяет настаивать на этом предположении. Известное сомнение вызывает и характер инвентаря, который мог быть положен в могилу или находиться в жилище каких-то «служителей мертвых», но излишен в постройке общественного характера, предназначенной для систематических трупоожжений.

Кольцевые валы (рис. 4, VI). Примерно в 60 м от ограды, к северо-западу от нее, заметны невысокие валы, идущие по кольцу. Таких колец два. Диаметр меньшего свыше 15 м, большего, расположенного чуть южнее, — примерно 35 м. Оба кольца с восточной стороны незамкнуты, здесь вал либо смыт, либо прерывался.

Через большое кольцо по его диаметру в направлении восток — запад была проведена полоса зачистки шириной 2,5 м, а вал, в пределах этой полосы, разрезан. Разрез показал, что это насыпь, высота которой не превышает сейчас 40 см от уровня древнего такыра. Ширина вала в основании около 7 м. С внешней стороны он окружен рвом, откуда и взята

¹³ Перазик Е. Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 123, 124.

Рис. 11. Курган 2. Склеп после снятия насыпи

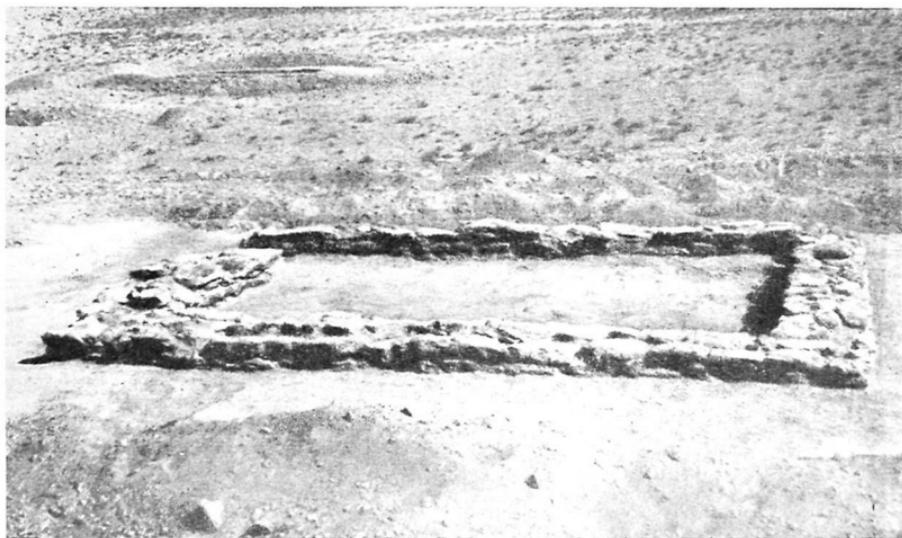

Рис. 12. Каменная ограда (курган 4)

Рис. 13. Площадки, обнаруженные после снятия насыпей 71 и 72

земля для вала. Ширина рва около 1,5 м, глубина около 0,5 м. Ров заполнен песком. Внутри кольца вскрыт древний такыр, не несущий никаких следов застройки или культурного слоя. Шурф, пробитый в центре кольца, показал, что под такыром сразу идет материковый песок, который через 15—20 см переходит в известковые стяжения, а затем в известняк.

Судить о назначении кольцевых валов трудно. Весьма привлекательно сопоставление с близким по форме сарматским святилищем огня в курганной группе Шихан¹⁴, однако следов горения не обнаружено. Предположение, что перед нами следы окаймления какой-то юртообразной постройки, также не нашло подтверждения при раскопках. Скорее всего, к «кольцам» применимы в принципе те же соображения, что и относительно прямоугольных оград. Не исключено, впрочем, что, как и «свастики», эти кольца были громадными символическими знаками¹⁵.

¹⁴ *Смирнов К. Ф., Попов С. А.* Сарматское святилище... с. 210 и след.

¹⁵ Чаштепскую «вихревую свастику» можно рассматривать и как соединение двух S-образных фигур; и тот и другой знак представлен на хорезмийских монетах.

Цепочка насыпей, расположенная у ограды (рис. 4, VII). С юго-западной и юго-восточной стороны ограды на расстоянии 25—40 м от ее валов находится цепь небольших расплывшихся насыпей. Самая северная из них (№ 1) расположена рядом с большим кольцевым валом.

У юго-западного вала зафиксировано 20 насыпей, вдоль юго-восточного вала расположено еще 18 насыпей.

Диаметр расплывшихся холмиков 8—10 м, высота наиболее сохранившихся 40—45 см, многие смыты почти полностью и прослеживаются в виде светлых ятеп, усыпанных камешками, оставшимися после того, как глина и песок были унесены. Полю насыпей сейчас почти сливаются, расстояние между вершинами холмиков 10—12 м. Подъемного материала собрать не удалось. Нами были раскопаны три насыпи (№ 6, 8, 22), которые выглядели более сохранными.

Раскопки показали, что и здесь под насыпями лежали такырные площадки, ограниченные рвом. Они имели подпрямоугольные очертания (углы скруглены), размеры их примерно 6×4 м (№ 6—6,0×4,1 м; № 8—6,2×4,2; № 22—5,4×4,2). Рвы шириной около 1,5 м и глубиной 0,5 м. То обстоятельство, что часть рва пройдена в трудном каменистом грунте, а стенки его ровны и довольно круты, свидетельствует о том, что ров служил частью

погребальной конструкции, а не только для получения грунта для насыпи.

Ориентированы площадки своей продольной осью по направлению к ограде. Они были засыпаны грунтом, взятым из ровиков, последние, несомненно, оставались первоначально открытыми. Совершенно очевидно, что все насыпи были перерыты довольно скоро после их возведения: отдельные фрагменты керамики, кости животных, угольки часто лежат на самом дне рва, т. е. сброшены туда до заполнения неглубокого ровика смывом с насыпи и напосным песком (процесс не требующий длительного времени).

Во рвах всех трех насыпей встречены фрагменты керамики (главным образом, от грубых лепных сосудов, в том числе от плоской жаровенки, два-три фрагмента относятся к круговым сосудам из хорошего теста), довольно многочисленны угольки, необожженные кости животных. Лишь в насыпи 22 несколько таких костей лежало на краю площадки. Поверхность площадок следов горения не сохранила, и это не позволяет говорить о кремации на месте. Если бы на площадках погребались тела умерших (вытянутые пропорции «столов» могли бы свидетельствовать в пользу этого), мы, вероятно, обнаружили бы хоть какие-то следы захоронений. В то же время трудно думать, что и здесь, и в южной группе мы попали на кенотафы. Считать же многие сотни насыпей кенотафами, пожалуй, просто невозможно. Поэтому наиболее вероятным представляется, что на площадках засыпались остатки трупосожжений, совершенных в створе.

Южная группа насыпей (рис. 4, VIII). К югу от ограды, примерно в 400 м от нее, расположен большой участок, усеянный насыпями. Это могильное поле вытянуто с северо-востока на юго-запад, длиной около 400 м и шириной около 100 м. Насыпи (их отмечено 131) группируются в 17 цепочек, вытянутых с северо-запада на юго-восток. Каждая цепочка содержит от четырех до 10, в среднем восемь насыпей. Расстояние между центрами насыпей, входящих в одну цепочку, — 10—12 м. Вид и размеры насыпей не отличаются от предыдущих. Такими же оказались и погребенные под ними конструкции. Нами раскопаны две насыпи — 71 и 72 (рис. 43). Площадка насыпи 71 имела размер 6×4 м, насыпи 72 — 5,8×4,6 м. Ориентированы площадки длинной осью на северо-северо-запад (азимут около 330°). Никаких находок при раскопках этих насыпей не сделано.

Итак, на возвышенности Чаш-тепе расположен огромный некрополь и культовый комплекс, очевидно, принадлежавший ка-

кому-то большому и сильному племени. Величина некоторых курганов не уступает большим скифским.

Некрополь пока приходится датировать первой половиной I тысячелетия н. э. Основанием для такой датировки является достаточно характерная для IV—начала V в. н. э. пряжка, найденная в кургане, который по своему типу подобен подавляющему большинству остальных, но расположен внутри двора-ограды, что, видимо, указывает на относительно позднее время этого захоронения. Керамический комплекс из каменной ограды (фактически единственный сколько-нибудь определенный) также относится к III—IV вв. н. э. Некоторые обломки стенок, судя по характеру теста и обработке поверхности, могли принадлежать сосудам, изготовленным в первые века нашей эры (таковы, например, фрагменты из насыпи 6). В то же время встречены черепки, которые можно отнести ко второй половине I тысячелетия, однако они могли попасть на плато случайно (при массовом разграблении курганов). Основная масса курганов и своеобразных насыпных сооружений, составляющая комплекс, судя по их однородности и взаимосвязанности, относится к одному, сравнительно недолгую, историческому периоду и оставлена представителями одной этнической группы.

Как размеры некрополя, так и его наметившаяся датировка позволяют думать, что название племени, которому он принадлежит, могло быть сохранено историческими источниками. Однако любое этническое определение будет пока весьма гипотетично, если принять во внимание крайнюю скудость полученного инвентаря, отсутствие антропологических данных и даже твердого представления о погребальном обряде. Есть известные основания полагать, что это была кремация с захоронением праха неподалеку от погребального кострища¹⁶.

Особенности погребальных сооружений, раскопанных на Чаш-тепе, не позволяют связывать их с коренным хорезмийским населением, для которого характерны оссуарные захоронения. Чештенские курганы сильно отличаются от подобной-катакомбных погребений, преобладающих в других курганых группах первых веков н. э. на западной терри-

¹⁶ Е. Е. Перзлик, приняв это допущение и сопоставив его с известным сообщением Аммиана Марцелина о кремации у хивитов, предположил, что Чаштенский некрополь был создан ими (см.: *Перзлик Е. Е.* Сельские поселения, с. 124—125). Новое погребение с сожжением иногда связывают с передвижением тунических племен (см.: *Заспикал П. И.* Особенности погребального обряда тунической эпохи на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья. — *АСТ*, вып. 13. Л., 1971).

ферии Хорезмского оазиса. Каменный скелет под насыпью дает удовлетворительные (в конструктивном и хронологическом отношении) возможности сблизить его с некоторыми типами «курумов», характерных для Северной Ферганы¹⁷. Однако на Чаш-тепе это сооружение уникально. Что же касается типичных для нашего комплекса курганов, то ряд черт в их устройстве находит определенные соответствия в предсакских и сакских могильниках низовьев Сырдарьи¹⁸. Это прежде всего принцип наземного захоронения под насыпью, а также размещение погребения на окопанной ровиком площадке¹⁹, наличие в некоторых случаях грунтовых «мостиков» и угловых ям. Мы уже упоминали об окопанных и обвалованных

прямоугольных пространствах, сопоставимых с чаштепинскими «оградами». Добавим к этому, что во многих курганах Тагискаена и Уйгарака отмечены различные формы применения огня в погребальном обряде (вплоть до кремации). Все эти сближения, однако, мало что дают для определения первоначального района обитания этнической группы, оставившей Чаш-тепинский некрополь, из-за большого хронологического разрыва между сопоставляемыми памятниками (разумеется, если верна намечавшаяся датировка).

Чрезвычайно архаичной выглядит социальная структура, отраженная погребальным комплексом. Похоже, что на возвышенности хоронил своих умерших ряд родов, располагавших могилы около родовых погребальных святилищ — «оград». Среди рядовых насыпей выделяются курганы средней величины, вероятно, отмечавшие захоронения родовой знати, и, наконец, огромные курганы, возведение которых требовало невероятной затраты труда. Очевидно это курганы выдающихся племенных вождей: судя по тому, что подобные насыпи имеются далеко не у всех оград, таких вождей сумели выдвинуть не все родовые подразделения. Если напомнить еще о громадных символических знаках, отмеченных на плато, станет ясно, какой уникальный и загадочный памятник лежит на нем. Это оправдывает, видимо, публикацию материалов, полученных здесь при первых раскопках, чрезвычайно небольших в сравнении с масштабами комплекса, материалов, которые поднимают многие вопросы, но не позволяют пока дать ответы на большинство из них.

¹⁷ См.: Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972, с. 178.

¹⁸ Толстов С. П., Игита М. А. Сакские низовья Сырдарьи (по материалам Тагискаена). — СА, 1966, № 2, с. 151—175; Вишнева О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. по материалам Уйгарака. М., 1973.

¹⁹ Следует отметить, что такие площадки, как правило, были дном могильной ямы. Лишь под одной насыпью на Уйгараке оказался квадратный участок древней дневной поверхности, ограниченный ровиком. Следов захоронения в этом кургане не оказалось, и он был определен как кенотаф (см.: Вишнева О. А. Культура сакских племен... с. 56, 62). Если бы при раскопках на Чаш-тепе удалось доказать (причем многократно), что захоронения отсутствуют и под нетронутыми грабителями насыпями, то их пришлось бы трактовать сходным образом. Тогда весь комплекс следовало бы рассматривать как культурно-мемориальный и считать, что курганы на плато по традиции возводились людьми, которые хоронили своих умерших в каком-то другом месте, возможно, сменив при этом погребальный обряд (скажем, на оссуарный способ захоронения).

Б. И. ВАЙНБЕРГ

КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ СЕВЕРНОЙ ТУРКМЕНИИ (Присарыкамьшская дельта Амударьи)

Северная Туркмения (современная Ташаузская область Туркменской ССР) охватывает большую часть Заунгузских Каракумов, район верхнего Узоя, плато Капланкыр, солончаковую впадину древнего Сарыкамьшского озера и район староречий и земель древнего орошения — Присарыкамьшскую дельту Амударьи. Последняя, находящаяся на самом севере Туркмении, в течение многих лет является одним из основных районов археологических работ Хорезмской экспедиции¹.

Археологическое изучение Присарыкамьшской дельты началось еще в 1939 г.² Первый курганный могильник — Чаш-тепе был открыт аваразведкой в 1947 г. на краю плато Устюрт³. В 1963 г. археологический отряд Хорезмской экспедиции под руководством Ю. А. Рапопорта провел там рекогносцировочные работы⁴.

В 1964 г. на останцовой возвышенности Туз-гыр Б. В. Андриановым был открыт большой курганный могильник, получивший то же название⁵. Проведенная тогда же Н. И. Игоиным аэрофотосъемка позволила получить общее представление о могильнике (200—250 курганов). Одновременно была произведена аэрофотосъемка окрестностей крепости Мангыр-кала, где также был обнаружен курганный некрополь. В 1965 г. в южной группе

могильника Туз-гыр В. А. Лоховиц провел разведочные раскопки, выявившие сильно разрушенные курганы с обрядом трупосожжения. Найденные в смыве насыпи одного из курганов бронзовый втульчатый наконечник стрелы, а в инвентаре другого — гончарная мисочка с боковой ручкой типа тех, что известны по материалам из культуры арханчского Дахистана, позволяют предположительно датировать эти погребения VI—IV вв. до н. э.⁶ Лепная керамика, встреченная в них, обнаруживает известное сходство с посудой куюсайской культуры, в погребальном обряде которой встречается изредка и трупосожжение. Не исключено, что на Туз-гыре мы имеем наиболее северную, из известных нам, группу куюсайских погребений⁷. В 1965—1966 гг. Тузгырский отряд (начальник В. А. Лоховиц) Хорезмской экспедиции в основном исследовал юго-западную группу могильника. Эта группа, насчитывавшая 39 курганов, раскопана полностью⁸. Подавляющая часть погребений совершалась в подбоях под западной стеной могильной ямы и в катакомбах, служивших продолжением дромоса к югу. Ориентировка погребенных южная. Часть погребений разрушена грабителями. Встречены как одиночные, так и парные и более многочисленные захоронения, судя по всему, разновременные. Могильник датирован I—III (до начала IV) вв. н. э. Два погребения в ямах выделялись не только по обряду захоронения, но и по составу инвентаря. Они относятся к более раннему времени, чем подбоян-

¹ Курганные могильники вдоль русла Узоя и на Капланкыре систематически изучаются Х. Юсуповым и, как свидетельствуют результаты его работ, дают отличающиеся от наших археологических материалы. Юсупов Х. Исследования курганных памятников вдоль верхнего Узоя весной 1973 г. — УСА. 1975, вып. 3, с. 48—51.

² Низовья Амударьи. Сарыкамьш. Узбой: История формирования и заселения. — МХЭ, 1960, вып. 3, с. 148. См. также карту Присарыкамьшской дельты.

³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийских цивилизаций. М., 1948, с. 312, прим. 8.

⁴ См. статью Ю. А. Рапопорта и С. А. Трудновской в настоящем сборнике, с. 151—166.

⁵ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1963, с. 167.

⁶ Общие данные о могильнике Туз-гыр и его южной группе см.: Лоховиц В. А. Новые данные о подбоянских погребениях в Туркмении. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 156.

⁷ См. статью Б. И. Вайнберга «Памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении» в настоящем сборнике, с. 7—76.

⁸ См. статью В. А. Лоховица и А. М. Хазазова в настоящем сборнике, с. 111—135.

катакомбные захоронения (к IV—II вв. до н. э.).

Археологические материалы из раскопок могильника Туз-гыр были обработаны и опубликованы Т. А. Трофимовой⁹.

В 1968 г. во время разведочного маршрута автором настоящей статьи был обследован могильник у крепости Мангыр-кала на одноименной возвышенности. С восточной и северо-западной стороны к известному ранее памятнику (крепости) примыкают мощные валы стен, ограждающие большие территории (рис. 1). Они насыпаны из щебнистого материкового слоя. Сохранился вал у северо-западного угла западной ограды, его высота достигает 6—7 м, ширина вала по верху около 7 м. Вблизи памятника в пределах восточной ограды обнаружено несколько групп курганов. Наиболее крупные из них расположены к востоку от ограды. Большинство курганов имеет диаметр от 30 до 40 м и высоту от 2 до 5 м. У некоторых прослеживаются каменные кольца¹⁰. Рядом с курганами, группирующимися по дватри, есть подквадратные и дуговидные сооружения, различающиеся на поверхности в виде невысоких валиков. В северо-западной ограде курганов много меньше.

Наибольшее скопление курганов, отмеченных на поверхности в виде слабых пятен, обнаружено у юго-западного угла восточной ограды, в месте ее смыкания со стенами крепости. В восточной части этого скопления нами раскопан один курган диаметром около 12 м, высотой 40 см. Поверхность его была изрыта норами. Под насыпью кургана в северо-западной части была обнаружена могильная яма подпрямоугольной формы. Размеры ее 2,4 × 1 м, ориентирована по линии северо-запад—юго-восток, в северо-западной части расширяется до 1,25 м, глубина 60 см, размеры по дну 2 × 0,89 м. На дне ямы выгнута на спине, головой на северо-запад лежал погребенный (вероятно, мужчина). Руки вытнуты вдоль туловища. Кости ступней ног повреждены грызунами и практически отсутствуют. Никакого инвентаря в погребении не обнаружено. Таким образом, прямых данных для датировки могильника Мангыр мы не имеем. Вместе с тем связь оград, в пределах которых располагаются

мелкие рядовые курганы, с крепостью Мангыр-кала (они пристроены к ней) позволяет предполагать одновременность и близость по времени всего комплекса. Мангыр-кала — памятник с очень четкой хронологией. Наши наблюдения и сбор подъемного материала из целиком размытых (до материка) слоев памятника подтверждают предложенную ранее С. П. Толстовым датировку этого памятника Куусайским и куусайско-афригидским временем¹¹, т. е. в пределах первой половины I тысячелетия н. э. Некоторые сходство прямоугольные оградки имеют с сооружениями на Чаш-тене¹², хотя и уступают значительно последним в размерах.

В том же, 1968 г. были обнаружены курганы на возвышенностях Куусай-гыр и Гяур-гыр.

В 1969 г. отряд под руководством О. А. Вишневской провел разведочные раскопки на могильнике Ясы-гыр. Могильник расположен в 6—7 км к северо-востоку от городища Кюзели-гыр и в 2—3 км к югу от городища Калалы-гыр 2. Он занимает северную оконечность небольшой, вытянутой в меридиональном направлении, возвышенности. Курганный комплекс состоит из 16 насыпей, расположенных компактно. В ряде курганов, особенно крупных, четко видны грабительские воронки.

Был снят план могильника и раскопано пять курганов (2, 4, 7, 14, 15). Они дали различные обряды захоронения: в курганах 2 и 4 (погребение 1) — захоронения на древнем горизонте; в курганах 4 (погребение 2), 7, 15 — в катаcombe; в кургане 14 — в подбосе.

В кургане 2 (диаметр 6 м, высота 0,26 м) под слоем камышового тлена, на древнем горизонте, на слое органического тлена вытянута на спине головой на север-северо-запад лежал погребенный (скорее всего, женское захоронение). В изголовье стоял сероглиняный лешной сосуд с гладкой серой поверхностью (сохранилась только донная часть).

В погребении 1 (курган 4) покойник был положен на древнюю дневную поверхность, на растительную подстилку, головой на север; под подстилкой сохранились остатки деревянных планок, лежавших поперек. В нижней части грудной клетки обнаружен двухлопастной наконечник стрелы с выступающей втулкой. Возле черепа найден обломок лепного сероглиняного сосуда с красноватой поверхностью и второй, более крупный, с прорезанным линейным орнаментом. Это погребение датируется наконечником стрелы предкифским или ран-

⁹ Трофимова Т. А. Черепя из подбойных и катакомбных захоронений могильника Туз-гыр на территории Юго-Западного Приаралья. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968; Гилзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии, М., 1972, с. 169—173. Подробнее о раскопках этого могильника см. статьи В. А. Лоховица, А. М. Хазанова, с. 111—133 и С. А. Трудовой в настоящем сборнике, с. 101—110.

¹⁰ Аналогичные сооружения известны и на возвышенности Туз-гыр, в ее центральной части.

¹¹ Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. — ТХЗ, 1958, т. II, с. 22.

¹² См. статью Ю. А. Рапопорта и С. А. Трудовой в настоящем сборнике, с. 151 и сл.

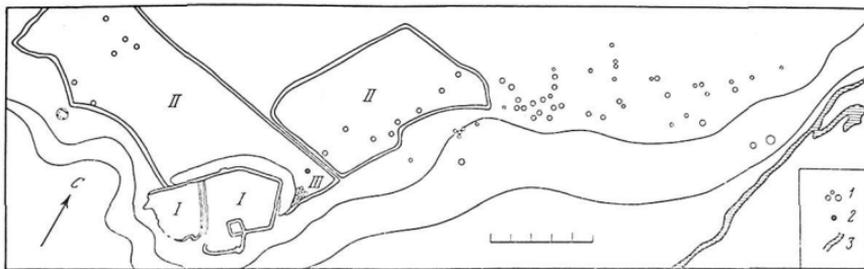

Рис. 1. Схематический план курганного могильника около крепости Мангыр-кала

I — территория крепости Мангыр-кала; II — территории, окруженные стенами-валами, без следов застройки; III — место скопления небольших, сильно размытых курганов (1 — крупные и средние курганы, 2 — раскопанный курган, 3 — русло)

некифским временем (не позднее VII в. до н. э.)¹³. Не исключено, судя по обряду захоронения, что эти погребения связаны с ранним этапом куясайской культуры. Остальные курганы дали захоронения в катакомбах, вырытых под южной стенкой дромоса или в подобие под западной стенкой. Ориентация погребенных южная. В одной катакомбе обнаружено захоронение предварительно очищенных от мягких тканей костей. По инвентарю (в основном керамика) эти курганы датируются О. А. Вишневской первыми веками нашей эры. Они входят в круг аналогичных захоронений из могильников Тумек-кичиджик и Туз-гыр. Во время работ на Ясы-гыре был открыт еще один курганный могильник — на возвышенности, где построена крепость Калалы-гыр 2.

В 1970 г. совместный отряд археологов Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР (Х. Юсупов, Д. Дурдыев) и Хорезмской экспедиции (Б. И. Вайнберг) провел обследование западной части Присарыкамышской дельты с целью выявить памятники скотоводческого населения в этом районе. Были открыты могильники Тумек-кичиджик (Дашлы-бурун) и Тарым-кая I и II, курганный могильник на возвышенности к востоку от Гаур-калы 2 в низовьях Чермен-яба, отдельные курганы и каменные сооружения на возвышенностях Тарым-кая, Канга-гыр и Бутентау. Отряд обследовал крепости-убежища на возвышенности Бутентау (Бутентау-кала 1 и 2) и открыл аналогичную постройку на возвышенности Канга-гыр (Канга-гыр 2). Эти постройки были возведены в связи с освоением окраинных районов Хорезма скотоводами.

Наиболее крупный курганный некрополь обнаружен в 1970 г. на возвышенности к северу от городища Шахсенем. Здесь на площади 4×8 км расположен ряд курганных

групп и одиночных курганов (до тысячи). Было раскопано три кургана в юго-восточной группе, ближайшей к крепости. Этот большой могильник состоит из нескольких сотен мелких полусферических насыпей, компактно расположенных в радиусе 50 м. Раскопки дали три разнотипных погребения.

Курган 1. Могильная яма ориентирована по линии северо-запад—юго-восток. Погребение вытянутое, на спине, ориентировка северо-западная. Правая рука погребенного лежала на бедре. Глубина ямы 1, 2 м. В северо-восточной стенке ямы, у северного угла, сделана небольшая ниша, в которой стоял крупный гончарный красноглиняный сосуд кринчообразной формы с двумя вертикальными ручками-защитами. Внутри сосуда лежало окисленное железное изделие. На палец левой руки погребенного был надет бронзовый перстень с ромбическим щитком и стеклянной вставкой.

Курган 2. Могильная яма ориентирована по линии северо-восток—юго-запад, с узким подбоем под северо-западной стенкой. Глубина ямы 1 м, подбой заложен сырцовыми кирпичами размером 36 (38)×36 (38)×10 (12) см, поставленными на ребро (на кирпичах были знаки). Подбой шириной от 40 до 30 см был опущен ниже дна ямы на 20—22 см. Высота подбоя 30 см.

Погребенный лежал в подбое вытянуто на спине, головой на северо-восток, правая рука положена под туловище. За головой был буквально втиснут крупный красноглиняный сосуд с тремя ручками-петельками, внутри которого помещалась грубая лентя сероглиняная кружка. В погребении (у головы и кисти левой руки) найдены также два бронзовых проволоочных колечка.

¹³ См. отчет О. А. Вишневской за 1969 г. в архиве ХЭ. См.: Толстов С. И. Работы Хорезмской экспедиции. — АО 1969 г. М., 1970, с. 400 (здесь датировка определяется только раннесакским временем).

Курган 3. Он несколько крупнее предыдущих. В центре кургана на дренажной дневной поверхности обнаружено скопление спекшихся от огня и окисленных металлических предметов. Скорее всего, это остатки захоронения трупоожжения, включающего погребный набор. В него входит не менее семи вещей (бронзовых) прорезок с круглым щитком и подвешанным язычком, с вытянутым щитком и просто круглых с подвешанным язычком. Встречены колечки, обоймочки, штырьки со шляпками, много фрагментов ткани. Из железных изделий следует отметить серповидный нож или кинжал с довольно широким лезвием (есть следы деревянных ножен) и ножик (тоже в ножнах). В наборе много узких скрепленных гвоздиками пластинок-подвесок, серги и подвески в виде тяжелых колец с сомкнутыми концами.

По материалу погребений юго-восточная группа предвременно может быть датирована IV—V вв. н. э.¹⁴

В 1972 г. на северном склоне той же возвышенности был раскопан курган с разрушенным грабителями погребением в катакомбе (так называемого типа сапога). Датировать его невозможно.

С 1971 г. на территории Присарыкамышской дельты отряд Хорезмской экспедиции под руководством автора начал систематические работы. Наряду с изучением памятников куясайской культуры проводилось исследование на других курганных захоронениях в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая.¹⁵

Могильник Тумек-кичиджик (Дашлы-бурп) находится на небольшой возвышенности, расположенной в 14 км к западу от крепости Шахсенем внутри Присарыкамышской дельты Амударьи. Основная часть могильника (около 60 курганных насыпей) занимает северо-восточный мыс возвышенности и участок к западу от него. Курганы располагаются несколькими группами и не очень четкой цепочкой вдоль восточного края возвышенности. В 1972 г. раскопки проводились во всех частях могильника. Раскопан 41 курган (два — в 1971 г.). 18 курганов относятся к куясайской культуре; все более поздние курганы в могильнике датируются последними веками I тысячелетия до н. э.

и первыми веками нашей эры¹⁶. Раскопаны три катакомбных захоронения (31, 44, 52) с дромосом в виде удлиненной и ориентированной с севера на юг ямы с широкими ступенями, спускающимися к расположенной с юга катакомбе. Погребенные лежали в них головами на юг (юго-запад). Все катакомбы потрехожены. Входы в них закрывались деревянными решетками, от которых были обнаружены остатки тлена. Непрерывной принадлежностью всех катакомб является захоронение одной и той же части бараньей туши (находки костей передней ноги с лопаткой). В кургане 44 к детскому захоронению в очень низкой и маленькой катакомбе было сделано подзахоронение, вероятно, очищенных костей взрослого. Отсутствие инвентаря не дает оснований датировать эти курганы более определенно, чем первыми веками нашей эры, так как они могут быть составлены по обряду (ориентировка, одна и та же часть бараньей туши в захоронении) с группой подбояных захоронений могильника.

Шесть курганов дали погребения в подбоях. Это очень четкая группа, вероятно, единая с подбояными захоронениями Туз-гырского могильника, расположенного севернее Тумек-кичиджика. Ямы в этих курганах имеют, как и в катакомбах, меридиональную ориентировку, часто с отклонением юго-запад—северо-восток. Подбой всегда находился в западной стенке, на глубине 30—50 см ниже ступеньки, у восточной стенки ямы.

Умерших клали головой на юг (юго-запад). В женских и детских захоронениях в головах, а иногда дополнительно и в ногах ставили сосуды. В рядовых погребениях — это один сосуд слева от головы погребенного. Между ступенькой и погребенным либо у его головы клали переднюю часть туши барана (без головы) или одну ногу и лопатку.

Большой интерес представляют курганы с новым для Хорезма обрядом захоронения — коллективные разновременные погребения в ямах (курганы 38, 47, 56, 59). Это, очевидно, семейные «склады» с подхоронениями в течение продолжительного времени. Количество захоронений в пределах от десяти (курган 56) до 22—25 (курганы 38, 47). Из-за подхоронений и незначительной глубины захоронений почти все погребения сильно потрехожены.

Курган 59 дает наиболее четкое представление об обряде коллективных захоронений, так как он почти не потрехожены.

¹⁶ См. статью В. А. Лоховица «Подбояно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик», публикуемую в настоящем сборнике, с. 134—150.

¹⁴ Несколько курганов этой группы позднее были раскопаны Д. Дурдыевым и Х. Юсуповым. Всем раскопаным в юго-восточной группе могильника Шахсенем курганам посвящена специальная работа Х. Юсупова. См.: Юсупов Х. Курганы Шахсенемкыра. — В кн.: История и археология Средней Азии. Анхабад, 1978, с. 128—137.

¹⁵ См. статьи Б. И. Вайнберг «Памятники куясайской культуры в Северной Туркмении» (с. 7—76) и В. А. Лоховица «Подбояно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик» (с. 134—150), публикуемые в настоящем сборнике.

Инвентарь в коллективных погребениях не противоречит их общей датировке первыми веками нашей эры. Стратиграфия кургана 47, где коллективное захоронение было впускным в курган с заброшенным и не использованным первоначальным подбоем (есть только впускное захоронение в яму), показывает, что обряд коллективных погребений, по-видимому, возник позже подобный, но это не исключает и их возможной синхронности.

Болезне поздних захоронений не обнаружено. Среди нераскопанных (около десятка курганов в основной группе) около половины, судя по топографии, могут быть коллективными захоронениями, представляющими большой интерес для изучения антропологии населения Хорезма.

Тарым-кая, одна из наиболее крупных возвышенностей в Присарыкамьшской дельте, расположена в западной ее части вблизи восточного берега Сарыкамьшского озера. Возвышенность вытянута в меридиональном направлении, длина ее около 35 км, ширина на севере и юге около 15 км, в середине — 4 км. С юга и запада возвышенность обрывается вертикальным чинком, местами его высота достигает 50 м. Восточные склоны круты лишь в южной части возвышенности, на севере они очень пологие — здесь на них надвигаются пески.

Впервые эта возвышенность была обследована нами в 1970 г. во время совместного маршрута с туркменскими археологами. На юго-западном краю возвышенности были обнаружены могильники и одиночные курганы.

В 1971 г. Х. Юсунов и Д. Дурдыев провели разведочные раскопки нескольких курганов в могильнике Тарым-кая II, расположенном в 2—3 км южнее юго-западного мыса Тарым-кая у самого края обрыва. Работы эти были продолжены в 1972 г.¹⁷ Интересно отметить, что под обрывом возвышенности, на западном берегу древнего русла, против могильника Тарым-кая II нами была обнаружена целая серия одновременных поселений, располагавшихся непосредственно у русла (следов приращия нет).

Юго-западный мыс наиболее крупной в Присарыкамьшской дельте возвышенности Тарым-кая хорошо известен, так как служит прекрасным ориентиром, четко видимым с разных мест юго-западной части дельты. На старых топографических картах отмечена кара-

ванная тропа, подходившая к этому мысу с запада от Канга-гыра.

Именно из-за топографических особенностей это место привлекало наше внимание еще во время разведочного маршрута 1970 г. Попытка найти на этом мысу крепость-убежище не увенчалась тогда успехом, но был найден курганный могильник, получивший название Тарым-кая I, и небольшое количество разновременной керамики, которая дала основание предположить, что, помимо могильника, здесь была традиционная остановка караванов, поднимавшихся на возвышенность. Среди подъемного материала был и один бронзовый наконечник стрелы типа, распространенного в VI—V вв. до н. э. Именно эта находка дала основание предположить, что курганный могильник может быть ранним, поэтому в 1972 г., во время полевых работ Присарыкамьшского отряда, был снят план могильника Тарым-кая I и раскопан один курган (№ 18), содержавший типичное погребение кюсайской культуры.

При стационарных раскопках в 1974 г. были выявлены курганные и грунтовые (мусульманские) захоронения, а также поселения в окрестностях этого могильника.

В результате работ на самой нижней террасе юго-западного мыса Тарым-кая, приблизительно в 200 м к юго-западу от южного края курганного могильника, было обнаружено укрепленное поселение на мысу с преобладающей керамикой кюсайского типа¹⁸.

Вдоль обрыва возвышенности к востоку от могильника находится несколько одиночных курганов. В 1—1,5 км расположен курган, сложенный из камней. В 2,5—3 км в том же направлении располагается курганный могильник Тарым-кая II. Ряд более мелких скопленных курганов есть и еще далее к востоку.

Значительный интерес представляет и большое мусульманское кладбище с каменными сооружениями, расположенное с западной стороны у крутого спуска с Тарым-кая (Сабый-ёл), в 9 км от могильника Тарым-кая I.

Интересный материал получен в результате обследования крупного сухого русла, расположенного у подножия Тарым-кая на изучаемом участке. На западном (южном) берегу русла, в некотором удалении от него, на такырах и среди песков обнаружена сплошная полоса поселений, сохранивших кое-где остатки планировки и культурного слоя. Археологический материал на поселениях, как правило, тот же, что и на поселениях на мысу.

На том же (левом) берегу русла встречены поселения и на расстоянии 2—3 км в сторону Канга-гыра.

¹⁷ Им посвящена специальная статья Х. Юсунова в настоящем сборнике, с. 94—100. Все раскопанные погребения могут быть отнесены к кюсайской культуре и аналогичны тем, что открыты нами в могильнике Тарым-кая I.

¹⁸ Вайнберг В. И. Памятники кюсайской культуры..., с. 25—27 настоящего сборника.

Раскопки могильника Тарым-калы I дали принципиально новый материал для изучения типов курганных памятников Северной Туркмении.

Курганы 3, 4, 7, 9 в группе у тригоныкта дали тип подобной захоронений с северной (северо-восточной) ориентировкой погребенных. Подбой делали как в западной, так и в восточной стене ямы, отделенной от него ступенькой. В трех курганах подбой был тщательно заложен крупными плитами известняка, поставленными слегка наклонно. В известяре погребений — гончарной и ручной выделки посуда раннекангуйская и новых для Хорезма типов, костяные обкладки лука, бронзовая «лировидная» пряжка с железным язычком, железный нож, железные изделия типа кресала, бусы и т. д. Датировать их по этому инвентарю затруднительно, но, судя по типу бокала в одном из погребений, скорее всего, это IV в. до н. э. Бокал принадлежит к числу раннекангуйских, по форме подражающих сосудам ахеменидского времени. Влиские сосуды известны из нижних слоев Кой-Крылган-калы в Хорезме¹⁹.

Выявленные за последние десятилетия на западе Присарыкамьшской дельты памятники позволяют несколько дополнить уже известную по работам Хорезмской экспедиции картину заселения и хозяйственного освоения этой части Хорезмского оазиса²⁰.

Заселение этого района началось в эпоху неолита. Неолитический могильник Тумек-кичиджик²¹ обнаружен в зоне разветвленных протоков Южного Даудана вблизи Туныдары, в районе, в котором ранее были найдены неолитические стоянки²².

Отсутствие памятников эпохи бронзы в Присарыкамьшском районе, а также новые материалы по освоению и динамике Акчадарьинской дельты позволили М. А. Игнину сделать вывод о том, что в эпоху бронзы Присарыкамьшская дельта была недостаточно обвод-

нена. Этот вывод согласуется и с отсутствием сколько-нибудь значительных материалов эпохи бронзы на берегах Узбоя, водный режим которого был связан с Присарыкамьшской дельтой Амударьи²³.

После освоения Присарыкамьшской дельты начинается в VII в. до н. э. Как можно судить по имеющимся в настоящее время материалам, заселяются лишь южные районы дельты, вдоль Туныдары и Южного Даудана. Памятники куясайской культуры (поселения и курганные могильники)²⁴ дают основание сделать вывод, что жили здесь скотоводы, разводившие преимущественно крупный рогатый скот и лошадей, имевшие оседлые поселения, в которых засвидетельствовано развитие местного ремесленного производства (металлургия, гончарство, обработка кости, камня и т. п.). Распологались поселения непосредственно на берегах русел, каких-либо следов ирригации не обнаружено. Наличие большого числа зерноотерок в раскопках, а также топография поселений, располагавшихся, как правило, в зоне прирусловых такыров, обильно увлажнявшихся весной за счет дождевых вод²⁵ и наводков, позволяют предполагать развитие лиманного и канального земледелия в условиях достаточно обводненной дельты. По характеру хозяйства посетители куясайской культуры, очевидно, были ближе всего к каракалпакам дельты Амударьи (в XIX—начале XX в.). Это были оседлые и полuosедлые скотоводы и земледельцы. Северные окраины Заунгузских Каракумов с их мощными грядовыми песками, окаймляющими с юга дельту (и именно те ее протоки, где поселились куясайцы), были удачным дополнением к основной хозяйственной территории в дельте. В сборах вдоль северной окраины песков повсеместно представлена куясайская керамика²⁶.

В VI в. до н. э., когда Хорезм вошел в состав ахеменидской державы, начинается новый этап в хозяйственном освоении территории

¹⁹ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХЭ, 1959, т. IV, рис. 17, 21; Кой-Крылган-калы — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э.—ТХЭ, 1967, т. V, табл. III, 56 и др.

²⁰ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948, с. 47, 77, 164; Он же. По следам древнехорезмийских цивилизаций, с. 34, 296; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 91; Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 146—184; Низовья Амударьи... с. 174.

²¹ Вайнберг Б. И. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1972 г. М., 1973, с. 475—477; Виноградов А. В. Работы на могильнике Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1973 г. М., 1974, с. 500; Он же. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении. — АО 1974 г. М., 1975, с. 520—521.

²² Низовья Амударьи... с. 179.

²³ Игнин М. А. История степных племен Южного Приаралья. II—начало I тысячелетия до н. э. М., 1977, с. 31—32.

²⁴ См.: Вайнберг Б. И. Памятники куясайской культуры, с. 7—76 настоящего сборника.

²⁵ Интересно отметить, что такыры в ближайших окрестностях поселения Куясай 2 до сих пор используются скотоводами для сбора дождевых вод и устройства каков. В окрестностях возвышенности Тумек-кичиджик, где обнаружен могильник куясайской культуры, и вдоль протоков древних русел постоянно встречается фрагменты куясайской керамики, обнаружены средневековые каки и водосборники на такырах.

²⁶ Сборы Заунгузского отряда Хорезмской экспедиции 1953 г. (начальник отряда М. А. Игнин); о работах отряда см.: Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции... с. 92—94.

Присарыкамьшской дельты. Появляются ирригационные сооружения²⁷, начинается строительство крепостей; на смену каркасному строительству приходит сырцовая архитектура, появляется гончарный круг. Земледелие, несомненно, стало играть гораздо более значительную роль в хозяйстве населения, но преобладающие по-прежнему в стаде крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов дало основание С. П. Толстому сделать вывод о сохранении в эту эпоху полукочевого скотоводства²⁸. Вывод этот был сделан на материалах с городища Кюзели-гыр, расположенного в центре Присарыкамьшской дельты. Преемственность хозяйственных традиций от куюсайцев кюзелигырцами не может считаться случайной, так как эти культуры были распространены на одной территории и с начала кюзелигырской (архаической) культуры находились в тесном взаимодействии. Не исключено, что кюзелигырцы — это часть куюсайцев, включенных в сферу ахеменидской государственности и культуры ахеменидских сатрапий Средней Азии. На самых же западных окраинах Присарыкамьшской дельты куюсайское население сохраняет самобытную культуру и хозяйство вплоть до конца V в. до н. э. На рубеже V—IV вв. до н. э. оно уже прочно включается в сферу культуры и идеологии, господствующей в то время в Хорезме, и позднее этого времени уже нет даже следов материальной культуры куюсайцев в каких-либо памятниках Хорезмского оазиса. Исчез ли к этому времени в Присарыкамьшской дельте тип полукочевого скотоводства — по имеющимся материалам сказать трудно. Значительные территории на западе дельты детально еще не обследованы, что не исключает появления новых памятников скотоводческого населения.

На смену курганным могильникам куюсайской культуры — наиболее древним курганным памятникам в Присарыкамьшской дельте — приходят курганы с захоронениями в подбоях. Пока открыт лишь один такой могильник с курганными захоронениями в подбоях с северной ориентировкой погребенных, датированный по раскопкам IV в. до н. э. (на юго-западном мысу возвышенности Тарым-кая, могильник Тарым-кая I — большая часть курганной группы у тригоуника). Не исключено, что это первая группа кочевого населения, появившаяся в левобережном Хорезме. Для столь серьезного вывода необходимо детальное изуче-

ние всего могильника, выяснение антропологического типа погребенных в нем, соотношение материалов этого памятника с комплексом крепости Канга-кала, расположенной в 9—10 км от него. Основание крепости Канга-кала²⁹ относится еще к последнему этапу существования в этом районе куюсайских поселений. В подъемном материале с крепости встречены и фрагменты сосудов куюсайского типа. Ряд поселений позднего этапа куюсайской культуры обнаружен нами на берегах протоков Кангадары на равнине между возвышенностями Канга-гыр и Тарым-кая. К югу от Канга-калы, на мысу возвышенности, обнаружена крепость-убежище, построенная, очевидно, куюсайцами в эпоху, предшествующую постройке Канга-калы³⁰. Постройка последней не сопровождалась крупным ирригационным строительством³¹ и вряд ли была связана с освоением этого района земледельческим населением. Представляется, что эта мощная крепость-поселение была основана правительством Хорезма как политический, торговый и ремесленный центр в окраинном скотоводческом районе. Исчезновение куюсайских памятников здесь в IV в. до н. э. (или несколько позднее, о чем нельзя судить без раскопок поселений у русел) нельзя объяснить изменением условий обводнения, так как Канга-кала продолжала существовать вплоть до IV в. н. э., а источники водоснабжения у них были одни и те же — протоки Кангадары. Не исключено, что куюсайцы в IV в. до н. э. из этого района были вытеснены вновь пришедшим племенем, которому принадлежат курганы с погребениями в подбоях с северной ориентировкой погребенных. Выяснение этого вопроса — дело будущего. Нельзя сейчас даже ориентировочно предположить, как широко распространились новые племена на территории Присарыкамьшской дельты, так как памятники подобного типа не обнаружены пока ни в одном могильнике³². Территория, освоенная земледельцами в IV—III вв. до н. э. в левобережном Хорезме, охватывала лишь узкие полосы оазисов вдоль каналов, проходивших у русел Тузныдары, Южного

²⁹ Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1955—1956 гг. — СА, 1958, № 1, с. 124—125; *Он же*. По древним дельтам... с. 230.

³⁰ Вайсберг Б., Дурдыев Д., Осулова Х. Разведочные работы в Северной Туркмении. — АО 1970 г. М., 1971, с. 435.

³¹ Об ирригации см.: Андрианов Б. В. Древние оросительные системы... с. 160; Толстов С. П. По древним дельтам... с. 94.

³² Показателен в этом отношении почти полностью раскопанный могильник Тумек-кичидик, где есть куюсайские погребения и курганы II в. до н. э. — I—II вв. н. э. с подбоями и катакомбами, но с южной ориентировкой погребенных.

²⁷ В Акчадарынской дельте ирригационные сооружения известны еще с эпохи бронзы; в этом же районе они появляются лишь при Ахеменидах. См.: Андрианов Б. В. Древние оросительные системы... с. 102.

²⁸ Толстов С. П. По древним дельтам... с. 104.

и Северного Даудана. Возможно, что в это время начали осваиваться и земли в зоне самого северного протока Присарыкамьшской дельты — Дарьялыка, где создавались небольшие оазисы на каналах, выведенных из Дарьялыка, или у действовавших протоков этого русла (например, оазис в районе Дев-кескена или Курган-калы).

Большая же часть территории Присарыкамьшской дельты, еще значительно обводненной в то время³³, — вряд ли пустовала. Некоторые косвенные данные об освоении ее скотоводческими племенами у нас имеются. Так, при раскопках курганных могильников на возвышенности Туз-гыр в юго-западной группе обнаружены курганы с погребениями IV—II вв. до н. э.³⁴ Вероятно, к этому или даже более раннему времени относятся погребения в курганах южной группы. Не исключено, что этот район был освоен и куосайскими племенами. Так, в погребении кургана 21 в юго-западной группе Тузгырского могильника встречен во вторичном употреблении крупный фрагмент (боковина с венчиком) сосуда куосайского типа³⁵. Керамика куосайского типа широко представлена в материалах позднеарханских поселений к северо-востоку от возвышенности Туз-гыр³⁶. Уже отмечалось, что возвышенность Бутентау практически почти не обследована на предмет выявления курганных могильников. Тем не менее наличие на ней двух крепостей-убежищ — Бутентау-кала I и II, несомненно, построенных в традициях скотоводческого населения, дает основание предполагать, что в IV—III вв. до н. э., когда возводились эти укрепления, и этот северо-западный район дельты был уже освоен скотоводами.

Ко II—I вв. до н. э. относится группа памятников, обнаруженных в Присарыкамьшской дельте. Это курганы с погребениями в подбоях (под западной стенкой) и катакомбах с южной ориентировкой погребений в могильнике Тумек-кичиджик³⁷. Курганы эти сходны по обряду захоронения и смыкаются во времени с основными погребениями в юго-западной и западной группах могильника Туз-гыр.

В отличие от последних в них представлена серия очень своеобразной, но абсолютно чуждой Хорезму гоначной посуды, что свидетельствует о недавнем переселении в район Присарыкамьшской дельты этой новой группы племен. К сожалению, сколько-нибудь точных аналогий этой керамике указать нельзя, что затрудняет и выяснение вопроса о происхождении этого населения. В Туз-гырском могильнике, как правило, представлена гоначная посуда, известная по памятникам левобережного Хорезма. Антропологический материал из подобных погребений могильника Тумек-кичиджик еще не исследован, но Т. А. Трофимова отмечает его сходство с тузгырской серией³⁸, для которой ею же констатируется большая близость с антропологическими материалами сарматов Нижнего Поволжья³⁹.

Для этой новой серии подобно-катакомбных захоронений хронологические рамки в общем виде могут быть определены в пределах от II в. до н. э. — до конца III — начала IV в. н. э. Следует отметить, что, помимо особенностей погребального обряда, для курганов этой серии характерно обязательное присутствие в погребальном инвентаре костей барана, что, очевидно, кроме ритуала, указывает и на специфику хозяйственной деятельности этой группы населения.

Если для ранней группы скотоводческого населения — куосайцев (VII — начало IV в. до н. э.) можно отметить бесспорно оседлые поселения, находившиеся по соседству с могильниками, то для племен, оставивших подобно-катакомбные захоронения (II в. до н. э. — III в. н. э.), вероятно, можно констатировать отсутствие таких поселений. В окрестностях возвышенности Тумек-кичиджик при детальном обследовании не обнаружено не только следов поселений этого времени, но даже каких-либо остатков керамики вдоль древних русел. Ближайший земледельческий оазис у крепости Шах-Сенем располагался всего в 14—15 км к востоку от могильника, а поселение его, как уже отмечалось, имело ничую материальную культуру.

Таково же приблизительно (по расстоянию) соотношение подобно-катакомбных по-

³³ См.: Андрианов Б. В. Древние оросительные системы... с. 158; Гулялов Я. Г. История орошения Хорезма, Ташкент, 1957, с. 67. Судя по тому, что каналы выводились из протоков Даудана, система дельты функционировала.

³⁴ См. статью С. А. Трудиновой в настоящем сборнике, с. 101—110.

³⁵ Логовиц В. А., Хазанов А. М. Подобные и катакомбные погребения могильника Туз-гыр, с. 117 настоящего сборника.

³⁶ Вайнберг Б. И. Памятники куосайской культуры, с. 27—28 настоящего сборника.

³⁷ Логовиц В. А. Подобные и катакомбные погребения могильника Тумек-кичиджик, с. 134—150 настоящего сборника.

³⁸ Трофимова Т. А. Краниологические материалы из могильника Тумек-кичиджик (предварительные данные). — СЭ, 1974, № 5, с. 148—149.

³⁹ Трофимова Т. А. Черта из подобных и катакомбных захоронений могильника Туз-гыр. (Юго-западное Приаралье). — В кн.: Расоенетические процессы в этнической истории. М., 1974. Отмечаемое сходство тузгырских антропологических материалов с серией черепов из оссуарного некрополя II—III вв. н. э. на Калады-гыр I может быть объяснено ассимиляцией пришлого населения в Хорезме в первые века нашей эры.

гребней Туз-гыра и оседлых поселений в районе крепости Туз-гыр 2 (к югу от возвышенности, на равнине) и крепости Акча-гелин. Хронологически эти памятники имеют синхронные могильнику слою, в которых встречаются и аналогичные типы керамики. Последний факт вряд ли может свидетельствовать о том, что в курганах Туз-гырского могильника погребены жители упомянутых поселений, так как более ранние курганы этой подобно-катакомбной группы на возвышенности Тумеккичиджик, расположенной всего в 20 км южнее Туз-гыра, дали совершенно чуждую хорезмийским памятникам керамику. Скорее, мы должны констатировать, что в начале первых веков нашей эры у скотоводческого населения этой группы установились прочные экономические отношения с населением соседних земледельческих оазисов.

Близ юго-западной группы могильника Туз-гыр известна крепость-убежище Туз-гыр 1⁴⁰. Это довольно примитивная подпрямоугольная в плане постройка, примыкающая к обрыву, окруженная стеной, к которой на ряде участков изнутри, несомненно, был пристроен обходной коридор. Вся внутренняя площадь не имеет каких-либо следов регулярной застройки. Скорее всего, это сооружение предназначалось для охраны скота. Скучный подъемный материал с него аналогичен керамике из подобно-катакомбных захоронений в могильнике. Отсутствие поселений у этой группы скотоводов, очевидное преобладание в стаде мелкого рогатого скота свидетельствует о кочевом образе жизни. Вместе с тем, называя эту группу племен кочевниками, следует учесть, что, во-первых, природные ресурсы Присарыкамьшской дельты в период даже самого минимального обводнения ее были достаточны для круглогодичного выпаса скота лишь в ее пределах. Это подтверждается и этнографическими примерами⁴¹. Во-вторых, обводненное или заболоченное Сарыкамьшское озеро препятствовало перекочевкам в западном (и северо- и юго-западном) направлении. Судя по наличию слоев первых веков нашей эры в таких памятниках, как Канга-кала, Бутентау-кала I и II, Каладжик-баба и Курган-кала, обеспечивающихся водой только из естественных русел и расположенных на периферии дельты, в то время русла Дарыялык и Кангадарья, бесспорно, были обводнены и давали сток в Сарыкамьшское озеро. Кроме того, сами

эти обводненные русла могли служить препятствием для перекочевков за пределы дельты. В этой связи не безынтересно отметить, что специальное археологическое обследование края плато Устюрт у чинка на участке от Дев-кескена до мыса Чал-бурун, проводившееся в 1970 г., не выявило в этом районе курганных могильников. К северу от Дарыялыка известен лишь могильник Чап-тепе, относящийся к более позднему времени и разительно отличающийся от других курганных могильников Присарыкамьшской дельты. К югу от Даудана—Туныдары на северных окраинах Заунгузских Каракумов в подъемных сборах тоже не обнаружены материалы первых веков нашей эры.

Таким образом, можно предположить, что весь цикл перекочевков в то время мог сводиться к передвижениям в пределах западной части Присарыкамьшской дельты (восточные районы были освоены земледельческим населением), охватывавшей площадь примерно 80×80 км. Если признать район расположения известных ныне могильников Туз-гыр и Тумеккичиджик как место зимовок, то радиус максимальных перекочевков не мог превышать 40—50 км. Никаких данных о каком-либо развитии земледелия у этих племен мы не имеем. Скорее всего, и надобности в этом не было, так как близкое соседство с земледельческими оазисами (15—20 км) и тесные экономические связи, разделение хозяйственных функций между скотоводами и земледельцами давали большой эффект. Именно в это время в оазисе к югу от Туз-гыра (в районе Туз-гыр-кала 2) получает широкое распространение гончарное производство. Развалины гончарных печей встречаются в большом числе сельских поселений⁴². Учитывая окраинное расположение оазиса, этот факт можно объяснить лишь в связи с экономическими взаимоотношениями с кочевым населением—ремесленное производство перемещалось к окраинам оазиса, чтобы приблизиться к потребителю. В конце кушанской эпохи и особенно в кушано-афригидский период аналогичные поселения с большим количеством гончарных печей были распространены в окрестностях Гюур-калы I и II на Чермен-ябе⁴³.

⁴⁰ Памятник впервые открыт Б. В. Андриановым и обследован позднее В. А. Лоховиным и автором настоящей статьи.

⁴¹ *Васильева Г. И.* Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. — ТХЭ, 1952, т. 1, с. 451—453.

⁴² Общее обследование этого района производилось в 1970 г. совместным отрядом Института истории АН ТуркменССР и Хорезмской экспедиции с участием автора. Специально сельские поселения этого района изучала Е. Е. Норазик (см.: *Норазик Е. Е.* Сельские жилища в Хорасме (I—XIV вв.). — ТХЭ, М., 1976, т. IX, с. 17—18).

⁴³ Материалы обследования 1968 г., проводившегося автором и в составе Архитектурно-археологического отряда Хорезмской экспедиции (начальник от-

О прочных связях, мирных добрососедских отношениях земледельцев и кочевников-скотоводов свидетельствует и местоположение небольшого подобной-катакомбной могильника первых веков н. э. на возвышенности Ясы-гыр к северо-востоку от Кюзели-гыра⁴⁴. Он находится на небольшой возвышенности в зоне песков между двумя земледельческими оазисами, расположенными полосами вдоль каналов: на юге — Чермен-яба и большого Куия-Уазского — к северу от русла Южного Даудана⁴⁵. До ближайших поселений земледельцев было 3—6 км.

Если мы правы в характеристике типа хозяйства племен, оставшихся подобной-катакомбные памятники II в. до н. э.—первых веков н. э., и их взаимоотношений с населением земледельческих оазисов, то следует ожидать, что памятники этого типа будут обнаружены в неизученных еще курганных могильниках на возвышенности к северу от Гяур-калы II, в северной и северо-западной части возвышенности у Шахсенема, на Гуясай-гыре, там, где известные нам сейчас могильники расположены в непосредственной близости от земледельческих оазисов. В этой связи следует отметить, что раскопанный в одной из курганных групп на северном склоне Шахсенемского гыра курган дал сильно разграбленное погребение в катакомбе.

Вероятнее всего, следствием тесных и постоянных контактов кочевников и земледельцев в то время являются случаи захоронения ошощенных от мягких тканей костей в курганных погребениях (в могильниках Ясы-гыр, Тумек-кичиждик и, очевидно, Туз-гыр), свидетельствующие об обрядовом и религиозном синкретизме у кочевников. Мы уже высказывали предположение, что население, оставшее погребения в подобях и катакомбах с южной ориентировкой погребенных, принадлежит группе юеякийских племен, отличных от кунаев⁴⁶.

Курганные могильники IV—V вв. изучены меньше. Несколько погребений этого времени с различающимися обрядами захоронений

(труносожжение, подобой с северо-восточной ориентировкой погребенного, яма с нишей для сосуда и северо-западной ориентировкой погребенного) были раскопаны в юго-восточной части могильника на Шахсенемском гыре. Могильник этот расположен у края возвышенности, близкающей к кресту Шах-Сенем (расстояние менее 1 км), гончарная керамика из погребений — обычная хорезмийская. Городище Шах-Сенем имеет слои этого времени⁴⁷. Такая территориальная близость синхронных памятников скотоводческого и земледельческого населения, вероятно, свидетельствует о продвижении скотоводов непосредственно в оазисы и, может быть, о частичном оседании их на землю. Для решения этой интересной проблемы большие перспективы сулит Шахсенемский курганный некрополь.

Вероятно, аналогичный процесс можно констатировать на примере комплекса на возвышенности Мангыр. Крепость, имеющая слои только кушанского и кушано-афригидского времени, включена в систему стен, ограждающих значительные курганные группы, расположенные прямо у стен памятника и в некотором удалении от них. Ряд крупных курганов и погребальных сооружений расположен за пределами отмеченных оград, но в непосредственной близости от крепости. Раскопки одного из мелких курганов в этом комплексе, к сожалению, не дали никакого инвентаря. Конструктивное единство всех построек дает основание предполагать хотя бы частичную синхронность захоронений в курганах и культурных слоев на крепости. Весь этот комплекс базируется на естественном русле — Северном Даудане. Вместе с тем обильный керамический материал из разновременных слоев, лежащий на поверхности крепости, идентичен обычному комплексу керамики, известному с синхронных памятников левобережного Хорезма (например, верхние слои Куия-Уаза, поселения у Гяур-калы на Чермен-ябе и т. д.).

Факты проникновения кочевого населения в оазисы левобережного Хорезма отмечались и ранее по материалам из Куия-Уаза⁴⁸, Кангакалы⁴⁹ и поселений IV—V вв. к югу от Турпак-калы⁵⁰. Они связываются с приходом

ряда — М. С. Ланиров-Скобло). См. также: *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... с. 16—17.

⁴⁴ Раскопки О. А. Виницкой. См.: *Толстов С. П.* Работы Хорезмской экспедиции, с. 400.

⁴⁵ См.: Низовы Амурдари..., карта Присарыкамьинской дельты.

⁴⁶ *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с зануждением Каратене). — В кн.: Буддийский культовый центр Каратене в Старом Термезе. М., 1972; *Вайнберг Б. И., Повгородова Э. А.* Заметки о монгольских тамгах. — В кн.: История и культура древней и средневековой Средней Азии. М., 1976; *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 75—77.

⁴⁷ *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., с. 219; *Рапопорт Ю. А.* Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. — ТХЗ, 1958, т. II, с. 397.

⁴⁸ *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., с. 216—218; *Неразик Е. Е.* Археологическое обследование городища Куия-Уаз в 1952 г. — ТХЗ, 1958, т. II, с. 367; *Она же.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 122.

⁴⁹ *Толстов С. П.* По древним дельтам... с. 230 и след.

⁵⁰ *Толстов С. П.* Работы Хорезмской экспедиции. М., 1970, с. 400; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... с. 48.

в страну хивитов⁵¹. Проводившиеся в последние годы исследования истории и нумизматики хивитов и эфталтов⁵² достаточно убедительно показали, что история этих племен связана только с районами юга Средней Азии и областями к югу от Гиндукуша, а все аналогии, как археологические, так и антропологические, для материалов, связываемых с хивитами в Хорезме, уводят в Присырдарьинские районы и, возможно, даже восточнее⁵³. В связи с этим представляется, что правильнее было бы говорить о появлении в Хорезме (и прежде всего в левобережном) в это время группы племен из Присырдарьинских районов, возможно, вовлекших в свое движение какие-то более восточные племена⁵⁴.

К первой половине — середине I тысячелетия н. э., судя по разведочным раскопкам, относится могильник Чаш-тепе или какая-то часть его⁵⁵. Как уже упоминалось, этот мо-

гильник отличается грандиозностью своих сооружений и курганов, расположен на северной периферии Присарыкамьшской дельты, ближайший к нему античный памятник — крепость Дэв-кескен. Если принять во внимание данные этнографии, свидетельствующие о том, что кочевники, зимовавшие на окраине Хорезма у чинков Устюрта, перекочевывали далеко на север через Устюрт к Эмбе⁵⁶, и вместе с тем археологические материалы, показывающие, что на территории Казахстана, например, традиционные пути перекочевков в связи со сменой сезонных пастбищ складываются уже в начале железного века⁵⁷, то, вероятно, нужно сделать вывод о том, что Чаш-тепе — могильник кочевников, хозяйственная территория которых в основном располагалась за пределами Присарыкамьшской дельты.

С конца V в. н. э. территория Присарыкамьшской дельты подверглась засухению на несколько веков. Здесь нет не только курганных могильников скотоводов, но и поселений земледельцев. Причины этого еще неясны. Вероятно, резко изменился и водный режим дельты. Небезынтересно отметить, что в это же время исчезают и памятники вдоль русла Узбоя⁵⁸, что, очевидно, было связано с процессом его усыхания.

⁵¹ Толстов С. П. По древним дельтам..., с. 232; Неразук Е. Е. Сельские поселения..., с. 124; Она же. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья в IV—VIII вв. — В кн.: История, археология в этнография Средней Азии. М., 1968, с. 198.

⁵² Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Nuppen in Bactrien und Indien. Wiesbaden, 1967; Маршак Б. И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971, вып. X, с. 58; Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И. Сасаниды в Правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв. — ВДИ, 1972, № 3, с. 188—189; Вайнберг Б. И. Некоторые вопросы истории Тохаристана...

⁵³ Неразук Е. Е. О некоторых направлениях..., с. 200; Лесина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в первом тысячелетии н. э. — ТХЭ, 1971, т. VII, с. 240; Трофимова Т. А. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии. — МХЭ, 1959, вып. 2, с. 604—605, 679—680, 682.

⁵⁴ О нумизматических материалах, подтверждающих, по нашему мнению, этот вывод см.: Вайнберг Б. И. Монеты..., с. 23—28, 39—41.

⁵⁵ Неразук Е. Е. Сельские поселения..., с. 124; Рапопорт Ю. А., Трудиновская С. А. Курганы на возвышенности Чаш-тепе, с. 151—166 настоящего сборника.

⁵⁶ Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1929, с. 87; Васильева Г. И. Итоги..., с. 453.

⁵⁷ Ахисеев К. А. К проблеме происхождения номузда в ардной зоне древнего Казахстана. — В кн.: Понски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 34.

⁵⁸ Низовья Амурдарьи..., с. 323; Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамьшем и Кизил-Арватом. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1972, вып. IV, с. 122; Он же. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 г. — В кн.: Каракумские древности. Ашхабад, 1977, вып. V, с. 111; Он же. Исследование курганных памятников вдоль Верхнего Узбоя весной 1973 г. — УСА, 1975, вып. 3, с. 48.

ПОСЕЛЕНИЯ VII—V ВВ. ДО Н. Э. И «ПЛАКОВЫЕ» КУРГАНЫ ЮЖНЫХ РАЙОНОВ СЫРДАРЬИНСКОЙ ДЕЛЬТЫ

Исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в низовьях Сырдарьи позволили открыть большое количество поселений и стоянок, относящихся к середине и второй половине I тысячелетия до н. э. Начиная с 1954 г., в этом районе развернулись планомерные работы. Были обследованы самые южные участки Сырдарьинской дельты в местах слияния протоков Акчадарьи и Жанадарьи. В 1955—1956 гг. эти работы были продолжены, преимущественно в долине Жанадарьи. С 1957 г. по 1963 г., а также в 1971—1972 гг. исследования охватили бассейны Жанадарьи, Инкардарьи, Пра-Кувандарьи и Кувандарьи, частично затронув и западные меридиональные дельтовые русла вплоть до современного устья Сырдарьи¹.

Во время Акчадарьинского маршрута 1955—1956 гг. на территории северной Акчадарьинской дельты, к северу от Барак-тама, было обнаружено до полутора десятков разновременных поселений и стоянок. Найденная на них керамика вся ручной лепки, кострового обжига (черепок в изломе темно-серого или черного цвета), с примесью в тесте шамота, реже — дресвы. По характеру отделки поверхности она делится на две категории: посуду с красной или красно-коричневатой поверхностью, иногда с бе-

ловатым жидким ангобом, и посуду того же цвета, орнаментированную геометрическим резным и штампованным узором, напоминающим орнаментальные мотивы эпохи бронзы. На некоторых стоянках эта керамика сопровождалась бронзовыми втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел раннескифского типа, обломками кварцита, гончарными плаками, а также немногочисленными фрагментами станковой посуды, красноглиняной, с примесью большого количества гипса в тесте (например, стоянки Барак-там 26, 27; Жалдыбай 3 и др.). Последняя близка керамике Хорезма, Бактрии, Согды, Парфии ахеменидского времени².

Поселения и стоянки, являющиеся объектом нашего исследования, расположены в бассейне средней Инкардарьи и Жанадарьи и составляют четвертую часть (около 50) от общего числа поселений и стоянок, зафиксированных экспедицией в этом районе.

Все они расположены на берегах русел, реже в песчаных котловинах вблизи какого-либо естественного водного источника. Для них характерна керамика ручной лепки, кострового обжига (черепок в изломе темно-серого, черного цвета), с примесью в глиняном тесте шамота, песка, с поверхностью красного, красно-коричневого цвета, иногда покрытой светлым жидким ангобом. Вместе с этой керамикой встречено также незначительное число кварцитовых сколов, обломки песчаниковых терок. Более четко выраженные комплексы находок из этой группы поселений и стоянок имеют так называемые плаковые поселения, расположенные в ближайшем соседстве со своеобразными курганами, открытыми маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции на Средней Инкардарье в 1959 г.³ Свое название они получили по кольцу

¹ Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. — МХЭ, 1960, вып. 3, с. 139; Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. — МХЭ, 1960, вып. 4, с. 40—45; Толстов С. П., Жданко Т. А., Игина М. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. — МХЭ, 1963, вып. 6, с. 32; Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 181—184; Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 189; Игина М. А., Вакрульская И. И., Левина Л. М. Работы Хорезмской экспедиции в низовьях Сырдарьи. — АО 1972 г. М., 1973, с. 449.

² Низовья Амударьи... с. 139.

³ Толстов С. П., Жданко Т. А., Игина М. А. Работы... с. 33, 47—50; Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм. — СЭ, 1961, № 4, с. 135—141; Тол-

Рис. 1. «Шлаковый» курган 5. Общий вид

из крупных глыб гончарного шлака, опоясывающего основание кургана. Материал, собранный на этих курганах, идентичен материалу близлежащих поселений. В настоящее время известно более десятка таких курганов⁴ (рис. 1) и еще большее число поселений (Инкардарьинский маршрут 1959 г. поиски 14, 17, 18, 20, 21, 26, 37, 45, 63, 65, 67 и др.). Материал (прежде всего керамика) остальных поселений и стоянок, которые отличаются от упомянутых выше лишь отсутствием близких курганов, идентичен материалам «шлаковых» поселений. Это, например, стоянки Суык-бет 1, 3, 4, 6 (поиски 2 и 3 Инкардарьинского маршрута 1959 г.), поселения-поиски 4, 8, 35 того же маршрута, и целый ряд других. На некоторых из них встречены и куски гончарных шлаков⁵, бронзовые наконечники стрел тех же типов, что и на «шлаковых» курганах и поселениях. Все это позволяет рассматривать комплекс материала

«шлаковых» курганов и поселений и всех остальных поселений и стоянок выделенной группы вместе.

«Шлаковые» курганы так же, как и поселения, расположены близ русла или непосредственно на берегу, на расстоянии не менее 300 м друг от друга и от ближайшего поселения. Самый крупный из известных сейчас «шлаковых» курганов был открыт на бугре Сенгир-там⁶.

На всех обследованных «шлаковых» курганах хорошо видны следы ограбления. На каждом кургане найдены обожженные фрагменты человеческих костей, небольшое количество обломков керамики. Почти на всех курганах обнаружены бронзовые трехлопастные наконечники стрел. Диаметр курганов в среднем 8—10 м; лишь курган, расположенный на бугре Сенгир-там, имеет в диаметре 34 м. Его отличается от других «шлаковых» курганов и окружающая его стена из сырцовых кирпичей, высота которой достигает 5,7 м. Лучшее других сохранился курган 4, который был раскопан (рис. 2). Он расположен на берегу русла к востоку от поселения с остатками валов (поиски 17, 18). Высота кургана 1,4 м от уровня современного такыра. Диаметр внутри шлаковой

⁴ *Стов С. П.* По древним дельтам..., с. 181—184; *Он же.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. — ВДИ, 1963, № 2, с. 36.

⁵ Возможно, такими курганами являются и маленькие холмики с глыбами гончарного шлака, но без каких-либо иных следов гончарного производства, открытые археолого-топографическим отрядом (начальник Б. В. Андрианов) в 1958 г. (точки 368, 413, 414). Найденные там фрагменты керамики походят на керамику «шлаковых» курганов.

⁶ См., например, дневник М. А. Иттиной (Ачкардарьинский маршрут, 1954 г., с. 99 — Архив ХЗ), где отмечается, что шлаки и обломки так называемой варварской керамики неоднократно встречены вместе.

⁶ *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. — ИАН, Сер. истории и философии, 1947, № 2, с. 177—182; *Толстов С. П.* По древним дельтам..., с. 182, рис. 105.

выкладки достигал 10 м. Хотя по сохранившейся северной части выкладки затруднительно судить о ее первоначальной форме, представляется, что она была кольцеобразной. Сами шлаковые глыбы, изготовленные, вероятно, специально для выкладки, состоят из сильно пористой переплавленной породы, в которой преобладают нироксены авгитового типа, много стекла, мелзилита ($2CaO \cdot Al_2O_3 \cdot SiO_2 - 2CaO \cdot MgO \cdot 2SiO_2$)⁷. На поверхности кургана, внутри выкладки, местами лежали мелкие куски шлаков. Раскопки выявили под тонким слоем такры и небольшим слоем глинисто-песчаных натеков рыхлый слой песчано-глинистой засыпки серого цвета, толщиной не менее полуметра. В этом слое на высоте 45 см от уровня древнего такры удалось проследить прокопленное пятно площадью 5×4 кв. м, чуть сдвинутое от центра кургана к западу. Поверхность пятна оказалась гораздо плотнее, чем засыпка кургана, и была темно-красного цвета. Под слоем песчано-глинистой засыпки шел неровный слой серой пылеватой супеси, а под ним на уровне 25 см выше современного такры — поверхность древнего такры (рис. 3). Именно на ней удалось выявить вырытый на краю кургана неглубокий ров, глубина которого 20 см, ширина от 1,2 м (на западном участке) до 2,0 м (на северном участке). Хотя нам не удалось проследить ров полностью, но и по открытым участкам можно предположить, что в плане он имел подквадратную форму, возможно, со скругленными углами (рис. 2; 3). Все раскопанные участки рва были заполнены тем же рыхлым слоем песчано-глинистой засыпки, над которым в 30 см выше уровня древнего такры и соответственно в 50 см от дна ровика лежал слой прокопленной глины в виде глиняных плиток или комков белого, реже — красно-белого, цвета. Именно на нем стояли глыбы гончарного шлака (рис. 3; 4). Ширина шлаковой обкладки достигала 1 м. В центре кургана удалось проследить линзу глинистых натеков от грабительского хода. В нем выше уровня древнего такры в районе прокопленного пятна в слое засыпки обнаружены фрагменты котлообразного сосудика с горизонтальными ручками и множество мелких обломков обгорелых человеческих костей.

Можно предположить, что в данном случае имеем дело с обрядом трупосожжения. Совершение этого обряда представляется нам следующим образом: сначала по краю площадки выкапывали ров шириной в среднем 150 см и глубиной 20 см. Окруженную ровом площадку размером 10×10 кв. м и ров засыпали песком

с примесью глины. На этой засышке на высоте 45 см от уровня древней дневной поверхности в середине кургана происходила кремация, о чем свидетельствует прокопленное пятно и обломки обгорелых человеческих костей. Вместе с покойным ставились сосуды, помещались оружие, возможно, и какие-либо украшения. Это подтверждают находки фрагментов керамики, наконечников стрел и обязательные на каждом кургане следы обрабления. Над рвом выкладывался над засышкой слой комковатой глины, над которым возводился круг из шлаковых глыб высотой около 1 м и шириной до 1 м. Вероятно, сами глыбы шлака были еще достаточно накалены, если глина под ними была столь прокопленной. После совершения обряда кремации пространство внутри шлакового кольца заполнялось той же рыхлой песчано-глинистой засышкой.

Обряд, при котором вокруг кургана возводилась ограда из крупных глыб гончарного шлака, свидетельствует о той особой роли, какую играл культ огня в жизни племени, воздвигавшего эти курганы.

Как уже говорилось, на «шлаковых» курганах и поселениях были найдены бронзовые наконечники стрел. Так, на кургане 2 (поиск 14 Инкардарьинского маршрута 1959 г.) найдена массивная трехлопастная стрела с выступающей втулкой. Длина стрелы со втулкой 4 см, длина лопастей с чуть опущенными жальцами 3,3 см, ширина 1,2 см (рис. 5, 4). Наконечник стрелы такого типа, но несколько меньших размеров был найден (вместе с керамикой, тождественной керамике «шлаковых» поселений) на поселении, расположенном примерно в 1,5 км к югу от останцевой возвышенности Тагискея, у начала небольших песчаных гряд⁸. Аналогичные наконечники стрел известны в могильнике Уйгарак в курганах VI в. до н. э.⁹ К. Ф. Смирнов считает подобные втульчатые трехлопастные наконечники стрел типичными для сарматов Поволжья и Южного Приуралья и характерными для погребений VI в. до н. э.¹⁰

На кургане 3 (поиск 17), также в выбросе грабительского ямы, найден сравнительно не-

⁸ Поиск 52 Сырдарьинского маршрута 1972 г.

⁹ Вишневская О. А. Культура сакских племен восточных Сырдарьи VII—V вв. до н. э. — ТХЭ, 1973, т. VIII, с. 157, табл. XXV, 5; с. 89.

¹⁰ Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов. — МИА, 1961, № 101, с. 47. По классификации К. Ф. Смирнова, подобные наконечники относятся к типу VI отдела трехлопастных втульчатых наконечников (со сводчатой головкой и выступающей втулкой). См.: Смирнов К. Ф. Вооружение сарматов, с. 45, табл. II, тип VI; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, 1963, вып. Д1—9, с. 26, табл. 12, тип 6а; табл. 13, тип 6а.

⁷ Анализ произведен в лаборатории Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР Н. Н. Курцовой.

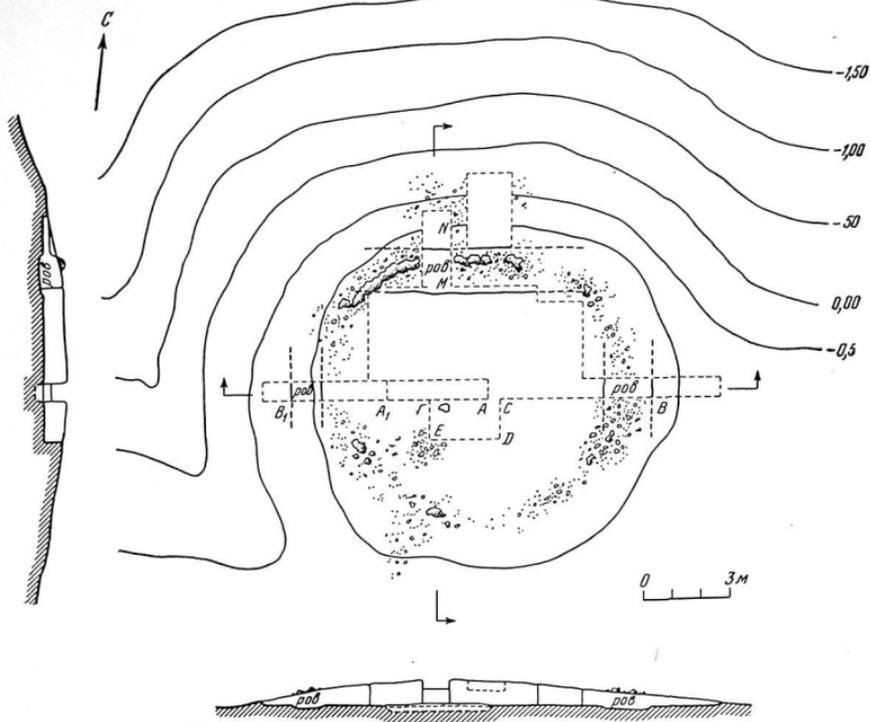

Рис. 2. План и разрезы «шлакового» кургана 4

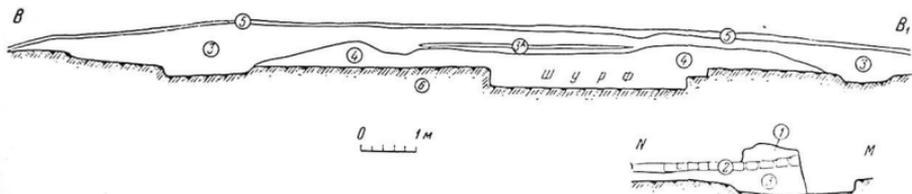

Рис. 3. Курган 4. Разрезы заполнения
 1 — глыбы шлака в песчано-глинистом слое; 2 — слой обожженной глины (в виде плиток); 3 — песчано-глинистая засыпка; 3а — более плотный и прональный слой засыпки; 4 — сулесь; 5 — таныр; 6 — материк

Рис. 4. Раскопки «шлакового» кургана 4. Видны «шлаковое» кольцо и обожженные глиняные плитки на слое супеся

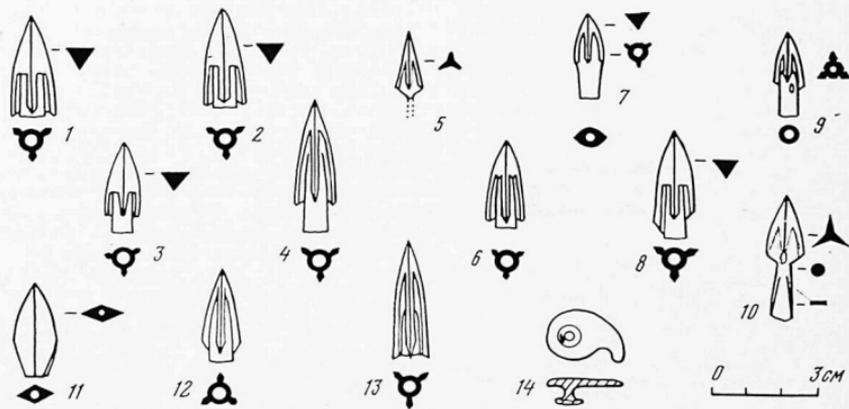

Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел

большой наконечник стрелы с резко выступающей длинной втулкой, трехгранной слабо профилированной головкой и зачатками трех лопастей (длина наконечника 2,6 см, длина лопастей 1,8 см, ширина наконечника 0,8 см (рис. 5, 7). Несколько более массивный, но близкий по форме наконечник (рис. 5, 9) найден и на кургане 5 (поиск 21). Этот тип наконечников стрел также характерен для савроматов Поволжья и Южного Приуралья VI в. до н. э.¹¹ Известны они и в Южной Сибири¹², ближайшие же аналоги находим в могильнике Уйгарак (среди наконечников стрел того же кургана 43¹³).

Пять наконечников стрел, найденных на поселениях (рис. 5, 1, 2, 3, 6, 7, 8), можно отнести к одному типу (пятому по классификации К. Ф. Смирнова) трехгранных втульчатых наконечников с массивной трехгранной сводчатой головкой, отделенной от втулки, переходящей в массивные лопасти или ребра¹⁴. К. Ф. Смирнов считает этот тип наконечников очень характерным для савроматов¹⁵ и выделяет среди них четыре варианта. Два варианта — В (с прямым вырезом в основании головки) и Г (с вилкообразным вырезом) — отмечены и среди наших наконечников стрел. Так, к типу В относятся наконечники с поселения у «шлакового» кургана 3 (рис. 5, 2, 3), с поселения у «шлакового» кургана 5 (рис. 5, 8), с поселения-поиска 35 (рис. 5, 1), а к типу Г — наконечник с поселения у «шлакового» кургана 5 (рис. 5, 6). При этом, подобно савроматским, одни наши наконечники имеют слегка выступающую втулку, у других — лопасти доходят до основания. Аналогичные савроматские наконечники стрел встречены в комплексах VI—V вв. до н. э.¹⁶ Оба отмеченных варианта данного типа наконечников (и только они) есть и в Уйгарском могильнике (в курганах 9, 16, 43, 57)¹⁷.

Вместе с бронзовыми втульчатыми наконечниками стрел на поселениях найдены два брон-

зовых черешковых наконечника, Один из них с поселения у «шлакового» кургана 3 (поиск 17) с обломанным черешком, очень узкими лопастями, с трехгранной головкой длиной 2,0 см, шириной 0,8 см (рис. 5, 5). Второй черешковый наконечник относительно мелкий (длина головки 2,0 см, длина черешка 1,9 см, ширина головки у основания 1,0 см), с более широкими лопастями, с трехгранной головкой (рис. 5, 10) был найден на стоянке у плато Тагискен в 1959 г. (поиск 44). Ближайшие аналоги находим среди наконечников стрел Уйгарского могильника и в сакских погребениях могильника Тагискен¹⁸. Подобные черешковые наконечники стрел широко представлены в памятниках VII—VI, реже — V вв. до н. э., в Центральном и Восточном Казахстане, на востоке Средней Азии, в сакских погребениях Памира, в памятниках куюсайской культуры Хорезма (VII—VI вв. до н. э.). Есть они и на Алтае, в Южной Сибири, в Монголии¹⁹, причем в большинстве указанных районов эти черешковые наконечники в той или иной пропорции сочетаются с втульчатыми.

В песчаной котловине у северо-западной оконечности плато Тагискен, на одной из стоянок, вместе с керамикой, характерной для данной группы поселений и стоянок, был найден бронзовый втульчатый листовидный наконечник с ромбическим сечением (длина наконечника 2,8 см, ширина 1,3 см), очевидно, с обло-

¹⁸ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 93—94, табл. V, 24—31 (курган 22); XIII, 32 (курган 39); XX, 32—34 (курган 84); XXV, 29, 45; Толстов С. П., Итгина М. А. Саки низовьев Сырдарьи, с. 162, рис. 9.

¹⁹ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура савков и усупей р. Или. Алма-Ата, 1963, с. 117, табл. 15; с. 119; Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры. — В кн.: Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, рис. 66, 16; с. 377, рис. 58 (шипкий ряд); Берштан А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26, с. 305; с. 307, рис. 133; с. 309, рис. 135, 10; *Он же*. Саки Памира. — ВДИ, 1956, № 1; Литвинский Б. А. Древние кочевники «крайних миров». М., 1972, с. 99; Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, табл. XIX, I; Членова П. Л. Происхождение и ранняя история племени тагарской культуры. М., 1967, с. 262, табл. 12, 27, 28; Вайнберг Б. И. Памятники куюсайской культуры (состоящий сборник, с. 22, табл. XXI, 24—31); Волков В. В. Бронзовые наконечники стрел из музея МНР. — В кн.: Монгольский археологический сборник, М., 1962, с. 23, рис. 4, 5. Подробное о распространении этих наконечников см.: Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры, с. 376—380; Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 93—94; Медведская И. И. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, 1962, № 3, с. 76—99.

¹¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 51, табл. IV, тип IV—4 (см. подробно о распространении этих наконечников на с. 51—52); Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы... с. 26, табл. 12, 144; табл. 13, 212.

¹² Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 253, табл. XXV, 8.

¹³ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 90, табл. XIII, 43, 44; XXV, 6.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 52, 53, табл. IV, тип 5В, Г.

¹⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 52.

¹⁶ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы... с. 26, табл. 12, 159, 160, 161, 164; 13, 255, 256, 260, 271.

¹⁷ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 90, табл. V, 3; XXV, 2, 9, 10; Есть также наконечники и в сакских курганах Тагискенского могильника (см.: Толстов С. П., Итгина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена). — СА, 1966, № 2, с. 162, рис. 9.

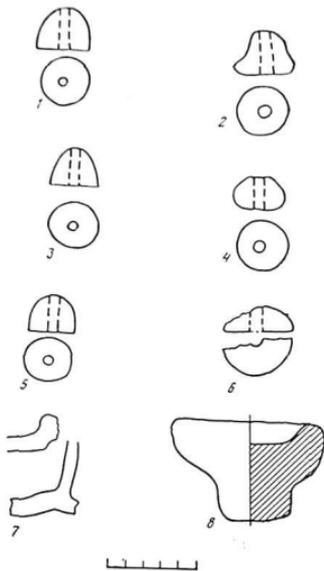

Рис. 6. Пряслица (1—6) и курильница (7, 8)

маным шипом (рис. 5, 11). Подобные наконечники распространены на широкой территории в скифо-сарматских памятниках евразийских степей, ближайšie аналогии им имеются в курганах VII—VI вв. до н. э. могильников Уйгарка и Тагискен²⁰.

На поселении, расположенном к югу от «шлакового» кургана 6 (поиск 20, 1959 г.), наряду с упомянутыми наконечниками стрел найден еще один втульчатый трехлопастной наконечник несколько вытянутых пропорций, со скругленной втулкой и слегка оцупенными шипами (рис. 5, 13). Наконечник этого типа (с внутренней втулкой, с оцупенными ниже втулки шипами, со сводчатой или треугольной головкой) К. Ф. Смирнов считает наиболее характерным для группы бронзовых втульчатых наконечников восточных областей Евразии — Урала, Западной Сибири, Казахстана и отчасти Средней Азии, где они существуют с VI по II в. до н. э., причем расцвет их относится к V в. до н. э.²¹ По классификации К. Ф. Смирнова, наш наконечник относится к типу XIII В и Г²² (V—

IV вв. до н. э.). Надо отметить, что на поселении, где найден этот наконечник, есть находки (керамические), заставляющие выделить данное поселение среди других поселений и стоянок и датировать его более поздним временем.

Помимо рассмотренных бронзовых наконечников стрел, на поселениях и стоянках встречены бронзовая бляшка, единичные обломки кварцитовых сколов и каменных орудий. Среди последних были песчаниковые терки, а на стоянке Суык-бет 3 — небольшая (диаметром 11 см, высотой 6 см) песчаниковая коричневая курильница на одной ножке с круглым резервуаром (рис. 6, 8). Аналогий этой курильнице мы пока не знаем.

Бронзовая бляшка, найденная на поселении, расположенном около «шлакового» кургана 4 (поиск 18), относится к предметам конской упряжки (рис. 5, 14). Форма ее напоминает стилизованное изображение головы птицы. Ближайшие аналогии этой бляшке встречены в ранних курганах Тагискенского и Уйгаракского могильников²³. Известны такие бляшки и в Центральном Казахстане в материалах памятников VII—VI вв. до н. э.²⁴

На рассматриваемых поселениях и курганах самым массовым материалом является керамика. Чрезвычайно характерно абсолютное преобладание фрагментов сосудов грубой ручной лепки, кострового обжига (черепок в изломе темно-серого, черного, реже — красно-серого цвета), с примесью шамота, песка, с красноватой или красно-коричневой поверхностью, иногда с остатками жидкого беловатого ангоба. Как правило, орнамент на сосудах отсутствует, лишь иногда можно говорить об орнаменте в виде пальцевых вдавлений на тулове, насечек по борозке, а в одном случае поверхность маленького сосутика (рис. 7, 3) была покрыта отскоками полоу трубочки («шлаковый» курган 6, поиск 21).

Сосуды имеют обычно простой прямой или слегка отогнутый край преимущественно с плоским борозком, реже — чуть закругленным (рис. 7—9). Днища сосудов чаще всего плоские, с выделенным спаружи основанием (рис. 8, 8, 13—15).

Характер подъемного материала разрешает пока говорить лишь о некоторых формах сосудов. Наиболее распространенные — горшкообразные сосуды. Иные сосуды достигают крупных размеров (диаметры венчиков до 45 см, днищ — до 30—35 см, толщина стенок до 2 см), но преобладают небольшие и средние по вели-

²⁰ Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи, рис. 9; Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 90—91, табл. XIII, 12; XXV, 23.

²¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 50.

²² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, табл. III.

²³ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 104, табл. XII, 10—13.

²⁴ Кадрыбаев М. К. Памятники тасмолинских культур, рис. 66, 40.

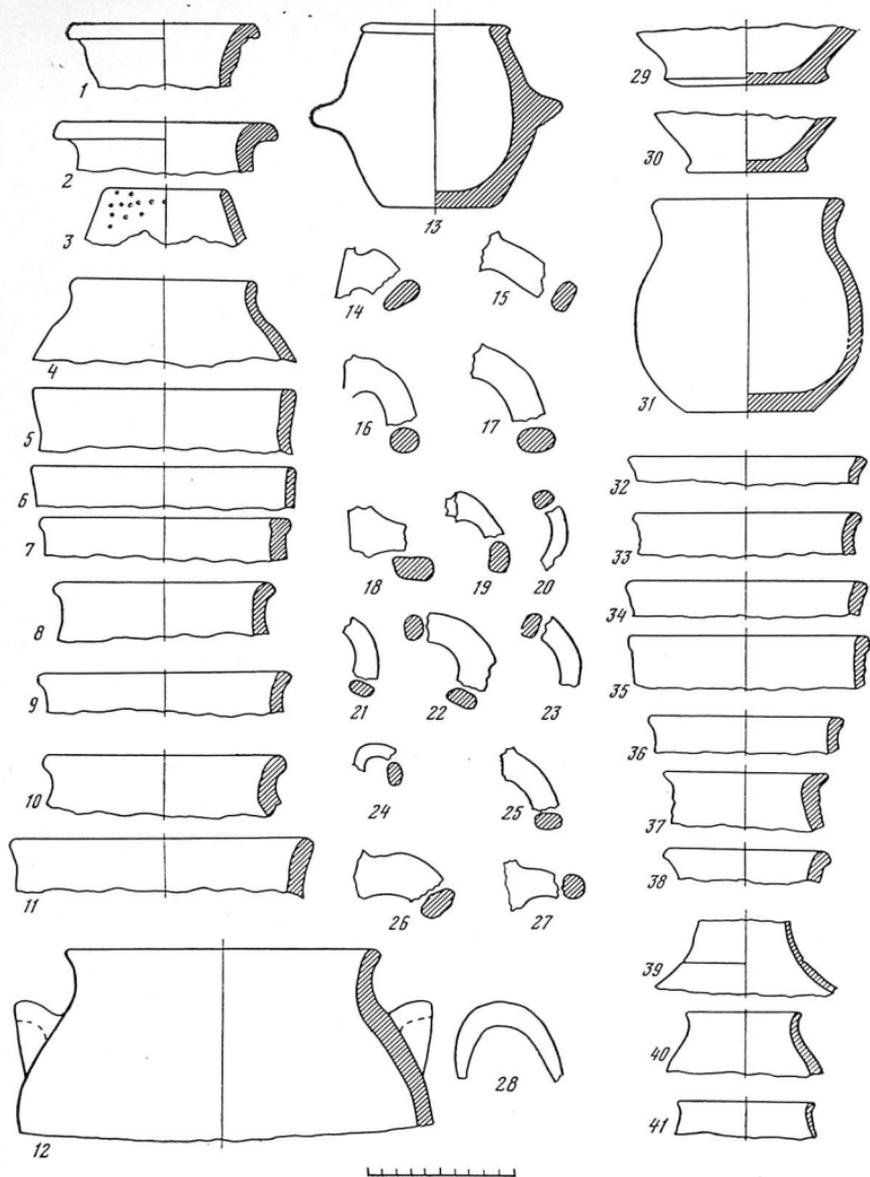

Рис. 7. Керамика

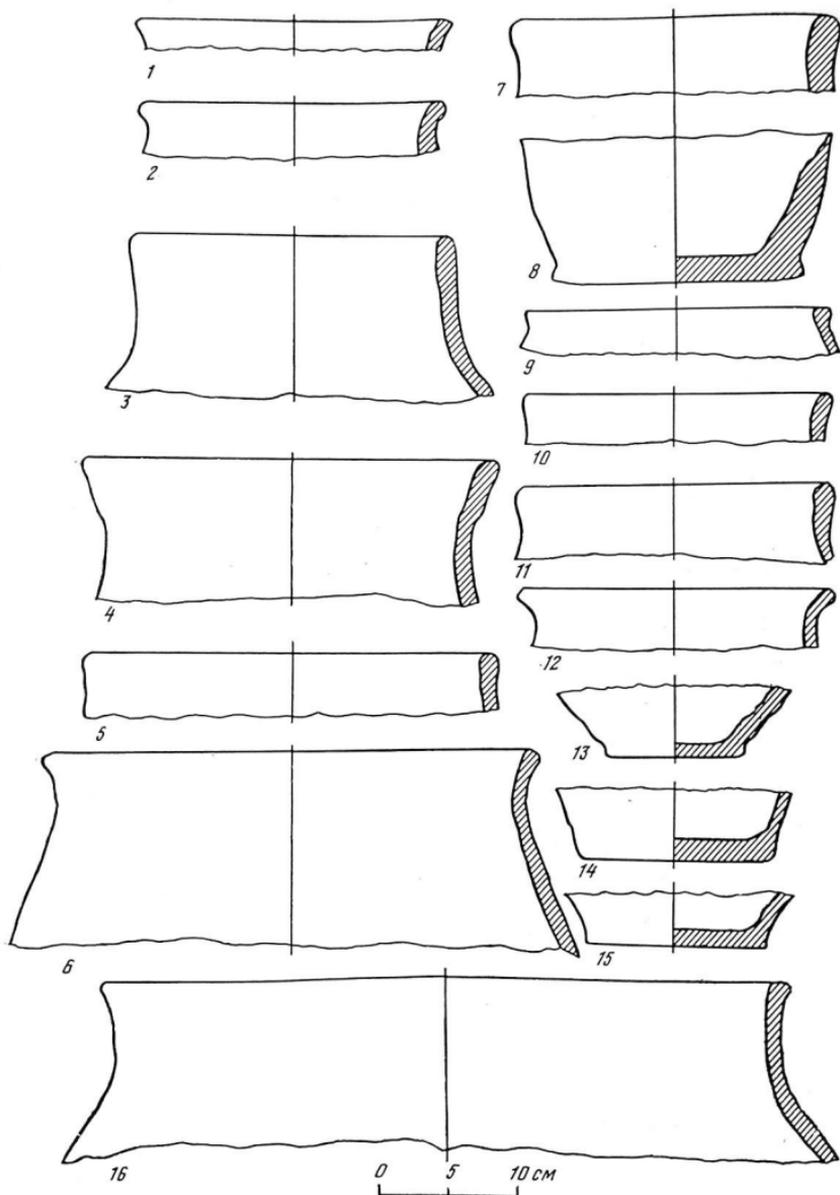

Рис. 8. Керамика

чине горшки. Большинство их имеет невысокую прямую шейку, плавно переходящую в покатые плечики и слегка выпуклое тулово. Устье относительно широко, диаметр его несколько больше диаметра дна. Некоторые горшкообразные сосуды снабжены цилиндрическим носиком-сливом, расположенным чаще всего на невысоком горле и плечике. Край самого цилиндрического носика (диаметром до 5,5 см) часто подняты до уровня венчика сосуда. Такие сосуды с цилиндрическими носиками-сливами отмечены на многих поселениях (рис. 9, 1—2, 10—15). Помимо них, подобные сосуды в этом районе найдены в курганах Уйгарского могильника²⁵. Насколько можно судить по фрагментам, близкие по форме, но лучшего качества сосуды найдены в заполнении рва грунтово-могильника, расположенного в 800 м севернее городища Бабин-Мулла, и в раскопе V на городище Чирк-Рабат, на нижних полах застройки, примыкающей изнутри к древней крепостной стене. Из других среднеазиатских районов относительно близкие аналогии рассматриваемым сосудам можно отметить в керамических комплексах куюсайской культуры VII—VI вв. до н. э. в Хорезме²⁶, бугулукойской культуры Ташкентского оазиса²⁷; несколько более отдаленные — в сакских и усуньских памятниках Семпречья и соседних районов²⁸. В отличие от нижнесырдарьинских, перечисленные «чайники» имеют более шаровидное тулово и часто круглодонные. В определенной степени по форме близки нашим сосуды из савроматских курганов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья — могильников Джангала, Бережновка I, Каргала, из погребений VII—V вв. до н. э.²⁹ Однако К. Ф. Смирнов считает, что эти сосуды среднеазиатского происхождения³⁰.

²⁵ Вишневская О. А., Игина М. А. Ранние саки Приуралья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1974, с. 204, рис. 6; Вишневская О. А. Культура сакских племен... с. 76, рис. 46; табл. XI, 21 (курган 34); X, 20 (курган 28); XXII, 9—11 (курган 49); XXIII, 1, 2 (курган 61, 69).

²⁶ Вайноберг Б. И. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамшской дельте Амударьи. — УСА, 1975, вып. 3, с. 42—48, рис. 15, 21—27.

²⁷ Терешошкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. — Известия Узб. ФАН ССР, 1940, № 9, с. 32—38.

²⁸ Акишев К. А. Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г. — ТИИАЭ, 1956, т. 1, с. 17, табл. II, 18, 122; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура... с. 96, рис. 77; с. 103, рис. 82, I, 2; Бернштам А. И. Чуйская долина. — Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА, 1950, № 14, табл. ХCV, 53, 55; Бабалская Г. Г. Беркаринский могильник. — ТИИАЭ, 1956, т. 1, с. 199, табл. V, 7; с. 200, табл. VI, I, 2.

²⁹ Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы... табл. 7, 34, 37; 8, 36; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 358, рис. 66, 5.

³⁰ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 118, 119.

Многие из горшковидных сосудов были снабжены одной или двумя петлеобразными ручками, круглыми, овальными, а чаще трапециевидными в сечении. Последняя форма сечения ручек, обычно сильно сжатых с боков, распространена особенно широко. Вообще, обилие ручек — одна из характерных черт подъемного керамического комплекса рассматриваемых поселений. Безусловно, значительная часть этих ручек принадлежала кружкам. Форма тулова последних чрезвычайно близка форме тулова горшков, но некоторые кружки отличались высоким прямым горлом, тонким краем. Петлеобразные ручки крепились к плечико и горлу несколько ниже края, но встречены фрагменты, свидетельствующие о существовании кружек с прикрепленными к краю петлеобразными ручками (рис. 7, 14—27).

Из других форм с достоверностью можно пока выделить чаши и миски, котлообразные сосуды и «сковороды».

Миски и чаши — полусферической формы с простыми, чуть утонченными или плоскими краями (рис. 9, 16—26).

Так называемые сковороды встречены почти на всех поселениях. Диаметр краев 32—40 см, высота стенок до 8 см, стенки прямые или слегка расходящиеся вверх (рис. 9, 6—9).

Единственный пока целый маленький котлообразный сосуд найден при раскопках «шлакового» кургана 4 (рис. 7, 13). Это плоскостонный со слегка округлым туловом сосуд без выделенной шейки с четко выраженным венчиком и плоским бережком, диаметром устья, несколько превышающим диаметр дна. Почти на середине тулова сосуда прикреплены две горизонтальные сплошные ручки. Встречены были фрагментированные крупные котлы с горизонтальными ручками (рис. 7, 12).

Некоторые фрагменты верхних частей сосудов (горла и плечиков) говорят о вероятном существовании грушевидных форм.

На поселении, расположенном к югу от «шлакового» кургана 6 (поиск 20), найден фрагмент полусферической крышки с шпичкой — упором в центре.

Вся рассмотренная керамика (чаши, миски, горшкообразные сосуды) по своему облику и форме близка сакской керамике различных районов Средней Азии³¹, но отличается, как уже говорилось, плоскостонностью. Ближайшие же аналогии практически всем реконструируемым формам (за исключением котлов и «сковород») находим в инвентаре Уйгарского и Ташкентского могильников.

³¹ См., например: Бернштам А. И. Историко-археологические очерки... сводная таблица, 24, 30—32, 40. Он же. Чуйская долина... табл. ХCV, 32, 35, 52, 54.

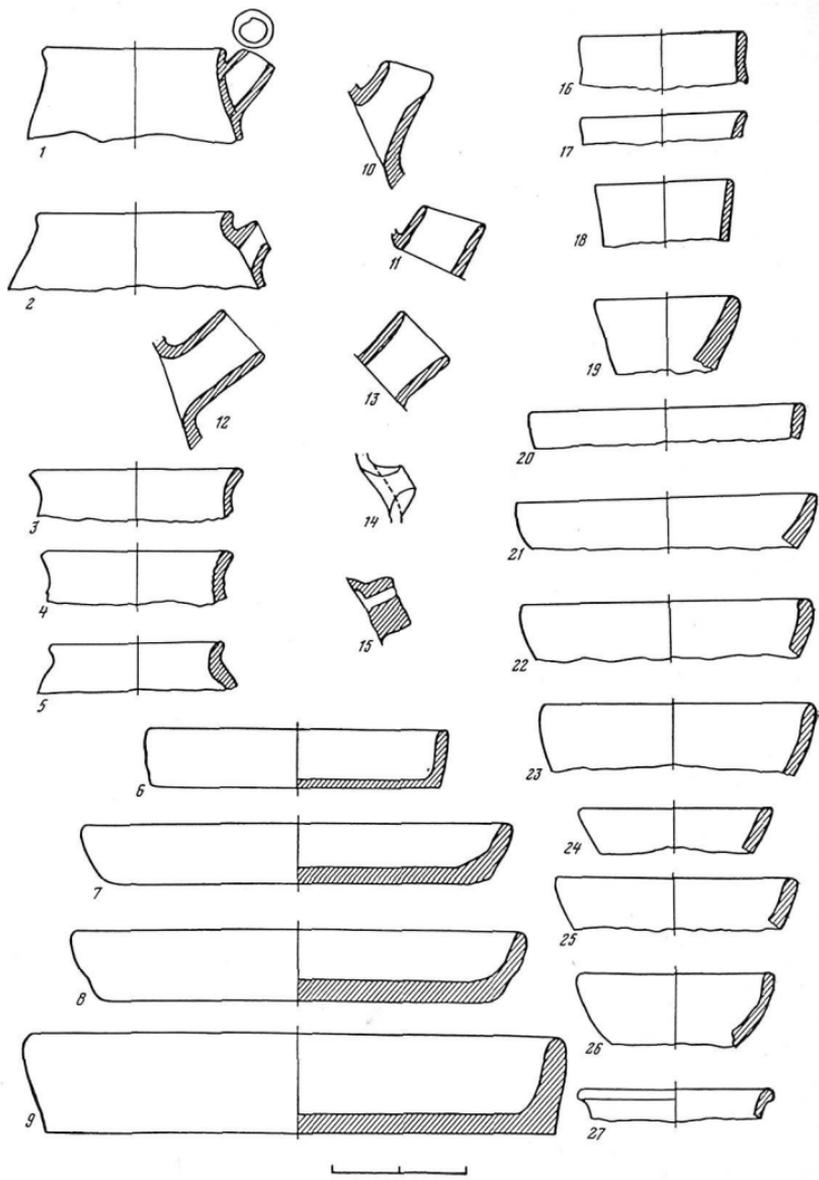

Рис. 9. Керамика

Среди керамических изделий на поселениях отметим находки пряслиц. Некоторые из них выточены из стенок сосудов, по большинству сделано специально и имеет усеченно-коническую и округло-коническую форму (рис. 6, 1—6). Подобные пряслица известны на обширной территории, например, в савроматских памятниках Поволжья и Южного Приуралья³². Есть такие пряслица и в могильнике Уйгарак³³.

Гораздо реже, чем лепная, встречается станковая посуда. На некоторых поселениях близ «шлаковых» курганов найдены единичные фрагменты красноглиняных станковых сосудов, с большим количеством примесей гипса в глиняном тесте. На поселении у «шлакового» кургана 3 найдены фрагменты крупного сосуда типа хума или хумчи со слегка каннелированной поверхностью. Немногочисленные венчики этих сосудов имеют отогнутый наружу край с площадочкой по борезку (рис. 7, 2). Наиболее близкие аналогии этой керамике, как по качеству изготовления, так и по характеру внешней отделки и по форме (насколько можно судить по стенкам и венчикам), находим в керамике Хорезма³⁴, Маргианы, Согда, Бактрии ахеменидского времени³⁵.

Лепня на одном поселении, расположенном к югу от кургана 6 (поиск 20), встречаются фрагменты станковой керамики другого характера. Формы этой керамики (насколько можно судить по фрагментам), характер примесей в тесте, отделка поверхности заставляют искать ей аналогии в станковой керамике городищ Бабиш-Мулла, Чирик-Рабат. Как уже говорилось, данное поселение несколько отличается и по другим признакам. Хотя оно так же, как и все остальные поселения этой группы, расположено непосредственно на берегу русла и не имеет никаких выраженных на местности следов укреплений³⁶, «на крупномасштабной аэрофото-

съемке этого участка обнаружено несколько оросительных систем, две из которых брали свое начало из бокового протока Инкардарья, а две — из основного русла»³⁷. Обломки кварцитовых сколов и орудий, единичные или полностью отсутствующие на других поселениях и стоянках, найдены здесь в значительном количестве. Кроме того, бронзовый втульчатый наконечник стрелы (рис. 5, 13), датруемый более поздним временем, чем все остальные, обнаружен также на этом поселении. Все это заставляет предполагать более позднюю дату конца существования этого поселения. Керамика бабишмуллинского типа также подтверждает это предположение.

Таким образом, если основная масса находок с поселений и курганов датруется VII—V вв. до н. э. (скорее, VI в. до н. э.), то одно из поселений, расположенное к югу от «шлакового» кургана 6, дает материал V—IV вв. до н. э. Интересно, что если в более ранний период можно говорить о контактах с земледельческими южными оазисами определенного типа (Маргианы, Бактрией, Согдом, Хорезмом ахеменидского времени), то с V—IV вв. до н. э. связи значительно заметнее с районами юго-западной Парфии³⁸.

Керамика бабишмуллинского типа преобладает в керамическом комплексе поселений более позднего периода. Количество таких поселений, открытых Хорезмской экспедицией в данном районе, в три раза превышает число поселений и стоянок рассмотренной группы. Подавляющее большинство их расположено в непосредственной близости к ирригационным сооружениям на каналах или руслах. На некоторых поселениях можно проследить бугры от развалин домов. Среди находок на этих поселениях всегда встречается большое количество кварцитовых орудий и сколов, бронзовых втульчатых трехлопастных наконечников V—II вв. до н. э. Очень широко представлена разнообразная станковая посуда, тождественная керамике городищ Бабиш-Мулла, Чирик-Рабат, Баланды, Сенгир-кала и датруемая также в пределах V—II вв. до н. э. Поселения внутри этой группы имеют хронологические и локальные различия. При этом керамика грубой ручной лепки упомянутого типа продолжает встречаться и на этих поселениях, но резко уменьшается число сосудов с петлеобразными ручками и пока единичны находки сосудов с цилиндрическими носиками-сливами (например,

³² Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы... табл. 19, 1, 7, 9, 10; Шилов В. П. Очерки по истории племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 16, рис. 11, 1.

³³ Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... табл. XV, 6; XVI, 9; XVII, 8.

³⁴ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХЭ, 1953, т. IV, с. 74, рис. 2, II; с. 77, рис. 6.

³⁵ Надо отметить наличие в ивентаре курганов 30, 44а, 71а могильника Уйгарак столовых сосудов, тождественных посуде из комплекса Яз II (см.: Вишневецкая О. А. Культура сакских племен... с. 78; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1953, № 73, табл. XXIX, 16; XXX, 4; XXXVII, 7; XXXVIII, 3).

³⁶ Лепня на расположенном напротив кургана 4 на южном берегу Инкардарья поселении (поиск 18) сохранились следы укрепления в виде невысокого валика.

³⁷ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы... с. 192.

³⁸ Марущенко А. А. Елькен-дене. (Отчет о раскопках 1953, 1955, 1956 гг.). — Труды ИИАЭ АН ТуркмениССР Ашхабад, 1959, т. V, с. 101—105.

точка № 390). Судя по керамике, жители этих относительно более поздних поселений были потомками населения рассмотренных ранее поселений и стоянок. Очевидно, широкое развитие ирригации в бассейне Жанадары и Инкардары датируется периодом существования поселений с керамикой бабинмуллинского типа.

Итак, в низовьях Сырдарьи, — в бассейне Жанадары и средней Инкардары, в VI—V вв. до н. э. существовало значительное число стоянок и поселений с довольно однородным инвентарем. Они были расположены или непосредственно на берегу русла, или в песчаных котловинах, *вблизи какого-либо естественного водного источника*. Судя по инвентарю, их сакская принадлежность представляется безусловной. Большая близость (во многих случаях идентичность) материалов этих поселений и курганов Тагискенского (южного) и Уйгаракского могильников заставляет предполагать, что большинство жителей поселений, часть которых располагалась непосредственно вблизи возвышенностей Тагискен и Уйгарак, хоронили покойни-

ков в курганах этих могильников³⁹. Отмечая еще раз единство материальной культуры рассмотренных памятников, приходится думать, что жители этих районов, саки, имелине столицу — городище Чирик-Рабат, делились на несколько племен, отличавшихся погребальным обрядом. Часть сакского населения сжигала покойников в «шлаковых» курганах, часть — в курганах со следами кремации на уровне древнего горизонта⁴⁰, часть же — хоронила их в различного типа могильных ямах. При этом нельзя исключать предположение, что различные погребальные обряды могли отражать не столько этнические, сколько социальные моменты жизни саков этих районов.

³⁹ Поскольку культура саков низовьев Сырдарьи сейчас достаточно хорошо известна благодаря публикациям могильников Тагискен и Уйгарак, представляется безынтересным вводить в научный оборот и упомянутый материал, явно относящийся к этой же культуре.

⁴⁰ *Вишневецкая О. А.* Культура сакских племен..., с. 64—65.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. М.—Л.
АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВМУ	— Вестник Московского университета
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАН	— Известия Академии наук СССР. М.
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии. СПб.
ИГУ	— Иркутский Государственный университет
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КАЭЭ	— Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
ККФАН УзССР	— Каракалпакский филиал Академии наук УзССР. Нукус
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.—Л.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МХЭ	— Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ПВ	— Проблемы востоковедения. М.
СА	— Советская археология. М.
САГУ	— Среднеазиатский Государственный университет. Ташкент
САИ	— Свод археологических источников. М.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТАЭ	— Таджикская археологическая экспедиция
ТИИА	— Труды Института истории и археологии. АН УзССР. Ташкент
ТИИАЭ	— Труды института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата.
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.
ТХЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
Узб. ФАН	— Узбекский филиал Академии наук СССР
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХЭ	— Хорезмская экспедиция
ЮТАКЭ	— Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад

СОДЕРЖАНИЕ

	От редактора	5
Б. И. Вайнберг.	Памятники куюсайской культуры	7
Т. А. Трофимова.	Черепя из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-кичиджик и Тарым-кая	77
Х. Юсупов.	Курганы могильников Тарым-кая II и III	94
С. А. Трудновская.	Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр	101
В. А. Лоховиц, А. М. Хазанов.	Подбойные и катакомбные погребения могиль- ника Туз-гыр	111
В. А. Лоховиц.	Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик	134
Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская.	Курганы на возвышенности Чаш-тепе	151
Б. И. Вайнберг.	Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамьшская дельта Амударьи)	167
Л. М. Левина.	Поселения VII—V вв. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты	178
	Список сокращений	191

КОЧЕВНИКИ НА ГРАНИЦАХ ХОРЕЗМА

Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор М. А. КАРПОВСКАЯ. Редактор издательства С. Н. РОМАНОВА
Художественный редактор И. В. РАЗИНА. Технический редактор Л. В. КАСКОВА
Корректор А. М. ЖУРАВЛЕВА
ИБ № 5232

Сдано в набор 25.09.78. Подписано к печати 13.02.79. Т-01443. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага № 2.
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 24.
Тираж 2700 экз. Тип. зан. 788. Цена 2 р. 40 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7. Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Должно быть
77	пр.	16 св.	74,4 мм	74,4
77	пр.	17 св.	68,7 мм	68,7
77	пр.	18 св.	92,4 мм	92,7
93	лев.	3 св.	77,5 мм ²	77,5
93	лев.	7 св.	48,0 мм	48,0
93	лев.	10 св.	79,5 мм	79,5
109	лев.	1 сн.	табл. 30	табл. 31
146	лев.	27 сн.	9	39
150	Табл. VI		50	59
150	Табл. VII		59	47

Кочевники на границах Хорезма

2p. 10r.

WYDAWCA: WYDZIAŁ BIBLIOTEK I MUSEUM
UL. POLSKA 10, 00-977 WARSZAWA